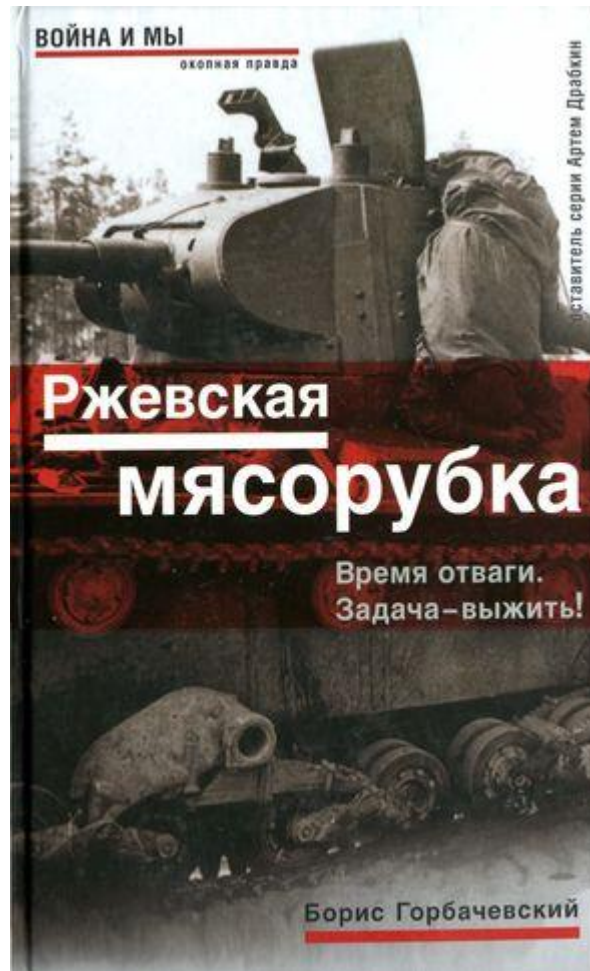

Библиотека сайта <http://www.dogswar.ru>

Dogswar.ru - Информационный портал о стрелковом оружии, военной технике, вооруженных силах стран мира. Статьи и обзоры о армиях мира, оружии и военной технике, боеприпасах и амуниции. Тактико-технические характеристики и фотографии вооружения. Электронные книги, справочники и энциклопедии оружия, униформы, военной истории. Форум.

Борис Семенович Горбачевский
Ржевская мясорубка
Время отваги
Задача-выжить!

Посвящаю эту книгу моим товарищам, что погибли под Ржевом, где солдатом я начинал свой боевой путь

Посвящаю милой, доброй маме, сохранившей до конца жизни как самую великую драгоценность все мои фронтовые письма

От автора

Почему через 60 лет после окончания войны я принялся за воспоминания? Как-то Сент-Экзюпери сказал: «Для тех, кто воевал, война никогда не кончается». Верно! Но это не главное, что подвигло меня на склоне лет на столь отважный общественный и литературный поступок.

А что же главное? Сохранить в истории частичку живой памяти о прошедшем времени, рассказать о своих боевых товарищах, отдавших жизнь за Отечество! Вот, пожалуй, основной мотив, побудивший меня взяться за перо.

В последние годы я все чаще задумываюсь над тремя фактами. Они постоянно беспокоят душу, я стараюсь их понять.

Факт первый: как это ни грустно, но приходится признать, что из нашего сознания выветривается понимание, вероятно, самого крупного события XX века – Великой Победы над фашизмом. Эта Победа, напомним, спасла целые народы от рабства и физического уничтожения. В данном случае книга моя – повод обратить внимание общества на беспечность, весьма схожую с человеческой легкомысленностью 30-х годов прошлого века, когда была упущена возможность остановить безумца Гитлера и его генералов.

Факт второй: трагическая судьба моего поколения, скошенного, как трава, войной. Из каждой ста воевавших молодых солдат – вернулось трое. Спрашиваю себя: почему оказалась столь немислимо высока цена Победы? И не нахожу однозначного ответа. Когда думаешь об этом, понимаешь: это же – катастрофа! Прозрение пришло не сразу. Теперь-то мы понимаем: останься в живых больше людей, как бы они обогатили державу. Возможно, появились бы лидеры, которые повели бы страну по новому, иному пути...

Факт третий: задумываемся ли мы над тем, как буквально за два года войны фактически сформировалась новая Красная Армия вместо кадровой, погибшей в 1941-м. И эта новая армия, руководимая новыми военачальниками, прошедшими за первые два года войны не одну «академию» на солдатских костях, превратилась в грандиозную силу, победившую самого сильного и опасного противника за всю историю человечества.

Книга моя – попытка разобраться в этих неординарных событиях.

Нас, еще живущих ветеранов, нередко называют «вымирающим поколением». От времени, увы, никуда не уйдешь. Пройдет еще пять – десять лет, и останутся немногие... Правда, печать иногда рассказывает легендарные случаи. Например, во Франции еще живы два солдата Первой мировой, а в Англии живет еще один такой счастливчик.

Закончив свое произведение, я перечитал книгу Ремарка «На Западном фронте без перемен», названную «Книгой о потерянном поколении».

Мы, фронтовики Второй мировой, в отличие от героев Ремарка, вернулись с войны не «потерянным поколением», а гордыми победителями! И свою гордость, вопреки господствовавшей в то время в стране тоталитарной власти, сохранили в своих сердцах на всю жизнь.

Я не приемлю взгляда, будто все фронтовики вернулись с войны законченными фаталистами или с верой в бога, наркоманами или тем паче психопатами... Конечно, были и такие. Послевоенная жизнь для многих из нас оказалась неласковой, особенно досталось инвалидам, а их насчитывалось более двух с половиной миллионов. Фактически страна оказалась не готовой создать всем им нормальные условия существования. Я не собираюсь замалчивать или упрощать наше трудное прошлое. И все-таки большинство участников войны сели за парты, закончили школы, различные профессиональные курсы, институты, нашли себя в обществе.

Моя книга рассказывает о реальных событиях и реальных людях. Правда, я не могу настаивать на строгой документальности: не все сохранила память. Отдельные факты реконструированы, что-то пришлось додумывать. В некоторых случаях изменены имена. В суждениях своих я стремился к объективности, но, возможно, где-то и не избежал субъективных оценок, особенно в характеристиках людей. Впрочем, не мне судить об этом.

События изложены в хронологическом порядке. Мне казалось, это позволит читателю лучше представить и понять человека в тяжелой обстановке войны, когда нередко приходилось стоять насмерть.

Книга появилась благодаря помощи и поддержке сайта на Российском интернете «Я помню» и его руководителя Артема Драбкина. За что превеликое ему спасибо!

Спасибо моим товарищам и помощникам в подготовке рукописи: Майе Лановской – за литературную правку. Электронному дизайнеру Юджину Гольдину. Татьяне Сироте, выполнившей электронный набор и верстку.

Какими красивыми были,
Таковыми и в землю ушли.
А там, где мы их хоронили,
Там красные маки взошли.
Свершаются сказки и были
В созвездьях боев и побед...
Какими красивыми были
Ребята семнадцати лет.

Владимир Соколов

Часть первая Мои первые университеты Январь – май 1942

Глава первая Курсанты и командиры Январь – март 1942 года

Как я стал солдатом

В конце 1941 года семья наша жила в городе Кыштыме Челябинской области, я работал учеником токаря на заводе «Красный металлист». В ноябре Кыштымский горком партии отозвал меня на месяц с завода и направил уполномоченным в село. На мои сомнения, что я человек городской, не отличу пшеницы от ржи, секретарь рассмеялся: «Надеюсь, теперь научишься!»

Так, внезапно и впервые в жизни, я оказался в деревне. Называлась деревня Бабкино. Ни радио, ни телефона, ни газет в ней не было, как и электричества, – его заменяли керосиновые лампы и свечи. Колонка была одна на две улицы, к ней издали тянулись женщины с коромыслами. Правда, водопровод и канализацию несколько раз намечали провести, но решение отнесли на 1960 год. Неубранный урожай лежал под снегом. Имелось два поломанных трактора; чтобы завести их вручную, тракторист тратил полдня, но, как ни старался, удавалось не всегда. Мужиков не было, всех позабирали в армию. Одни бабы. Ощущая их жадные взгляды, я терялся, чувствовал себя неуютно. Наступили холода, и скотина жила в избах, вместе с хозяевами. Ближайший медпункт с фельдшером – в райцентре Шумиха, а до него двенадцать километров. В сельской лавке, казалось, больше мышей, чем продуктов. Одна была гордость у бабкинцев – баньки с парилкой при каждой избе. Могу засвидетельствовать: действительно чудо.

Уже были жены и матери, получившие похоронки, и землю в Бабкино залили первые вдовьи и материнские слезы. По каждому похоронному случаю председатель выписывал на поминки из колхозных запасов десять килограммов мяса, колхозники покупали в долг водку – в сельской лавке она всегда на виду, а мышей, слава богу, зелье не интересовало. Заливали горе по-черному, несколько дней. На работу, конечно, никто не выходил. Меня это раздражало, но, учитывая обстоятельства, я молчал и считал дни, когда смогу расстаться с деревней. Неловко я себя чувствовал на этих поминках: один, молодой – и не на фронте. Не станешь же объяснять им, что у меня броня,

так как наш завод выпускает военную продукцию.

Тем не менее этот месяц в деревне, общение с бабкинцами изменили мою судьбу. Вернувшись в Кыштым, я тут же сходил в военкомат. Хотелось мне в Челябинское танковое училище, но медики признали меня дальтоником и отправили в Тюмень. Все получилось очень быстро, и уже в конце декабря 1941 года я переступил порог Тюменского военно-пехотного училища.

Новогодняя ночь

Приехал я под самый Новый год. Меня сразу определили в минометный батальон и поселили в никем пока не занятую казарму, где должна была вскоре разместиться моя рота.

Пустое, холодное, полутемное помещение, голая лампочка высоко под потолком, голые железные койки, тумбочки с открытыми дверками – и никого. Я, дурак, приехал первым. Глухую тишину озвучивало лишь громкое тиканье часов, висящих над входными дверями, широкими и крепкими, как ворота. Возникло неясное щемящее чувство, что я попал в клетку, хотелось заплакать, но я сдержался.

Сосчитал койки. Слева и справа – по тридцать две, в два яруса. Значит, здесь будут жить 128 курсантов. Мои сверстники, восемнадцати-, девятнадцатилетние парни. Они приедут со всех концов страны учиться военному искусству. За полгода нас обучат и отправят на фронт уже командирами – младшими лейтенантами.

В каптерке мне выдали дряхлое ватное одеяло и истертый дырявый матрац. Все это придало некий незатейливый уют моей первой казарменной постели и должно было спасти от холода. Залез на верхнюю койку и поплотнее укрылся шинелью, обретенной впервые в жизни всего пару часов назад.

Сон не шел. Сколько всего бродило в голове! Как начнется мой первый армейский день? Как примет меня казарма? Какие будут командиры и как станут учить нас? Справлюсь ли с армейской жизнью?.. В размышлениях я не заметил, как доел последнюю мамину котлету – я так их всегда любил – и уже принялся за коржики. Мама снабдила меня в дорогу едой, теплыми носками, свитером, целым пакетом бумаги и конвертов, ручкой, карандашами – вскоре все это, поочередно, бесследно исчезнет. Появятся ли у меня друзья? Как-то все будет?..

Скрипнула дверь. На пороге стоял незнакомый высокий парень в шинели, но еще с прической; за спиной – чудной узел на лямке через грудь. Подошел, ловко забрался вверх на соседнюю койку, предварительно забросив на нее подушку без наволочки, такой же, как у меня, замусоленный тюфяк и еще более древнее, чем мое, одеяло. Свой странный заплечный груз оставил внизу.

– Будем знакомы, позвольте представиться: Александр Рыжиков. Горьковчанин. Вырос в рабочей слободке, красочно описанной нашим великим пролетарским писателем.

Я тоже улыбнулся и представился. Вот, уже не один!

– Грустишь, парень, свободной жизни пришел конец? Не спеши грустить. Печали, друг, все впереди, собрались-то на войну! – И спохватился: – Господи, через час – Новый год! Любимый праздник! Споем?! «В лесу родилась елочка, в лесу она росла...»

Я невольно подхватил, допели уже вместе, и Саша сказал:

– Ну что ж, ты сегодня – в роли Деда Мороза, а я – Снегурочка. Годится? Не пропускать же такое событие – первый праздник в казарме!

Спустились вниз, устроили импровизированный стол, накрыв тюфяком металлическую сетку койки. Саша вышел, а я принялся налаживать праздничное угощение. Выложил коржики домашние, две воблы астраханские, леденцы горьковские, шпроты японские. Вернулся Саша, он принес две кружки воды, восхитился:

– Какой стол соорудил! – Покрутил коробку со шпротами: – Откуда сие?

– Любопытная история! На станции в Кыштыме – я там сидел на поезд – застряло несколько вагонов, набитых картонными коробками со шпротами, их везли из Японии в Москву. Но столице теперь не до шпротов, пришло указание: в два дня очистить вагоны и передать Уральской дороге. Вот и пустили шпроты в продажу, так что кыштымцы, наверно, на всю жизнь запаслись японскими шпротами.

– Повезло!

Мы чокнулись кружками и пожелали друг другу в Новом году всяческого добра.

– А теперь ублажу тебя, друг! – возгласил Сашка.

Он бережно взял свою странную торбу. Оказалось, это был чехол, а в нем – гитара! Насладившись моим изумлением, Сашка объявил:

– В честь Нового года! Прибытия первыми в казарму! Нашего знакомства! Послушайте, сэр, песни о прошлой, теперь уже довоенной жизни! Фольклор!

Он настроил гитару, запел и уже не останавливался, одна песня следовала за другой, играл и пел он замечательно, да и песни... Какие песни! До войны их пела вся страна – во дворах, за праздничным столом, в минуты грусти и радости. «Девушку из маленькой таверны», по заявке слушателя, Саша спел дважды.

Так мы встретили Новый, 1942 год, заснув только под утро.

Уроки казармы

Через неделю казарма наполнилась жизнью, зазвенели вовсю молодые голоса. Мы легко перезнакомились. Всех быстро распределили по взводам. Представили командиров. Указали койки. Постепенно налаживался армейский быт. И вот мы уже приступили к занятиям.

Учили нас по ускоренной программе. С первых дней мы вкалывали до изнеможения. Я за полгода должен был стать командиром минометного взвода. Ежедневно проводилась строевая подготовка. Дважды в неделю – стрельбы. Зубрежка полевых уставов (а их не счесть!), связь, тактика, стрелковое оружие, пистолет, винтовка, карабин, пулемет, и вот-вот должны заняться минометами. Учили и рукопашному бою. Раз в неделю – лыжи: марши на близкие и дальние расстояния, до 20–30 километров, с разведкой местности и боевым охранением. Кроме того, несколько раз нас поднимали по тревоге, и мы совершали ночные десяти-, пятнадцатикилометровые марш-броски при полном снаряжении.

Удивительно! – каждый начальник свое дело считал самым важным и это личное понимание старался внушить курсантам. Например, старший сержант, он вел строевую подготовку, заявлял:

– Без любви к строевой ни один человек не может правильно (!) ходить по земле.

Старшина, заиклившийся на заправке коек и чистоте сапог, постоянно твердил:

– Кровать заправляется автоматическим движением рук ниже пояса. – Или: – Завтра на фронт – а у вас грязные сапоги!!

Взводный Артур, способный лишить рассудка любого курсанта, не вызубрившего каждый параграф очередного устава, вдавливал:

– Учите уставы – здоровее будете!

Политрук самым серьезным образом убеждал:

– Я вас научу любить Родину!

Помимо основного набора военных наук мы также мыли посуду, отчищали огромные пузатые котлы от копоти и накипи, убирали мусор, драили до блеска полы в казарме, рубили и пилили дрова, швабрили клозет, лестницу... Все это – и учение, и хозработы – доставалось мне труднее, чем многим курсантам, пока я не втянулся в суровую солдатскую жизнь.

По ночам в казарме шла своя, иная жизнь. Сашка Рыжиков, например, давал сольные концерты – и какие! Прямо как в театре! Правда, после нескольких ночных выступлений гитару у него отобрали. Однажды ночью внезапно явился старшина, гаркнул:

– Здесь вам не «малина»! – и выхватил у Сашки гитару. – Верну, когда поедешь на фронт!

Сашка маялся, скучал без гитары, однажды даже заплакал... И продолжал петь. Назло. Мол, и без гитары могу! Его слушали и без гитары – ликовали, хлопали. Но он, видно, обиделся и затаился.

Доскажу, забегаю вперед, историю о гитаристе и его гитаре.

Через месяц Рыжикова вызвал командир батальона и пообещал вернуть гитару, если курсант будет участвовать в большом концерте 23 февраля, в День Красной Армии: прочтет стихи Маяковского о Красной Армии, сопровождая их игрой на гитаре. Сашка отказался. Прошел еще месяц. Учился Сашка не хуже других; взводный, лейтенант Артур, даже заметил в нем на стрельбище талант – точный глазомер – и стал тренировать курсанта к показательным стрельбам. Чего он только не обещал Сашке: и отдать гитару, и наградить значком «Ворошиловский стрелок», и присвоить звание сержанта... если курсант Рыжиков достойно представит взвод на стрельбах батальона. Сашка не покорился и лейтенанту: стрелял скверно. Потому гитары так и не увидел.

В лыжном спорте Рыжиков всегда был одним из первых. Но на показательных соревнованиях пришел последним. Поведение курсанта разозлило Артура, и вместо гитары он при первой же Сашкиной оплошности вклеил ему пару нарядов вне очереди.

Вот так и получилось, что угроза старшины сбылась: свою гитару строптивый курсант получил, лишь уезжая на фронт.

Вскоре после изъятия гитары произошло новое ночное ЧП. В казарму ворвался старшина и конфисковал у заядлых картежников две колоды карт. Прозвучали знакомые слова:

– Здесь вам не «малина»! Вы в казарме! Здесь в карты запрещено играть!

Миновала неделя, и старшина накрыл игроков в кости на деньги.

Казарма всполошилась! Откуда старшина все знает? Неужели кто-то из своих какает? Возникли подозрения. Сразу появилась какая-то неловкость в отношениях. Но это продолжалось недолго. В подобных случаях всегда находится человек, который добровольно берет на себя обязанности сыщика. Несколько дней расследования, и наш детектив установил два неоспоримых факта: кто и как. Доносчиком оказался маленький толстенький Феденька с узкими бегающими глазками. В послеобеденный час отдыха, самое благословенное время, он бегал с «докладом» к старшине. Выследив Феденьку, когда тот направился в каптерку, наш сыщик подкрался к двери и услышал примерно такой диалог:

Старшина:

– Вот тебе, курсант, семь мармеладок.

Феденька:

– Товарищ старшина, вы обещали десять.

Старшина:

– Хватит с тебя и семи. Узнаешь что новое – получишь еще.

Суд был скорый. Так решила казарма. Выражая общее мнение, кто-то сказал:

– Надо отучить эту тварь продавать товарищей!

Два дня Феденьку сбрасывали с «очка» в уборной, приговаривая: «Высри мармеладки в свои подштанники, гад!» Больше в той уборной Феденьку не замечали, видно, бегал на другой этаж. На этом не остановились. Последовало новое наказание: укутали предателя в одеяло и избili по-черному. Сброшенный с койки, он долго лежал на полу, стонал и плакал.

Закончилось это тем, что в Ленинскую комнату, где вечером обычно собирался почти весь взвод, явился Феденька и взмолился:

– Простите, ребята! Ведь на войну нам вместе. Грешен я, простите!

Не простили. «За семь мармеладок продан!» Долго его не замечали, обходили стороной.

Вот такие первые житейские неожиданности встретили меня в училище. Как их воспринимать, я еще не знал. Понемногу присматривался и привыкал к казарме, пытался понять ее законы, обычаи, традиции, а главное – характеры курсантов и командиров.

Сутки курсанта

Как нас готовили в командиры. Попробую рассказать об этом на примере одного дня: любой другой ничем не отличался.

Шесть часов утра. Еще темно. словно удар по голове, гремит на всю казарму бас старшины:

– Подъем!

Вскакиваю с постели. Мне легче, чем Шурке, это мой сосед: я внизу, он наверху. Мигом застилаю постель. На это положено три минуты. Допустишь небрежность – старшина заставит перестилать, причем может это сделать и пять, и десять раз. Обматываю портянками ноги, опускаю в сапоги и чувствую влагу, неприятный запах.

Ага, вероятно, ночью меня проиграли в карты и кого-то заставили «налить» мне в сапоги. А времени в обрез, все рассчитано по минутам.

– Шевелись! Шевелись!

Строим мчимся в туалет. Это длинная, узкая холодная комната с выкрашенными зеленой масляной краской стеками. С одной стороны – двадцать умывальников. Вода холодная, края умывальников обледенели. У противоположной стены – сортирная часть. Очередь обычно тянется в обе стороны.

День начинается матом и кончается им же. «Очко» в сортире в твоём распоряжении четыре минуты. Пока ребята моются, быстро занимаю свободную кабину. Меняю портянки и переобуваюсь. На остальное не остается времени. Попробуй хоть раз справить нужду, получив удовольствие! Попробуй – и тебя без лишних слов и шума сбросят с «очка». Самое меньшее зло – замараешь исподнее. Я оставляю все на потом. Чищу зубы, обмываюсь холодной водой до пояса, растираюсь полотенцем до красноты. А старший сержант уже строит взвод:

– Шевелись! Шевелись!

Все – в нательных рубашках, заправленных в брюки. Бегом по лестнице на плац. А там – Сибирь! Мороз сорок градусов! Дым из трубы похож на хвост рассерженной кошки – поднимается прямо вверх. Ветра нет. Чистый морозный воздух. Мы – молодые, крепкие. Разминка – легкая пробежка, и уже звучит новая команда:

– На зарядку! Шевелись! Раз! Два! Три!..

За сорок минут – двадцать упражнений.

В это время дежурные пилат и колют дрова для кухни и отопления казармы. Я уже научился крепко и правильно, без напряжения, держать пилу, и меня не валит, как прежде, усталость. Справляться с пилой научил нас, меня и Женечку – курсанта из Ленинграда, мой сосед по казарме Шурка. С топором же я так и не совладал: не хватало ни силы, ни ловкости, ни глазомера; для меня такая работа заканчивалась мозолями и кучей щепок.

После зарядки – казарма. Надеваем гимнастерки – пуговицы блестят, начищенные мелом с зубным порошком. Строем бодро шагаем в столовую.

– Шевелись! Шевелись!

Семь утра, а сколько уже дел сделано!

Завтрак. На завтрак обычно – перловка или пшенка. Десять граммов масла, два ломтя хлеба и два кусочка сахара, горячий чай. В праздники, дополнительно, – по пирожку с повидлом.

Это целая наука: как сидеть за столом, пользоваться вилок, ложкой, ножом, – об этом написаны книги. Но нас никто этому не учит. Поэтому, если курсант, например, вылизывает языком тарелку, на него никто не обращает внимания. Успел ли ты поесть вовремя или нет – тоже твоё личное дело. Как только заканчивается время, отведенное на завтрак или обед, раздается команда, мы выскакиваем из-за столов и спешим, опять же строим, в казарму.

– Шевелись! Пошевеливайся!

Три следующих часа отведены на изучение уставов. Их много, и каждый нужно вызубрить до последнего параграфа. Командир должен точно руководствоваться уставом – в наступлении и в обороне, – в лесу и в поле, зимой и летом, во время караульной службы и т. д. Всем нам, командирам и курсантам, известно, что полевые уставы, которым нас учат, – устаревшие, ещё довоенные, ориентируют в основном на опыт Гражданской войны, без учета знаний о современном ведении боя. А значит – бесполезны. Но командиры об этом молчат, молчим и мы. Зубрим их, как самые тупые школяры, не понимая, по своей неопытности, какой колоссальный вред они уже принесли и ещё принесут Красной Армии, пока их не заменят новыми. К примеру, в соответствии с действующими уставами командир должен находиться впереди атакующей цепи. Так мы поначалу и воевали, от чего неоправданно гибли командиры, терялось управление на поле боя.

Часы занятий по изучению уставов – одни из самых гадких. Их проводит с нами командир взвода лейтенант Артур. Порой кажется, что, кроме уставов, он ничего не знает и не хочет знать. Но в этом деле он истинный артист. Начинает он свои занятия так:

– Первой любовью молодого курсанта должен стать устав! Второй – командир!

Русским языком Артур владеет слабо. Когда, коверкая слова, он произносит «навверех» вместо «наверх», или «нанизех» вместо «вниз», курсанты смеются – понятное дело, в кулак. Хуже занятий по уставам – только политзанятия.

После занятий – пятнадцать минут перекур. Затем бег строим на плац. До обеда. Каждый божий день – строевая подготовка. Тоже не шоколад. Её называют «шагистикой». Шагаем вдоль веревочки: по одному, по двое, по трое, отделением, взводом. Команды звучат непрерывно, одна за другой:

– Лево! Правой! Кругом! Вперед!..

Руководят шагистикой сержанты. Стараются они, может, даже больше, чем мы. Когда ты впечатываешь шаг в асфальт – кажется, что ты ангел, особенно если ты не один, если одновременно вверх, чеканя шаг, взлетают десятки ног. Но сержант вечно недоволен, снова и снова команда:

– Шаг вперед! Шаг вперед!..

Мы научились четко козырять. Мы умеем стоять, как истуканы, по стойке «смирно», выпучив глаза на командира. Можем брать на караул, отбивая каблуками не хуже чечеточников. Браво исполняем повороты направо, налево. Мы стойко терпим идиотские придирки и громкую брань – по поводу и без повода. Мы готовы всегда – независимо от собственного мнения, настроения – быть послушны команде.

Между тем стоять по стойке «смирно» сибирской зимой – без перчаток, сжимая голыми пальцами ледяной ствол винтовки, – это не курорт! Какая собака такое вынесет? А смысл?!

– Черт возьми, кому нужна эта шагистика! – как-то, не выдержав, возмутился Юрка Давыдов, мой самый близкий друг в училище. – Кого из нас хотят сделать – петровских потешных солдатиков? Зачем нужны эти глупости? Уверен: все это вовсе не нужно на войне!

Тот же вопрос Юрка задал на очередной встрече с комиссаром. Комиссар объяснил нам, что строевая подготовка, особенно в военном училище, полезна: она дисциплинирует, помогает каждому почувствовать себя солдатом, вырабатывает определенную сноровку, закаляет физически и подготавливает к тому, чтобы выдерживать трудности солдатской жизни, особенно – большие марши.

– Вот и получается, что на передовой – своя «шагистика», как вы выражаетесь, – заключил комиссар. – Так что строевая подготовка – дело необходимое.

Никто комиссару не возразил. Но Юрка не изменил своего мнения. Позднее он привел мне слова Тимошенко, нового наркома обороны, назначенного вместо снятого после Финской кампании Ворошилова: «Каждый солдат должен овладеть строевым шагом, как своей логикой».

– Ну скажи: не идиотизм? – возмущался Юрка.

Однако продолжим. Со строевой, промерзшие и голодные, возвращаемся в казарму. Первое: бегом в туалет. Затем – строем в столовую. Обед! Суп – традиционно – гороховый, картофельный или перловый. Повара в училище отменные! Но добавки просить нельзя! За супом следуют котлеты с макаронами и компот из сухофруктов. На все полагается два ломтя хлеба. Уминаем все за семь-восемь минут. Больше тратить времени не позволено. И уже звучит:

– Шевелись! Раз, два, три!..

Строем в казарму. Бросаемся на койки – час на отдых. Самое блаженное время!

После «мертвого часа» до вечера – опять занятия: боевая подготовка, тактика, топография, изучение средств связи. Разбираем и собираем винтовку и пулемет. Командиры отделений следят по часам за каждым – кто за сколько управится. Чистим личное оружие.

Два дня в неделю – стрельбы. Стреляем по макетам и мишеням из винтовок и пулеметов. Один день в неделю – в любую погоду – выход на местность: принятие самостоятельных решений в бою, на марше, работа с полевой картой и т. п.

Ужин. Строем быстро идем в столовую. На столах, тоже «в строю», ждут тарелки с кашей – гороховой, пшенной, иногда гречневой, десять граммов масла, два ломтя хлеба и два кусочка сахара на кружку (хочешь еще чая – пей пустой). Скверно выходило, когда наедались гороховой каши, – считай, половина ночи пропала.

После ужина – занятия по тактике, два раза в неделю, и политзанятия – через день.

Самым худшим, как оказалось, были не шагистика и не зубрежка уставов, а политзанятия. Кто-то верно назвал их «похороны с почетом» – три раза в неделю мы «хоронили» с почетом время, убитое на занятия с политруком, заместителем комиссара. Весь какой-то странный – рыжеватый, маленького роста, с брюшком, что, нам казалось, недопустимо в армии, по виду он напоминал бочонок с пивом. Это был человек с образованием, но тупой и безликий. Всегда напряженный, часто вытирал платком пот со лба. Казалось, все, что он делает, дается ему с трудом.

В том, что он говорил на занятиях, правда перемешивалась с ложью. Чего было больше – сказать трудно. Половина времени уходила на чтение выдержек из речей и приказов наркома обороны Сталина. Кто-то из ребят подсчитал, что в среднем приходилось по десять цитат на занятие: значит, в неделю – тридцать, а в месяц – сто двадцать. Вот и прилепилось к политруку прозвище «вонючий цитатник». Единственная польза от его занятий – рассказы о событиях на фронте. Правда, многие новости мы узнавали раньше его. К сожалению, и на фронте я часто встречал подобных политруков-болтунов – тупых и далеких от солдатской души, живых человеческих чувств.

После тяготы политзанятий наступал наконец наш самый долгожданный и любимый час –

час до отбоя! «Час свободы», как называл свободное время Юрка Давыдов. Всего шестьдесят минут – а успеть нужно так много! Написать домой, что-то пришить или зашить, послушать радио, прочитать свежую газету, если есть в Ленинской комнате; сыграть хотя бы одну партию в шахматы, обсудить положение на фронте – сердце замирало, когда слышал: «Сегодня наши войска оставили город...» Для чтения остаются считанные минуты.

Двадцать два часа. очередной учебный день окончен. Вся казарма – на койках. Постепенно затихает шум. Наступает ночная тишина. Но так только кажется. После ухода командиров и старшины вступает в свои права ночная жизнь. Картежники с азартом принимаются за игру, кое-кто играет в шашки. За полночь следует очередной каскад анекдотов. Анекдотчиков среди курсантов пруд пруди. Главные герои многих анекдотов – Абрам и Сарра, большое место занимают и военные персонажи; но больше всего – анекдотов скабрёзных и сальных.

Однажды, не выдержав, поднялся с койки ленинградец Женечка, миролюбиво обратился к анекдотчикам:

– Неужели вы не понимаете, что это гадость?

Все смолкли. Только один визгливый голос раздался с мест, где лежат «казаки» и Феденька:

– Заткнись ты, баба в штанах!

Но вот уже из разных углов звучат призывы:

– Ну хватит ржать – животы надорвем, а завтра стрельбы.

Ночной карнавал затихает. Казарма погружается в сон.

А в 6.00, как обычно, гремит голос старшины:

– Подъем! Шевелись!..

Юра Давыдов и «дядя Степа»

В первые дни ротный назначил меня командиром отделения. Одну неделю я прокомандовал, а дальше курсанты сбросили меня с пьедестала; протестовал только один – Юра Давыдов.

«Бунт на корабле» затеяла «великолепная шестерка». Их, приехавших из донских станиц, во взводе все звали «казаками». Попав в училище, они претендовали на особое положение, вели себя как полублатные, часто называли себя «братвой», всех задирали. Особенно доставалось командиру взвода – по делу и без дела, чего я часто не понимал. По культурному уровню и образованию эти казаки недалеко ушли от нашего лейтенанта. Как они попали в училище – не понятно: большинство не имело среднего образования. Очевидно, какой-то местный военный чиновник решил, что «война все спишет», – в те годы расхожая фраза. Жить с ними в казарме было сложно. Дерзкие, грубые, отчаянные, к тому же картежники и мелкие воришки (не сомневаюсь – это кто-то из них стащил мой первый рабочий заработок, привезенный из дома).

Тем больше я ценил отношения с Юрой Давыдовым. До сих пор обидно, что общаться нам довелось только в училище, фронтовые дороги быстро нас развели. Он трагически погиб в январе сорок пятого, я еще расскажу об этом. Отличный был парень, умница, начитанный, с врожденной интеллигентностью.

Родом он был из Челябинска, вырос в рабочей семье, отец – мастер-сталевар, и сам Юрка – парень-крепыш. Оба мы любили читать, что сближало. Общение с ним, обсуждение книг, жизненных вопросов, литературные споры – все это выделяло его в казарме и привлекало меня. С ним было интересно. Я обратил внимание на одну особенность Юркиного характера: он легко усваивал то, что ему нравилось, было интересно, и так же легко отторгал от себя все чуждое или, как он считал, бесполезное.

Особые способности он проявил к картографии, а уж в обычной полевой карте разбирался запросто, чему многие из нас так и не научились. Ему единственному преподаватель поставил пятерку, предсказав блестящую командирскую карьеру. Обалдевшие казаки решили устроить ему «темную», но передумали – вмешался Шурка, о котором я уже упоминал и еще расскажу.

Кстати, о картографии. Месяца через два после начала занятий один из курсантов раздобыл где-то небольшую цветную карту Советского Союза и, повесив в Ленинской комнате, стал отмечать на ней карандашом линию фронта. Выходило, что все складывается не в нашу пользу. Карта вызывала все больше споров и разговоров среди курсантов. «Картографа» вызвало начальство для объяснения. Через неделю его отчислили из училища, отправили на фронт. Исчезла и карта.

Произошедшее все восприняли молча, но оно заставило многих задуматься и лучше понять, «что такое хорошо и что такое плохо».

Кроме Юрки, в батальоне служил еще один Давыдов – Степан, «дядя Степа», как нередко называли его курсанты. Не ошибусь, если скажу: во всем батальоне никто не был так приспособлен к военной профессии, как Степан – словно он создан был только для нее! Наверное, таких, как он, набирали в военные училища в мирное время.

Степан был старше нас всего на два года, но по поступкам, разговору казался намного взрослее. Пожалуй, никто из нас не был так готов к самостоятельной жизни, как он. За что бы ни брался «дядя Степа» – он все делал легко, быстро, а главное, испытывая какую-то внутреннюю радость, которая обычно захватывала и других. Эту радость нетрудно было уловить на его крепком открытом мужицком лице. Стрелял он – превосходно, изучил оружие – превосходно, знал уставы – опять-таки превосходно.

Нас удивляли сознательность Степана, его требовательность к себе и серьезное отношение к военному делу. Как-то мы спросили, в чем его секрет, – он, улыбнувшись, ответил:

– Никакого секрета. Есть два условия, им я всегда следую и вам советую. Как следует учиться воевать и стараться беречь друг друга. Чем лучше мы научимся воевать, тем успешнее станем это делать на фронте. А бережно относясь друг к другу – будем беречь и солдатские жизни.

Вот такая жизненная философия. Она убеждала, ей старались следовать многие курсанты.

Никто не помнил случая, чтобы Степан отказал кому-то в помощи. Особенно трудно давалась нам разборка и сборка пулемета за строго определенное время – тут Степан был незаменим. То же и на марше. А перед маршем учил, как к нему готовиться. Его считали лучшим курсантом батальона. Точная оценка. Степану Давыдову первому – досрочно – присвоили звание старшего сержанта и доверили командовать взводом.

Лейтенант Артур

Наш взводный Артур – личность пренеприятная. Если вообще можно назвать подобного человека личностью. Более злого и мстительного существа я не встречал.

Несколько фактов из его биографии. Когда в 1940 году Красная Армия пришла в Эстонию и «освободила» народ от буржуев, всех офицеров старой эстонской армии, кто не успел вовремя скрыться, отправили в отставку – попросту выгнали. Часть их потом расстреляли, остальных отправили в Сибирь. Новая власть приступила к формированию Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА). Артур был сыном батрака, поэтому смог закончить краткосрочные армейские курсы на уровне полковой школы, вскоре стал лейтенантом и был поставлен командовать солдатами-эстонцами. Незадолго до начала войны эстонские части вывезли в Россию и сформировали из них строительные батальоны, которые долго не пускали на фронт, пока не появились национальные части.

Как попал Артур в училище – загадка. Он был начисто лишен понимания простых человеческих чувств, не говоря о сострадании. Полуграмотный, малокультурный человек, он не мог, а скорее не желал понять нас – что мы тоже люди, к тому же молодые, и можем любить, радоваться, шутить, смеяться, иметь какие-то личные интересы. Все это было для него не просто глубоко безразлично, но вызывало злобное раздражение.

Один из курсантов на вечере, посвященном Дню Красной Армии, познакомился в клубе с девушкой и проводил ее до дома. Несколько раз он просил об увольнительной. Безрезультатно. Помог случай. Как оказалось, мы несли караульную службу недалеко от улицы, где жила девушка, и однажды отпустили влюбленного караульного на один час. Но кто-то донес, и мстительный взводный отправил парня на гауптвахту. (Мне тоже как-то пришлось отсидеть там три дня за поломку лыж.)

К слову. Как же донимали нас ночные караулы! Обычно мы охраняли армейские вещевые склады, расположенные в заброшенных церквях. Караульная служба не освобождала от учебы, поэтому целый день потом ты клевал носом. Я как-то не выдержал, легонько вздремнул на занятии, и тут же сон утомленного солдата был потревожен, – схлопотал от Артура наряд вне очереди.

С первой же встречи взвод невзлюбил командира, а он – нас. С утра до вечера он муштровал нас, не делая никаких скидок на юность, неопытность, неприспособленность к казарме. Командир,

как мы понимали, – это прежде всего наставник, старший по званию товарищ, которому верят, которого уважают, за которым готовы идти в бой. Лейтенант же был твердо убежден, что между командиром и курсантом не существует никаких внеуставных, человеческих отношений. Его никогда не посещала простая мысль, что своим хамством, топорными выходками, грубостью, граничащей с издевательством, он унижает курсантов, подавляет в нас личность.

Однажды, не заметив приближения лейтенанта, я не отдал ему честь. Он немедленно приказал мне лечь на обледенелую землю и заставил ползти по-пластунски двести метров. Подобные шутки этот дикарь проделывал не только со мной. Но я на следующий день захворал. К вечеру стало совсем худо, и я попросил разрешения сходить в санчасть. Лейтенант взглянул на меня своими рыбьими глазами и отказал, мало того, еще прочел целую лекцию:

– Как ты собираешься воевать? Бегать с передовой в медсанбат всякий раз, когда заболит пальчик? Выпей стакан холодной воды с солью, и болячка пройдет. Ты солдат или баба?!

Утром я не вышел на зарядку и отказался от завтрака, залег на койку, решил: будь что будет! Шурка принес из столовой кружку горячего чая. Советовал начхать на Артура, обратиться к ротному, тот разрешит.

Комроты Ковальчук

Командир роты старший лейтенант Ковальчук, кадровый военный, был человек совсем иного склада и более мягким, уважительным к нашему брату. У него для каждого хватало времени и человечности. Он часто приходил в казарму, проверял, как мы усваиваем военное дело, интересовался, пишем ли мы родным, какие вести приходят из дома. Звали его Юрий Сергеевич. Он проводил с нами занятия по тактике. Не ограничиваясь учебным материалом, он насыщал лекции конкретными примерами из опыта Гражданской войны – анализировал успехи и неудачи Красной Армии. В училище он попал с Дальнего Востока, где воевал на Халхин-Голе и был награжден орденом Красной Звезды. Этот орден он всегда носил на положенном месте гимнастерки – видно было, как он гордится наградой.

Сегодня, думая о тех занятиях по тактике, понимаешь, насколько они были примитивны. Лекции не касались опыта текущей войны – ни анализа неудач сорок первого, ни характеристики действий противника, ни разбора успешного контрнаступления под Москвой. Занятия проходили интересно, но в голове после них оставалась пустота – это были популярные рассказы о том о сем и ни о чем. А я, будущий командир, желал четко знать, как мне, командиру взвода, а может, и роты, действовать в бою, в поле, на марше, в городе; как командовать и вести себя с солдатами; как взаимодействует пехота с танками, артиллерией, как работать со связью; я хотел знать особенности противника – каким оружием он владеет, какими методами и средствами с ним лучше всего бороться. После разгрома немцев под Москвой наверху даже не сообразили прислать захваченную немецкую технику в училище для изучения.

Когда Ковальчук днем зашел в казарму и застал меня лежащим на койке в неположенное время, он сразу поинтересовался, в чем дело. Я объяснил и попросил разрешения сходить в санчасть. Он позволил, но посоветовал долго не залеживаться.

Почти пять дней я пробыл в санчасти. Когда вернулся в казарму и доложил взводному о прибытии, он набросился на меня с грубой бранью, с презрением назвал «хлюпиком» и лишил двух свободных часов, не имея на то права.

После этого милого разговорчика ко мне подошел Юрка:

– Научись управлять собой, не позволяй скотине придирается к тебе.

– Да уж, легче всего давать советы! А как это сделать?!

– Знаешь, если лейтенант прикажет ползти – я поползу. Если прикажет стрелять – буду стрелять. Но я не мыслю стать таким, как он. Да и солдаты на передовой терпеть подобного кретина не станут ни одного часа. В этом я уверен.

Димка Окунев – «бравый солдат Швейк»

Любимцем взвода стал Димка Окунев – он отомстил лейтенанту за нас всех!

Кто-то называл Димку «придурком», кто-то «циркачом». Изменить стиль его поведения

пытались многие, но ничего не получилось, даже Артур не смог переломить характер парня. Сколько он получил взысканий, точно не помнил даже сам Димка.

Поначалу я слышал только байку о Димке – «бравом солдате Швейке». Впервые сам увидел, как изящно Димка разыгрывает свою обычную сценку, во время его конфликта с ротным старшиной. Старшина заставил курсанта трижды перестилать койку. Димка встал по стойке «смирно», козырнул и четко произнес свой монолог:

– «Осмелюсь доложить, товарищ старшина, у нас в Чешских Будейовицах произошел такой же случай...»

Старшина, ничего не поняв, еще больше разозлился, закричал:

– Я тебя, артист, так приложу (это его любимое словцо)! Научишься как положено отвечать старшему по званию!

Димка, не отнимая руки от виска, опять за свое:

– «Осмелюсь доложить, товарищ старшина...»

Казарма хохотала. Старшина весь покраснел: он понял наконец, что это спектакль, его разыгрывают, посчитал, что речь идет об авторитете, и решил спустить дело на тормозах:

– А ну тебя, «бравый солдат», заткнись! Здесь тебе не цирк, а казарма. Вот доложу лейтенанту – он быстренько сделает из тебя настоящего хравого солдата. Надо же, придумал какого-то еврея Швайцера.

Все знали, что старшина ничего не сделает: он любил пошуметь, а на самом деле человек был не вредный, и, может, сам уже понял, что смешные повадки делают жизнь приятнее. Много на своем веку повидал он нашего брата, многих и на фронт проводил, включая собственного сына.

Наступил день показательных стрельб батальона. В первый день стреляли из винтовки, во второй – из пулемета. Речей, бесед и разговоров на этот счет было много, как и тренировочных стрельб. Лейтенант поначалу решил нескольких слабаков выдать за больных, оставить в казарме, но в последнюю минуту испугался задуманного и привел взвод на стрельбище в полном составе. Стреляли по десять человек из каждого взвода, но отбирал стрелков заместитель комбата. Когда объявили общие результаты, Артур готов был застрелиться – наш взвод занял одно из последних мест. Лейтенант понимал, что произошло. Ведь на учебных стрельбах курсанты, кого отобрали (я в их число не попал), стреляли прилично. Все ждали – что будет?

Артур не застрелился. А вскоре его постиг еще один удар. Подвернулся случай, которого мы все так нетерпеливо ждали.

23 февраля всех курсантов собрали на плацу, и начальник училища зачитал приказ Верховного Главнокомандующего. Как забыть последние слова приказа: «Всей Красной Армии добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения от гитлеровских мерзавцев». «Ура! Превосходно!» – раздавалось в душе каждого; мы верили Сталину и мало задумывались, осуществим ли его приказ, слышались даже разочарованные голоса: «Значит, не успеем попасть на фронт? Война закончится без нас?...» Война, как известно, продолжалась еще долгие три с половиной года, и лишь в начале сорок третьего, под Сталинградом, забрезжила первая заря надежды, ошеломившая не только Германию, но и весь мир.

В ту ночь, как обычно, курсанты взвода несли караульную службу. На своей точке Димка стоял один. Вдруг в темноте за деревьями мелькнул силуэт человека. Димка заметил и не оплошал, скомандовал, как положено по уставу:

– Стой! Кто идет?! Пароль!

Ему не ответили. Тогда Димка снял с плеча винтовку, клацнул затвором и, исполняя обязанности часового, заорал:

– Стреляю в воздух, затем в тебя! Считаю до трех!

Силуэт отозвался:

– Не дури, Окунев! Это я, ваш лейтенант. Убери винтовку и вызови начальника караула.

Командир взвода двинулся напрямик на Димку, который тут же положил его в снег.

– Как же я сплеховал, – огорчился лейтенант, – не выяснил пароль. Надо знать этих мерзавцев...

Время тянулось медленно. Прошло минут двадцать. Димке хоть бы что – в длинном кожаном, валенках, меховой шапке. Зато лейтенанту, в сапогах, каждая минута на замерзшей земле казалась часом. А курсант все держал его под прицелом, не желал звать караульного.

– Вызывай начальника караула, Окунев! – закричал Артур. – У меня замерзают ноги!

Димка в ответ:

– Молчать! Надо знать устав караульной службы! – И вдруг: – «Осмелюсь доложить, товарищ лейтенант, у нас в Чешских Будейовицах был похожий случай...»

Лишь исполнив свою любимую сценку, «бравый солдат Швейк» разрешил Артуру подняться и убраться к чертовой матери.

Вот так обернулось для ревностного командира взвода желание проверить своих подчиненных.

На следующий день казарма торжествовала, а Димка стал всеобщим любимцем и героем.

Женечка

Чаще, чем ко всем, Артур придирался к Женечке. В этом случае предела вывертам его злобного ума не существовало. Курсант же, стиснув зубы, беспрекословно выполнял любые приказания командира.

Почему курсанты называли Женю Ивлева – Женечкой? В этом проявлялась благородная способность к сочувствию. Рота знала его историю: за два месяца он потерял всех – мать, сестренку, отца и деда, остался совсем один.

Женечка – это вообще особый случай. Семнадцатилетний ленинградский мальчик. О таких, как он, сегодня сказали бы: типичный акселерат. Высоченный – казалось, встань он на табурет – доберется до казарменного потолка своими тонкими длинными руками. Стройный, с красивым, добрым лицом – и лицо это чаще улыбалось, чем хмурилось, этот статный мальчик родился, чтобы танцевать на балах, а время заставило его стать солдатом. Когда Женечка шел по плацу – не резкой солдатской походкой, а плавно, царственно, красиво – это раздражало сержантов; «гражданка» так и сквозила во всем, не только в походке, но в манере держаться, даже в форменной одежде. Мы же, глядя на столь удивительное явление, получали двойное удовольствие.

Иногда по ночам Женечка втихомолку плакал, о чем знали лишь соседи по койке. Судьба его семьи, как и тысяч других ленинградских семей, оказалась трагичной. За две недели до войны его мать с маленькой сестренкой уехали в Крым и пропали. Отца забрали в армию, и, защищая Ленинград, он погиб под Колпином. Женя остался с дедом, который не выдержал и месяца блокады.

В армию Женю не взяли: ему только исполнилось шестнадцать. Чем он только не занимался в те суровые дни, чтобы добыть спасительный хлебушек. Таскал ящики в порту, убирал на улицах трупы, помогал отправлять на фронт снаряды, работал в молодежных группах с детьми-сиротами, которых в осажденном врагом городе становилось все больше. Горком комсомола направил Женю в госпиталь санитаром. Он выполнял свои обязанности добросовестно, и ему разрешили (он попросил) жить при госпитале.

Случай помог ему выбраться из блокадного города. Сталин приказал вывезти из Ленинграда около десяти еще остававшихся там академиков с их семьями, за ними прислали «дуглас». Некоторым ученым, старым, больным и одиноким, понадобились сопровождающие. Начальник госпиталя, желая спасти мальчика, устроил его помощником к одному из стариков. Женя согласился, так как надеялся, что с Большой земли легче будет разыскать мать и сестру.

Подопечным Женечки оказался в прошлом знаменитый ученый, а теперь – больной, хромой и полуслепой старик, но с ясной головой. С первой встречи они понравились друг другу. Через несколько дней прилетели в Куйбышев, и первое, что сделал Женя, – написал и отправил письма, куда только можно, всем, кто имел хоть какое-то отношение к поискам пропавших в неразберихе перемещений начала войны. Он верил, что найдет своих близких.

Около месяца старик и юноша дружно прожили в Куйбышеве. По вечерам садились за стол, и ученый часами рассказывал своему благодарному слушателю о «Слове о полку Игореве», о великом русском историке Николае Карамзине, о пушкинском окружении.

– Целые эпохи русской истории с ее лучшими именами представляли как наяву, – рассказывал нам с Юркой Женечка. – Это было чудо! А стихи из уст старика лились бесконечно, словно прямая речь...

До войны Женя мечтал поступить в Ленинградский университет, и вот мечта его сбылась: Андрей Павлович, известный академик, был и в единственном числе – как целый университет и читал ему, одному, полноценный курс лекций!

Увы, их занятия скоро закончились. В декабре Женю призвали в армию. Академик пытался что-то сделать, добиться отсрочки призыва, но ему быстро прислали взамен медсестру, сказав: «Мужчины сегодня нужнее на фронте».

– Какой я солдат, – говорил Женя, – даже шинели не нашлось мне по росту.

Между тем однажды он спас мне жизнь. Во время марша я нес за спиной на лямках шестнадцати килограммовую плиту от 82-мм миномета. Когда переходили по бревну узкую речонку, я, поскользнувшись, потерял равновесие и свалился в воду. Только чудом стальная плита не переломила мне позвоночник. Спас меня шедший следом Женечка, – этот высоченный парень с длинными руками мигом сложился вдвое, изловчившись сорвал с моих плеч лямки и в мгновение оттолкнул плиту.

Восстановив ряды, двинулись дальше. Выручили товарищи, с разрешения командира забрали у меня плиту, дали сухую тряпку – подложить под мокрую шинель, кто-то поменялся со мной шапкой. Вернулся я в казарму весь сырой и заledenевший. Сразу надел сухое белье, перемотал портянки, растерся докрасна полотенцем – и все обошлось. Случись такое еще пару месяцев назад...

Учился Женя хорошо. Он никого ни о чем не просил, старался сам дойти до всего, был скромн, предельно вежлив и отзывчив. Единственное, о чем он просил дневальных, – послушать в десять утра передачу «Поиск». В то тяжелое время радио взяло на себя благородный труд поиска пропавших – Женечка каждую неделю отправлял туда письмо и все ждал ответа. Вечером он спешил в Ленинскую комнату в надежде услышать по радио выступление ленинградской поэтессы Ольги Берггольц. Когда раздавался ее хриловатый низкий голос, парень весь сжимался, на глазах выступали слезы. Однажды я стал одновременно и слушателем Ольги Берггольц, и свидетелем его душевного состояния. Поэтесса в тот вечер читала удивительные стихи! Я запомнил всего одну строфу:

В грязи, во мраке, в голоде, в печали,
Где смерть, как тень, тащилась по пятам,
Таковыми мы счастливыми бывали,
Такой свободой бурною дышали,
Что внуки позавидовали б нам.

Женечка одними губами повторял за ней стихотворные строки. В этот момент вошел комиссар. Подошел к Жене, обнял его:

– Сынок, нельзя плакать. Ты же солдат.

– Да, да, – ответил Женечка. И, как маленький, прошептал: – Больше не буду.

Между тем чем дальше, тем больше комвзвода не баловал Женечку, напротив, всякий раз старался его унижить. Если нас он наказывал одним нарядом, то Женечка за ту же провинность получал два. Он посылал курсанта на самые неприятные работы – чистить конюшни или отхожие места, причем в то время, когда все обедали, поэтому тот оставался голодным. Поговорили с комиссаром. Вроде бы Артур присмирел. Но потом опять взялся за свое. Теперь он изобрел новый метод издевательства: ставил того, кто, как он считал, провинился, по стойке «смирно» и читал ему лекцию, которая в основном состояла из ругани и хамства. Самое невинное в наш адрес: «Не трясись, курсант!» – любимое выражение Артура. Или: «Вы отрицательный элемент нашего взвода!» После столь унижительных экзекуций ты чувствовал себя пришибленным, долго не мог прийти в себя.

Особенно Артур разозлился на Женечку после произошедшей между ними стычки. Артур о чем-то спросил Женечку, тот начал отвечать:

– Я думаю...

Лейтенант взъярился:

– Кто вам разрешил думать?!

Курсант не выдержал подобного идиотизма:

– Я сам разрешил!

Услышав ответ курсанта, лейтенант осекся. Понял, что сморозил что-то не то, но признаться в этом даже себе не захотел.

В один из дней, когда мы вернулись со стрельбища и только собрались на обед, Женечка

свалился на пол и несколько минут пролежал без сознания. В другой раз рота была на длительном марше – Женечка не прошел и половины пути, пришлось отправить его обратно в казарму.

Артур воспользовался этими случаями и написал рапорт на имя командира батальона об отчислении Женечки из училища и отправке на фронт рядовым. Командир батальона дал рапорту ход. Высшее начальство распорядилось иначе. Прежде всего оно запросило мнение врачей. Те объяснили случившееся с курсантом общим истощением организма, подорванного в блокадном Ленинграде, и недостаточным питанием в училище. Начальник училища распорядился ежедневно дополнительно выдавать Женечке из своего резерва стакан молока, сто граммов хлеба, тридцать граммов масла и три кусочка сахара.

Женечка часто отворачивался от нас, когда пил молоко или вторую кружку сладкого чая. В казарме, солдатской столовой и в бане все равны, так принято в армии, и Женечка предлагал поделиться с нами, но не помню, чтобы кто-то кланчил у него хоть полкусочка сахара. Через какое-то время, ближе к весне, он повеселел. Но полностью так и не оправился до самой отправки нас на фронт. На то была своя причина: никаких известий о родных он все еще не получил.

По мере того как таяла надежда, Женечка все чаще старался уединиться, стал более раздражительным, замкнулся на одной мысли – о родных, она не оставляла его ни днем ни ночью. Юра второй раз поговорил с комиссаром. Тот посоветовал не трогать парня:

– Что вы от него хотите, он совсем еще мальчик, и за короткое время пришлось столько испытать. Надо дать ему окрепнуть морально, физически. Главное, он не должен сломаться, присматривайте за ним, мало ли что бывает.

Я пытался понять, почему Артур больше всех невзлюбил Женю. Думаю, причина одна: Женя был истинный интеллигент. Во всем. Таких людей я много встречал среди ленинградцев, в отличие от москвичей, среди которых, увы, редки подобного типа люди. Говорю в порядке самокритики, я тоже москвич.

Шурка

Расскажу о Шурке. Сам он был из казаков, хотя в училище держался собственной линии. Койка его была над моей. Поначалу он встретил меня ни так ни сяк. Я обратился к нему по-доброму: «Здравствуй». Он холодно ответил: «Мое». Я не понял, подумал: может, обижен, что я занял нижнюю койку? Но моей вины тут не было никакой: где кому спать, определил старшина. Предложил Шурке обмен койками, он отказался, вернее, никак не отреагировал. Отношения с ним налаживались трудно и потеплели внезапно. Мы сбрасывали снег с крыши казармы; Шурка, вроде бы крепкий, опытный парень, поскользнулся и полетел вниз с третьего этажа. Ему повезло, он угодил в огромный снежный сугроб. Но все-таки растянул ногу и больше недели пролежал в госпитале, я несколько раз его навестил.

Когда Шурка вернулся, чуть прихрамывая, и представил взводному бумагу об освобождении на две недели от строевой подготовки и стрельб, Артур назвал его симулянтом. Я встал на защиту, постарался объяснить лейтенанту, как все было. Он прикрикнул: «В армии не заступаться! Командир знает!» Но меня поддержал взвод.

После этого случая я стал замечать, что Шурка постепенно меняет свое отношение ко мне. Он подобрел, старался помочь там, где я не справлялся на занятиях. С первых дней в училище стало понятно, что с техникой я, как говорится, на «вы». Заметив, что мои неловкие пальцы во время сборки карабина не добираются и до курка, Шурка немало со мной повозился, пока у меня не стало более или менее хорошо получаться. После чего заставил меня поцеловать ложе карабина – в знак взаимной дружбы с оружием.

Мы часто беседовали с Шуркой, иногда он задавал вопросы, как бы проверяя меня:

– Почему в столице магазины набиты жратвой, а в станицах у магазинщиков – больше водка да папиросы? – Или: – Видел ты Сталина? Говорят, он маленького роста и рябой, не такой, как на портретах малюют.

Попробуй ответить честно на такие вопросы! Про Сталина я сказал так:

– Сталина я не мог видеть, мы жили в Харькове. Зато я видел всех украинских вождей – Косиора, Постышева, Петровского. В то время Харьков был столицей Украины, и на Первомайском празднике они стояли на трибуне. А я тоже там был, стоял на трибуне.

– Это как же? – удивился Шурка.

– Мы жили в знаменитом доме № 116 на Сумской улице, соседом нашим был старый большевик Шлейфер, он взял с собой на трибуну сына, ну и меня заодно.

– Сколько тебе было?

– Десять. Еще в тот день я видел знаменитого пограничника Карацупу с его Джульбарсом, немецкой овчаркой. Сам понимаешь, они тогда интересовали меня гораздо больше, чем вожди.

– А почему ты назвал свой дом знаменитым?

– Это самый красивый дом на главной улице Харькова, его построил архитектор из Германии. Этот архитектор, тоже наш сосед, влюбился в русскую женщину. После окончания контракта он попросил советское гражданство, и они поженились. Но очень скоро его жена погибла. Она любила кататься на велосипеде по Сумской – тогда на весь город велосипеды имелись, может, у десятка счастливых, и на нее наехал грузовик. А немца арестовали в тридцать шестом, мы его потом не видели.

Я как-то спросил Шурку, почему он не участвует в «баловстве» своих товарищей? В ответ он только махнул рукой: «Пацаны!» Нередко он молчал, – видимо, что-то затаенно обдумывал, переживал. Много курил. Самое же для меня главное, он пытался оградить меня от козней своей братвы, за что я благодарен ему до сих пор.

Описание моей жизни в эти четыре месяца в училище будет неполным, если не рассказать о встрече с одной удивительной девушкой по имени Зина.

Зина

Нас учили науке воевать и побеждать противника, но я так и не понял, как это можно осуществить, если мы не прочитали ни одного военного учебника или хотя бы пособия. Вся учеба строилась в основном по принципу: делай, как я. А если предложишь свое, в ответ услышишь: «Не умничать! Выполнять приказ!»

С трудом, но я все же добился права раз в две недели за счет личного времени, то есть в «час свободы», посещать библиотеку. Библиотека училища обслуживала в основном командный состав и их семьи – от меня потребовали написать рапорт на имя командира батальона и согласовать его решение с комиссаром и командиром роты. «Обязуюсь никаких выписок из книг не делать, – значилось в стандартной форме рапорта. – Если прочту что-то непонятное, обращусь к комиссару».

Получив разрешение, исполненный радости, я, не мешкая, отправился в библиотеку. Между прочим, это было впервые в жизни, и я был полон любопытства: какая она, эта библиотека, как там хранятся книги, как их разыскивают среди многих, многих других?..

И вот я переступил порог библиотеки.

За маленьким столиком сидела приветливая девушка в форме старшего сержанта. Лет двадцати трех, не старше. С короткой стрижкой и симпатичным лицом. Звали ее Зина, так обратился к ней пришедший до меня читатель. Пока они беседовали, я оглядел длинные ряды книжных полок. Книги, как часовые, застыли в четком строю, словно охраняя свою хозяйку.

Наконец мы остались одни. Я попросил разрешения обратиться, Зина рассмеялась:

– При посещении библиотеки советую вам забыть о субординации, я признаю неуставные отношения, так проще.

– Зина, поверите ли, я первый раз в жизни попал в библиотеку! Столько книг! Какое богатство, просто чудо!

– Совсем недавно книг было гораздо больше, – откликнулась девушка.

– Куда же они подевались? Их что, крысы съели?

– Хуже. Крысы – с человеческим лицом.

Ничего себе откровенность! И с первой же встречи! Я замолчал, понимая, что ступил на минное поле. Притихла и Зина, пристально глядя на меня. Надо срочно переменить тему! И я затарахтел:

– По мере того как продолжается война, печать все чаще сравнивает нападение Гитлера на СССР с походом Наполеона. После окончания училища, когда я попаду на фронт, мои солдаты непременно спросят меня об этом. Вы не порекомендуете мне хорошую книгу о войне 1812 года?

Зина поглядывала на меня, словно изучая:

– Вижу, вы курсант необычный, мыслящий. Это хорошо, библиотекари ценят таких читателей.

Она поднялась со стула, юркнула в глубь книгохранилища и вскоре вернулась с книгой в красочной обложке:

– Вот, пожалуйста, это роман Виноградова «Три цвета времени» – лучшая книга у нас о войне 1812 года. Советую прочесть. Вы познакомитесь и со Стендалем, его личными впечатлениями о походе Наполеона в Россию, – Виноградов много его цитирует. – Как видно, она кое-что прочла на моем лице и добавила: – Стендаль был участником этого похода.

Я покраснел.

– О, вы еще не разучились краснеть, курсант, – моментально среагировала Зина. – Приходите, буду вам рада.

Она все поняла. О Стендале в то время я знал лишь понаслышке, а точнее, слышал это имя в доме родителей, сам же больше увлекался Уэллсом, Майном Ридом, Купером, конечно – Дюма и Жюлем Верном.

Меня взволновало общение с Зиной, и через две недели я снова пришел в библиотеку. Когда мы ненадолго остались вдвоем, Зина вдруг попросила меня рассказать о себе. Я удивился: зачем ей моя биография? Но не стал ломаться, исповедался, стараясь быть покороче: о маме, отце, его аресте в тридцать седьмом и как потом к нам пришли с обыском ночные пришельцы:

– Они забрали два мешка документов и книг, почему-то искали книги, вышедшие до 1933 года. Забрали и редкие книги, особенно было обидно за роскошный пятитомник Пушкина. Папа тогда, как и многие ответственные работники, ежемесячно получал талоны на бесплатное приобретение книг. Он закончил начальную школу, но стал высокообразованным человеком, так как много читал. А те запихали наши книги в мешки и унесли. На следующий день я аккуратно снял с дверей папиного кабинета сургучные печати и вытащил оттуда лучшие из оставшихся книг. Потом пошел в соседний дом, где жил один из тех незваных гостей, и пожаловался на плохо сделанные печати, якобы они разломались. Этот тип чуть не спустил меня с лестницы, но все же кто-то из них пришел и поставил новые печати.

Этот случай показался Зине забавным, она залилась смехом:

– Ох, какой ты герой, курсант, сколько же тебе тогда было?

– Около пятнадцати.

– Стендаль был прав: «Юность – время отваги!» – Она произнесла это приподнято и погрозила пальцем: – Наверное, зря, курсант, тебе разрешили посещать библиотеку.

Опять мы оказались на минном поле. Вероятно, ей нравилось расспрашивать курсантов, узнавать наши литературные пристрастия, пытаюсь понять, кто перед ней.

– А сейчас папа работает начальником большой стройки в Кыштыме, оттуда я и приехал в училище, – закончил я свой рассказ.

– Да, слава богу, крысы с человеческим лицом не съели твоего отца, – с сочувствием сказала Зина. – Посчастливилось тебе, курсант.

На этом мы расстались. Но я уже точно знал, что обязательно опять приду в библиотеку.

Юлик Герц. Саша Пушкарев

Как могли принять Юлика в училище?! Близорукий, без очков ни на шаг, лишь на ночь он укладывал их отдохнуть на тумбочке возле койки. Худощавый, с впалыми щеками. С носом, похожим на клюв цапли. Мешковатый. В строю он казался случайным человеком. И поразительно! Как ни пытался Артур – с первых же дней! – задавить парня, курсант не поддавался. Больше того, Юлик оказался старательнейшим из старательных, любой приказ взводного выполнял быстрее других – всегда пунктуально и точно.

Несмотря на сильную близорукость, Юлик прилично овладел всеми видами оружия, стрелял по мишеням не хуже других, успевал в строевой подготовке, а в уставах стал первым. Любые сложности в отношениях с командиром, и не только с ним, он превращал в шутку, мгновенно находя слова, гасившие раздражение. Как-то, еще вначале, Юлик вовремя не поприветствовал взводного, и тут же получил втык:

– Курсант Герц, – набросился на него Артур, – я вас заставляю отдавать честь всем столбам подряд!

Юлик улыбнулся и ответил своей любимой фразой:

– Мысль, не лишенная смысла.

Однажды «очкарик», как его именовали курсанты, не явился на утреннюю зарядку. Вечером узнали, в чем дело. Оказалось, проснувшись, он не обнаружил на тумбочке очков. Старшина обратил внимание на курсанта, который не вышел на зарядку. Герц сказал о пропаже, вернее, краже очков, тут же, на глазах старшины, направился к койке Яшки, одного из казаков, которого приметил утром возле своей кровати, и спокойно извлек очки из-под Яшкиной подушки.

Старшина замял дело, и Юлик решил сам постоять за себя. Вечером он подошел к ворюге:

– Как тебе не стыдно... – вроде бы спокойно начал Юлик.

– Ах ты, пархатый! – зло выругался Яшка. – Ты на кого замахнулся?!

Вот тут Юлик не выдержал и ударил, да так, что у Яшки потекла кровь из носа. Казаки миглом окружили взбешенного «очкарика». Дело принимало дурной оборот, назревала драка. Вмешался появившийся старшина. Через два дня курсанта Герца перевели в другую роту.

Ни я, ни Юрка не успели понять Герца и, возможно, сблизиться с ним. В первую нашу беседу он ослепил нас блеском своих речей, поразил непривычной учтивостью, от которой мы стали отвыкать. Я был буквально околдован его манерой держаться, красиво и умно говорить. Юрку словесные виражи Юлика не тронули, после первого же разговора он высказался определенно:

– Уж больно этот Герц какой-то искусственный, дерганный, весь в тревоге. И высокомерия в нем много, только себя слышит, отнюдь не ждет иных суждений.

Это он точно заметил. Герц старался во всем показать себя необычным, не пропускал случая кого-нибудь разыграть, был фантазером – а нам казалось, что он несет вздор. Объясняя свое неординарное поведение, Юлик шутил:

– Жизнь слишком коротка, чтоб ее принимать всерьез.

Как-то он назвал нас с Юркой «книжными червями», а себя объявил врагом книги. В то же время однажды продекламировал наизусть – при общем внимании стихшей казармы – знаменитый монолог Гамлета «Быть или не быть...». Мы с Юрой тоже были потрясены, я, например, вообще не читал Шекспира.

– Никак не могу понять тебя, Герц, – сказал Юрка, – кто ты: рыцарь мысли или гороховый шут? Только не обижайся, я по-дружески.

– Я и сам себя не могу понять, – ответил Юлик.

Когда мы собрались с Юркой в библиотеку, Юлик язвительно спросил:

– Ну что, защитнички Родины, в Храм книги собрались? Больно вы в книгах живете, а завтра зачет по «максиму».

– Иди ты к черту вместе с твоими советами, – огрызнулся Юрка.

Юлик и потом не раз пытался убедить нас в бесполезности чтения.

– Книги приучают к чужим мыслям, а значит – к несамостоятельности суждений! – возглашал Юлик. – Чтение – это сон мысли!

Мы с Юркой не реагировали на столь примитивные, как мы полагали, взгляды, – отходили, оставляя его в одиночестве.

Зато когда мы расставались, Юлик поглядел на нас с Юркой таким долгим горестным взглядом, что мы его пожалели.

Уход из взвода «очкарика» никого не взволновал, остался малозаметен, а лейтенант ему явно обрадовался.

Вскоре наш взвод восполнили, место Герца занял Саша Пушкарев – уральский крепыш, спортсмен, классный курсант.

Он понравился мне с первого взгляда. Рослый, физически развитый, с крупными чертами лица, широкой грудью, крепкими руками. Казалось, такие люди рождались, чтобы стать вожаками. Саша не стал им, но в спорте преуспел: возглавил волейбольную команду училища.

Спортсменов среди курсантов было немного, да командиры не очень и заботились о воспитании новых спортсменов – канитель! А вот получить в готовом виде волейболиста, гимнаста, конькобежца, лыжника – это пожалуйста! Сашка же не только сам преуспел, но и старался привлечь к спорту каждого.

Кругозор Саши был невелик. Зато беспредельны были его душевность, доброта, щедрость. Он никого не утомлял, никому не надоедал, всегда был открыт и приветлив.

Комиссар

Комиссар батальона посещал нас чаще, чем иные командиры. Например, своего комбата за время учебы мы видели всего два раза: во время приема и в день принятия присяги. Встреч с комиссаром мы всегда ждали, и они нас не обманывали. Он приходил в казарму то с радостным, то с мрачным лицом, – как мы понимали, это зависело от событий на фронте. А вскоре «солдатский телеграф» донес весть о трагической судьбе двух его сыновей, кадровых командиров, – оба погибли в первые дни войны. Однако этот человек всегда вел себя ровно, старался быть приветливым, искренним. Сколько воли и мужества нужно было иметь, чтобы так владеть собой.

Комиссар никогда не уходил от острых вопросов, не лавировал; он пытался отвечать нам правдиво, хотя все чувствовали, как трудно это ему дается. Говорил он просто и ясно, разъяснял логично и аргументированно. Правдивость его, по тем временам, граничила с личной храбростью.

– На учениях один из «красных» пленил «синего» и отвел к командиру для допроса, – однажды рассказал комиссар. – Тот рассердился: «Зачем ты взял его в плен? Если начнется война, солдаты противника сразу же станут переходить на нашу сторону, появится много „языков“». Вот такими мы были наивными. Не знали, насколько страшен враг, ослепленный гитлеровской пропагандой.

В Тюмени открыли тыловые госпитали для тяжелораненых, комиссар их навещал, беседовал с ранеными и часто рассказывал нам об их драматичных судьбах. Впервые не из газет, а после личных встреч комиссара с ранеными-очевидцами, мы слышали о красноармейцах, чудом вырвавшихся из плена, о жутких массированных бомбежках поездов и пароходов с гражданским населением, о бессмысленной гибели детей, женщин, бежавших от оккупации и расстреливаемых с самолетов на дорогах, о бомбежках в прифронтовой полосе санитарных составов и госпиталей...

Своей открытостью он внушал доверие, притягивал к себе. Встречаясь или беседуя с ним, каждый знал, что он никого не унижит, не обидит, не обругает, а поддержит, поможет. Комиссар умел слушать и пытался понять – бесценные качества, которые, увы, имеет не всякий. Естественная простота ощущалась не только в его речи, но и в умении себя держать, в теплом, искреннем отношении к людям.

Встречи с комиссаром окрыляли, давали пищу для размышлений; я понял тогда, что владеть массами – это большое искусство. Казалось, этот человек весь соткан из доброты; в то же время он страстно ненавидел фашистов и, встречаясь с нами, всякий раз подчеркивал это, старался внушить нам ненависть к врагу, подкрепляя свои мысли примерами из знаменитых в то время фронтовых очерков и военной публицистики Эренбурга, Шолохова, Алексея Толстого, Константина Симонова. Он поступал так потому, что понимал, насколько мы еще зеленые, плохо знаем страшного противника, с которым совсем скоро нам придется воевать.

Стоит рассказать и о дискуссии по «еврейскому вопросу», случившейся на политзанятии. Помимо политрука – заместителя комиссара, который вел занятие, в кабинете присутствовал и сам комиссар. Один из казаков вдруг спросил:

– Почему фашисты ненавидят евреев и всех их убивают?

Политрук задал встречный вопрос:

– Откуда у вас такие сведения?

Курсант покраснел, заерзал на табуретке, ответил уклончиво:

– Все так говорят.

Вот тут-то и прозвучал грозный комиссарский глас:

– Так отвечать командир Красной Армии не имеет права!

Далее, уже спокойнее, комиссар рассказал о расовой политике Гитлера, о роли антисемитизма в фашистских планах завоевания мирового господства.

– Гитлеровцы убивают не одних евреев, – подвел итог комиссар. – Русских, белорусов, украинцев они тоже убивают. А в первую очередь убивают коммунистов, комсомольцев, комиссаров и военнопленных. Вы должны уметь разбираться в политике, чтобы уметь разъяснять ее своим солдатам.

Из всех встреч с комиссаром особенно запомнилась одна – состоялась она под самый конец учебы в училище – он поделился с нами своим пониманием роли командира на войне. Все, сказанное им, относилось к нам – будущим командирам взводов, и рота буквально замерла, курсанты прислушивались к каждому сказанному слову.

– Для солдата его командир – это постоянный и единственный главный представитель Родины, – сказал комиссар. – Самый близкий для него человек во фронтовой жизни – в дни успеха, поражений и, возможно, в час его гибели. Командир обязан на собственном примере научить солдата любви к Отечеству, а это главный залог нашей победы. В свою очередь командир ответственен перед Отечеством за судьбы вверенных ему людей, за их воспитание и обучение, за обеспечение их физических и духовных нужд. Достигнуть желаемого можно только на основе солдатского братства – внутренней связи между командиром и подчиненным. На фронте основная забота командира – солдат! Фельдмаршал Суворов, обходя ночью спящий лагерь и встретившись с караульными, попросил их петь и разговаривать потише: «Пусть спокойно поспят русские витязи». Разумеется, песни караульных никак не могли потревожить спящее войско. Но на следующий день весь лагерь уже знал, что сам полководец говорил шепотом, чтоб не помешать спящим солдатам. Так рождается братство. К этому вы должны стремиться.

Кто-то спросил:

– Что вы считаете самым важным в личности командира?

– Честь! – отрубил комиссар. – Во все времена в русской армии главной святыней для командира считалась честь!

Мы с Юркой ахнули! А где вера в партию? в коммунизм? Где верность присяге? На тебе: честь! Как не вязались со сказанным бульдожьей повадки нашего лейтенанта, его отношение к нам, курсантам, – завтрашним командирам. Впрочем, где-то таилась и другая мысль: а может быть, то, что проделывает с нами Артур, – это и есть проведение в жизнь знаменитого суворовского принципа: «Тяжело в учении – легко в бою»? Но нет! Не в такой же форме!

А комиссар продолжал:

– Честь командира – это его высокие нравственные качества и его верность присяге. Воля, характер, честь закаляют мужество, облагораживают храбрость – без них нет командира.

Только позднее мы поняли: то было последнее напутствие комиссара, – видимо, он уже знал о нашей досрочной отправке на фронт.

Опять «еврейский вопрос»

Разговор с комиссаром «по еврейскому вопросу», видимо, не пошел впрок казакам. Скандал произошел в бане. Как ни старался я прикрыть обеими руками свое мужское достоинство, примитивная хитрость не сработала, скорее распалила Фоню, самого задиристого курсанта с коротеньким чубчиком. В присутствии взвода (мы уже одевались) он громким голосом съязвил в мой адрес:

– Чего прячешь свой «мундштук»? Все уже видели, что ты обрезанный еврей.

Я растерялся – просто не ожидал подобной гнусности. Спас неловкое положение Шурка.

– Фоня! – заорал он. – За то историческое надругательство над младенцем, что тебе как кость в горле, отца Борьки вышибли из партии. А ты свой... хошь выставляй, хошь прячь, все равно душонка твоя как была, так и есть говенная! Не цепляйся больше, курвий лапоть, к курсанту! Усек?!

У Фони от неожиданности чуть подштанники не упали; он обалдело поглядел на братву, ища поддержки, и, не найдя таковой, опустил голову, не стал цеплять и Шурку. После столь неприятного случая Женечка назвал казачью шпану «разбойниками». А как их иначе назвать?

Сколько пакостей они учиняли в казарме! Мочились в чужие сапоги, сбрасывали с «очка» в уборной, разбрасывали постели, по-мелкому воровали, в бане срезали с кальсон тесемки, не давали всем спать; во время посещения клуба – нам раз в две недели показывали кино, – если им что-то не нравилось на экране, орали, как бешеные, хлопали стульями. Как ни странно, им все сходило с рук. Курсанты их не просто не терпели, а презирали, но связываться с ними никто не желал. А жаловаться начальству в армии не принято – такова старая армейская традиция. Братва изводила даже Артура, окрестила его «эстонским жидовином». Все это было гнусно, противно и грустно.

За полгода из девятнадцатилетнего романтика, фантазера, «интеллигентика», как окрестили мою персону курсанты, предполагалось вылепить крепкого командира, способного не только распоряжаться человеческими судьбами, но и самому беспрекословно выполнять приказы вышестоящего. Был ли я готов к этому? Вероятно, нет. Вспоминаю случай, который сам по себе и не важен, но хорошо высвечивает мой юношеский портрет.

Обычный учебный день. Мы зубрим полевые уставы. Я сижу в последнем ряду, на коленях у меня тургеневские «Вешние воды», прикрытые для видимости растрепанными страницами устава. Артур, заметив мою слишком уж простую хитрость, как дикий зверь, одним прыжком оказался рядом, выхватил книжку и, даже не взглянув на обложку, остервенело швырнул ее в печку, в которой, весело потрескивая, горели дровишки. Взволнованный прочитанным, отключившийся от реальности, забыв о том, что передо мной командир, я, как мальчишка, выпалил ему в лицо:

– Как вы смели?! Вы можете наказать меня, но сжигать великого русского классика!..

Лейтенант, оборвав мою гневную речь, скомандовал:

– Встать! Смирно! Два наряда вне очереди! Великому классику – первый, второй – вам!

Курсанты от хохота держались за животы; спокоен, как всегда, был лишь Юрка.

Когда сегодня я вспоминаю этот случай, он кажется мне забавным. Но тогда мне было далеко не смешно, мои слова были совершенно искренни, я не понимал поступка лейтенанта, смеха товарищей.

Вечером я чистил картошку, а потом мыл сортир.

Уставший улегся на койку, в голове вертелось всякое. Как сложна жизнь! Я беспомощен во всем, что невозможно мерить школьными рамками, – это ужасно! Почему мне не удастся перешагнуть порог, стать взрослым? Кто может помочь мне? Мои командиры? Нет. Кто же?.. Мы живем в искусственном мире – мире фантазий и иллюзий. Научились красивым фразам и не научились исполнять даже то небольшое, что умеем. Наши головы забиты цитатами, причем девять из десяти этих догм – непонятны, туманны или ложны. Что же ценно, а что – нет?! Да, надо прекратить лгать себе и другим. Как все просто! Но как это сделать?! Пройдет совсем немного времени, и мы поймем: лишь самые простые честные поступки определяют ценность человека. Только я сам могу и должен помочь себе стать взрослым.

Как я отнесся к поступку командира? Неужели не понятно? Командир – это власть, солдат – бессловесный подчиненный. С древности до наших дней военная машина держится на жесткой субординации.

Глава вторая

Выпуск

Апрель – май 1942 года

Минометчик – без миномета

Присяга. К ней мы готовились воодушевленно. Без конца повторяли текст. В день торжества на полдня отменили занятия. В столовой испекли отличные булочки с повидлом и выдали дополнительно по кусочку сахара. И вот я подписал присягу на верность Родине. Конечно, как все, ходил гордый от сознания своей миссии. Я понимал: скоро – на фронт.

Шло время, и напряженность занятий усиливалась. Наполовину сократили свободный час. Уменьшили часы, отведенные на изучение уставов, шагистику. Все было подчинено боевой подготовке. Чаще стали выходы в поле. Несколько раз в месяц комроты старший лейтенант Ковальчук выводил взвод в поле и разыгрывал с нами возможные боевые ситуации. Например: предстоит атака, но артиллерия подавила не все огневые точки противника – может ли наступать батальон, или нужно дожидаться их полного уничтожения? Или: мы на марше, вдруг на колонну налетают немецкие самолеты – как действовать? Как поступить на переправе, если времени в обрез, а саперная часть отстала? Где лучше выбрать позиции для минометного взвода? Что делать, если на минометную батарею движутся танки противника? Много самых неожиданных ситуаций – и различные варианты решений. Комроты обозначает их содержание и обращается к нам: «Ваше решение?» Тридцать секунд на обдумывание. Затем, если в ответ молчание, обращается к следующему: «Ваши действия?» Дальше – новый сюжет...

Полезное и увлекательное занятие – никто не сомневается. Все же во всем том, что мы делали, какие разыгрывали ситуации, как вели себя, принимая те или иные решения, присутствовала какая-то искусственность, далекая от реальных боевых обстоятельств и действий. Нас учили многим премудростям в полевых условиях, но знания эти носили абстрактный характер, что стало понятно нам позже, и совсем не в учебной обстановке.

К сожалению, много времени было потрачено на изучение устаревшего оружия. Например, мы тщательно разбирали трехлинейную винтовку образца 1891 года, когда на поле боя уже появилось автоматическое оружие. Наконец приступили к изучению миномета. Разбирались с материальной частью, практиковались в установке прицела, определении расстояния в процессе ведения огня. Но возились мы с ротным 50-мм неразборным минометом и мало времени уделили 82-мм миномету, не говоря о 120-мм, – их до выпуска мы так и не изучили.

Это странно звучит, но за четыре месяца учебы никто из нас ни разу не выстрелил из миномета, а ведь мы числились в минометном батальоне. Вероятно, предполагали сделать это напоследок, но и напоследок не вышло.

Скандал

Дополнительно отвели еще один день на стрельбы. После стрельб и произошло чепэ. Возвращались мы со стрельбища измученные, голодные, продрогшие, почти целый день провели на жутком морозе, одна дорога туда-обратно – четыре километра. Лейтенант шел впереди взвода: крепкий, краснощекий, с высоко поднятой головой. И мороз ему нипочем! – в пушистой меховой шапке, красивом белом полушубке, руки в меховых перчатках. Он гордо поглядывал по сторонам, иногда раскланивался со знакомыми – прямо гусар! На тротуарах останавливались женщины. Несомненно, он услышал, как одна из них восхитилась:

– Какой мужик! С таким не пропадешь!

Душа лейтенанта была сверх меры переполнена тщеславием, которое буквально исходило из него; он старался стать первым во всем – понятно, за наш счет. Сейчас Артур был доволен – собой и нами: взвод стрелял отлично. Когда вышли на главную улицу, скомандовал мне:

– За-а-певай!

Я начал с его любимой песни, взвод дружно подхватил, – в общем, спели от души. Следом, как всегда, еще две песни, одну – о «мудром, родном и любимом», другую – об артиллеристах, которым «Сталин дал приказ».

Устали, затихли, горло у меня охрипло. Лейтенант же только разошелся:

– За-а-певай!

Взвод не отозвался. Артур разозлился.

– Газы! – прозвучала команда, что означало: достать противогазы и натянуть маски.

Подчинились. И вдруг:

– Бегом, марш! За мной!

Попробуй бежать в плотно надетой ледяной резиновой маске! Тут и произошел скандал. Примерно полвзвода побежало за командиром, остальные: казаки, я, Юрка, Женечка и еще несколько курсантов – не тронулись с места – в тот момент наши чувства совпали.

Постояли, покурили. Казаки материли «эстонского жидовина» на чем свет стоит. Медленным шагом двинулись в училище, Шурка впереди.

Когда мы добрались до училища, возле ворот увидели лейтенанта – он поджидал нас, нервно поглядывая на часы. Выстроил по команде смирно и, наговорив гадостей, скомандовал:

– По плацу! Три круга! Бегом, марш!

Подчинились. Но, завершив второй круг, высунули языки, а журчание в животе тоскливо возвещало, что остальные тем временем заканчивают обед. После третьего круга никто уже не думал о еде, всех мучило и тошнило – лишь бы добраться до казармы и свалиться на койку.

Обстановка во взводе накалялась. Пошли втихую разговорчики:

– С таким гадом на фронт?..

– Прикончить его в первом же бою!..

Мы смотрим кинохронику

Дважды в месяц с разрешения командира батальона после ужина я шел в клуб на репетицию хора: мы готовили большую программу к Первому мая. И вот в клубе в одну из суббот нам показали документальный фильм «Разгром немцев под Москвой».

Сделана была лента мастерски. Первый раз я увидел противника в лицо. Это были пленные

немцы. Целые толпы пленных! Кадры выхватывали отдельные лица и фигуры обессиленных людей. Некоторые поверх шинелей были закутаны в платки, все без рукавиц и зимней одежды, с глубоко засунутыми в карманы руками, в рваной обуви, даже в женских ботах. Они пританцовывали от зимней стужи, время от времени вынимали руки из карманов, растирали нос, уши.

Новые кадры: горы брошенной техники! Обледеневшие танки, цистерны, грузовики и фуры, орудия – и все это в снегу, сугробах. Было понятно, что их командование не подготовило для армии морозоустойчивое горючее, зимнюю одежду. Рассчитывали-то на блицкриг, справиться до зимы с Красной Армией. Не вышло! Кто-то из курсантов бросил:

– Показать бы Гитлеру эту хронику! Пусть увидит, как драпают его доблестные арийцы!

После войны стало известно, что Гитлеру фильм показали. Можно представить, какие чувства испытывали фюрер и его генералы!

Ночью в казарме обсуждали увиденное. Пошли анекдоты о Гитлере. Запомнился один:

– Абрам, что бы ты пожелал Гитлеру?

– А чтоб он стал электрической лампочкой! Днем будет висеть, а ночью – еще и гореть.

Казарма взорвалась хохотом.

Разговор с Юркой

Библиотеку можно было посещать только раз в две недели. В свой следующий визит я не вернул книгу, извинился перед Зиной: дал прочесть товарищам. В третий раз мы пришли с Юркой. Я вернул «Три цвета времени» Виноградова и попросил Лермонтова. Юрку интересовали пьесы Горького:

– Счастливые москвичи – в столице повсюду ставят его пьесы. А Челябинск – провинция! У нас больше любят Островского.

– Пьес Горького я не видел ни одной, – успокоил я Юрку. – И не очень-то стремлюсь их увидеть.

Зина рассмеялась:

– О, мальчики, вижу, у вас шарики крутятся, с книгой особые отношения.

Когда вышли, Юрка сказал насмешливо:

– Ты, брат, завоевал сердце старшего сержанта. Как она на тебя глядела! Как на икону! Считаю, тебе повезло – такой самородок затерялся в Сибири.

– Ну да-а... тебе показалось, – промямлил я.

– Тебе понравился Виноградов? – спросил Юрка.

– Очень.

– Ты понял, почему «Три цвета времени»?

– Белый цвет – цвет французских королей и аристократов, – это мы проходили еще в детстве, читая «Трех мушкетеров». Красный, ясно, – цвет крови, символ кровавой революции. А черный...

– Эге, значит, не читал предисловия, там есть объяснение.

– Удар ниже пояса.

– Ладно. Черный цвет – это цвет духовенства, Стендаль не очень почитал религию.

– Устроил ты мне экзамен и, уж конечно, влепил двойку.

– Что ты, все мы желторотые! Не случись войны, наверно, остались бы такими надолго. Ты когда-нибудь читал Библию?

– Не читал и в глаза не видел.

– Жаль, вселенского масштаба книга. Серьезное чтение. Я, правда, не прочел и половины, но кое-что понял.

– Расскажи!

Ответа не последовало.

– Юрка, ты верующий?

– Нет, это не по мне. Но еще никто не подверг сомнению библейские заповеди: не убий, не укради, люби ближнего, как самого себя, не делай зла.

– Но ведь все равно убивают, крадут, грабят.

– Герцен в «Былом и думах» говорит, что в понимании жизни помочь может только «самомышление»...

– А война кончится в этом году? Сталин обещает.

– Ты веришь?

– Верю. Юрка, как я рад, что мы встретились.

Мы подходили к дверям казармы.

После этого разговора я несколько дней был сам не свой: ранила мысль – почему я так мало знаю? Почему до сих пор – мне уже под двадцать – не умею самостоятельно мыслить? Вспомнилась встреча с отцом в тот день, 19 декабря 1939 года, когда он вернулся домой после тюрьмы. Он не выпускал меня из объятий, целовал и плакал, плакал горько, долго. Я бросился к своей первой, еще жиденькой, крохотной книжной полке – на ней стояло всего несколько книжек, – взял одну, потолще, и, радостный, счастливый, что могу это сделать, протянул папе: «Вот! Приготовил тебе подарок!», – уверенный, что эта книга доставит ему радость. Он прочел название «Краткий курс истории ВКП(б)» и, вздохнув, отложил в сторону. Он всегда был деликатен, промолчал и по поводу моего подарка, только опять заплакал.

До моего ухода в армию отец так и не рассказал мне свою тюремную историю. То ли он опасался за меня, то ли сам еще полностью не избавился от страха. Страх поразил все старшее поколение.

Откровения Зины

В разрешенный день я отправился в библиотеку один, без Юрки, – он не смог пойти. Но вот досада, на дверях библиотеки висело объявление: «Санитарный день». Попробовал открыть дверь и не ошибся. Зина сидела, как обычно, за своим столиком, в черном халате, надетом поверх формы. Мы встретились взглядами, и я понял, что она рада, ждала меня. Смущенный, я начал извиняться, благодарить за прием в нерабочее время, и как-то случилось, что я осмелился – притронулся к ее руке. Волнение охватило меня. Зина молча смотрела мне в глаза. Смущенный, я быстро-быстро заговорил:

– Зина, как вы думаете, почему нам, курсантам, не выдают учебники по истории военного искусства, разве командиру взвода не положено знать, как побеждали русские полководцы?.. – Она все так же молча смотрела на меня. Пришлось продолжить: – Я уж не говорю о материалах по нынешней войне. Нет совсем ничего! Ведь нужно понять, в чем причины успехов их армии в Польше и во Франции! О разгроме немцев под Москвой – тоже никакой литературы! И командиры от обсуждения уходят, учат все на один лад: «Делай, как я!»

Она наконец-то заговорила, но понесла такое, что у меня потемнело в глазах, а сердце забилося от страха:

– Ты восхищался количеством книг в библиотеке. Так вот! Это лишь жалкие остатки. Я работаю здесь с тридцать восьмого, в те времена по три раза в день сюда прибегал комбриг – начальник училища, запирал дверь на ключ, хватал с полок книгу за книгой и командовал: «Эту – в печь! Эту – изъять из общего пользования и без моего разрешения никому не выдавать!»

– И Фрунзе сожгли?! – приходя в себя, воскликнул я.

– И Фрунзе, – ответила Зина. – А затем пошло нечто невообразимое: пачками, по описи, отправляли книги в цензуру. А потом мы стали регулярно получать целые списки запрещенных книг. Вот так, очень быстро, и опустели полки, на которых красовались учебники, написанные нашими военачальниками и военными историками, переводы с немецкого, английского. Раньше учебники по военному искусству, стратегии, тактике, истории занимали тридцать шесть полок. А к началу войны все тридцать шесть оккупировали «Краткий курс истории ВКП(б)», несколько книг начальника Генштаба Шапошникова и труд Ворошилова «Сталин и Красная Армия». И тогда же, в тридцать восьмом, в одну ночь забрали все командование училища. Теперь командиров взводов назначили комбатами, командиров рот поднимали повыше, ну и так далее. А ты спрашиваешь об учебниках! Где их теперь взять? Нет ни авторов, ни учебников. С того света еще никто не возвращался. Не только люди, но и книги. Так вот, курсант.

– Вы сказали о книге «Сталин и Красная Армия». Нас обязали ее прочесть.

– Кто обязал?

– Политрук.

– Ты прочел ее?

– Пока что нет. Но деваться некуда, прочту. Политрук обещал проверить.

Я понимал – разговор опасный; как могла она быть такой откровенной, ведь мы так мало знакомы! Конечно, то, что она рассказала, интересно, я не знал об уничтожении кадровых военных – наверное, коммунистов, основателей училища. О загубленных книгах и цензурных запретах. А наши командиры! Недоучки?.. Зина разглядывала меня, пытаясь оценить мою реакцию, я же молча пятился к двери, забыв даже взять с ее столика заказанную книгу.

– Вот какой ты смельчак! Чего испугался? Правды! А Стендаля, я поняла, ты не знаешь... – летели мне вслед резкие, обидные слова, и я с горечью их проглатывал.

Возвращался я в казарму в смятении, обеспокоенный, ругая себя последними словами: зачем, зачем я полез со своими идиотскими вопросами?! А Зина! Видно, давно искало выхода ее отважное сердце! Какая светлая девушка! Прямая, нетерпимая ко злу. Таких, как она, не любят, стараются от таких избавиться. Воистину: «Юность – время отваги»...

Больше я в библиотеку не ходил. Ни разу. Не потому, что обиделся на Зину или испугался за себя. Мне стало страшно за нее. Я не мог забыть жутких рыданий отца после возвращения. И не забыть мне этого до конца жизни.

Приказ!

В начале мая, когда необыкновенно ярко засияло сибирское солнце и волнующе запахло весной, нас всех ожидал сюрприз.

В тот день, как обычно, после завтрака стали собираться на стрельбище. Вдруг команда:

– Отставить! Батальон, строиться на плацу!

Появилось все начальство. Вперед вышел полковник, начальник училища, без предисловий обратился к строю:

– Товарищи курсанты! Получен приказ срочно отправить вас на фронт. Мы посылаем лучший батальон и уверены: тюменские курсанты не посрамят чести училища. После первого же боя всем вам присвоят командирские звания.

Еще несколько напутственных слов, и мы вернулись в казарму. Кто-то проронил: «Вот так новость!» Курсанты молчали. Ждали команды, что делать дальше. Что будет? Когда? Куда нас направят?..

Зина хочет спасти меня

Вечером ко мне подошел дневальный:

– Какая-то девица в военной форме вызывает тебя на лестницу.

Нетрудно было догадаться, кто это.

Зина ждала меня. Я с трудом узнал ее. Бледная, с грустными глазами, куда исчезла ее всегдашняя чуть ироничная, но радостная улыбка? Я сразу понял: она чем-то очень взволнована.

– У нас мало времени, – начала Зина. – Мне нужно сказать тебе важное. Разреши мне поговорить с начальником училища. Тебя оставят здесь, переведут в батальон, который не отправляют на фронт. Ты нормально закончишь училище и поедешь воевать младшим лейтенантом.

Вот это да!

– Спасибо! Спасибо... – повторял я, но уже отрицательно мотнул головой.

– Ты понимаешь, курсант, что с тобой произойдет на фронте? Ты должен знать: солдат на передовой живет неделю, а в наступлений – один-два дня, каким бы он ни был героем.

– Разве командир взвода живет дольше? – резко спросил я.

– Не знаю. Но у командира всегда есть хоть минимальный выбор, а у солдата – нет выбора. Умоляю, позволь мне поговорить за тебя. Думаю, мне не откажут. Скорее всего, ты не знаешь: из вашего батальона забрали нескольких курсантов, школьников с золотыми медалями, доучиваться.

– А я в школе плохо учился. Не веришь – посмотри мой аттестат. – Опять не то. – Мы же дали присягу! Что подумают обо мне товарищи?

– Пойми, курсант, – ласково проговорила Зина, не обращая внимания на мои слова, – я не хочу, чтобы ты погиб. Понимаешь? Подумай о матери.

– Понимаю... – Я скисал, сменилось настроение; мне стала дорога эта девушка, но мы так мало

встречались, и так все неожиданно вышло – зачем она обо мне печется, кто я для нее?..

Зина испуганно смотрела на меня, ждала ответа, а я молчал... Внезапно она всхлипнула и вдруг расплакалась:

– Дурак! Дурак! – Резко повернулась и быстро сбежала с лестницы.

Я понурил голову. Почему все так нелепо? Она такая милая, добрая... Может, это наша последняя встреча... Мы даже не попрощались!..

Все же я увидел Зину еще раз, когда нас провожали.

Свидание с мамой

Узнав об отправке на фронт, я послал маме телеграмму с внешне невинным текстом. Она все поняла и сразу же приехала. Сняла комнату недалеко от училища, попросила Ковальчука, и наш ротный на сутки отпустил меня из училища.

За то короткое время, что мы провели вместе, на меня вылилось море материнской ласки. Я же в ответ нес какую-то чепуху: что нам обещали после первого же боя присвоить командирские звания, сколько нам станут платить... Понимал ли я маму в тот день? Она-то, наверно, думала совсем о другом – останется ли сын в живых после того первого боя, о котором так легкомысленно говорит. Она вскипятила целое ведро воды и всего меня вымыла в глубоком корыте, как в детстве, одела в чистое домашнее белье, целовала лицо, руки, ноги, плакала, вероятно, сокрушаясь – не последняя ли это встреча?..

Мамин приезд вызвал воспоминание о Наташе. Наташа попала в Кыштым случайно, вместе со знакомым из Киева, преподавала математику в железнодорожном училище, неплохо рисовала; мама рассказала, что, когда я уехал в армию, Наташа по фотографии нарисовала мой большой портрет и подарила ей.

Мы знали ее драматичную историю. В первый день войны «юнkersы» за несколько минут превратили полевой аэродром, где служил ее муж-летчик, в кладбище людей и машин. Муж погиб, а всех жен и детей летного состава отправили в Киев.

Когда мы познакомились, Наташа была беременна. Мама предложила ей переехать из общежития в наш дом. Она поблагодарила, но отказалась. Прощаясь, я указал ей:

– Если выживу, усыновлю твоего ребенка.

– Мой рыцарь! – рассмеялась Наташа. – Спасибо тебе за доброту и искренность, проживем – увидим. Война не скоро кончится, ты еще не знаешь, что это такое, не понимаешь, что теперь ты не принадлежишь себе, – теперь, Боренька, ты солдат.

Слова Наташи оказались пророческими, больше я никогда ее не видел.

Мама рассказала, что некоторые знакомые уже получили похоронки. Она очень хотела остаться и проводить меня, но я попросил ее вернуться домой.

Когда она уезжала, нам разрешили проститься.

До свидания, училище!

У всех нас собственная жизнь. Но есть события, когда судьбоносный момент твоей личной жизни оказывается таковым сразу для многих. Тогда людей объединяют не только время и место события, но и общее чувство – многократно усиленный единый порыв, и это оставляет неизгладимый след в душе и памяти человека. Таким событием для нас, курсантов, стал последний вечер перед отправкой на фронт.

Весь батальон собрали в клубе. Пришли командиры. Сцену украшало широкое полотнище: «До свидания, училище! Спасибо!». Перед торжеством мы помылись в бане, надели все чистое, заменили худые гимнастерки, брюки, сапоги на все новое. Вкусно пообедали и поужинали. Наш искусный повар угостил нас на прощание аппетитными булочками. Написали письма домой, собрали вещи в дорогу.

Я смотрел на веселые лица курсантов – и ни в одном не заметил каких-то тревожных предчувствий, в них светилась пылкость высоких патриотических чувств, мы грезили героическими поступками, каждый готов был броситься на вражеский взлет, мечтал стать командиром.

Удивительный вечер... Читали стихи, пели, играли на рояле, гитаре, мандолине. Не было отбоя

от желающих выйти на сцену. В поведении курсантов, пожалуй впервые, появилась раскованность.

Навсегда сохранился в памяти тот последний вечер в училище. Особенно его последние минуты, когда весь батальон, 600 курсантов, стоя, запел под оркестр: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...»

Не забыть и день отъезда. Все прошло торжественно, с подъемом. Колонной по четыре, плечом к плечу мы прошли по плацу, отдавая честь знамени училища.

Почему-то мы долго стояли перед воротами, их вот-вот должны были открыть. И тут я увидел Зину. Она приблизилась к колонне, увидела меня и, не таясь, подошла, обняла и крепко поцеловала. Незаметно сунула бумажку с адресом, тихонько проговорила:

– Дай бог тебе остаться в живых, курсант. Извини за грубость. Я буду молиться за тебя. Приедешь на фронт, напиши.

В горле застрял комок – от неожиданности, волнения, нежности, от сознания значимости этой минуты.

– Спасибо!.. За все... Стендаля я обязательно прочитаю. Я запомнил: «Юность – время отваги». Постараюсь... Спасибо тебе! – Я обнял ее.

Ахнули ребята, но промолчали: не до того.

«Спасибо, милая Зина!» – повторю и сегодня.

Широко открылись ворота. Перед выходом я еще раз обернулся, высматривая ее сквозь колонну курсантов. Зины нигде не было. Когда колонна вышла на улицу, Фоня все же не удержался, промычал что-то вроде: «На бабца и зверь бежит». Скотина. Никто из курсантов его не поддержал.

Колонна двинулась по улицам Тюмени. Впереди гремел барабанами и трубами оркестр. Почти все командиры пришли на проводы, некоторые прошли с нами всю дорогу до вокзала, и каждый пожелал нам поскорее стать командирами, нашел невероятно теплые, искренние, добрые слова.

На станции нас ожидали готовые к отправке вагоны. Мы надеялись, что вместе с нами поедет Артур, – хотели избавить от него училище. Не вышло. Он проводил нас до вагона, пожал всем руки и пожелал стать героями. Когда вагон тронулся, курсанты зашумели: «Вот гад! Оставили калечить новичков. Таким, как он, надо бы запретить жить среди людей...»

Первые майские дни сорок второго. Поезд набирал ход. 600 восемнадцати-, девятнадцатилетних парней – батальон курсантов Тюменского военно-пехотного училища – отправились на запад, чтобы сразиться с врагом...

Глава третья **Заметки по пути на фронт** **Май 1942 года**

В эшелоне

9 мая. Третий день в пути. Проехали Свердловск. Задержка на станции четыре часа. Наелись досыта – кто просил, давали добавку. Отправил маме телеграмму. На вокзале много беженцев-москвичей. С некоторыми удалось поговорить. Они оставили Москву в тревожные октябрьские дни сорок первого, а теперь их не пускают обратно. Люди без жилья, без еды, как жить дальше – не знают, шлют телеграммы правительству, пока безрезультатно.

Наш эшелон – двадцать пять товарных вагонов, в каждом 25–30 курсантов. За паровозом – штабной вагон и открытая платформа с зенитными установками, еще одна платформа с зенитками – в хвосте. Интендантство и санитарный пункт – в середине состава. Наверно, так сейчас формировали все воинские эшелоны, учитывая страшный опыт сорок первого.

В училище нам выдали сухой паек на пять суток. Съели все подчистую за три дня.

Эшелон прямо-таки летит, почти не задерживаясь на небольших станциях. Все задаются вопросом: почему такая спешка, даже не дали закончить училище. Видно, немец сильно ударил и кому-то понадобилась наша помощь. Пусть мы еще незрелые солдаты, но чему-то полезному для войны нас обучили.

11 мая. Ижевск. Пятый день в пути. Куда нас везут? Начальство отмалчивается – военная тайна. Я залез на «голубятню» – верхнюю полку – и предался воспоминаниям. Душа насыщена картинами прошлого, они цепко держат и, видно, не скоро отпустят. Конечно, самое радостное из

последних событий – приезд мамы в Тюмень. Ну зачем, зачем я уговорил ее уехать! Спасибо ротному, что отпустил проститься... Встречи с Зиной... – светлые, иногда грустные. Как она смеялась! Хотелось крикнуть: «Как ты хороша!», – а я молчал, силясь найти возвышенные слова, или бормотал что-то скучное, обыденное. Какой я все-таки... Неужели она права и это правда, что на переднем крае солдат живет неделю?..

Из «партера» раздался голос: просили спеть что-нибудь довоенное – все знали, что довоенные песни я люблю больше. Решил пошутить и на какой-то мотив с воодушевлением, как в пионерские годы, запел такое, чего никто не ожидал: «Всегда вперед, плечом к плечу, идем на смену Ильичу...» Кто-то рассмеялся, а кто-то даже поддержал. Спел «Катюшу», еще несколько песен, все охотно подхватывали. После меня пел и играл на своей вновь обретенной гитаре Рыжиков. Вагонные концерты стали чуть ли не ежедневной традицией почти до самого конца пути на фронт.

Я не певец-профессионал, но все же таковым меня признали командиры – лучшим запевалой училища. Голос я унаследовал, наверно, от бабушки, маминого отца. Он работал литографом, пел в хоре синагоги в Житомире, затем стал кантором, мама много о нем рассказывала.

12 мая. Агрыз. Шестой день в пути. Стояли недолго. Целые дни курсанты режутся в карты. Половина, если не больше, всех разговоров – как лучше набить брюхо, остальные – о бабах. За шесть дней кормили горячим один раз. В пути нам выдают сухой паек: кислый кисель, сухари, чуть-чуть сахара, воблу и махорку. Дымят ребята вовсю. Ругают начальство. Вечером, ближе к ночи, опять идут анекдоты.

– Почему все хохочут, ведь что ни анекдот – то мерзость, – адресуюсь к Юрке, он лежит рядом на полке. – Всегда после них чувствуешь, что ты хуже, чем есть.

– Точно, – соглашается Юрка, – столько грязи, что не отмыться. Действуй, как я: не обращай внимания, пусть пошляки хохочут. – И неожиданно спрашивает: – Скажи, у тебя есть девиз, которому ты всегда стараешься следовать?

– Есть: «За правое дело». А твой?

– Мой: «Сначала – дело, а потом – слово».

– Юрка, так все-таки куда нас везут? Ты же в роте у нас самый умный, все так считают.

– Скорее всего, на юг. Вот увидишь: доберемся до Средней России и товарняк повернет на юг. Возможен и другой вариант: Сталин – с помощью Жукова! – убрал немцев от Москвы, и теперь решил вызволить Ленинград. Как только прибудем в Москву – получим оружие, сядем в самолеты и через несколько часов вступим в бой.

– Ну, это уже Жюль Верн.

Не обращая внимания, Юрка начал, как всегда, проигрывать варианты:

– Мы с тобой пропустили два фронта: Калининский и Западный. А может, чем черт не шутит, мы понадобились Жукову? Отогнал немцев от Москвы и задумал погнать их дальше – до Берлина, а Сталин поддержал идею. Печать, правда, называет эти два фронта самыми тихими. Сомнительное клише: «бои местного значения» – напоминает ситуацию у Ремарка. Ты читал «На Западном фронте без перемен»?

Я кивнул:

– Страшное дело! Неужели и нас ждет подобное?

– Сомневаюсь, – задумчиво возразил Юрка.

– Почему? Война она и есть война, пощады ждать никому не приходится.

– Тут ты прав. Осенью сорок первого на Урал стали привозить тяжелораненых, чудом вырвавшихся из окружения. Нас, окончивших школу, направили на один месяц в госпитали. Там я такого насмотрелся и наслушался – хоть стреляйся! Но я все равно рвался на фронт – отомстить за всех. Что ни боец – герой нашего времени! То, что перенесли эти люди в первые дни боев, не сравнить с переживаниями героев Ремарка. Тогда, в Первую мировую, царствовала пехота – в атаках и контратаках протыкали штыками животы друг другу. Не то сейчас. Куда страшнее! Бомбовые удары авиации, мощная артиллерия...

– И командует всем – твой любимец Жуков!

– Почему мой? Его высоко ценит Сталин. Жуков – мощный генерал, уже спас Москву и Ленинград. Все так считают, не только мы, весь мир.

– Как Кутузов?

– Ну, тогда война была другой, трудно сравнивать. Я подсчитал, за сколько дней Наполеон

добрался от Немана до Москвы. Не поверишь! Французы пешком, их было больше четырехсот тысяч, на конях – только кавалерия, офицеры и генералы, а у Москвы оказались быстрее, чем немецкие танки.

– Это я понимаю. Это потому, что Кутузов заманивал Наполеона и до Бородина не дрался по-настоящему. А мы с первого дня – хоть и отступали, но бились до последнего, один Смоленск чего стоит – два месяца держал немцев.

Ночь, перестук колес... Вроде бы засыпаем... Ворочаюсь, опять эти вопросы, никак не могу от них отмахнуться: почему Юрка знает больше меня, почему глубже и самостоятельнее мыслит, почему он образованнее меня?..

Я не получил систематического образования. Но это я понимаю сегодня. Все мои школьные годы мы с мамой мотались следом за отцом – как говорили в тридцатые, – «куда партия пошлет». Это было время огромных перемен в жизни страны; менялось и обучение: без конца изменяли программы, реформировали русские школы в украинские и наоборот. Да и сам я был порядочным лентяем – футбол летом, коньки зимой занимали больше времени, чем задачки и правописание, учился «чему-нибудь и как-нибудь». А папе было не до меня: он строил коммунизм. Заботилась обо мне мама – мой добрый ангел. Она старалась подыскать мне учителей по немецкому языку, музыке. В то время это было просто: еще сохранились остатки старой русской интеллигенции, люди эти жили скверно, боязливо, часто без работы и куска хлеба. Лишь в тридцать шестом государство милостиво разрешило принимать их на работу. Жалею ли я сейчас, что прозевал и музыку, и немецкий? Очень! Наверное, свою роль сыграла и излишняя мягкость родителей, их неумение убедить или даже заставить учиться как следует, сесть за рояль, овладеть языком. А может быть, дело во мне самом, моем внутреннем сопротивлении всякому нажиму. И родители это поняли?.. С детских лет и по сей день мне кажется, что во мне живет кто-то еще, кто постоянно укоряет меня, никак не хочет понять меня и моих поступков. Возможно, в этой «язве» причина сомнений, неуверенности, которые преследовали меня с юности?.. Как от них избавиться, я не знаю до сих пор.

14 мая. Казань. Восьмой день в пути. Пересекли величественную Волгу. Все чаще встречаем необычные эшелоны – на восток из Центральной России везут целые заводы, люди спят прямо на платформах у машин, станков.

Набили животы гороховым супом. Готовь противогазы!

Моя очередь идти за водой. Надеваю на себя больше десятка фляжек, быстро добираюсь до кранов водокачки. Вдруг за спиной знакомый голос. Кто бы подумал – Юлик Герц! Он тоже пришел за водой. Подождал его, чуть поговорили. Юлик, как всегда, съязвил:

– То, что нас досрочно выпихнули на фронт, – мысль, не лишенная смысла. За это нам, курсантам-тюменцам, поставят самый большой памятник!

Я возмутился:

– Не понимаю, о чем ты?! Всегда говоришь не то, что думаешь! Я верю в победу! И в возвращение тоже верю!

– Оптимист, завидую. Ты не представляешь, что ждет нас.

– Зато тебе доложили! Ладно, не каркай!

Курсанты-тюменцы. 1942 г.

Но Юлик не был бы Юликом, если бы не пошутил на прощание:

– До встречи на том свете!

16 мая. Заканчивался десятый день, как мы в дороге. Ночь. Спать неохота, давят мысли. Юрка тоже не спит. Начинается разговор.

– Всего десять дней прошло, а никто уже и не вспоминает об училище.

– Чего о нем вспоминать, – вяло возразил Юрка.

– Так, да не так. Казарма...

– О казарме не говори! – вдруг вскинулся Юрка. – Сборище картежников и мелких воришек! И мы пойдем с ними в бой! Они и своих, даже мертвых, обворуют!

– Юрка, нельзя быть таким нетерпимым. Конечно, казарма есть казарма, никто не спорит; дома, понятно, уютнее. Зато в училище раскрылись твои штабные способности, ты ведь и не подозревал о них.

– Не будем спорить. Фронт нас рассудит. Только знай: я – человек не армейский, я без свободы выбора жить не могу, а в армии какой выбор? Налево, направо, вперед! Сейчас война – это совсем иное дело, воевать буду честно. Но надо понимать: если умение командовать зависит только от умения подчиняться, из такого командира может получиться только исполнитель, лидер – никогда!

– Но, Юрка, ведь не всякий способен стать лидером. А на фронте я бы хотел, чтобы рядом был просто опытный человек, знающий что к чему, а по-твоему – всего лишь исполнитель.

– Тут ты прав. Но кто-то ведь должен брать на себя ответственность и отдавать приказы, от которых зависит результат сражения.

– А ты, Юрка, становишься прямо-таки максималистом.

Разговор меня разозлил, но и навел на размышления, подсказал несколько добрых мыслей об училище. Решил их записать, чтобы не забыть.

ОДА КАЗАРМЕ

О казарма!

Первая встреча с тобой не принесла радости. Не в один день я привык к тебе и оценил то, чем ты стала в моей жизни.

Сто тридцать два дня провели мы под твоими сводами!

Ты сплотила нас, мальчишек, точно перелетную стаю, и помогла, как умела, перенести тяжесть твоей суровой жизни. Ты закалила нас! Избавила от многих иллюзий! Ты помогла нам легче совершить резкий поворот от прежней беззаботной жизни к новой, далеко не сладкой армейской службе. Ты ввела нас во взрослую жизнь.

Ты сделала нас грубее, недоверчивее, может быть – бессердечнее. Это правда. Но не вся!

Ты подарила нам новых товарищей! Братство твое, о казарма, подавало нам руку помощи и помогало выжить! Ты вручила нам Полевой устав – первый солдатский букварь! Ты изо всех сил старалась учить нас! С тобой мы постигали азы службы и трудную военную науку!

О казарма! Тебя нередко клянут, и не напрасно! Ты была тягостной и убогой – мы отсчитывали дни до минуты, когда сможем расстаться с тобой! забыть зловоние мужицкого пота! невыносимый ночной храп! избавиться от смрада вонючих портянок! А скабрзные шутки! Гадкие анекдоты! Мерзостные поступки, выходящие за грань нормальности! Не украшали они наши будни, не привлекали к тебе сердца. О да, казарма! Мы готовы были в одночасье распрощаться с тобой. Любой ценой! Даже немедленно отправиться на передовую! Даже «пасть смертью храбрых»!

Но ты, казарма, не отпускала, держала цепко – ты учила и закаляла нас.

И вот пришел ПРИКАЗ! И ты торжественно выпустила нас. Мы едем на фронт!

«Мы из одной казармы» – эти простые слова стали нашим общим курсантским паролем. Вместе мы пойдем в бой!

* * *

Уверен, прочти ребята эти строки, большинство согласилось бы со мной. В этом меня никто не разубедит. Сам я до сего дня, несмотря ни на что, сохранил добрую память о том времени.

Ни тогда, ни позже я так и не перечитал написанного той ночью в поезде. Моя ода, как и все

путевые записи, которые я воспроизвожу здесь по памяти, вскоре сгорела в костре. Как это случилось, я еще расскажу.

17 мая. Одиннадцатый день пути. Арзамас. Проехали Каныш и Сергач. Там и там стояли недолго.

Стихли разговоры о фронте. Больше никто не интересуется, куда нас везут. Если кто-то пытается заговорить об этом, остальные стараются отойти. Чем ближе к фронту, тем чаще люди замыкаются в себе. Перестали горланить. Наверное, не хочется думать о смерти, лучше рассуждать о жизни, так легче.

Очередной набег на станционный базарчик. Такие набеги уже приняли регулярный характер. Едва паровоз сбавляет ход, особенно на малых станциях, как самые сильные, ловкие, наглые выскакивают из вагонов и штурмуют женщин, продающих продукты. Сначала платили честно. Когда деньги иссякли, а это произошло очень скоро, перешли на натуральный обмен: за двадцать картошек шли носки, за горшочек соленых огурцов – нательная рубашка, даешь новые чистые портянки плюс кусок мыла – получаешь бутылку молока. Чем ближе к центру России, тем более убого выглядели станционные базарчики. Но набеги продолжались. На обмен пошли подарки из дома: вареники, кисеты, нитки и иголки, носовые платки, писчая бумага, карандаши, расшитые полотенца, соль, запасливо натасканная из столовой училища.

Когда иссякли товары для обмена, набеги приняли дикий характер: обманом и насилием курсанты отбирали у старушек еду и убегали – женщины стояли в немом ужасе, не понимая, как такое может происходить.

Сегодня Женечка попытался остановить налетчиков. Скандал случился перед остановкой. Четверо курсантов, прихватив пустые вещмешки, направились к двери вагона. Женечка своей высоченной фигурой перегородил им дорогу – стоял молча, скрестив на груди руки. Идущие поначалу ничего не поняли.

– Курсант Иевлев, не строй из себя Христа, видели мы таких!

Женечка не двинулся с места. Паровоз начал резко сбавлять ход. Они взъярились:

– Уйди с дороги, ленинградец, не доводи до греха!

Женя не реагировал.

Тогда они решили освободить себе дорогу силой. Один из четверых ударил Женю в подбородок, да так, что хрустнули зубы. Женечка не ответил на удар, просто отошел от двери и сказал:

– Таких, как вы, ленинградцы давили, как крыс. Люди умирали от голода, но на грабеж не шли.

В ответ раздался грубый смех и жестокие слова:

– Не укоряй нас, сказочник.

Эшелон остановился. Трое курсантов, раздвинув двери, побежали к станции. Один – тот, кто ударил, остался.

Женечка лег на полку и заплакал. К нему подошел оставшийся, попытался успокоить:

– Извини, друг, черт попутал. Мы же с тобой из одной казармы.

Обычно красивое лицо Женечки было не узнать, и дело не в слезах – в мучительной гримасе исказились взгляд, лицо, являя даже не обиду, а глубочайшую горечь страдания; я подумал: такие люди должны жить вечно, это они восстанут, защищая добро от зла. Подошли с Юркой и забрали Женечку к себе, наверх; потеснились, и он остался с нами.

А на станционном базарчике произошел безобразный случай. Курсанты сбили с ног хрупкую старушку. Почти безжизненная, она упала в обмороке на землю, а два ее бидона с родниковой водой, принесенной из деревни, опрокинулись и раскатились в стороны. Женщину чуть не затоптали. Оказалось, она считала эту воду святой и поила ею бесплатно красноармейцев из проезжавших на фронт эшелонов. «Гунны!» – сказал по поводу происшедшего Юрка.

Поглядывая в сторону Женечки, мы старались шутить, припоминая смешные эпизоды из детства, школьные проделки. Женечка вроде спал. Оказалось, нет – лежал с закрытыми глазами и слушал нас. И вдруг заговорил:

– Господи, как я завидую вам, какие вы жизнелюбы. Я, наверно, чертовски вам надоел. Простите. Скучно вам со мной, молчальником. Нет, я не про сейчас, и в училище...

– Что ты, Женечка! – возразил я.

– Нет-нет, не говорите, я себя знаю. Вот вы не раз просили рассказать о блокаде. Я расскажу.

Месяц я проработал в госпитале. Раненых кормили крошками, заваренными кипятком. Никто не роптал. Было холодно – октябрь, дров не хватало. Дистрофия, цинга. Каждое утро из палат выносили покойников. Кто-то не выдерживал, терял рассудок. Всем снилась еда. Мне тоже. Нас с сестрой каждое лето мама вывозила на море, и я увидел необыкновенный сон: будто я в Крыму, вижу много-много фруктов – пахучие персики и груши, черный виноград... Представляете? Чудо!

Ленинград каждый день бомбили и обстреливали из орудий, но все же это не передовая. Госпиталь находился в здании Горного института на Васильевском острове – когда раненые засыпали, я забирался в пустынную библиотеку и при огарке читал – это успокаивало, прогоняло мрачные мысли, наполняло верой. Прочел я всего одну книгу, Фраермана «Дикая собака Динго». Как она попала в институтскую библиотеку? Она потрясла меня – чистотой, добрым вниманием людей друг к другу. До сих пор, как вспомню, становится лучше на душе...

18 мая. Двенадцатый день. Эшелон остановили в открытом поле. Всем приказали выйти из вагонов и построиться. Пришли начальник эшелона и комиссар. Оглядев хмурым взглядом лица курсантов, начальник эшелона громко и четко произнес всего несколько слов:

– Кто вы – советские командиры или мародеры? Вы подумали, кого грабите? Матерей, чьи дети и внуки на фронте сражаются насмерть. Запомните! Кто совершит еще один уголовный проступок, будет немедленно предан военному трибуналу!

Презрительно сплюнув на землю, начальник эшелона повернулся и быстро зашагал к штабному вагону. Не промолвив ни слова, следом ушел комиссар.

– По вагонам! – прозвучала команда.

Понуро опустив головы, курсанты разошлись по теплушкам.

Эшелон простоял недолго, но достаточно, чтобы я успел испытать чувство стыда. Хотя бы потому, что ничего не сделал, не сказал ни слова против.

Поздно вечером вагон на разные голоса запел частушки – перешли на фольклор: более прилично, чем анекдоты.

Начальство осудило мародеров. Но из курсантов – никто! Как никто не оценил и поступка Женечки. Почему Шурка не заставил свою братию прекратить набеги? Я считал его честным парнем. Женечка раскрыл нам тайну. Обидно было узнать, но Шурка поддался: его подкармливали.

По этому случаю Юрка рассказал историю. Отец его поступил учеником на завод, где трудились его дед и прадед. Это было еще до революции. Однажды дед обнаружил в кармане сына кусок материи для обтирки станка. «Как же так, ведь это чужое, не твое, а ты унес с завода?!» – строго спросил он. И побил сына.

Существует ли для курсантов такой водораздел?

На остановках мимо вагонов часто проходят женщины, поднимают повыше, чтобы мы рассмотрели, фотографии своих сыновей, дочерей, называют фамилии: «Может, где его (ее) видели?» Пройдет время, и уже наши матери будут приходить к идущим на фронт составам...

19 мая. Муром. Тринадцатый день в пути. Накормили горячим, вкусно. На станции поговорили с курсантами Челябинского танкового училища, их эшелон идет за нами – по-видимому, одним маршрутом. Курсант-танкист, с которым я когда-то случайно познакомился в Челябинске, рассказал, что перед отправкой всем выпускникам присвоили звание старший сержант и прямо на заводе выдали «тридцатьчетверки». Здорово! В училище ребят обучали на таких же машинах – это хорошо. Но все не так просто: оказалось, каждая машина имеет свои особенности – в двигателе, ходовой части, вооружении, поэтому, как танк поведет себя в бою, заранее сказать нельзя. По прибытии эшелона к месту назначения они сразу же двинутся в танках на фронт, и за это время каждый должен освоить свою машину. Да, у всех свои сложности.

Ночью Юрка рассказал мне о своей первой любви. Юра любил Катю, свою одноклассницу. Катя была влюблена в Юру. Вдруг девятиклассник Юра сошелся с соседкой по квартире Кирой, женщиной лет на пятнадцать старше его. Юра приходил к Кире, когда ее муж Егор, машинист электровоза, находился на работе.

Кира стала первой женщиной в жизни Юрки. Когда он пытался произносить красивые слова, она всякий раз перебивала: «О любви, мой юный друг, не говорят, а просто любят». Но увы, тайное часто становится явным. Муж неожиданно появился домой. Приключился скандал. Он крепко избил Киру и в ночной рубашке выбросил в коридор, сказав: «Пускай соседи поглядят на распутницу!» Утром муж протрезвел, внял мольбам Киры и простил ее. А насчет «гимназиста», как он поименовал

Юрку, сказал: «Пусть лучше не попадаете на глаза – забью!» Вскоре Егор и Кира переехали в другой дом. На этом история «Юра + Кира = любовь» закончилась.

Уезжая на фронт, Юрка написал письмо Кате, пообещал: «Останусь жив – будем вместе». Но когда я спросил: «Так и будет?» – он промолчал.

Жизнь – странная штука, это уж точно. Все мы чокнутые. Объяснение, очевидно, одно: мы сами себя не понимаем. Что определяет наши поступки? Желание, рассудок, сердце? Скорее всего, желание. Это основной мотив поведения человека. Но прав ли я?

Слушая рассказы ребят о подружках, я казнил: а где же моя? В седьмом классе я прочитал Мопассана, в восьмом – Куприна, в девятом – Толстого, в десятом – Тургенева, но, встречаясь с женщиной, терялся. Намеки, неприкрытые призывы стать мужчиной... – я не знал, как поступать в подобных ситуациях, и, наверно поэтому, был им не интересен.

Все ближе фронт, все чаще одолевают мысли о будущем. Оно, это будущее, уже не кажется, как раньше, таким многоцветным сказочным ковром, поэтому говорим о нем все реже, но мысль не остановишь. Снова и снова приходило на ум предложение Зины; оно было искренним, она не пыталась просто спрятать меня в тылу, пришел бы и мой черед, а командиров тоже убивают. Может, действительно я поступил как дурак? Правда, помимо всяких «за» и «против», было одно «но», о котором, скорее всего, Зина не знала – моя национальность. На этой колокольне всегда найдутся звонари.

– Юрка, тебе не страшно перед фронтом?

– Как тебе сказать. И да и нет. «Чего бояться неизбежного» – так учил меня отец.

– Ты когда-нибудь испытывал страх?

– Пожалуй нет. Мелких случаев не считаю.

– А я – дважды. Настоящий страх! Первый раз – когда мне в справочной тюрьмы, где сидел отец, сообщили, что он осужден на десять лет без права переписки. Я уже знал, что эта формулировка означает расстрел. Пришел домой черный, но маме ничего не сказал. На следующий день, простояв ночь, опять справился об отце. Новый охранник сообщил, что отец находится в тюрьме и что нам разрешили передачу.

А второй раз я страшно испугался из-за волков. Зимой поздно вечером мы возвращались с возницей на санях-розвальнях из райцентра Шумиха в село. Тьма была полная, но дорога укатанная, шла вдоль леса, и конь спокойно бежал по знакомой дороге. Он первый и почуял опасность. Рванул и понесся! Сани так дернуло, что я чуть не вывалился, и тут увидел трех огромных волков – они выскочили из леса прямо позади нас, замерли, подняв морды, жутко взвыли и бросились следом. Возница не растерялся – видно, уже бывало такое, стал кричать мне: «Держись за поручни крепче! Не удержишься – пропадешь! Конь не подведет!» Я и сам вцепился в поручни. Дикая была гонка! Возчик кричит: «Держись, держись крепче!..» Я уже видел их глаза – крупные, желтоватые, мутные, еще четыре-пять прыжков – и мы станем их добычей... И тут возница вдруг выбросил им навстречу веревку. Они сразу замедлили бег, стали отставать, и уже показались деревенские огоньки. Вскоре мы слышали лай собак. У меня так свело пальцы, что не мог разогнуть, отцепиться от саней. А представляешь, если на тебя прет танк...

Юрка, как обычно, принялся рассуждать:

– Что такое страх...

Не выдержав, я спросил:

– Ты веришь, что мы вернемся с войны?

– Надеюсь. Только мы будем уже другими.

– И обязательно встретимся после войны! Я очень этого хочу!

– Я тоже, будет занятно.

21 мая. Пятнадцатый день в пути. Московская окружная дорога – вот это да! Москва совсем рядом! Эх, побывать бы! Хоть на часок! Простояли недолго. Поезд двинулся на юго-запад.

Ночью, под самый рассвет, нас высадили на станции Торопец. Мы на Тверской земле. Вот она и разгадка – Калининский фронт! Закончился двухнедельный путь из Сибири. Эшелон, доставивший нас, тотчас ушел в обратный путь.

Всех построили, и колонна быстрым маршем двинулась к лесу. Я обратил внимание, что некоторые курсанты часто поглядывают на небо. Вот они, первые признаки страха, боязнь появления вражеских самолетов. Остановились мы вблизи деревни Ерофеево.

Начало дивизии

Прибывали все новые и новые эшелоны – из Москвы, Средней Азии, с Урала, из Сибири и Центральной России, много было и курсантов; оказалось, мы еще счастливики – из других училищ отправляли на фронт после двух месяцев учебы.

Двадцатые числа мая стали первыми днями формирования новой дивизии. Она получила номер 215. С ней мы пойдем в свой первый бой. Создавалась дивизия из остатков 48-й стрелковой бригады, прибывшей сюда раньше нас из-под Вележа, после жестоких кровопролитных боев.

Нам представили командиров. В большинстве это были такие же молодые парни, как мы, в новенькой форме; еще пару недель назад они тоже были курсантами, а теперь будут командовать нами; им повезло – они закончили училище.

Первые дни на фронте! Невероятная череда событий захватила всех, патриотический порыв курсантов вспыхнул и разгорелся с новой силой! Первая дивизия и наши первые боевые командиры! Расставание с курсантами «из одной казармы»! Встречи с бывалыми фронтовиками! Героическая история 48-й бригады, защищавшей Москву! Первые ночи под открытым небом!..

Выдали нам плащ-палатки – полезное изобретение войны. В первую фронтовую ночь все спали на траве, завернувшись в плащи и укрывшись шинелями, под голову – вещмешок. Спали крепко: сказались усталость, голод и лесной воздух – за две недели в вагонах все отвыкли от кислорода. Хотя ночь, особенно под утро, оказалась холодной, разжигать костры запретили. Днем костры разрешат, но только из сухих веток – они не дают дыма.

Нам зачитали первый приказ! Отныне все мы, бывшие курсанты, – солдаты 215-й стрелковой дивизии 30-й армии Калининского фронта. Наш командарм – генерал Дмитрий Данилович Лелюшенко. Командующий фронтом – генерал-полковник Иван Степанович Конев. Не забыли сказать, что один день на фронте засчитывается как три дня обычной службы. Еще сообщили: поскольку пока мы находимся во втором эшелоне, то и кормить будут по нормам второго – известие похуже. Солдатский телеграф сообщил, что комдив будет сам формировать дивизию, но он еще не прибыл.

Через несколько дней всех распределили по полкам. Их в дивизии три: 707, 708 и 711-й. Мы рады, что попали в новую часть. Горды тем, что нас, курсантов, называют «главным воинством 215-й». Мы с Юркой решили проситься в один полк, но направили нас в разные. Я попал в 711-й, а Юрка – в 707-й.

Знали ли мы, солдаты, прибывшие на Калининский фронт в конце мая сорок второго, какая здесь боевая обстановка, что здесь с января идут кровавые сражения, уже унесшие десятки тысяч жизней? Печать об этом молчала, скромно называя происходящее «боями местного значения».

Мы из одной казармы.

Саша Рыжиков – гитарист и певец, первый, с кем свела меня казарма...

Юра Давыдов – резонер, умница, талантливый человек; уверен: его ожидало блестящее будущее...

Степан Давыдов, наш «дядя Степа», – добрейшая душа и настоящий воин, он первым из нас стал командиром...

Шурка – сирота, мятущаяся душа, не забыть его рассказа, как он был в степи, потеряв родителей. Сколько же лиха выпало на его недолгий век!..

Женя Иевлев, Женечка, – его последние слова были о матери. Красивее и прекраснее человека я не знал...

Димка Окунев – наш отмститель; он и погиб, защищая своих солдат, потрясающей личной храбрости оказался человек...

Саша Пушкарёв, Юлик Герц, Феденька, Сережа Кожевников.

Все они погибли.

Шурка и Женечка – в первом же бою, можно сказать – у меня на руках...

Судьбы остальных я не знаю.

Но знаю, в сердцах оставшихся – мы навсегда вместе:

«МЫ ИЗ ОДНОЙ КАЗАРМЫ!»

Часть вторая За Ржев бились долго... Июнь 1942 – март 1943

Глава четвертая Бивак Июнь 1942 года

Первые опыты фронтовой жизни

Мне нет и двадцати, море мне – по колено, могу пройти тридцать и больше километров марша – хоть днем, хоть ночью, и с полной выкладкой! Мы движемся в зоне фронтовой полосы; нам, курсантам, чуть легче, чем остальным. Бойцы шутя называют себя «обмоточным воинством», с завистью поглядывают на наши сапоги. Их солдатские ботинки – уже не первой молодости, не выдерживают даже легкой сырости, а погода не балует, многие красноармейцы постоянно с мокрыми ногами.

Во время маршей, особенно ночных, я, как и другие молодые солдаты, помогаю не очень здоровым и старым бойцам. Слово «старый» не нужно понимать буквально. В «стариках» ходили и просто бывалые солдаты, и те, кому лишь немногим больше тридцати-сорока – для нас они были уже старики. Мы старались забрать у них винтовку или вещмешок, на привалах – подложить торбу под ноги, принести воды для питья или освежить лицо, подменяли в ночном карауле... На войне такая вроде бы небольшая помощь рождала фронтовое братство. Какой-то весельчак придумал лозунг: «Солдаты всех возрастов, объединяйтесь!» Мы и объединялись. Да еще как! И дорожили этим неписанным правилом. Это облегчало трудную армейскую жизнь, сближало людей и радовало, поднимало воинский дух, а главное, укрепляло веру в доброту, в которой всегда нуждается человек, а на войне – особенно.

Неожиданно нам объявили:

– Встать лагерем!

Мы дошли. Но куда?

Не успели сбросить с плеч вещмешки, новая команда: «Вырыть укрытия!» – то есть глубокие щели на случай воздушного налета: вроде бы вблизи замечена «рама» – немецкий самолет-разведчик.

Это было первое напоминание о фронте.

Лес, куда нас привели, встретил ласково. Прошел легкий дождик, воздух стал чище, свежее, пахло хвоей, распевали птицы. Солнце пробивалось сквозь пышные кроны деревьев, трава, еще невысокая, украсилась первыми весенними цветами – белыми, голубенькими, желтыми, и такими крохами, что еле разглядишь под ногами. Мы полной грудью вдыхали запахи мягкой весенней земли, восхищались царством берез, не могли наглядеться на многоцветные ковры лесных полей. На фронте я в полной мере оценил и полюбил природу. Особенно лес. Лес – великий друг фронтовика. Как без него соорудить блиндаж? погреться у костра в морозную стужу? Как высушить шинель, сапоги? Как настелить дорогу? Порой он и накормит получше повара! Все радовались лесу, но особенно – деревенские:

– В лесу на душе все так правильно, вроде и не на фронте.

– Добруха-то какая... Сейчас бы бабу да чарку! Помереть опосля не жалко.

Дождик наполнил водой лесные канавки – курсанты бросились к воде, припали губами. Бывалые солдаты силой оттаскивали нас: кто знает, где подстерегает отравы? Не забыть один трагический эпизод (он случился немного позднее): новобранцы охотно поддались уверениям «опытного грибника», насобирали грибов, наварили – и отравились. Семеро ребят расстались с жизнью!

Сейчас лес наполнился шумом, перекрикиваниями, командами. Солдаты, как умели, сооружали шалаши из деревьев, еловых веток – для ночевки и от дождя. Готовили площадки для полевых кухонь. Два взвода сразу откомандировали мостить дорогу от лагеря к большаку: саперными лопатками они рубили ветки, складывали их в четыре яруса слоями – попеременно вдоль и поперек, а сверху, чтобы все это придавить, укладывали толстые деревья, подбирая одного диаметра.

Трудились все с азартом! И вот на большаке показались долгожданные полуторки и десятка три повозок – они везли харч!

Но проехать несколько сот метров до леса колонне оказалось не под силу. Почва, обильно насыщенная влагой, сразу глубоко осела, поглотив сооруженную дорогу. Первыми на раскисшей как кисель дороге увязли полуторки, доверху нагруженные ящиками и мешками. За ними осели повозки и лошади. Все бросились на помощь. Одни тащили машины, впрягаясь в веревки, подпирая плечами, подталкивая, но моторы то и дело глохли; с того дня полуторки окрестили «первой пятилеткой». Другие вытаскивали из болотной жижи повозки и лошадей, утопавших по брюхо в липкой грязи. Облегчая обоз, взваливали на плечи тяжелые мешки, ящики, и вдвоем, а то и втроем, еле вытягивая ноги, выбирались с грузом на твердь. Если кто начинал ворчать, тут же выговаривали: «Не к теще на блины приехал!» Это уж точно!

Первый наш фронтальной ассортимент состоял из банки американской тушенки – на восьмерых, крупной рыбыны холодного копчения – на пятерых, и на каждого – два сухаря, три столовые ложки пшена, два кусочка сахара и горстка соли. Также выдали по пачке махорки на троих. Табаку бойцы особенно радовались: «Царский подарок!» Зашуршали газеты, задымили самокрутки, учили и меня сворачивать сигарку из кусочка газеты. Прессу нам доставили раньше, чем продукты.

С охотой принялись за приготовление еды. Воду зачерпывали котелками из канав – она уже отстоялась, стала прозрачной, на дне просвечивали иссохшие корни, кусочки коры, ветки. Меню на обед у всех одно: похлебка. С азартом и шумом открывали тушенку, толкли сухари для заправки...

– Тихо! Прекратите шум! – вдруг завопил кто-то из курсантов.

Ему померещилось, что немец-пилот в небе может услышать хруст сухарей. Поднялся хохот.

Тушенку, растертые сухари разложили по котелкам с водой, а я еще добавил голову рыбыны, доставшуюся мне при дележке на пятерых. И приступили к самой трудной операции – сооружению очага. Многие понятия не имели, как это делать, с чего начать. Вот тут-то и пригодилось правило, которому нас учили: делай, как я! – все следовали примеру умельцев. Я тоже очистил от коры шесть толстых веток, обрезал их по концам; по две, скрестив, надежно воткнул в землю по обе стороны костра, уложил на них две оставшиеся палки. Удивляло, сколько нужно опыта и сноровки для такого, казалось, простого дела. А делать все нужно было с умом. Крестовины должны находиться на должном расстоянии от огня, чтобы не загорелись; палки для перекладки, по той же причине, – на определенной высоте и должны быть покрупнее, так как обязаны выдержать вес полного котелка, а то и двух, как у меня: я повесил и свой, и Юркин. Сделаешь что-то не так, тут же последует расплата: котелок накренится и зальет огонь, а может и сорваться в очаг.

Дядя Кузя

Все этапы приготовления еды я взял на себя. Юрка не возражал. Особенно после того, как услышал, что я не впервые берусь за поварское дело, а лес знаю – не хуже лесника. На самом деле это было чистой воды бахвальство. Что сразу же стало очевидно, как только я принялся за костер: мне никак не удавалось его разжечь. Юрка потешался, но не вмешивался в мои хлопоты. Лежа на земле, я изо всех сил пытался раздуть огонь, жег спичку за спичкой. Безуспешно. И вдруг услышал за плечами незнакомый, чуть насмешливый голос:

– Эх и неумехи вы, курсанты.

Я выпрямился и обернулся. Возле меня стоял ротный старшина. Крепко сложенный, в волосах седина, лицо открытое, ноги по-кавалерийски кривые. На гимнастерке блестит медаль «За отвагу» – в то время немногие были награждены этой почетной солдатской наградой. Я уже видел этого человека, к нему почему-то никто не обращался как положено – «товарищ старшина», предпочитали по-семейному – «дядя Кузя».

Старшина попросил меня отойти, проверил прочность сооружения и в одну минуту разжег огонь. Объяснив, как это делать, дядя Кузя удивился:

– Как же вас в училище не научили разводить костер, а хоть бы и без спичек? Откуда вы?

Показав на Юрку, я ответил:

– Курсант Давыдов с Урала, а я – подмосковный. Может, слышали про такое место – Кусково?

Дядя Кузя рассмеялся, улыбка была широкой и доброй:

– Мы, брат, с тобой вроде бы земляки. Я жил на две станции ближе тебя – платформа «Серп и

Молот», слышал про такую? За ней Чухлинка, потом Карачарово и уж твое Кусково. Так, курсант?

Уютно устроившись у огня, мы еще долго просидели вместе. Старшина коротко рассказал о своей жизни. Почти пятнадцать лет он проработал завхозом в детском садике при заводе «Серп и Молот».

— Бездетные мы с женой, потому всех детишек признавал я своими, а они меня звали «дедулей». Как немец подошел к Москве, сформировали из заводских свой батальон. В бой пошли с учебными винтовками. Наши почти все погибли у Бородинского поля, а я вот живой...

Приглядываясь к нашему собеседнику, слушая его неторопливую речь, я старался понять, кого же он напоминает мне? Долго мучиться не пришлось. Ну конечно же — вылитый лермонтовский Максим Максимыч. Тот же облик, такой же совестливый, доверчивый; не службист, но дело свое знает, может, получше иных высоких чинов. Всего-то знакомы какой-нибудь час, а уже ясно: будь все старшины такими, как он, насколько легче жилось бы солдатам. Я вытащил из вещмешка блокнот и стал записывать свои впечатления.

Дядя Кузя вдруг забеспокоился, взгляд сделался настороженным:

— Ты, брат, чего пишешь, или роман какой?

— Нет, я веду дневник. Знаете, столько событий, интересных людей, хочу и про нашу встречу записать.

Дядя Кузя заговорил тихо, но чуть ли не приказным тоном:

— Ты, брат, это брось! На войне не положено никакой писанины — хоть ты рядовой, хоть генерал. До большой беды довести может. Такие люди есть, что зорко глядят. — И добавил уже громким голосом: — Ты вот что, выбрось из головы свою затею, поначалу воевать научись, уж потом и записывай. Сию минуту брось сюда все бумажки да угли повороши.

Очень мне было жалко своих записей, но Юрка поддержал старого солдата:

— Послушай доброго совета, старшина знает, что говорит.

И полетели мои листочки в огонь. Зачем я согласился?! В одно мгновение погибла моя мечта вести фронтовой дневник.

Известно, память человеческая — вещь хрупкая. Позже я пожалел о содеянном. Но, как гласит древняя поговорка: что ни делается, все к лучшему, — и вскоре мне явилась мысль записывать советы фронтовиков, сразу вспомнился эпитафия к «Капитанской дочке»: «Береги честь смолоду», — решил, он и мне подойдет, ведь советы эти прежде всего нужны нам, молодым, еще неопытным. И стал я внимательнее вслушиваться в разговоры солдат, не ленился сразу записывать их афоризмы, и к концу войны у меня составилась своеобразный «Свод правил поведения солдата». Ему будет посвящен отдельный рассказ.

Подоспел обед, и я пригласил дядю Кузю отведать моей первой фронтовой стряпни.

— Попробовать — попробую, — охотно согласился он, — спасибо за внимание.

Обед получился чудный! Вероятно потому, что в суп я положил рыбью голову — надо же, как удачно получилось, что она досталась именно на мою долю! Я черпал из котелка похлебку, вслушивался в безмятежный шум леса и испытал, как это ни смешно, какое-то необычайно нежное чувство к супу: вдруг вспомнилось, как кормили меня в детстве — «за маму, за папу, за бабушку, за дедушку» — и дитя покорно терпело «противный» суп. А нынешний суп — это не просто предмет моей поварской гордости, это нечто более значительное — серьезный шаг в самостоятельную жизнь. Напишу домой о своем первом фронтовом обеде!

Дядя Кузя похвалил мой суп, что еще более повысило мою высокую оценку собственного творения. Мы еще немного поговорили и расстались.

Я и представить не мог, как много значит встреча с этим удивительным человеком для всей моей дальнейшей фронтовой жизни. Чему только он не научил нас, молодых, — курсантов и новобранцев! И как лучше пользоваться штыком и саперной лопаткой, и как разжечь костер на сильном ветре или под дождем, как использовать рельеф местности, чтобы скорее и безопаснее добраться до противника. Его советы охватывали столь многое: от разумной упаковки вещмешка — до умного и умелого поведения в бою. Подробно и терпеливо он объяснял нам фронтовые премудрости — например, как можно спать на ходу, когда валишься с ног во время долгих ночных маршей: два солдата держат под руки и ведут третьего — спящего, чтобы он не наткнулся на препятствие или не свернул в канаву.

— Разумеется, надо заранее освободить его от оружия, — втолковывал дядя Кузя. — Затем

меняетесь. Ничего мудреного: ноги идут, а ты себе спишь, голова отдыхает.

«Ничего мудреного»! Так почему же эти знания и опыт нам не преподали в училище?! Зато нас научили, как вести себя по уставу при встрече с начальством: сначала положено поприветствовать и только потом представиться. Смертельно важно! – на плацу да на кумачовой дорожке начальственного коридора.

Фронтная жизнь быстро развела нас, и до конца войны я ничего не знал о старшине, даже погиб он или остался в живых. В конце сорок шестого – я только распрощался с армией – однажды в телефонной трубке раздался спокойный глуховатый голос, я сразу узнал его: дядя Кузя! Он разыскал меня и пригласил на семейный юбилей – серебряную свадьбу. Я поехал и испытал радость от встречи с удивительно мудрым и добрым человеком.

Где-то в конце 50-х годов позвонила его жена и сообщила печальную весть: муж внезапно скончался от инфаркта. Я поехал на похороны. Ехал я на электричке, до платформы «Серп и Молот», как и говорил дядя Кузя, и по пути только что не молился. Как я благодарен судьбе! Как же часто мне везло на добрых людей, и всегда они появлялись в самое нужное время, словно их посылала мне какая-то добрая волшебная сила. Вот и дядя Кузя... Сколько жизней спас этот человек своим душевным вниманием, добрыми советами!..

Маврий

Собрались спать; завтра особый день – встреча с командирами и определение всех в строй. Внезапно к нам подошел невысокий белобрысый совсем юный солдатик – гимнастерка и брюки висели на нем, как на вешалке. Попросив разрешения, он подсел к затухающему костру и сразу заговорил:

– Вы вроде бы грамотные, в сапогах, а мы – обмоточники, как мой тятя на Первой мировой, потараторим маленько. Я сам мордвин, четыре класса кончил, телеги чинил в колхозе, уважали деревенские. Маврием зовут. Так вот, завтра, глядишь, разберут всех кого куда, расстанемся, и поведут убивать. Так вот: как мне поступать? Мы верующие, папаня и маманя за веру дважды на Севере побывали. Так вот, привезли нас на человекобойню – так тятя окрестил ЭТО, мол, как иначе ЭТО назвать? Так вот: как же так – стрелять в человека? Нам вера не позволяет.

Тут Юрка резко сказал:

– Немец – не человек, а фашист, убийца. Знаешь ты это, солдат? Чего его жалеть!

– Так-то говорят... А разве фашист не живое существо?

– Вот тебе на! Все мы станем стрелять в противника, а ты в воздух?

– Выходит так-то.

– Да тебя, живое существо, судить следует. Ты это понимаешь?

– Так-то...

– Что же ты думаешь?

– Себя бы прихлопнул. Опять же... вера не позволяет. – Казалось, еще минута, и он захлопает.

Да держал ли этот солдат винтовку в руках? Может, и его перед фронтом на палках учили, мы уже слышали о таком от новобранцев. Зачем он обратился к нам? Захотел исповедаться? Посоветоваться, найти ответ на раздиравшие душу сомнения? Видно, страшно показалось говорить о таком с командиром, с товарищами. Впервые в жизни я встретил религиозного человека, мне даже жалко его стало, захотелось помочь – но как? Мы же, черт возьми, все в одной упряжке, для всех нас сегодня первый фронтный день.

Юный солдатик сильно нервничал, искал необходимые слова, стараясь получше объяснить свои переживания, моляще глядел на нас:

– Так вот, как мне быть? Я на вас надежду положил. Тятя учил: «Приедешь на войну, Маврий, учуешь доброго человека – доверься ему: мол, так и так, – и проси совета».

– Вот-вот! – сказал Юрка, похлопав его по плечу. – Держи язык за зубами, солдат, – вот мой главный совет. Поступай как знаешь, не маленький, но запомни: попадешь к фашистам – они с тобой церемониться не станут, быстро прихлопнут, не сомневайся.

Неожиданно Маврий потянулся к Юркиной руке – ну и дела! Видно, хотел поцеловать, но Юрка вовремя отстранился и сделал вид, что ничего не заметил.

Маврий стал рассказывать о своем роде:

– Папаня семью в строгости держал, так-то говорил: «Трудись сызмальства, Маврий. Не ной, ты не баба. Не болтай зазря. Не вой на тяжбы голода и холода – терпи. Крестьянская жизнь – не мед, но не изменяй ей, в нашем роду она заведена была еще дедами. Но в обиду себя не давай. Живи по-людски. Главное, веру не забывай. Без нее пропадешь!» Так-то. А у нас во взводе русских мало, почти одни турки (видимо, узбеки): молчат или молятся своему богу да изюм едят. Набрали из дома полные мешки, сами едят, а нам – по пять изюминок в день, и те считают. Злыдни, в деревне таких – под лед головой.

Я вмешался в его монолог:

– Ну нет уж, Маврий, тут ты не прав, нехорошо «под лед головой». Ты же видел: они не варили выданные продукты, ели сырыми, потому, наверно, и дорожат остатками изюма. Может, им вообще наша еда не подходит. Люди разные, и вера у них разная, но не бывает человека без доброты.

Юрка тут же отозвался:

– Я не уверен. А немец-бандит?

Маврий спросил:

– К чему призывает турков ихний бог, станут они воевать?

Юрка усмехнулся:

– Что ж, Маврий, сам с ними не потараторил – глядишь, и среди них унюхал бы доброго человека?

– Я-то похлопотал, да без толку – не тараторят они по-нашенски и я ихней речи не разумею.

– Как же командиры учить их будут?

– Так на то толмачи пригодны.

– Я так думаю, – сказал Юрка. – На фронте, как и в деревне, жизнь не мед. Вот и будем воевать по правилам твоего отца: «Не вой. Терпи. Не изменяй». Так-то и будем верны присяге.

– Так-то правда. Ладные вы. Может, еще и встретимся. От души вам – за хлопоты да угощение.

Маврий поднялся. Два шага, и растворился в ночи.

Да, верующим всем нелегко, а узбекам во много раз труднее. Все мы всего один день на фронте, а сколько уже сложностей. Примерно через полгода во время боев за Ржев в соседней части произошел забавный случай. На переднем крае пропал с поста солдат-узбек: стоял с ружьем, а потом исчез. Подумали, что перебежал к немцам. На следующий день к вечеру он приполз живой и невредимый, в кармане записка на русском языке: «Нам такой „язык“ не нужен. Возвращаем обратно».

Ночь выдалась теплая. Мы с Юркой всегда вместе, но сегодня разговор не клеился, все мысли – о завтрашнем дне. Понимая, что это, возможно, последний наш «философический разговор», как мы называли свои беседы, я спросил:

– Как думаешь, скоро на передовую? Что мы знаем о противнике?

И сразу почувствовал, что Юрка в дурном настроении.

– Ты задал два вопроса. На первый, наверное, лучше, чем я, ответил бы тебе тараторщик, он часто общается с богом. А на второй ты сам знаешь ответ. Как учил «вонючий цитатник»: «Немцы – фашисты, убийцы, мародеры, насильники, гитлеровские головорезы...» Он политрук, ему виднее.

– Юрка, но ведь не все немцы – фашисты, у них же самая крупная компартия в Европе! Куда делись их коммунисты?

– По мне, так все их коммунисты – гады, переметнулись к Гитлеру! Кто струсил, кто-то увидел выгоду для себя, другие поверили фюреру. Не сомневаюсь, в первом же бою мы с тобой будем стрелять и в бывших коммунистов.

– Нас учили под лозунгом: «Через ненависть – к победе!» А узбеки? Что они знают о немцах? Половина, если не больше, неграмотные. Какая у них ненависть к немцам? Знают ли они вообще о Германии?

– Ты преувеличиваешь. Думаю, немало среди них и таких, кто не хочет говорить по-русски.

Он замолчал. Я прямо-таки не мог узнать Юрку.

На этом наш разговор закончился, так и не состоявшись.

Вверх-вниз

На следующее утро солдатский телеграф сообщил: ночью привезли триста курсантов из Камышловского военно-пехотного училища и семьсот новобранцев-москвичей. После завтрака нас всех построили на большой поляне. Перед распределением по батальонам командир полка обратился к солдатам:

– Я хочу знать, есть ли среди вас охотники, кузнецы, механики, шоферы, портные, сапожники, фельдшеры, повара? Только без обмана!

Призыв начальства, естественно, вызвал общее оживление. Вперед из строя вышли многие. Их имена записывали помощники начштаба полка.

Наступил полдень, мы все еще стояли на поляне. А в это время начальство, как мы вскоре поняли, занималось распределением: кого – в пехоту, кого – в артиллерию, кого – в саперы, связь, медсанбат, в оружейники, на штабную работу, всех охотников – в снайперы... Из курсантов сформировали две отдельные роты: пулеметчиков и автоматчиков – правда, пока без автоматов. Позже я узнал, что Юрку, он в другом полку, определили на штабную работу.

Появился комиссар полка. Видимо, его прихода ждали. Он пошел вдоль строя, задавая солдатам вопросы; часто, не дождавшись ответа, спешил вперед. За ним шел высокий худощавый командир с одной шпалой в петлицах. Узкие глаза, иссиня-черные короткие усики и смуглое лицо позволяли предположить его восточное происхождение. Оказалось, это комсорг полка Халиков. Обращался он, как правило, к курсантам. Подойдя ко мне, спросил, откуда я, комсомолец ли, какое образование, участвовал ли до армии в общественной работе. Потом догнал комполка, перекинулся с ним несколькими словами, вызвал меня из строя и забрал с собой.

Так, ненадолго, я стал помощником комсорга полка. За короткое время мы подружились и во внеслужебное время стали обращаться друг к другу по имени, звали комсорга Сабит. Я аккуратно подшивал документы в папки, хранил комсомольские билеты. Если комсорг был занят, проводил заседания комитета комсомола. Помогал комсоргам батальонов создавать первичные организации в ротах и батареях. Беседовал с молодыми солдатами, если мне это поручали; читал им статьи из центральной и армейской печати.

Через две недели моя комсомольская карьера закончилась. Случайно я попался на глаза проходившему мимо парторгу полка – мрачному человеку, которого политработники полка старались обходить стороной, зная его несносный характер. Рассказывали, что до войны он возглавлял партийную комиссию в одном из райкомов и при рассмотрении личных дел признавал единственное решение: исключение из партии.

Встреча с ним произошла при невыгодных для меня обстоятельствах: я был без пилотки, в расстегнутой гимнастерке, без ремня, а самое главное, и это больше всего его разозлило, он застал меня за приготовлением обеда, – спросил с раздражением:

– Кто вы такой? Что вы делаете в политчасти?

Я доложил как положено:

– Помощник комсорга полка.

– Почему занимаетесь приготовлением пищи в политчасти?

Я попытался объяснить, что мне выдают сухой паек, а в командирскую столовую не пускают как рядового.

Мои доводы, по-видимому, его не убедили. Вскоре меня вызвал Халиков и, виновато опустив глаза, спросил, куда я хочу, в какую часть. По лицу Сабита я понял, что досталось ему крепко, и, не задавая вопросов, попросил направить меня в артиллерию:

– Я же учился на минометчика.

– Ладно, – сказал Сабит, – станешь пушкарем.

Глава пятая

Как я искал правды, и что из этого вышло

Июнь – июль 1942 года

В артиллерийской батарее

Уже месяц, как я служу четвертым номером, то есть подносчиком снарядов, в орудийном расчете. Орудие – «сорокапятка», то есть 45-мм противотанковая пушка. Должность у меня не ахти какая, но с чего-то ведь надо начинать.

Командиром у нас – старший сержант Ленья Лошак. Ему двадцать два. Крепкий мужик из-под Тамбова. Дело свое знает – профессионал-артиллерист высокого класса. К подчиненным относится строго, но справедливо. Со всеми одинаково ровен. В общем, лучший вариант взаимоотношений командира и подчиненных. В расчете его уважают, стараются точно и быстро выполнять все приказы.

В расчете нас шесть человек. Самая важная фигура – наводчик: успех или неудача во многом зависят от него. Танк – движущаяся цель; чтобы его поразить, требуются хладнокровие, точный расчет, умение верно и быстро оценить ситуацию. Наш наводчик Андрюша Панюшкин, в моем представлении, волшебник – он уже сжег два немецких танка.

Я сразу полюбил «сорокапятку». Старался больше разузнать о ней, научиться артиллерийскому делу. Бывалые артиллеристы охотно объясняли роль пушки в бою:

– Тяжелая артиллерия стоит на три-пять километров позади переднего края. А мы – истребители вражеских танков и – главное – неподавленных огневых точек. Стоим мы, как правило, вместе с пехотой, на сотню-полсотни метров позади нее. А в бою, когда пехота идет в наступление, мы, батарейцы, катим пушки следом и стараемся защитить пехотинцев от танков. В этой ситуации батарея попадает в невыгодное положение: солдаты укрываются за любой бугор, а ты в открытую катишь пушку – немец в тебя лупит и лупит. Вот и получается: «Ствол длинный, а жизнь короткая».

Вступает другой артиллерист:

– Елки-палки, пехота наступает – мы за ней. Батальон ночь отдыхает на новых позициях, а нам приказ: «Окопаться! Замаскировать позиции!» Утром – артподготовка и бой! А вечером опять, елки-палки, перегруппировка: прибываем на новое место ночью, беремся за лопаты. Так изматываешься, что все до фени.

Зная недостатки «сорокапятки» – в борьбе с танками она была слабовата, все равно бойцы любили ее. Легкая, 540 килограммов: угодит в воронку – сами вытащим; правда, нелегко подносить снаряды: вес ящика – 50 килограммов, но вдвоем справлялись. В бою каждый попавший по назначению снаряд «сорокапятки» сберегал солдатские жизни. А для самих артиллеристов оказались бесценны ее высокая маневренность и широкий стальной щит, спасавший от пуль и осколков.

В 1943 году Красная Армия получила на вооружение 57-мм пушку – превосходное орудие! Им постепенно заменили «сорокапятки».

После войны я прочел, что Сталин однажды сказал Грабину, конструктору 76-мм орудия: «Ваша пушка спасла Россию». О «сорокапятке», к сожалению, таких слов никто не произнес.

Командовал артбатареей капитан Василий Иванович, опытный артиллерист, за участие в боях под Москвой награжденный орденом Красной Звезды. Солдаты прозвали его «наш Чапай». Он и сам, хотя был лет на десять моложе, старался походить на своего героя: отрастил чапаевские усы и тщательно следил за ними. Но на его молодом лице они казались лишними, не придавали ему желанной романтики. Мне понравилась его беседа с нами, молодыми бойцами.

– Главное в бою, – сказал капитан, – выбрать правильную позицию и вовремя окопать орудие. Не сделаете того и другого – немец пойдет в лоб и вы с ним не справитесь. Чтобы точнее ударить по танку, надо выбрать момент, когда он хоть на пару секунд повернется к вам боковой броней – она тоньше. Если близко подпустите, танк может развить скорость и сомнет огневую позицию – даже если пробьешь броню, может не остановиться. Или один загорится, а другой пойдет дальше. Танк обязательно надо сжечь!

Боевые учения

Батарея состояла из трех взводов, по три орудия в каждом. Плюс двадцать шесть лошадей. Размещалась батарея в двух деревушках, отстоящих недалеко друг от друга, разделяли нас живописный лесок и маленькая речушка. После отступления немцев в деревушках уцелело по две-три избы и пятак сараев, от прочего остались только обугленные фундаменты и пустые собачьи будки. Жители – их осталось немного, в основном старики, старухи и дети – обитали в землянках, куда стащили все, что удалось сохранить. Крестьяне рассказывали, когда в деревню приходили немцы, они в первую очередь разыскивали и расстреливали комиссаров, коммунистов и евреев, а затем убивали всех собак.

В одной из деревушек чудом сохранилась приличная крестьянская изба, ее заняло командование батареи. На окраине, ближе к лесу, разместились в палатках солдаты. На противоположной стороне в отрытых траншеях упрятали, хорошо замаскировав, орудия. Подальше, на опушке леса, построили конюшни и площадку для кухни. Особое место занимал глубоко врытый в землю, покрытый крепкими бревнами склад боеприпасов.

Дни проходили быстро. Подъем, лишь солнышко всходит, весь день с пушкой в обнимку, и, глядишь, уже ночь. Не раз командир батареи устраивал тревоги, проверяя по часам, насколько мы готовы отправиться в путь. «Расчеты, к оружию!» – звучала команда, и каждый мигот занимал свое место у орудий. Хотя «первый блин» вышел комом, вскоре командир уже хвалил батареяцев.

Казалось, все идет как положено. Мне, как и всем, вручили карабин, противогаз, два санитарных пакета и красноармейскую книжку, в которую старшина записал мою первую фронтową профессию: «артиллерист». Как я гордился, глядя на эту запись!

Кормили нас по нормам второго эшелона, но выходило терпимо. Что-то добавлял повар за счет леса и благодаря хлопотам старшины Осипа Осиповича.

С утра до вечера с нами занимались командиры. Пять раз в неделю батарея выезжала на учения. Выбирали удобные позиции – основную и запасные, выдвигали орудие, метрах в шестистах-семистах выставляли фанерные макеты танков и открывали огонь. Иногда позволяли использовать один боевой снаряд. Попробуйте одним выстрелом поразить движущуюся цель! Часто стреляли по мишеням из карабинов, что оказалось труднее, чем из винтовки, – сильная отдача. Ничего, привыкли и к этому. Труднее давались ночные караулы. Как и в училище, после них не освобождали от дневных занятий.

Еще тяжелее, чем ночные караулы, оказался постоянный труд по устройству огневых позиций. Сколько мы перекопали земли! Часами не выпускали из рук кирку или лопату! Вот уж где выдыхались! Наш командир Леня Лошак говорил:

– Не успеете сами окопаться, окопать орудие, – гибель!

И мы старались.

Расчет занимал отдельную палатку. Среди нас были опытные фронтовики, новобранцы и два курсанта – такого ужасного явления, как дедовщина, мы не знали. Вечерами разрешалось посидеть перед палаткой, «побалакать за жизнь», как украинцы говорят. Шутили, дымили самокрутками. Нашелся и баянист, Коля Шуляк, инструмент он привез с «гражданки»; до войны Николай был совхозным конюхом, в батарее служил ездовым.

Когда выдавалась свободная минута, я старался расспросить бывалых фронтовиков. Солдат, прошедший сорок первый, рассказывал:

– Он, когда прет на тебя, чешет из пушки, пулеметов – может раздавить и тебя, и орудие. А ты что? Попробуй его подбить! А гранатой его не возьмешь. Танк надо обязательно сжечь! Это каждый тебе скажет.

Я спрашиваю:

– А если танковая атака?

– Страшное дело. Здесь немцы, главное, действуют на психику, любят стрелять на ходу – что танкисты, что пехота. От такой стрельбы пользы мало – это все знают, но на психику действует, особенно на молодых, необстрелянных. Я и сам не раз поддавался. Не получилось подбить, сжечь – лучше пропусти его через себя, понадежней укройся в окопе, а потом бей и бей, чем можешь, как можешь – только бы задержать огнем идущих за танками пехоту, мотопехоту...

Самая колоритная фигура батареи – старшина Осип Осипович, прозванный «и нашим и

вашим». Солдаты чутко подмечают характер начальства, будь то старшина, взводный или даже комполка. Об Осипе Осиповиче все знали – оборотистый мужик: и с рядовыми прилично себя ведет, и об интересах начальства не забывает.

Осип Осипович любил и часто произносил перед нами длинные речи. А говорил он, как правило, примерно следующее:

– Кто есть старшина?! Старшина есть тыл армии. Что есть тыл армии? Это основа ее существования и главное условие победы. Без тыла – ни прокормить солдата, ни согреть его душу чарочкой! Ни помыть его вовремя в баньке – а значит, не избавить от вшей! Без тыла не двинется в бой ни один танк, не взлетит самолет, не выстрелит ни одно орудие! Не получит желанную бабу ни один генерал! Усекли, артиллеристы, значение старшины? Будем считать, усекли! Так что прошу любить и жаловать Осипа Осиповича, выполнять точно все мои указания.

Начальство – в забыты

Осип Осипович – третий мой старшина. Сколько их еще будет! Скверно, когда старшине не хватает разума, культуры, образования, – такое часто бывает, но это еще можно вытерпеть. Вдвойне, втройне скверно, если ему недостает самых обыкновенных человеческих чувств. Самый трудный случай, и тут уже ничего не поделаешь, когда старшиной овладевает мания величия, когда он уверен в своем превосходстве над рядовыми.

Наш старшина – человек иного склада, он всегда готов помочь солдату. А как заботится о конюшне! Разбуди Осипа Осиповича ночью – он без запинки перечислит всех лошадей, их масти, клички. Печется он и о начальстве. Ну и пусть себе печется. Главное – чтобы о солдате не забывал. Всем нам казалось, что Осип Осипович так и поступал. Ну скажите, как такого человека не уважать, как не простить ему всякие мелкие грешки? Идеальный старшина!

Однако вскоре жизнь батареи круто переменялась, и солдаты сбросили с пьедестала «идеального старшину».

Первое – ухудшилась еда. Вместо супа, заваренного на американской тушенке, стали кормить баландой.

Тем, кто не ел баланды, разъясняю: это горячая водичка, заправленная крупой, травкой и солью. Тушенка, точно привидение, исчезла из рациона. То ли проливные июльские дожди затормозили подвоз, то ли союзники перестали присылать? Всякое приходило в голову – человек, видно, так устроен: если происходит какая-то несуровица, он прежде всего старается понять.

После исчезновения тушенки пришла очередь хлеба – ломоть похудел. Затем и сахар стали выдавать через день. Почему?

Новые сомнения: командиры стали отлынивать от занятий, перепоручая свои обязанности сержантам. Реже выезжали в поле. Опять помешали дожди? Забыл нас и комиссар. Перестали доставлять газеты, и мы не знали, что происходит в стране, на фронте, а кроме того – лишились раскурочного материала!

Затем случилась совсем уже подлость! Урезали довольствие лошадям, до предела сократив ежедневную норму овса.

Стало худо и людям, и животным, которых мы обожали и которые, в отличие от нас, не способны были искать оправданий.

Прошло две недели в новом полуголодном режиме. Все стали затягивать пояса и как-то приспособливаться. Я, например, отдавал почти пол пайки согласившимся заменять меня на ночном посту.

Вскоре нас совсем оглушили – стали запрягать нас вместо лошадей. Приходилось на себе волочить пушки два километра до места учений – иначе из-за сильных дождей в поле их не доставить. Понятно, в боевой обстановке может быть и похуже, придется и на себе тащить, но так поступать сейчас? А причина тому – обессилели лошади. Артиллерийской лошади положено в сутки не меньше шести килограммов овса. Она их не получала. С грубыми кормами (сеном, соломой) тоже оказалось слабовато – откуда их взять? Голодные кони, не углядишь, начали грызть друг у друга хвосты, глотать коновязь, а это, не дай бог, могло привести к большой беде.

Замечательно высказался один француз-кавалерист. На упрек маршала Мюрата он ответил: «Люди могут идти без хлеба, но лошади без овса – не в состоянии. Их не поддерживает в этом

любовь к Отечеству».

Тащить пушку по мокрой глинистой земле, да еще под дождем, – занятие малоприятное. А чуть доберемся, измученные, мокрые, выберем позиции, как тут же, без всякой передышки, звучат команды:

– Танки с фронта!.. Танки стыла!.. Танки с флангов!..

Только успевай соображать, разворачивать орудие, изменять прицел, перетаскивать снаряды... Но на пустой желудок – какая стрельба? Валимся, обессилив, один за другим на землю, все грязные, мокрые, да еще и злые, голодные. Отучившись, волочим пушку обратно. Доберемся до палатки, а командир взвода или сержант еще четверть часа держит в строю: разбирает прошедшее учение. Так положено! Приведем себя в порядок и строим на кухню. А там баланда да каша без масла, кружка полусладкого чая. И эдакое всякий божий день. Хорошо, что повар – мужик приличный: попросит кто добавки – не пожалеет лишнего черпака.

Новые чудеса. Обычно многие после обеда шли ненадолго в конюшню – гладили лошадей, кормили их травкой, беседовали с ездовыми – те, помню, часто напевали частушку: «Два – за сено, три – за воз, полтора – за перевоз. Чечевица с виною, а я не чирикаю...» Теперь, правда, пение прекратилось. И вдруг всем запретили заходить в конюшни, причем без всяких объяснений.

Такая сложилась ситуация в нашей батарее. Никто не понимал, что происходит.

Стали рассуждать: кони без овса тощат, выводить их на траву не разрешают даже в погожие дни – мол, где-то появилась «рама». Особенно сокрушался Матвей, старший ездовой: он любил лошадей, как настоящий артиллерист – свою пушку, даже плакал:

– Воевать еще не начали, а кони полягут...

С Матвея все и открылось, все заварилось.

Как-то вечером, когда мы остались одни, без начальства, появился к нам старший ездовой и, загибая палец за пальцем, стал выкладывать свои наблюдения:

– Факт первый: товарищи командиры с помощью Осипа Осиповича меняют овес на самогон. Факт второй: на закусон изымают из солдатского котла тушенку и иной харч. Факт третий – подумать, что выделывают, сучье отродье! – в соседних деревнях старшина отыскал девок, привозит их к командирам. Я-то, старый дурак, еще дал на то коня Осипу. Ну куда ж такое годится? Мы почти в боевой обстановке, а они дело свое мужское справляют, а на нас... положили.

Через несколько дней командир батареи вдруг пришел к нам во взвод. Выстроил солдат под дождем и стал отчитывать, как мальчишек:

– Что за неряшливый вид! Грязные гимнастерки! А дисциплина!..

В ответ прозвучал чей-то голос:

– Товарищ капитан, так мы же стали вместо лошадей. И в грязи цельный день, как свиньи, валяемся.

«Чапай» ничего не ответил. Распустив взвод, повернулся и ушел.

Я – делегат

С того дня батарея открыла против своих же командиров самые настоящие «боевые действия».

Прежде всего отказались в дождливые дни тащить в поле пушки. Командир взвода – молодой лейтенант, его все считали пустым местом – зашумел на нас, пригрозил, но быстро утих, согласившись брать на учения одно орудие.

Теперь учились по очереди: одни копошатся в болотной грязи с пушкой, другие покуривают в кустах под проклятым морозящим дождем. У всех пропала охота учиться. Возвращались в деревню, обсушивались и после обеда, полумертвые, залегали хоть немного поспать.

Однажды вечером кто-то запустил в занавешенное окно избы, где веселились командиры и откуда неслись громкие звуки патефона, кусок кизяка, вывороченного из затвердевшей навозной кучи. Раздался звон разбитого стекла. Патефон смолк. Что там внутри избы произошло – никто не знал. На следующее утро окно починили – постарался Осип Осипович, а возле избы появился солдат с карабином – охранник командирских забав.

Ночами во всех палатках солдаты думали, как жить дальше. В нашей палатке говорили, наверное, то же, что в других, и с каждой ночью разговор становился все острее.

– Как комиссар срам такой допускает?

– А он заодно с ними – пляшет, жрет самогон да девок трахает.

– Красная Армия – армия рабочих и крестьян. Все мы, командиры и солдаты, из одного народа вышли.

– Вышли-то из одного, а те, кто власть получил, барами заделались. Знал бы Василий Иванович про такое беспутство – утопил бы мерзавцев в Урале.

Посмеялись, но разговор принял более резкий характер.

– Сообщить бы комдиву – он враз их урезонит!

– Сволочи! Завтра вместе идти в бой, а они блядством занимаются, нас за людей не считают.

– А что, ребята, выкатим оружие и, как в семнадцатом с «Авроры», бабахнем по контре. Они и есть натуральная контра!

– Ты что, чокнутый? Под расстрел хочешь всех подвести?

Вскоре произошло еще одно событие. С перекладки, протянутой между кольями, вбитыми в землю неподалеку от командирской избы, стащили постиранную гимнастерку нашего взводного. Наказали часового. Это всех возмутило. В тот же день прислали нового командира – наш «захворал».

Под вечер меня вызвали из палатки «старики» поговорить за жизнь:

– Ты парень грамотный, курсант, комсомольское начальство полка. Дальше терпеть нельзя: поговори по душам с комиссаром – может, одумаются? Поговори как партиец с партийцем. У вас, коммунистов, отношения особые – не нашенские.

– Во-первых, – ответил я, – какое я комсомольское начальство? Во-вторых, я не коммунист.

– Для нас, батарейцев, ты станешь коммунистом, если осмелишься и скажешь комиссару правду!

«Старики» замолкли, ожидая моего ответа.

Впервые в жизни серьезные мужчины, намного старше меня, фронтовики, не раз глядевшие смерти в глаза, поверили мне, надеялись на мое мужество, способность совершить гражданский поступок во имя справедливого дела. Забыв мудрое правило «Руби дерево по плечу», я решился.

Подошел к командирской избе и попросил часового вызвать комиссара. Тот скоро вышел, удивленно взглянул на меня. Когда я сказал, что хочу побеседовать с ним по серьезному политическому делу, он, как всегда, вежливо улыбнулся: мол, что ты мелешь, солдатик, какое там у тебя «серьезное политическое дело»?

Я не ожидал от него немедленного согласия на разговор. Но комиссар вдруг предложил побеседовать в лесу. Сели на поваленное дерево. Выглядел комиссар, как всегда, франтовато. Молодой брюнет с холеным полным лицом, он был одним из тех мужчин, все об этом знали, кто постоянно, словно женщина, заботится о своей внешности. Некоторым он нравился. А сейчас он, видно, готовился к вечеринке: был чисто выбрит, волосы зализаны, смазанные каким-то кремом, придававшим им серебристый оттенок; пуговицы на гимнастерке, звездочка на пилотке, сапоги – все сверкало; сам источал запах тройного одеколона – в то время предел мечтаний фронтовика. Куда мне тягаться с ним? Замызганная гимнастерка, давно не чищенные сапоги, грязные ногти.

И все-таки разговор состоялся. Я искренне, начистоту, выложил все как есть. Не прибегая к грубым словам, стал рассказывать о фактах и о настроениях в батарее.

Комиссар обмахивался веточкой, вопросов не задавал, слушал. Я закончил. Наступило молчание. Прервал его комиссар, и разговор принял совсем не то направление, которого я ожидал. Вернее, никакого разговора не последовало. Это был монолог. Комиссар говорил грубо, назидательно, презрительно:

– Вот какой ты герой! Не представлял. Интересно, каким будешь в бою. Оказывается, ты, курсант, еще и склочник. Надеюсь, не в училище тебя этому научили? Запомни, что я тебе скажу. Молодой ты еще и горячий. Подставили тебя, теленка, пободаться, а сами в кусты. Вся твоя речь – полнейший вздор! Чего ты добиваешься? Побольше тушенки класть в суп? Она оказалась порченной. Пойди к старшине – он тебе покажет соответствующий акт. Количество овса интенданты сократили во всей армии – природа нам не подчиняется. Всем трудно. Думаешь, солдатам, наступающим в эти дни, легче? Все остальное – чепуха. Ты, солдат, обидел не комиссара, а партию! И заслуживаешь наказания. Но я – человек не мстительный, отношусь с уважением к каждому, – это все знают. Тем более, как ты сказал, нам вместе идти в бой. Так что подумай – и серьезно – о сказанном.

Подавленный, оглушенный, я не проронил ни слова. Он поднялся. Не попрощавшись, мы разошлись.

Сомнения одолевали меня: может, я не нашел необходимых слов, не сумел вызвать его на откровенный, душевный разговор? Нет и нет! Я не виноват, просто он демагог, из тех, что прикрывают высокими словами свои пороки. Лицемер и пустослов! Но горький осадок от беседы с комиссаром остался.

На следующий день «Чапай» приказал перевести меня во взвод, расположенный в соседней деревне. Убирают подальше с глаз начальства, понял я. Ясно, по подсказке комиссара. Что ж, ладно.

Забрав карабин, вещмешок и шинель, попрощавшись с расчетом, я отправился к месту новой службы. Перед уходом ребята рассказали, что комиссар в присутствии нескольких человек, в том числе старшины Осипа Осиповича, высказался: «Откуда он взялся, этот жиденок?»

Жаловаться в армии не положено. Из «Свода правил поведения солдата»¹

Я шел по узкой лесной дороге, радуясь встрече с чудом зеленого летнего леса. Ясное небо, величественные деревья, воздух, напоенный свежестью... Было грустно, и вместе с тем я испытывал радость: природа словно приняла меня в свои утешающие объятия, растворила, рассеяв, мои невзгоды, исцелила и сделала сильнее. Вдруг стало так легко! К черту комиссара! К черту все сказанные им противные слова! Да и какая разница, в каком взводе служить, – говорят, там приличный командир...

Вдруг кто-то окликнул меня, я обернулся. За мной верхами ехал Сабит Халиков. Поравнявшись, он остановил коня:

– Ты чего не приходишь на заседания комитета комсомола? Я дважды звонил вашему «Чапаю», он обещал прислать тебя.

Я не стал ничего объяснять, не сказал и о случившемся, постарался отговориться:

– Не знал, мне никто не сообщил.

Вдвоем мы добрались до расположения взвода. По дороге Сабит восторженно рассказывал о боевой подготовке в дивизии, как она крепнет, услышал я и много лестного о комдиве Куприянове:

– Таких я до сих пор не встречал, – повествовал Сабит, – лучший командир!..

Командир взвода, когда я доложил о прибытии, направил меня в один из расчетов, вопросов не задавал – я понял, что ему не известно о причинах моего перевода. Сабит попросил взводного отпустить меня в полк – он тут же разрешил. И я вдруг решил действовать: надо поговорить с полковым комиссаром, когда еще предоставится такая возможность.

Заседание комитета комсомола оказалось особым. Присутствовали комполка, все батальонные комсорги, вопрос обсуждался один: о боевой подготовке. Комполка рассказал, что в нескольких батальонах и батареях побывал комдив Куприянов – жаль, что не у нас! – и остался недоволен ходом занятий: много формальности и показухи, слабо отрабатывается взаимодействие родов войск, солдата не учат проявлять инициативу в бою.

– Комдив предполагает лично провести совместные учения с танковой бригадой, – закончил свое выступление комполка. – В учениях примет участие и наш 711-й полк. Делайте выводы!

После заседания я подошел к нему:

– Не можете ли вы уделить мне несколько минут для серьезного политического разговора?

– Вы с комиссаром полка беседовали?

– Не удалось. До заседания комитета я попытался это сделать, но получил ответ, что он уехал на два дня в армию.

– Хорошо, давайте поговорим. Слушаю вас.

Командир полка вежливо меня выслушал, поблагодарил за честность и пообещал после возвращения комиссара во всем разобраться. Услышав вопрос о комиссаре, я засомневался: правильно ли поступил – может, действительно следовало сначала встретиться с комиссаром, по слухам, он человек приличный и принципиальный. Но ведь он приедет через два дня, отпустят ли меня еще раз в полк? Но, в сущности, какая разница, ведь комиссар и командир – оба представляют советскую власть.

Но вышло не так, как я думал.

¹ См. рассказ «Солдатские афоризмы» в Главе девятнадцатой. – *Здесь и далее все примечания принадлежат автору.*

Через четыре дня в батарею приехал комиссар полка. После беседы с начальством батареи, сытного обеда – Осип Осипович уж расстарался – он вышел на крылечко, послал за мной и, присев на солнышке, стал дожидаться.

Задал он мне всего три вопроса.

– Почему вы преступили субординацию?

Я объяснил, как все происходило.

– Все в батарее думают так, как вы?

– Все, изложенное комиссару батареи, – это мое личное мнение как комсомольца.

– Вы угрожали комиссару?

– Нет! – заявил я категорически.

Пока мы беседовали, а точнее, я отвечал на вопросы комиссара, все три взвода выстроили перед палатками. Здесь же находились капитан «Чапай» – наш командир – и все командиры взводов. Отпущенный комиссаром, я встал в строй, не предвидя ничего дурного. Последовала команда:

– Смирно!

Неожиданно для батарейцев, не говоря уж обо мне, капитан вызвал меня из строя и приказал:

– Сдать карабин командиру взвода и отбыть в распоряжение командира 1-й стрелковой роты 1-го батальона старшего лейтенанта Сухомирова. Получите у старшины красноармейскую книжку. На сборы – один час!

Кровь прилила к лицу. Сильно застучало сердце, словно его внезапно придавило чем-то очень тяжелым. Как же так?! Никаких объяснений! Что все подумают, толком не зная, за что меня наказали?! Но больше всего ранило другое! Ни один из курсантов, никто из «стариков», что уговаривали меня бороться за правду, никто из моего расчета не выступил в мою защиту – ни один человек не проронил и полслова! Вот как получилось! Вот какие мы – «из одной казармы»!

Так я попал «без драки в большие забияки», а из забияки тут же выпустили пар.

Ровно через час я покинул батарею и двинулся лесом в распоряжение некоего старшего лейтенанта. Шел я раздосадованный: как же, первый в моей жизни важный гражданский поступок, совершенный ради людей, – и кончилось все ничем! А лично для меня – мелкой мстью, изгнанием из артиллерии.

Помните, у Александра Трифоновича Твардовского в его бессмертной поэме «Василий Теркин»:

По дороге прифронтовой,
Запоясан, как в строю,
Шел боец в шинели новой,
Догонял свой полк стрелковый,
Роту первую свою.

Вот так и я шел по дороге в «полк стрелковый, в роту первую свою».

Через некоторое время стало известно, что мои усилия все же не пропали даром. Пьянки прекратились. Лучше стала еда. Комиссар возобновил посещения батареи, принося газеты. Лошадям стали выдавать овес по норме. Возобновились занятия.

Но душу ранило гадкое чувство полной незащитности. Известно, что самые высокие душевные порывы оборачиваются пустым звуком, если за ними не следуют конкретные поступки. Я получил серьезный урок, и он не пройдет даром. С тех пор я усвоил одно правило и стараюсь его придерживаться: не жди поддержки и одобрения; если уверен в своей правоте – действуй.

Глава шестая В стрелковой роте Июль – август 1942 года

Фронт лихорадит

Итак, я пехотинец! «Умник – в артиллерии, щеголь – в кавалерии, пьяница – во флоте, а дурак! – в пехоте». Что ж, в пехоте так в пехоте, мы не гордые.

В стрелковой роте меня сразу определили в отделение, командовал которым – о радость! – наш Шурка. Он сразу стал рассказывать о ситуации. Недовольство бойцов вызывал ротный старшина, и в первый же день я стал свидетелем стычки между ним и Шуркой.

– Почему мы до сих пор не получаем почту?! – возмутился Шурка.

Старшина, пожав плечами, безразлично ответил:

– Почта не входит в обязанности старшины. Наше дело – подать вовремя заявочку, обеспечить солдата жратвой и боеприпасами. А ваше дело, сержант, – воевать с немцем.

Шурка завелся:

– Вы что ж, товарищ старшина, не собираетесь воевать вместе с нами?

Помолчав, старшина ответил:

– Как будет приказано.

За годы войны у меня скопилась целая «коллекция» самых различных образчиков старшин. Этот был уже четвертым. «Серая личность» – таково было мнение бойцов, и я его разделял.

Не успел устроиться в стрелковой роте, привыкнуть к новому отделению, понять свои нехитрые обязанности, как полк внезапно подняли по тревоге, и спустя пару часов вся дивизия уже двигалась ускоренным маршем к ближайшей станции. Всю ночь шли, не зная, куда и зачем нас ведут. Что, если гитлеровский зверь вновь прыгнул на Москву?.. Кто-то напомнил слова комиссара: «Смертельная опасность нависла над страной: немец рвется к Волге!» Точку самым разным слухам поставил, как часто бывало, солдатский телеграф: дивизию срочно отправляют под Сталинград!

За ночь отшагали километров тридцать. Утром я впервые увидел командира дивизии. Он стоял на обочине дороги возле «эмки» и спокойным внимательным взглядом провожал идущее мимо воинство. Высокий, стройный, уверенный в себе. Простое крестьянское лицо, глаза живые – пристально следят за проходящим строем. Наверное, его заботила одна мысль: устоим ли, справимся под Сталинградом? Ибо он отчетливо понимал – чего таить! – что далеко еще не все сделано, еще не все подготовлено, еще не все солдаты научились воевать. Он не мог не ощущать собственной ответственности за каждого доверенного ему солдата. Может быть, он сокрушался: «Эх, еще бы месяц-два – тогда появится уверенность в боевой силе и духе дивизии».

Опять внезапно, ничего не объясняя, колонну остановили. Затем направили в лес. Короткий отдых чуть оживил нас после нелегкого ночного перехода, и опять мы на марше – сменив направление, догоняем ушедшие вперед технику, тыловые части. Солдатский телеграф тут же отстукал новую весть: Сталин узнал о нас и приказал: «Ни одного солдата не снимать из-под Ржева!»

Так я не попал в Сталинград.

Известно, что в сорок втором со всех фронтов сняли и отправили под Сталинград 50 дивизий, в том числе несколько с Западного фронта. Нашу дивизию почему-то не тронули, опять оставили в резерве.

О фронтовых комдивах

Должен сказать, что на фронте солдата больше, чем командира, интересует, что собой представляет его комдив. Подобное утверждение может показаться непонятным или смешным, ведь рядовому до комдива – как до неба. Но так обычно рассуждают новобранцы или люди равнодушные. Фронтовик, попадая в новую дивизию, первым делом спрашивает о комдиве, а не о взводном или ротном. Почему? В данном случае справедлива слегка переиначенная присказка: «Скажи мне, кто твой комдив, и я все скажу о твоём взводном (или ротном)».

За годы войны мне пришлось видеть всяких комдивов. Одни командовали по-гусарски: шумно, порой разухабисто, что ни приказ, что ни слово – рык и громобой! Попробуй не выполнить – жди

тяжкой кары! Это худшая разновидность фронтовых комдивов, настоящие солдафоны, их не интересовало мнение подчиненных, такие признавали одно правило: «Вперед! Ура!» За что и получили презрительное прозвище «Уря!». Сколько на их совести солдатской крови!

Другие комдивы полагали высший смысл командного языка в отборном мате – в их представлении только с помощью брани можно заставить человека воевать, ибо война, как они считали, это жизнь наоборот. Известно, что мат в армии процветал на всех уровнях и воспринимался как нормальный язык. Чем выше командир, тем громче и разухабистей звучал мат. По общему мнению, среди маршалов военного времени лишь Константин Константинович Рокоссовский не опускался до этой массовой мерзости.

Война прочно закрепила за командирами и расхожее слово «мордобойщик». «Врезать в морду» значило не только получить удовлетворение и закрепить собственное превосходство; давая волю кулакам, мордобойщики считали сие действие еще и полезным уроком для подчиненных. А выпивохи?! Трудно в то время было назвать командира, который бы вообще не брал водки в рот. Однако я имею в виду истинных пьяниц – алкоголиков. Начальство прощало им такие «шалости», если они не влияли на боевые успехи. Во время боев в Восточной Пруссии я знал комдива, который за день опустошал как минимум бутылку французского коньяка и, если надо, плеткой гнал батальоны вперед.

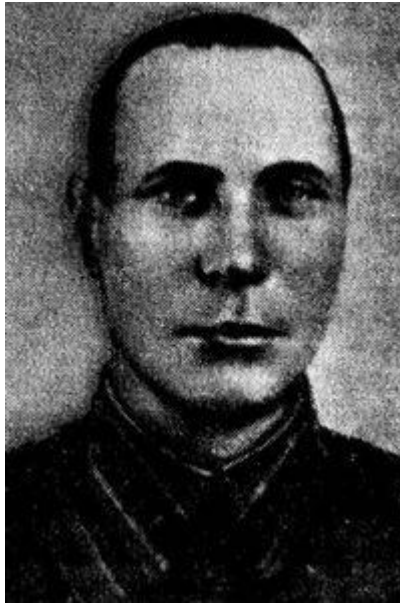
В большинстве своем матерщинники, выпивохи и мордобойщики – все это были те лейтенанты и майоры, которых сталинские чистки еще в мирное время вознесли в чинах. В одночасье они стали подполковниками, полковниками, генералами и командовали уже полками, бригадами, дивизиями. Но к сорок второму за их плечами был уже опыт боев и победа над японцами, Финская кампания, поход в Польшу, трагичный сорок первый, битва под Москвой – теперь они командовали, казалось, по праву. Это было новое, сталинское поколение командиров-практиков, как правило малокультурных, без специального образования. Такие не утруждали себя упражнениями мыслительных способностей. Такие не останавливались перед тем, чтобы свалить на других собственные просчеты. Особенно от них доставалось командирам, окончившим академии.

Сталин как Верховный Главнокомандующий прекрасно знал своих генералов. Чем жестче и наглее они вели себя, тем веселее он покручивал свои усы. Он не терпел бесструнных балалаечников. «После войны всех быстренько поставим на место, – нередко говорил он своим помощникам, – а пока пусть бренчат, что хотят». Так оно потом и вышло.

Но какими бы ни были сталинские комдивы, справедливости ради следует признать: трусливых, безвольных, с душой не на месте я среди них не заметил. Сколько их погибло на Ржевской земле! Много!

Комдив 215-й дивизии – Куприянов

О нашем командире дивизии впервые я услышал в июне 1942 года. Когда стало известно, что к нам прибыл комдив, что ему поручено сформировать и вести в бой 215-ю дивизию, эта новость, как молния, облетела все полки, батальоны, роты. Командиров и комиссаров интересовало, справится ли комдив с таким ответственным поручением, каков его профессиональный уровень, боевой опыт. Мы, рядовые, жили и мыслили в иных измерениях: нас интересовало, как этот человек станет распоряжаться судьбами тысяч людей в солдатских шинелях – порядочный он или зверюга?

Командир 215-й стрелковой дивизии, генерал-майор Куприянов. 1942 г.

Вскоре все уже знали, что комдива зовут Андрей Филимонович Куприянов, что он часто приезжает в полки и не сидит на компунктах, а разговаривает с людьми – и не только с командирами.

Шло время, и до нас начали доходить более полные сведения о комдиве. Стало известно, что Куприянов – не баловень судьбы. Сын крестьянина-бедняка. В Красной Армии – с Гражданской. Честно прошел трудный армейский путь – от рядового до полковника. Закончил Смоленское военно-пехотное училище, а затем Военную академию имени М. В. Фрунзе. Его солидный послужной список внушал доверие. Когда он служил замначальника Свердловского военно-пехотного училища, один из командиров училища как-то высказался: «Армия без карцера – не армия». Куприянов в ответ предложил: «А вы подумайте, как сделать, чтобы карцер почаще пустовал!» В сорок первом, когда немцы подошли к Москве, ему приказали срочно собрать тысячу курсантов, сформировать стрелковую бригаду и прибыть на защиту столицы. Поздней осенью и ранней зимой сорок первого все они погибли на подмосковной земле. Говорили, что сильно плакал комбриг, не скрывая слез, – переживал гибель своих питомцев.

Командарм Лелюшенко, человек нетерпеливый и горячий, несколько раз требовал поскорее завершить формирование дивизии, включить ее в боевые действия. Куприянов всякий раз находил обоснованные доводы и добивался еще одной, пусть недолгой отсрочки. Об этом мы тогда, понятно, не знали. Сегодня можно лишь сказать ему спасибо, ибо пошли мы в бой лучше подготовленными, что спасло немало человеческих жизней.

Прошло немного времени, и до нас дошла еще одна новость. Комдив не кричит, не матерится, обращается к полковым и батальонным командирам по имени-отчеству и на «вы». Относится ко всем ровно – независимо от чина и звания, собственными командирскими действиями подтверждая, что уважением и доверием к людям можно добиться большего, чем криком, жестокостью и матом. Питается из солдатского котла, никаких личных командирских кухонь не признает. Редчайшее явление на фронте!

Вполне я смог оценить эту позицию комдива, лишь пройдя войну, нагнавшись иных примеров. И это еще один штрих к портрету фронтовых комдивов. Особые столовые, адъютанты, денщики, комендантский взвод, штабисты, писаря, комиссарская братия, особисты, связисты (чаще связистки), разведка, собственный транспорт, интенданты, непременно гарем или ППЖ (походно-полевая жена), армейская бюрократия – все это крепчайшим частоколом отделяло и оберегало полковника, генерала от командирской мелкоты. О рядовых и говорить нечего – попробуй пробейся!

Прошел всего месяц, а в дивизии не найти было человека, который не знал бы Андрея Филимоновича в лицо.

Всегда чисто выбритый, подтянутый, весь затянутый в армейские ремни, в новой армейской гимнастерке, на которой с левой стороны над карманом блестел новенький орден Красного Знамени, полученный за бои под Москвой, – комдив с утра до поздней ночи находился в батальонах и ротах,

проверял, как и чему учат нас командиры. Чаще всего он бывал у разведчиков и в отдельном саперном батальоне. Известно, что позднее разведка 215-й дивизии считалась одной из лучших в 30-й армии.

Общаясь с комдивом, командиры ценили его скрупулезность, желание не допустить малейшего просчета; он придерживался старого правила: семь раз отмерь – один раз отрежь. При этом с первого же дня жестко потребовал неукоснительного исполнения своих «указаний», так он называл личные приказы. Эти указания, чаще всего короткие, касались в основном учений, быта, поддержки уверенности и боевого духа бойцов.

С приходом Куприянова вся дивизия превратилась в серьезную военную школу. Комдив знал, что времени ему отпущено немного, и спешил успеть как можно лучше подготовить всех – рядовых и командиров – к предстоящим боям. Мы это понимали и старались вовсю. Понимали это и командиры. Когда мы видели рядом с собой в окопе, у пулемета, на танке командира взвода, роты, а нередко и батальона, хотелось лучше познать военное мастерство.

– Посылать вас на фронт необученными – значит, обманывать, предавать, – говорили нам командиры. – Так что не жалуйтесь и не обижайтесь – надо учиться и учиться!

В своих воспоминаниях командующий Калининским фронтом И. С. Конев гордится тем, что впервые на его фронте пехотные части перешли от одиночных окопов и землянок к сплошным траншеям и блиндажам. За этот «передовой опыт» маршал Конев должен быть в первую очередь благодарен Куприянову. Комдив учил нас рыть траншеи и строить блиндажи не хуже немецких.

Скоро – наступление

С каждым днем росла боевая мощь дивизии. Со всех концов России к нам привозили новобранцев и новую технику. Прошло время бутылок с горючей смесью для уничтожения танков, солдат вооружили противотанковыми ружьями (ПТР) – они помогали отбиваться от легких танков противника, но, к сожалению, были громоздкими, их носили вдвоем на плечах. В ротах выросло количество пулеметов. В каждом полку сформировали, в основном из курсантов, по две роты – пулеметную и автоматчиков, – правда, автоматов не всем хватило, ждали, что вот-вот привезут. Создавалась полковая артиллерия, вся она была пока на конной тяге. Ожидали прибытия тягачей со 122-мм орудиями, такие орудия – грозная сила в боях. Врытые глубоко в траншеи, стояли тщательно замаскированные грузовые автомобили с реактивными установками – знаменитые «катюши». Немцы их почему-то называют «сталинскими органами» – от их залпового огня, рассказывали пленные, некоторые сходили с ума.

Нас, пехоту, вооружили самозарядными винтовками с ножевыми штыками и ручными пулеметами системы Дегтярева, мы их называли «дегтярями»; к сожалению, первые же бои показали, что магазин пулемета часто засорялся и не срабатывал. Рядовых немного придели, выдали американские ботинки и заменили старые шинели на новые, сшитые из английского сукна.

Дивизия – это огромный живой организм. За два первых месяца она выросла до четырнадцати тысяч человек, то есть до полного штатного состава довоенного времени. Всех надо было кормить и одевать, заботиться о чистоте; постоянно держать в исправности тяжелое и легкое оружие. Поэтому появились такие части, как транспортный батальон, полевой хлебозавод, ружейная мастерская, прачечная – все это называлось «тылом дивизии».

Во главе полков и батальонов, как правило, старались поставить опытных командиров, побывавших в боях под Москвой, на гимнастерках многих из них блестели новенькие ордена и медали, – эти люди, их рассказы о боях под Москвой, награды, вызывали восхищение.

Слабым местом в дивизии оставалась проводная связь. Пройдет танк – взрыв, и связи нет, связисты принимаются за восстановление, и пока ее восстанавливают, управление боем потеряно. Между тем и тяжелая артиллерия, и танки, и самолеты – основные помощники пехоты – без радиосвязи слепы и глухи. Так было вплоть до сорок третьего и даже сорок четвертого, пока американцы не оснастили радиосвязью почти половину наших наземных частей и всю авиацию.

Изо дня в день мы, курсанты, проходили второй университет боевой подготовки. Теперь на занятиях командиры обращали основное внимание на необходимые практически навыки в овладении новой техникой. Часто проводились массированные смешанные учения в масштабе полка и даже дивизии, в которых одновременно участвовали танкисты и артиллеристы: мы взбирались на

танки и вместе с ними шли в «наступление».

Батальоны часто поднимали по тревоге и направляли пешим ходом на участки фронта, находившиеся под угрозой. Когда тревожная обстановка стихала, нас возвращали обратно.

Летом ночи короткие; лежишь в палатке, слушаешь, как вдали гудит, бухает, грохочет... – там идет жизнь переднего края. Пройдет совсем немного времени, и нам предстоит вступить в нее. В короткие минуты отдыха я уходил в лес, выбирал где-нибудь место посуше и предавался воспоминаниям – прошлое не отпускало, хотя разумом я понимал, что давно уже живу в другом измерении.

С первых дней июля сорок второго пошли сильные дожди, ливни все чаще свирепо обрушивали потоки воды на землю, все вокруг превратилось в сплошное болото, но занятия не прекращались. Мы ходили постоянно мокрые, измученные, но, понимая значение действий командиров, не роптали, знали: потерянный для обучения день здесь – на переднем крае уже не вернешь! Целые дни мы ползали по земле; нас учили, как быстрее и глубже зарываться в землю, как вести огонь на ходу, с бедра, как лучше оборудовать пулеметные гнезда, как не поддаваться панике на поле боя, как подавлять огневые точки противника. И это было еще далеко не все. Нам объясняли и показывали, как следует действовать, чтобы стремительно сблизиться с неприятелем, как в бою и в окопе уберечься от огня противника, как подниматься в атаку, как вести себя при налете вражеской авиации...

Тренировали нас буквально до изнеможения, и сначала курсанты растерялись: как же так – выходит, все, чему нас раньше учили, в боевых условиях бесполезно? Кто-то даже зло высказался:

– Послать бы тех командиров... повоевать, а уж потом позволять им учить курсантов!

Со временем растерянность стала проходить, сменяясь все большей уверенностью. Мне понравились слова одного из командиров:

– Запомните, ребята: риск всегда должен носить разумный характер.

Этому нас и учили.

И вот итог. Менее чем за три месяца в тверских лесах, чуть не под носом у противника, была создана новая боевая дивизия. Усилиями комдива разношерстная солдатская масса, собранная со всех концов России, часто вовсе не имевшая военной подготовки, превратилась в полноценную войсковую часть, приспособленную к боевой обстановке, оснащенную техникой, имеющую прочный тыл.

Самого комдива мне случилось видеть всего несколько раз и очень недолго. Но однажды он провел в нашем батальоне почти целый день. Открытый лоб, волосы зачесаны назад, с молодым лицом – в свои сорок с лишним он выглядел тридцатилетним, взгляд приветливый, но сосредоточенный, – казалось, в глазах заключена вся сила этого человека.

Общаясь с бойцами, он интересовался, как проходят занятия, знают ли люди оружие, умеют ли приспосабливаться к местности – в обороне и в наступлении. Привлекало его обращение к солдатам: «ребятки». В суровом жестоком сорок втором, когда физически и на душе часто становилось невмоготу, это чудное слово успокаивало и вызывало в душе ответную благодарность. Командиров и нас, рядовых, поразило его стремление понять собеседника, нельзя было не почувствовать его искренне-теплого отношения к людям.

Особенно тепло и внимательно Андрей Филимонович отнесся к курсантам, что было всеми замечено. Он расспрашивал нас об училище, готовности к боям, об освоении новой техники, интересовался, в чем мы нуждаемся, как нас кормят.

В конце дня собрали на поляне бойцов, и комдив провел беседу. Проанализировал состояние батальона, объяснил важность учений. Говорил он немного, больше отвечал на вопросы – спокойно, неторопливо; если сомневался, что его поняли, повторял сказанное; он был больше похож на учителя, чем на военачальника.

В заключение комдив объявил:

– Назначен день смотра батальона. Готовьтесь! Боевые учения – нелегкий труд, но дело это необходимое. В бою от нашего умения воевать будут зависеть ваша жизнь и общий успех.

Приказ № 227

Этот день – 30 июля 1942 года – трудно забыть. Командир батальона зачитал перед строем приказ Верховного Главнокомандующего. Это был приказ № 227 от 28 июля, известный под названием «Ни шагу назад!». Слушая страшные строки приказа, все точно окаменели – я видел, как побледнели лица стоящих в строю.

Отчаянное положение: «Отступать еще – значит загубить себя и загубить вместе с тем Родину». Как можно спокойно воспринять эти слова! Этот приказ, мне кажется, – самый правдивый и честный сталинский документ за годы войны. Комбат закончил чтение приказа словами: «В боях на юге сейчас решается судьба Отечества».

Вместе с воздействием на патриотические чувства солдат приказ предусматривал и карательные меры. Впервые после Гражданской войны в армии вводились штрафные роты – для солдат и штрафные батальоны – для командиров.

После войны Г. К. Жуков назвал приказ № 227 «позорным»: увидел в нем попытку Сталина переложить собственные просчеты на армию. Я считаю, что появление данного приказа было шагом своевременным и вынужденным. Приказ не был нацелен на расправу с отдельными командирами или солдатами, он угрожал только тем, кто позволит себе и другим отступить без приказа – будь то самый высокий военачальник или рядовой солдат. Требовались жесткие меры, чтобы бойцы и командиры поняли свою личную ответственность за судьбу страны.

Вечером в палатке все говорили о сталинском приказе. Одни хвалили, другие всю материли. Были и такие, кто плакал, узнав правду о положении на Южном фронте: в тех степях под Сталинградом, по которым теперь шагали немецкие солдаты и рвались к городу немецкие танки, жили их матери, жены, дети – что теперь с ними, какова их судьба?

– Дожили, – сказал старый солдат, – немец уже до Волги допер.

Другой разразился грубой бранью:

– Дожили до...! Теперь не спотыкайся – сразу под ручки в штрафную...!

– А ты что хотел?! Пятимся, как раки! Куда дальше – на Урал? Забардачили, больно разбаловались!

– Что ж, по-твоему, дядя, под танки ложиться? – раздался молодой голос.

– Оно, Серафим, – ответил сосед, – конечно, приятнее лечь под бабу, но кто же будет танки жечь?

– Никогда русская армия не знала такого позорища – загонять пулеметами в штрафники.

Вошел в палатку командир роты Сухомиров, – вероятно, он услышал последнюю фразу, потому что сразу включился в разговор:

– Не волнуйтесь, ребята, никого не позволю отправить в штрафники. А знаете ли вы, что во время знаменитой Полтавской битвы со шведами Петр I подпирал своих grenадеров заградительным отрядом из киргизов?

Все сразу же замолчали, пораженные услышанным. Один все же спросил:

– Но победили-то шведов не благодаря заградотрядам, ведь так?

– Так! Защищали grenадеры Русскую землю от чужеземцев – вот и победили. Нам всем они – пример.

А приказ надо так понимать: крайняя ситуация вызывает крайние меры.

– Даешь гарантию, комроты, – вступил в разговор Шурка, – что не пропадем под Ржевом, как швед под Полтавой?

– Мы же не шведы. Мы – русские! Ежели и пропадем, так землю свою спасем от чужеземцев.

На том и закончилось обсуждение сталинского приказа.

Несколько слов о штрафниках. Как теперь известно, их было около трехсот тысяч². Я сам был свидетелем того, как штрафные части первыми неистово прорывали Восточный вал на Минском направлении. Сколько штрафных рот и батальонов получил для этой цели в свое распоряжение

² Есть и иные официальные данные: за всю войну через штрафные части прошло 428 тысяч человек. Впрочем, и эти цифры занижены. Специалисты Института военной истории оценивают общее число штрафников в 1,5 миллиона (с учетом штрафников из числа бывших уголовных заключенных). До сих пор, к сожалению, нет точной статистики о судьбе этих людей. Учет потерь в штрафных ротах и батальонах на фронте велся, мягко говоря, неточно.

командующий 1-м Белорусским фронтом маршал Рокоссовский? Почти все они погибли. Но именно они помогли прорвать мощную эшелонированную оборону противника – семь рядов вражеских траншей! – и открыли дорогу танковым армиям. Хотя нельзя не отметить, что во многих случаях особые отделы, во власть которых были переданы штрафники, допускали полный произвол³.

Теперь мы знаем, что немцы выпускали аналогичные приказы: формировали штрафные роты, заградительные отряды, особые суды, усиливали подразделения полевой жандармерии, расширяли влияние войск СС на вермахт. Только в 1943 году на Восточном фронте германской армии было сформировано более ста штрафных рот.

Комдив и курсанты

Незадолго до выхода дивизии на передний край в полк неожиданно приехал Куприянов – встретиться с курсантами. Людей собралось много. Комдив оглядел всех и сказал:

- Переживаете, ребята, что не дали вам закончить училище?
- Обидно, товарищ комдив, нескладно вышло, – ответил кто-то из курсантов.
- Забудьте обиду, не мучайте себя. Сами теперь понимаете, как нуждается в вас фронт. Мы

обязаны выполнить приказ товарища Сталина – изгнать противника с Ржевско-Вяземского плацдарма и взять Ржев! Гитлер считает, что этот плацдарм – отличный трамплин для нового броска на Москву. Мы с вами не позволим ему это сделать. Я верю в вас! Вы – костяк дивизии. В ваших руках сильные огневые средства. От того, как вы ими распорядитесь в бою, зависит наш общий успех и его цена. Начнем воевать – уверен, многие из вас станут командирами взводов, рот, а возможно, и батальонов.

Отмечу три момента. Во-первых, подавляйте вражеские огневые точки. Во-вторых, я даю вам право проявлять любую инициативу. Если выйдет из строя командир, не ждите приказа, принимайте командование на себя. И третье: взаимодействуйте в бою с танками, как вас учили.

Еще хочу вам сказать о храбрости. В чем состоит храбрость и проницательность командира? У Льва Толстого в рассказе «Набег» офицер рассуждает, что храбрый человек ведет себя на поле боя «как следует»: «Храбрый тот, который боится того, чего надо бояться, а не того, чего не нужно бояться». Отнеситесь, ребята, со вниманием к этому простому и очень разумному совету. Есть вопросы?

- Хватит ли боеприпасов?

– Хватит. В сорок первом на миномет доставалось по десятку мин, сегодня – в десять раз больше.

- Как с техникой?

– У нас сильная артиллерия разных калибров. Много танков. Среди них лучшие, чем у немцев, – Т-34. Берегите их. Помогайте, как можете, танкистам, а они защитят вас.

- Прикрытие с воздуха будет?

– Летчики обещали. Самолетов у немцев пока больше. Но так продолжаться будет недолго, вот увидите.

- А санитарная служба?

– Обеспечена. Дивизия имеет крепкий медсанбат. Нам прислали квалифицированных врачей и медсестер. Помогайте на поле боя санитарам. Берегите командиров и своих товарищей. Не бойтесь крови. Но прошу учесть предыдущий опыт. В отдельных частях во время июльского наступления под предлогом помощи раненым многие бойцы бросали передовую, уходили в тыл. Такого нельзя допустить!

- Как поступать с военнопленными?

- Не расстреливать! Отправляйте их в тыл, там разберутся.

- Будут ли разминированы подходы к обороне противника?

- Непременно! Для пехоты сделают проходы шириной полтора метра, для танков – три метра.

- Такой вопрос, товарищ комдив. Известно, что в июльском наступлении некоторые комбаты

³ Об этом правдиво рассказал фильм «Штрафбат», вышедший на экраны в 2004 году. См. рецензию: *Борис Соколов*. «Штрафбат» глазами историка. «Новый меридиан», 2004, № 576.

повели свои части с развернутыми знаменами, как «белые» в «Чапаеве». А как у нас?

– Мне не известны такие факты. Я никому не разрешу подобной глупости.

Кто-то осмелился спросить насчет заградотрядов.

– Я вам доверяю, – ответил комдив. – Я просил командарма освободить дивизию от заградотряда.

Вот такая неожиданная встреча! Вскоре о ней знали во всех частях.

Забегая вперед, скажу: свои обещания комдив выполнил.

Комроты старший лейтенант Сухомиров

22 августа отменили занятия. Солдатский телеграф сообщил: комдив будет проводить смотр полков перед выходом на передний край.

Смотр продолжался целый день.

Вечером старший лейтенант Сухомиров собрал роту.

В лесу на одной из уютных полян под уходящим за горизонт солнцем расположилась вся рота: 129 рядовых и сержантов, 7 командиров – комроты Сухомиров, комиссар, три комвзвода, старшина и санинструктор. Всего числом – 136.

Сухомиров говорил с бойцами спокойно, словно ничего особенного не происходит, но каждый из нас почувствовал, что слова эти важны и даются ему непросто.

– Золотые мои, – начал командир, – послезавтра наша 215-я пойдет в наступление. Для многих из вас этот бой будет первым. Бессмертные! Первый бой для солдата – самый трудный, это боевое крещение. С него начинается и им утверждается священный солдатский долг – защита Родины! Противник силен. Но и вы за короткий срок стали опытнее, лучше подготовлены к схватке с врагом. Запомните! Если вы не убьете немца – он убьет вас! Здесь не может быть никаких колебаний. В атаке не паникуйте, старайтесь сохранять мужество. Нет ничего страшнее страха. Не поддавайтесь ему! Только мышь всего боится. Мы не умирать сюда пришли! Освободить свою родную землю! Я поведу вас в бой. Я буду с вами! Рядом будут все, кого вы уже хорошо знаете, с кем уже многое испытали! Мы все будем вместе!

Бойцы слушали командира, затаив дыхание, ловили каждое слово, словно станет оно броней и защитой в предстоящем бою.

Когда он смолк, воцарилось молчание.

Первым поднялся Михаил, бывалый солдат из второго взвода. Уважали его прежде всего за честность и открытость, за стремление отстаивать свое право на веру. Человек он религиозный – об этом все знали и больше уважали «старика», чем зубоскалили. Комиссар как-то предложил красноармейцу «убрать подальше» крестик, с которым тот прибыл в роту. Михаил крестик не снял. По комплекции он был тоже особенный – тощий, как выструганная палка, даже лицо вытянутое, за что и был прозван «не в коня корм»: сколько бы ни ел, оставался худющим – такая натура. Михаил нередко чудил. Но в этот раз учудил такое, что вся рота ахнула:

– Товарищ старший лейтенант, спасибо за доброе отеческое напутствие. – Не подведем вас. Останусь жив – век не забуду такие добрые слова. В одном, извините, не согласен. Вы, товарищ старший лейтенант, называли нас бессмертными. Уж извините, бессмертен, известно, один только бог, а мы, простые люди, – все смертны. Страшиться же смерти не следует. Вся жизнь человека, какой бы она ни оказалась, короткой или долгой, есть подготовка к встрече с Всевышним. Разве не так? Извините, товарищ командир, комиссар и все товарищи солдаты.

Сухомиров улыбнулся:

– Есть поговорка: кто смерти боится, тот уже не живет. Разве не так, Михаил?

Сухомиров предложил задавать вопросы. Кто-то тут же спросил:

– Товарищ старший лейтенант, а как бы этак сделать, чтобы и воевать получше, и живым остаться?

Ответил солдату комиссар:

– В бою не рассуждают, в бою все мысли нацелены на одно: уничтожить врага. Гони его, убивай – вот и останешься живым.

По сути примитивный и бодренький совет породил сомнения: все так говорят. Сколько раз мы слышали: «Убей немца!» Но попробуй добраться до немца, чтоб его убить. Сколько времени два

фронта – машина! – не могут ухватить противника...

Вопросов вышло много, но все они сводились к трем основным: будет ли танковая поддержка, сумеет ли артиллерия подавить огневые точки противника и почему до сих пор, почти восемь месяцев, мы никак не возьмем Ржев.

– Я очень надеюсь на артиллерию и реактивные установки. Танки будут – у нас их теперь больше, чем у немцев. О Ржеве. Немцы давно засели в городе, окопались, укрепились, оборона немецкая – сильная, поэтому ее до сих пор не прорвали.

Завершая собрание, Сухомиров сказал:

– Завтра вечером выступаем, так что спать не придется, отсыпайтесь сегодня. День завтра – на сборы. Ночью выдвинемся к передовой, займем указанное расположение. Утром начнется общее наступление. Готовьтесь и поддержите друг друга, обращаюсь прежде всего к опытным фронтовикам.

Ночь перед выходом на рубеж

Ушли командиры – и все как-то примолкли, задумались. Почти сто дней, то есть с конца мая, дивизия находилась в резерве армии, почти сто дней мы готовились к предстоящему, ждали этого события – кто с нетерпением, кто показно-патриотически, кто-то с ужасом... И вот: время пришло.

– Чего закручинились, не видно и не слышно, будто камешки на дне реки?! – попробовал расшевелить всех чей-то громкий, нарочито бодрый голос.

Никто не отозвался. Никто не поддержал.

Дымили самокрутки, разговаривали тихо, будто берегли голос – время придет, вот тогда накричишься! Как всегда бывает в психологически сложной обстановке, люди вели себя по-разному. Оптимисты болтали всякую чепуху, посмеивались, шутили, вспоминали веселые истории. Другие помалкивали, тяжело и печально вздыхая. Многие старались даже в мелочах выказать друг другу больше внимания. Говорят: «Если хочешь подбодрить себя, подбодри своего товарища», – наверное, интуитивно следуя этому правилу, мы так и поступали. Обменивались адресами: «Если что, напиши моим». Вспоминали самые важные события из прошлой жизни. Дарили на память простые, но дорогие для солдата вещи. Мне, например, подарили самодельный алюминиевый портсигар – берегу его и по сей день.

Я видел, как некоторые погружались во что-то глубоко личное, им не хотелось разговаривать, но и сон не шел. Один вдруг вспомнил, что сегодня его день рождения – исполнилось девятнадцать! – и принялся ворошить вслух то, о чем, может, стоило бы забыть, особенно в эту последнюю ночь в лагере, мало ли что ждет...

– Почему молчишь, о чем думаешь? – спросил я молодого татарина Шакура – пулеметчика из нашего отделения.

Он бодро ответил:

– Как бы «дегтярь» не подвел. Немцев побольше стрелять.

Возможно, он говорил неправду: я слышал вчера, как он страстно молился, просил помочь Всевышнего.

Бывалый фронтовик обратился к нам, зеленым:

– Ежели пойдем завтра в атаку, то надо смело идти или бежать вперед. Ни в коем разе, ребята, не ложитесь! От земли тогда никак не оторвешься. Мой ротный, помню, предупредил: «Расстреляю всех, кто заляжет!»

– Ну и что, пострелял?

– Было дело, несколько им врезал. С тех пор больше не ложились. Поглядим, как завтра наш ротный сообразит, коли дело не заладится. От приказа никуда не уйдешь.

Я вмешался, стараясь убедить людей:

– Старший лейтенант в солдата стрелять никогда не станет!

В ту ночь мы лежали рядом с Шуркой, и он рассказал мне самое сокровенное, то, что многие годы скрывал от всех. В 30-е, когда советская власть рассказывала казачество, чекисты, скорее всего по доносу, откопали в огороде их дома отцову шашку, что хранилась там со времен Гражданской войны. Отца забрали и расстреляли, а мать сослали. Когда Шурку призвали в армию, он скрыл свою историю. Восьмилетнего Шурку взяла к себе родная сестра матери, жившая в соседней станице. Дом

разграбили. Шурка тайком в самую рань выходил в степь и выл, как волк, звал отца и мать, проклинал тех, кто их загубил. А потом переехал в Шуркин дом главный партийный заправила станицы. Через месяц ночью дом сгорел, похоронив под своими развалинами большевика-станичника, его жену и двоих детей. Следствие тянулось больше года. Так и не дознались, кто пустил «красного петуха».

Пришла моя очередь исповедаться, я начал рассказывать:

– Учился я скверно, больше читал книжки да играл в футбол...

Шурка перебил:

– А я книжек не читал. Жизнь веселее, чем книжки. И в футбол не играл. Я – больше по части девок. Мальчишкой любил бродить по станице: если выпадал случай, не пропускал окна без занавесок, засматривался на молодух, как замороженный глядел на белые груди... Так билось сердце! Сколько девок перепробовал! Наши русские девки – самые ласковые, самые добрые на всем свете, умей только подойти к ним. Правда, как-то попалась шальная, о таких у нас, казаков, говорят: «Баба – выбей окна!»; не дала...

– Не понял, как ты сказал? Первый раз слышу... – тихонько засмеялся я.

Шурка пояснил, и я продолжил о себе:

– В тридцать седьмом отца арестовали, а нас с мамой выбросили в сырую развалюху. Маму выгнали с работы. Я бросил школу и пошел работать учеником киномеханика в «Ударник», – это у нас в Харькове один из лучших кинотеатров. Жили мы с мамой на мой заработок – рубль в день. Я и мой напарник таскали коробки с частями фильмов. Один и тот же фильм шел в двух кинотеатрах; мы с напарником встречались на середине пути, у Горбатого моста в центре города, напарник возвращал мне, скажем, коробку с первой частью, а я передавал ему третью. Так мы бегали целый день, поэтому нас прозвали «бегунками». Отец чудом уцелел. В тридцать девятом он вернулся. В январе сорок первого мы переехали в Москву. Отец заставил меня уйти с работы и закончить школу.

– А когда ты в комсомол вступил?

– В тридцать восьмом, еще в Харькове.

– Как же так? Отец в тюрьме, а ты – в комсомол! – возмутился Шурка.

– Во время приема в райкоме комсомола спросили: «Твой отец – враг народа?» Я ответил: «Следствие еще не закончено». Не хотели принимать, совещались долго, но все-таки приняли. Может, поэтому, со зла, я и вступил. А может, просто как все...

– Слышишь, комсомолия, говоришь: «как все»? Врешь! Меня еще похлеще, чем тебя, заманивали. Хрен им в зубы! Ладно, очистили души. Теперь давай начистоту о завтрашнем дне. За что мы пойдем с тобой в бой? За злодеев, что убили моего отца и твоего чуть не прихлопнули? За пионерский галстук Павлика Морозова или за твою комсомолию?

В самом деле, зачем я вступил в комсомол? Смешно, лишь сейчас, накануне боя, я серьезно задумался об этом. О карьере мы тогда не думали. От судьбы комсомольский билет спасти никак не мог – и с партийным билетом скольких расстреливали. По идейным соображениям? Какие в том возрасте могли быть идеи? Все-таки зачем? А в атаке коммунисты и комсомольцы должны быть в первых рядах, чтобы отдать жизнь во имя?.. Ответил я Шурке иначе:

– Мы же с тобой, Шурка, присягали защищать Родину.

– Любопытно, какую Родину ты собираешься защищать? Что предала наших отцов и матерей? По мне, самый распрекраснейший денек будет, когда я пристукну хоть одного комиссара или чекиста-особиста. Да они, суки, не очень лезут в пекло. Нет, мил человек, я пойду в бой против чужаков, кто полез на Русскую землю и насилует наших девок. Мой дед-казак и отец-казак всегда были опорой Отечества. Вот за Отечество мне не страшно жизнь положить. Только помирать нам с тобой никак нельзя – надо еще пожить! Ты нерусский, но наше русское Отечество тебе дорого, как и мне, я знаю.

Не забыть те живые, до боли искренние слова и чувства, испытанные в момент, когда оставалось «до смерти четыре шага»...

Взвод не спал.

– Будет большой сабантуй, ребята, недаром заполучило нас высшее начальство, – сказал кто-то в темноте.

– Да-а, выходит, пришел и наш черед. Сколько кантовались в тылу. И хлеба вроде прибавят на триста граммов.

– А сколько весит немецкая пуля, знаешь? Эх, батя, батя, дождешься ли той прибавки?

– Не знаю, кто там прав, а завтра, соображаю, все будет иначе. Чего вы трещите, как сороки, после той грозной бумаги? Теперь нас повязали накрепко: впереди – немец, сзади – заградотряд. Вперед пойдешь – получишь немецкую пулю, попятишься – свои ухлопают.

– Если помереть суждено, только бы с пользой, – раздался голос.

– Это как ты понимаешь пользу, батя?

– А чтоб согнуть в дугу немца...

Какие мы все разные...

Я немного вздремнул, и – надо же! – вдруг приснился короткий сон. Мне семь лет. Я подхожу к дворовой собаке. Пес, встав на задние лапы, лижет меня, ждет – может, что принес? Ну как ему объяснить? Мама не разрешила взять даже маленькую корочку хлеба: «Что люди подумают? – собак кормить хлебом совестно...»

Проснулся и вспомнил конец этой истории.

Пес лежал спокойно, грелся на солнышке. Я подошел и, когда он поднялся, сел на него верхом. Что тут случилось! Пес не в шутку разозлился, резко сбросил непрошеного седока и, тяпнув меня довольно сильно за ногу, убежал. Я с ревом помчался домой. Мне сделали тридцать два укола. А собака оказалась нормальная, просто гордая. А может, пес посчитал меня скрягой? Через неделю приехал черный фургон ветеринарного ведомства, и три собачника утащили пса силой, посадили в фургон и увезли. Потом ребята узнали, что пса усыпили. Как я плакал! Никто не мог меня утешить.

До этой ночи я никогда не видел снов и не верил, что другие видят, когда кто-нибудь их рассказывал. О Фрейде, Юнге я, разумеется, ничего не знал, зато помнил, как случайно за копейки купил на рынке тоненькую книжечку под названием «Сонник», изданную в Петербурге в 1912 году. Было любопытно, я прочитал ее и посмеялся: оказалось, всякий сон – автор приводил примерно сто сюжетов – отражает какое-то реальное событие в жизни – завтрашнее или вчерашнее! Не видя снов, проверить истинность написанного я не мог. И вот сегодня – первый сон в моей жизни. Любопытно, чем он обернется завтра?

Шурка уже храпел, сосед с другой стороны с кем-то шептался, я спросил:

– С кем это ты шушукаешься?

И оторопел.

– С Всевышним, – тихонько ответил он. – Жду от Него чуда, молю об одном: подать добрый знак.

– Думаешь, он услышит тебя?

– Угу, услышал, услышал, прислал мне симпатичного жучка – это, друг, добрая примета.

В памяти всплыли встречи с дедушкой. Вскоре после ареста отца, опасаясь за мою судьбу, мама отправила меня из Харькова к дедушке в Киев, он жил у дочери, родной сестры отца. Дедушка однажды просидел всю ночь на балконе, обращаясь к богу, молил подать ему добрый знак о сыне, то есть моем отце. И дождался. Первое, что сделал папа, выйдя из тюрьмы, поехал в Киев. К этому времени дедушка был сильно болен, силы его иссякали в мучительном ожидании сына. В 1940-м, перед смертью, он просил меня, какой бы я ни выбрал жизненный путь, никогда не служить в милиции, не заниматься торговлей и не идти в пожарники. Я дал ему слово. И сдержал его.

Для всех нас эти часы перед выступлением стали особенными. Но никто и представить не мог, что наш командир все это время – всю ночь! – писал письма нашим матерям. Не знаю, сколько писем он успел написать, всем ли? Моя мама получила его теплые слова о своем сыне и берегла это письмо как святыню до конца жизни.

Да, такого командира роты не часто встретишь. Лучшего я, может, и не знал.

Стоит привести один случай. На посту заснул солдат – другой, хитренький, забрал у него винтовку и принес командиру: мол, смотрите, товарищ старший лейтенант, какой я бдительный. И вместо благодарности услышал:

– Надеюсь, в следующий раз ты поступишь иначе: заступишь на пост вместо товарища, пока он спит от усталости. – И добавил: – Надеюсь, имя Суворова тебе знакомо? Так вот: Суворов по такому же случаю как-то сказал – «Советую научиться прощать проступки ближнего, но не прощать собственных». Учись прощать, солдат. И не фискаль!

В этом эпизоде – о нем вскоре знала вся рота – весь наш командир.

Знали мы о нем немного. Вроде бы сибиряк. Закончил Омское военно-пехотное училище.

Воевал под Москвой. Где-то проштрафился, и кадровики вцепились в него мертвой хваткой. Не продвигали боевого командира ни в звании, ни в должности. Будучи дважды ранен, он не получил ни одной награды.

Он ел с нами из одного солдатского котла. Если повар скверно приготовил обед, комроты не стеснялся в выражениях – крепко доставалось и повару, и старшине. Перед выступлением на передний край он вызвал обоих, приказал остаться в тылу и приготовить самый вкусный обед для всех, кто вернется из боя: не жалея запасов, чтобы всем хватило добавки.

Его сразила пуля в первые же минуты атаки.

Прекрасный, мужественный человек. Подлинно солдатская душа. Таким он запомнился мне.

Глава седьмая Первый бой 24 августа 1942 года

Рассвет на передовой

Подняли нас раненько, еще до рассвета. Торопливо накормили. Мы сдали старшине для передачи в обоз скатанные шинели и вещмешки. Каждому вручили взамен каску и «амулет» – так у нас называли деревянный пенальчик на тонкой, но крепкой бечевке, в нем хранилась записка с личными данными. Касок на всех не хватило, ошибка вышла в интендантстве, а некоторые сами от них отказались, за что горько поплатятся.

«Старики», сдавая вещмешки, вытаскивали из них чистое белье и переодевались, соблюдая старинный обычай – идти в бой в чистом. Комсомольцы передавали комиссару заявления, написанные примерно одними словами: «Иду в бой. Если погибну, прошу считать меня коммунистом». Я тоже написал такую бумагу: хотел, чтобы все в роте – русские, казахи, украинцы и узбеки – знали, что я такой же солдат, как и они.

К исходу 23 августа части тронулись в путь, за нами двигалась артиллерия. Выйдя из леса, увидели много танков. Все это поднимало дух. До переднего края добрались уже в темноте. Рота тотчас заняла указанный ей участок. Окоп, отведенный мне, оказался неглубоким – я сразу же с большим рвением принялся его углублять и расширять. Рядом со мной трудился «истребитель танков», так называли у нас пэтээровцев, изредка мы обменивались мнениями о свойствах здешней почвы. Потом я угнезвился в своем убежище и примолк. Молчал и пэтээровец, я хорошо знал этого солдата, заядлого курильщика, – скорее всего, он и сейчас переживал, что нельзя покурить: как идти в бой без последней самокрутки?

О чем думается бойцу в последний час, минуты перед атакой? Внутренне солдат готов стоять накрепко, исполняя долг, но он точно знает, и никто его в этом не переубедит, что после боя, тем более атаки, не все вернутся живыми. И все же его никогда не покидает надежда: глядишь, рассуждают фронтовики, не отвернется судьба, подсобит; ну ладно, пусть ранят... С мыслью о ранении возникают новые тревоги: вынесут ли, успеют ли, пока не истечешь кровью?.. Почему такие сомнения? На роту полагается один санинструктор и один санитар, а раненых сотни, бывает и больше. Есть еще полковая санитарная рота. И все равно санитаров всегда не хватает. Раненые, особенно тяжело, вынуждены долго ждать помощи и, потеряв много крови, умирают, так и не дождавшись ее или по дороге в медсанбат. Нередко умирают и от болевого шока.

Выносить раненых с поля боя имеют право только санитары или санинструкторы. Другим бойцам сопровождать раненых в тыл запрещено, всякая такая попытка обычно расценивается как прямое уклонение от боя. Однако не всегда выходит так, как требует устав, в боевых условиях приходится строго разбираться между необходимой помощью и дезертирством с поля боя.

Каждый ветеран имеет собственное представление о войне, о каждом сражении, в котором он участвовал. Но каким бы это представление ни было, основное событие для каждого на войне – твой первый бой.

Со временем я понял, что каким бы ни был бой по счету, первым или десятым, всякий раз пережить его очень тяжело – и физически, и психологически. Достигается это с превеликим трудом, беспредельным напряжением сил и нервов. Самый волевой солдат старается не думать о смерти. Совершенных храбрецов я не видел. Да и есть ли они вообще? Положим, я ошибаюсь, и они есть. Но

не зря о таких людях сказано: «Бог их не наградил страхом». Меня лично, напротив, бог с первых же дней на войне наградил страхом. Чего же я страшился? Двух пунктов: попасть в плен и особистов. Еще я не знал, что с сегодняшнего дня прибавится и третий пункт – я стану бояться пикирующих бомбардировщиков с их жуткими воющими сиренами. Но пока я в себе уверен – справимся с немцами, нас больше, мы сильные, хотя бы потому, что воюем на родной земле...

Ночь уже на исходе, рассвет незаметно выползал из мрака, слышу переданный по цепи приказ взводного:

– Не высовываться, не курить, ждать команды. Сигнал – зеленая ракета и свисток!

Полусогнувшись, чуть замаскировав себя, лежу тихо в своем окопчике. Впереди, на небольшой высотке, смутно видны очертания немецких траншей – они опоясывают полукругом три деревни, – нам приказано взять их любой ценой; перед боем нам объяснили: с захватом этих деревень будет уничтожен важный опорный пункт немецкой обороны, что открывает 30-й армии прямую дорогу на Ржев. Перед нами зеленое, с бурыми пятнами поле, мелкие перелески, лесистые лощины – все изрыто, перепаханно вдоль и поперек снарядами и воронками. До деревень, вернее, до того, что от них осталось, метров семьсот-восемьсот, не больше, – кажется, не успеешь глазом моргнуть, и ты там... Мягкий утренний ветерок ласкает лицо, солнце только-только всходит, на чистом, словно умытом небе появились первые его лучи... Портит настроение трупный дурман, ветерок гонит его к окопам – где-то неподалеку свалены трупы погибших в предыдущих боях, почему их не захоронили? От гадкого запаха слегка кружится голова, тошнит, но постепенно привыкаю...

В тылу вдруг один за другим слышатся бомбовые удары! «Юнкерсы»? Видно, пытаются подавить резервы, идущие к переднему краю! Сколько раз предупреждали о маскировке! Стихло... опять тишина... Противник пока молчит... Справиться с ним будет нелегко, но у нас есть танки, и не какие-нибудь, а «тридцатьчетверки» – лучшие танки в мире! Да и артиллеристы и «катюши» еще до атаки разнесут в щепки всю их оборону, и самолеты нас поддержат – немцам не устоять, так и командиры говорят... Тихо... только оружие иногда побрякивает, у нас и там, на их стороне... Все так безобидно, покойно, так манит к согласию – зачем людям убивать друг друга?.. «Есть перед боем час большой тишины, иногда не час – минута... Нигде не бывает такой тишины, как на войне...» – точно замечено у Константина Симонова. Остаются считанные минуты... Не отпускает щемящая мысль о маме... Вдруг всплывает в памяти стишок «Человек рассеянный с улицы Бассейной»... У меня в руках винтовка, чувствую себя спокойно: я не один – рядом, тоже затаив дыхание, замерли солдаты нашего отделения, они здесь, со мной, готовы прийти на помощь... Всматриваюсь в движение у немцев, жду команды... Все сильнее разгорается зарево восхода, отчего чуть темнеет голубизна неба, как при закате – время поворачивает вспять?.. – да нет же, этого не может быть...

Атака!

Воздух взрывают первые залпы артиллерии! Значит – 6.00! Артподготовка! Высоко над нами со свистом и шумом проносятся огненные стрелы реактивных залпов «катюш». Рев и грохот нарастают – это принялись за дело наши бомбардировщики и штурмовики, обрабатывают траншеи противника. Великолепно! Все точно так, как должно быть! Все по плану! Над деревнями, которые мы вот-вот пойдем брать, вздымаются огромные столбы черного дыма и багрового пламени – какая приятная картина! Из леса выдвигаются наши танки с солдатами на броне, бегло оцениваю – не меньше тридцати! Двумя колоннами обходят линию окопов и стремительно движутся вперед. Какая сила! Вот это да!

Комроты подает сигнал приготовиться. И вдруг я ощущаю полное одиночество, в огромном мире я – один! В высоте – зеленая ракета. В голову пробивается голос командира:

– За мной! Вперед! В атаку!

Ох! как трудно оторваться от земли. Кажется, ты распластан, врос в землю, не сдвинуться – ни рук, ни ног, их просто нет... У меня не хватает обеих рук?.. «Окоп – твоя последняя надежная крепость». Последние секунды... Забудь обо всем, солдат: приказ прозвучал. Поднимайся, друг... Давай же... Вперед... Время странно растягивается, движется скачками, в оставшееся мгновение успеваю увидеть яркое небо! чудное земное поле! – и, стиснув зубы, уже ни о чем не думая, враз отключив сознание, приподнимаюсь в своей норе, неумолимая сила исполнения долга вмиг выталкивает меня из окопа, швыряет вперед, и я уже бегу! вместе со всеми, наклонив голову,

прикрытую каской, как нас учили – низко пригибаясь, выставив вперед винтовку с привинченным штыком; я очень спешу, стараясь не отстать от бегущих рядом, и, как все, ошалело ору, хотя чувствую холодную испарину на лбу под каской, но напрягаю легкие и кричу: «Ура-а! Ура-а!..» – и этот объединяющий крик придает какие-то новые, неведомые силы, приглушает, подавляет страх. Атакуем в лоб, эшелонами, рота продвигается не в первой цепи – перед нами, за нами спешат другие; кому удастся, стараются следовать за танками – все-таки защита, но это там, впереди, мы еще не догнали танки. Вперед, вперед, до высоты осталось метров триста, мы уже одолели больше половины пути!.. И тут подают голос немецкие траншеи. Усиливающийся с каждой минутой губительный огонь враз оглушает всех атакующих пулеметным шквалом. Вслед за пулеметами хрипло затавкали минометы. Загрохотала артиллерия. Высоко взметнулись огромные фонтаны земли с живыми и мертвыми. Тысячи осколков, как ядовитые скорпионы, впиваются в людей, рвут тела и землю. Как же так?! Выходит, наши артиллеристы не разведали расположение огневых точек, тридцать минут били впустую?..

Ничего! Танки идут впереди с пехотой на бортах, успешно проскочив минные поля, приближаются к переднему краю противника, надвигаются всей своей громадой, ведя на ходу огонь по огневым точкам, – они сейчас все поправят, вот-вот подберутся к немецким траншеям, тотчас туда посыпятся гранаты, а танки станут утюжить окопы...

Внезапно со стороны Ржева над полем появились бомбардировщики. Уверенно и нахально они принялись за танки. Один танк... другой... третий... – от прямых попаданий машины вспыхивали, превращаясь в огромные черно-багровые костры; но оставшиеся, быстро рассредоточившись, продолжают двигаться к цели. Бомбардировщики летят звеньями. Головной, включив сирену, легко входит в пике и, сбросив бомбу на цель, взмывает вверх. За ним, по цепочке, пикируют второй, третий, четвертый... десятый, образовав над успевшими разойтись танками своеобразный круг. Кровавое пиршество стервятников, происходящее на глазах рвущихся вперед солдат, вносит смятение – где же наши истребители, почему не прилетели защищать танкистов, пехоту?! Одна группа хищников, отбомбившись, улетела, но на ее месте уже появилась следующая, и все повторяется – выстроившись в беспощадный «хоровод», они не выпускают из рокового круга свои жертвы...

С того ужасного дня я не мог выносить дикого, звериного рева пикировщиков. Этот вой разрывает голову на куски, леденит душу, ввергает в смятение, парализует, как взгляд ядовитой кобры, и еще долго-долго звучит в ушах. Даже после войны я ни разу не посмел сходить в зоопарк: мне казалось, если услышу звериный рык, произойдет нервный срыв.

Все же расправа над танками не удалась полностью, уничтожить их все немцам не удалось: пехота так же, несмотря на плотный пулеметный огонь с фронта и флангов, продолжает наступление, наши цепи приближаются к первой линии окопов противника. Однако добраться до нее с ходу не удастся, и бойцы, залегая за кусты, бугорки, прячась в лощинах, воронках, ведут из-за укрытий прицельный огонь по огневым точкам.

Воздух сотрясают нарастающий гул и грохот мощных взрывов! Это противник пустил в ход тяжелую дальнобойную артиллерию, пытается отсечь пехоту от танков, а сильно поредевшие первые цепи – от идущих следом за ними. Воздуха больше нет. Дышать все труднее. Горло пересохло, мучит жажда, задыхаюсь от тошноты. Где небо, где земля, мы уже не понимаем, все вокруг куда-то исчезло, куда – никто уже ни понять, ни ощутить не может, сердце колотится так, что вот-вот вырвется из тела, и где-то внутри яростной волной нарастает ненависть к тем, кто так безжалостно нас уничтожает.

– Вперед! Вперед! – кричат оставшиеся в живых командиры и замертво валятся рядом со своими бойцами.

Люди механически двигаются вперед, и многие гибнут – но мы уже не принадлежим себе, нас всех захватила непонятная дикая стихия боя. Взрывы, осколки и пули разметали солдатские цепи, рвут на куски живых и мертвых. Как люди способны такое выдержать? Как уберечься в этом аду? Ряды наступающих редеют, но их заполняют все новые цепи. Остатки прежних рот, батальонов превратились в обезумевшие толпы рвущихся вперед отчаявшихся людей. Грохот боя заглушает отчаянные крики раненых; санитары, рискуя собой, мечутся между стеной шквального огня и жуткими этими криками – пытаюсь спасти, стаскивают искалеченных, окровавленных в ближайшие воронки. В гуле и свисте снарядов мы перестаем узнавать друг друга. Побледневшие лица, сжатые

губы. У многих лица дрожат от страха. Кого-то рвет. Кто-то плачет на ходу, и слезы, перемешанные с потом и грязью, текут по лицу, ослепляя глаза. Кто-то от шока в мокрых штанах, с кем-то – того хуже. Вокруг дикий мат. Кто-то пытается перекреститься на бегу, с мольбой взглядывая на небо. Кто-то зовет какую-то Маруську.

Внезапно я дернулся, за меня ухватился раненый, тянет вниз, кричит мне прямо в лицо:

– Это я – Женя! Мы... из одной казармы...

Да это ведь Женька! Наш Женечка! Лихорадочный взгляд, в глазах черная тень надвигающейся смерти. Потрясенный, киваю, лепечу почему-то шепотом:

– Да, Женечка, да...

Надрываясь, он насадно хрипит, силясь выговорить какие-то слова, а я их еле слышу:

– Меня сейчас... не станет... Вы это понимаете?... Понимаете?... Найдите маму, умоляю...

Больше наш ротный любимец ничего произнести не смог – кровь хлынула из горла, широким потоком разлилась по груди. Он опрокинулся на землю. Все кончено. На мгновение я забылся...

...В уши ворвался шум. Увидел перед собой лицо Женечки. Оно вновь преобразилось – стало красивым и озаренным, как прежде. Со всех сторон раздавались отчаянные крики, от которых можно сойти с ума. Я приподнялся и побежал догонять своих. Над полем стоял непрерывный вопль:

– Мандавошки!

– Где моя нога?

– Санитар! Санитар!

– Летчики, спасите нас!

– Что вы с нами сделали?! Гоните, как скотину, на пулеметы!

Опять этот хриплый голос:

– Маруська, где ты?

Атаки следовали одна за другой. Сражение разгоралось, росли горы трупов. Мы приближались к вражеским траншеям. Это самая трудная минута боя. Ночью минеры проделали проходы в минных полях, сейчас по ним устремлялись остатки наступающих, я видел, как первые уже достигли траншей, ворвались в них, шла сумасшедшая рукопашно-штыковая схватка. Но я не успеваю добежать. Последнее, услышанное мной, – чей-то безумный крик. С этим криком я ощутил, болезненно и остро, как что-то холодное, скользкое, тупое ударило меня в затылок, оглушило, вмиг пригнуло к груди голову; от сильного толчка меня резко качнуло, бросило вперед, и я рухнул лицом на землю. Но сознания не потерял. Почувствовал, что задыхаюсь, рот и нос забило землей и грязной травой, выплюнул – дышать стало легче. С трудом приподняв голову, увидел бойцов, пробегающих мимо крупной воронки. Мне туда. Пополз и перевалил внутрь. Несколько минут я ничего не понимал от потрясения, ничего не замечал вокруг, трясущимися руками ощупывал голову, пытаюсь определить, куда меня занесло. Рука наткнулась на кусок металла – пробив гимнастерку, рубаху, нечто страшное застряло в шее ниже затылка. Что это?! Осколок?! Крови не было – но это не успокоило! Кровь и боль придут позднее, я знаю! Вот тут, наверно, я опять потерял сознание.

Когда я пришел в себя, глазам предстало жуткое зрелище. Напротив весь в крови и грязи лежал солдат с расколотым черепом и уже остекленевшими глазами; видно, смертельно раненный, он оказался возле воронки, сумел как-то сползти... Справа совсем близко от меня полусидел, привалившись к скату воронки, еще один – он был в беспомощности; из его распоротого осколком живота на землю вываливались внутренности – он механически, рукой до локтя в крови, старался запихнуть их обратно. Всмотревшись в бескровное лицо, уже ничего не выражающие мутные глаза, я оцепенел от неожиданности: несмотря на резко изменившиеся черты, я узнал в тяжело, а может, смертельно раненом – Шурку! Заорал:

– Шурка! Шурка! Что тебе сделать?! Что надо сделать?! – Мысль о помощи надеждой захватила меня! Придвинувшись, я тронул его за плечо: – Шурка! Мы же из одной казармы! – Никакой реакции. Я разрыдался.

Какие высокие слова! Произнесенные еще вчера! О Родине! Присяге! – Их не было в голове. Только горе! Только жалость и горе! Я громко звал, взывал, пытался заглянуть в глаза, поймать его взгляд:

– Шурка! Шурка! Очнись, Шурка!..

Над воронкой внезапно появилось лицо:

– Ты кричал?

- Я.
- Руки-ноги целы?
- Целы.
- Вылезай.

Пытаюсь объяснить, куда я ранен, и спохватываюсь:

- Здесь лежит командир моего отделения! Как ему помочь?!
- Вылезай, сказано! – грубо рявкнул санитар.

Я обнял Шурку и трижды поцеловал в голову.

Санитар помог мне выбраться из воронки, оглядел рану и показал на дальний лес и проходящую вдоль него дорогу:

- Выбирайся туда, курсант, может, на дороге подхватят.
- А как же Шурка? – спросил я.

– Ему и сам бог уже не поможет. Ежели не помрет твой Шурка до ночи, вытащим на плащ-палатке, один я не справлюсь. А ты давай поскорей топай, обойдемся без тебя.

И я пополз. Полз я долго, по-пластунски, – этому-то нас научили в училище, и я тянулся и тянулся, не обращая внимания на свист и вой пронесившихся надо мной пуль, осколков, только всякий раз вздрагивал и закрывал голову, и снова подтягивался и полз, перелезал, страхась двинуть головой, притронуться к шее, испытывая острую боль от всякой неровности, слишком резкого движения; когда стрельба усиливалась, забирался в воронки и укрывался за трупами – я стремился к лесу, буквально рыл носом землю, – наверно, я был все еще в шоке...

До леса я добрался не скоро...

Комдив и курсант

Подробности об этих боях я узнал позднее, уже в медсанбате, многое восстановил после войны по документам и воспоминаниям участников боев.

Не считаясь с потерями – а были они огромны! – командование 30-й армии продолжало посылать все новые батальоны на бойню, только так и можно назвать то, что я увидел на поле боя. И командиры, и солдаты все яснее понимали бессмысленность происходящего: взяты или не взяты деревни, за которые они клали головы, это нисколько не помогало решить задачу, взять Ржев. Все чаще солдата охватывало равнодушие, но ему объясняли, что он не прав в своих слишком простых окопных рассуждениях. Оказывается, есть высшая стратегия, ему неизвестная: каждая взятая деревня – это еще один шаг на пути выталкивания противника.

Западнее Ржева «выталкивание» проходило с осложнениями. Тут, на участке перед 30-й армией, к середине лета 1942 года немцы создали глубокоэшелонированную полосу обороны – более пятисот дотов и дзотов, противотанковые рвы семиметровой длины, три полукилометровых лесных завала. Каждый населенный пункт, находившийся в руках противника, был превращен в самостоятельный узел обороны с дотами и дзотами, траншеями и ходами сообщения. В двадцати-ста метрах перед передним краем разместили несколько рядов сплошных проволочных заграждений. Все вокруг было заранее точно пристреляно. Предусмотрели даже известный комфорт: почти каждое отделение имело свой блиндаж с электропроводкой и двухъярусными нарами⁴. Сооружая мощные глубокоэшелонированные оборонительные рубежи, немецкое командование рассчитывало сделать Ржев неприступным, надолго задержать здесь наши войска. И это им полностью удалось. Уже восемь месяцев 30-я армия вела кровопролитные бои под Ржевом, но не могла прорвать линию обороны противника.

Концентрируя силы для нового наступления, командующий 30-й армией Лелюшенко принял решение ввести в бой свой основной резерв – 215-ю стрелковую дивизию, придав ей для усиления танковую бригаду и отдельный артиллерийский полк.

24 августа 1942 года началось очередное сражение. В первых же боях были выдвинуты на прямую наводку 76-мм пушки, благодаря чему дивизия выбила немцев из двух деревень – Коровино и Копытихи. Третья деревня – Губино – несколько раз переходила из рук в руки и наконец была

⁴ По материалам Ржевского краеведческого музея.

взята окончательно.

В результате августовских боев армии удалось в нескольких местах прорвать оборону, очистить левый берег Волги и продвинуться в глубь обороны противника на три километра.

До Ржева оставалось шесть километров – всего шесть километров! Однако чтобы их преодолеть и окончательно выдавить противника, заставить его покинуть многострадальный Ржев – «город-фронт», как его называли, потребовалось еще полгода жесточайших сражений.

Первые боевые действия дивизии фактически обернулись неудачами и большой кровью. 711-й стрелковый полк понес серьезные потери, сильно пострадал учебный батальон, пали в бою многие курсанты-тюменцы. Потери дивизии в целом были также огромны, о чем можно судить по одному лишь факту: за первые девять дней боев в 359-й медсанбат поступило около четырех тысяч раненых.

Не вина Куприянова, что, пойдя в наступление, батальоны и роты его дивизии натолкнулись на сильные оборонительные укрепления и ожесточенное сопротивление противника. Кроме того, немцы имели более совершенное оружие и полное превосходство в воздухе. К тому же, как известно, один солдат в обороне равен трем наступающим.

Говорили, что при планировании операций в штабе армии Куприянов не любил высказывать свое мнение на всеобщее обсуждение. Он уже испытал под Москвой немало горечи, понимал ошибочность многих действий начальства, а можно утверждать, что подобных действий под Ржевом оказалось куда больше, чем под Москвой. Но, как бы ни относился Андрей Филимонович к приказам свыше, он всегда старался владеть собой, ибо считал, что служит не месту, а Делу высокого смысла – борьбе с врагом.

В первых числах сентября – я в это время находился в медсанбате – 215-я дивизия получила приказ одним стрелковым полком форсировать Волгу, чтобы создать плацдарм для наступления западнее Ржева и отрезать пути отступления Ржевской группировке врага. Задача была непростая, учитывая наличие значительной водной преграды и отсутствие средств переправы. Выпала она на долю 711-го стрелкового полка. Неоднократные попытки переправиться на правый берег оказались безуспешными: бойцы попадали под обстрел или тонули, не справившись с течением, остальные возвращались к исходному рубежу. Тогда комдив попробовал изменить план: пройти вверх по левому берегу и форсировать Волгу в другом месте. Но и эта операция не увенчалась успехом.

Создать Правобережный плацдарм никак не удавалось.

Во время короткой передышки после первых боев к комдиву, стоявшему среди командиров полков и бойцов, подошел солдат, бывший курсант, и попросил разрешения обратиться – все знали, что Куприянов поощряет инициативу подчиненных.

– Мне кажется, – сказал боец, – неудачно выбраны основные направления наступления на город: у Волги в этих местах высокие и крутые берега. Позвольте, я покажу на карте более выгодное место для наступления.

Куприянов все внимательно выслушал и обратился к стоящим вокруг:

– А вы как думаете? – Все одобрительно закивали. Тогда комдив сказал курсанту-стратегу: – Молодец! Правильно и смело думаешь. Назначаю тебя командиром роты.

Это было неслыханно. Новость быстро разнеслась по дивизии, называли и фамилию – тем солдатом был Юрий Давыдов.

Мучительно и пытливо Куприянов искал иной вариант наступления. Он стремился к прямому столкновению с противником, пока дивизия еще не потеряла веру, подъем и боевой дух. И такой день настал! 21 сентября дивизия получила приказ наступать на Ржев. Начался штурм города. Продолжался он девять дней. Следует подчеркнуть, что идея штурма исходила от Куприянова, командование 30-й армии ее поддержало. Полки дивизии, в каждом из которых создали штурмовые группы с приданными им боевыми средствами, ворвались на северо-восточную окраину Ржева. Солдаты дрались яростно, истощенно – их вел военачальник, полный энергии и собранности, веры в успех. Куприянов лично появлялся на передовой, ободрял атакующих, подсказывал, как эффективнее вести бой. О тех городских боях сохранилось много воспоминаний⁵.

В октябре 1942 года комдив был награжден вторым орденом Красного Знамени.

⁵ См., например, рассказ участника штурма Ржева Г. С. Медведева, командира огневого взвода 76-мм батареи 707-го полка: «На „Ржевском плацдарме“». – В сб.: «Ржевскими дорогами войны». Ржев, 1992, с. 9–12.

Гибель Степана Давыдова

Во время боев за Ржев погиб Степан Давыдов – наш «дядя Степа», один из лучших курсантов-тюменцев. Через много лет его товарищ Павел Шеховцев подробно рассказал, как это произошло; привожу выдержки из его воспоминаний:

«В конце августа 1942 года, после длительных переходов дивизия прибыла под Ржев. Авиация противника господствовала в воздухе. Солдаты, кто как мог, придумывали, как давать отпор стервятникам. Степан установил свой „максим“ на колесо разбитой телеги (чтобы он мог вращаться вокруг себя. – *Б. Г.*), сделал приспособления для стрельбы по самолетам противника. В шутку его затею называли „зенитной установкой Давыдова“.

Помню, 26 августа 1942 года был особенно большой налет авиации. „Юнкерсы-87“ с пронзительным воем обстреливали нас из пулеметов и сбрасывали бомбы. Степан, замаскировавшись в кустах, из своего окопчика давал очередь за очередью по самолетам. Один за другим два Ю-87, не выходя из пике, врезались в землю; третий, потянув за собой черный шлейф дыма, упал на территории противника. Через полчаса налет повторился. На нас пикировали десять Ю-88 и двадцать Ю-87. Казалось, на земле не осталось ничего живого. Однако пулемет Степана бил по самолетам. Один из стервятников спикировал на Степана, бомба сделала перелет. Следом спикировал другой – и пулемет смолк.

После налета мы подбежали к Степану. На краю воронки лежал разбитый пулемет. Взрывной волной Степана выбросило из окопа, он лежал навзничь, весь залепленный грязью. Кто-то принес котелок с водой, и мы начали промывать ему лицо и глаза. Вскоре Степан пришел в себя, а через три дня был снова в строю. „Зенитная установка Давыдова“ послужила для бронебойщиков примером. Они стали приспособливать свои ружья для огня по самолетам. Это было у деревни Дураково. А вскоре поступил приказ отойти.

После суточного отдыха 711-й полк двинулся к Ржеву, а 21 сентября 1942 года, во взаимодействии с другими подразделениями, из района городского леса начал наступление на город. Степан на бегу стрелял из пулемета МГ, который ему дали взамен разбитого „максима“, пока не достиг немецких траншей. Вначале немцы дрогнули, отступили, а потом опомнились и пошли в контратаку. Завязались кровопролитные бои за каждый шаг, за каждый дом. Все же бойцы 711-го, 707-го полков, а также 2-я Гвардейская дивизия захватили несколько кварталов города, где развернулись уличные бои с переменным успехом.

Потянулись дни уличных боев, один на другой похожие: то наши займут дом и выгодные подступы к нему, то немцы. Порою непонятно было, где наши, а где противник. В разгар боев, когда немцы, получив подкрепление, при поддержке танков пошли в контрнаступление, случилась беда – 2 октября погиб мой товарищ и любимец курсантской группы, пулеметчик 711-го стрелкового полка 215-й дивизии ефрейтор Давыдов Степан Яковлевич. Через два дня, когда положение несколько стабилизировалось, нашли мертвого Степана у пулемета»⁶.

Степан считал, что настоящего солдата отличают два необходимых свойства: уметь воевать и беречь товарища. И то и другое он доказал собственным примером. Только вот сам не уберегся...

Глава восьмая 359-й медсанбат Август – сентябрь 1942 года

Городок медиков

Когда, выбираясь с поля боя, я выполз на дорогу, по ней брело множество раненых. Шатаясь, я побрел следом. Нас объезжали повозки с тяжелоранеными; они часто останавливались, подбирая тех, кто уже не мог двигаться сам. Наконец мы увидели впереди санитарные палатки, их было много. Я сразу забеспокоился: от передовой километров пять, слишком близко, один удар дальнобойной артиллерии – и от всех этих палаток ничего не останется. Словно в подтверждение прогремел

⁶ Шеховцев П. П. Памяти товарища. В сб.: «Ржевскими дорогами войны». Ржев, 1992, с. 50–53.

мощный взрыв, на лес налетел шквальный ветер, послышался зловеший шум, треск падающих деревьев. Я передвинулся поближе к палатке, возле которой стояла сестра:

– Почему медсанбат так близко к передовой?!

Медсестра улыбнулась моей тревоге:

– Не волнуйся, солдат, во время боев мы всегда организуем медпункты возможно ближе. Для раненого, особенно тяжелого, даже лишняя минута без помощи, не то что час или сутки, может стать последней.

Я побрел к лесу... Нелегко прийти в себя, вступить в другой мир, где смятенная душа может хоть немного освободиться от жутких впечатлений боя. Здесь живет надежда на волшебные руки врача, которые выведут тебя из пределов, где реальностью стала смерть.

Обитель медиков – это настоящий лесной городок, с широкими просеками, просторными зелеными полянами, красивыми лесными дорожками и тропинками. Ощущение, что ты попал на мирный тихий островок – царство покоя и согласия среди бушующего вокруг огненного смерча.

Основным ориентиром для всех прибывающих с переднего края пешим ходом и конной тягой служил установленный при входе в городок столб с фанерками-указателями. В большой сдвоенной палатке как раз напротив главного ориентира размещался сортировочный пункт. Усевшись на пенек, я перевел дух и огляделся. На поляне лежали и сидели на траве раненые; санитар записывал новоприбывших, затем к ним подходил врач, беседовал с каждым, осматривал, нередко тотчас направлял в палатку хирурга, ломая порядок очереди, и шел дальше, определяя нашу дальнейшую судьбу.

Из палатки вышел покурить медбрат, присел рядом со мной. Увидев мой понурый вид, не стал расспрашивать, заговорил сам:

– Ты, солдат, не переживай, я, хоть и не медик, а вижу: скоро к своим вернешься. Конечно, мы, санитары, какие мы медики, мы такие же солдаты, как и вы, но опыт имеем: когда наступление, к нам за день до семисот-восьмисот человек поступает. Случается и здесь всякое. Бывает, взрывной волной операционные столы опрокинет вместе с ранеными, а уж инструменты, материалы, посуду – нечего и искать. Чудом человек живым с боя выбрался, а тут новые раны. Несколько раз после таких налетов все приходилось заново начинать. Такое бывало! Раз вся палатка, прямо с людьми, взлетела выше деревьев. А однажды осколок пробил операционную палатку и снес голову врачу. Точно, так и было! Верный человек говорил, тоже санитар. Бывает, и снаряды долетают. Как-то случайный снаряд попал в санитарную машину, а мы только раненых погрузили, везти в госпиталь. Случай, брат! Недавно у нас две сестрички погибли. И устроились мы вроде удачно, в глубокой ложине. Неподалеку деревушка, вот сестричек и отпустили поспать в деревню. А тут налет! И прямое попадание! Точно попала бомба-гадина прямо в избу, где они спали. У нас тут чего только не бывает! А вообще-то здесь раненых долго не держат. Легких – подлечат и сразу в строй. Если посильнее тронуло, отправят на одну-две недели в батальон выздоравливающих – и тоже на передовую...

Из палатки вышли врач с медсестрой – санитар подхватился, и все трое быстро направились в глубь леса.

Да, вот тебе и госпиталь...

Санитара сменили две медсестры, от них я узнал, что врачи ругаются на поток самострелов (особенно из южных республик) и симулянтов. Чего только не придумывают самострелы, чтобы замести следы своего поступка: стреляются через хлеб, тряпку, консервную банку; просят других бойцов подсобить; выставляют над окопом левую руку – тут уж немецкие снайперы им помогают. Досаждают врачам и симулянты: приходит человек, держится за живот, стонет. Но чаще такой «больной» молча уходит; наглядевшись на работу врачей, понимает: не так-то легко их обмануть. Все эти хитрости врачи часто разгадывают, а тогда – «сознанка» и трибунал.

Вызвали меня уже под вечер. Выслушав мой рассказ, врач разрезал одежду вокруг раны, внимательно осмотрел, прощупал, и не успел я опомниться, как он что-то вытащил из меня. Пошла кровь, я почувствовал, но врач и сестра быстро ее остановили.

– Осколок, скорее всего от мины, – констатировал врач. – Застрял в мягкой ткани шеи. Повезло тебе, еще как повезло – можно сказать, по трамвайному билету жизнь выиграл. Обессилел мерзавец, побольше бы силенок – прошил шею насквозь и конец. – Он положил на мою ладонь кусочек металла величиной с царский пятак: – Получай, солдат, подарок от немцев. На память.

Рану промыли, слегка обрезали по краям, обработали йодом и забинтовали. Вручили бумажку с номером палатки, куда я должен проследовать, и велели прийти в перевязочную через три дня. Я обрадовался – кажется, легко отделался, через три дня в полк.

Выйдя из палатки, увидел, что раненых еще прибавилось. Как медики справлялись с такой массой раненых?! Позднее, присмотревшись к их работе, я понял, что нашим полковым командирам было бы неплохо поучиться у них организованности и самоотверженности. Думаю, с таким мнением согласились бы многие солдаты, побывавшие на моем месте.

В первую ночь я без сил свалился на койку и тут же заснул. Палатка была набита ранеными до отказа – храп, разговоры, стоны и крики боли, хождения; раненые часто вставали, кто-то выходил по нужде, кто-то покурить или просто на свежий воздух, и все шло мимо меня. Но я не реагировал ни на что – Я СПАЛ. Пока меня не разбудили утром и не позвали есть.

На следующее утро я вернулся к облюбованному вчера пеньку – моему наблюдательному пункту. Я уже знал: нашей 1-й стрелковой роты 1-го батальона 711-го стрелкового полка больше не существует. Из ста тридцати шести в строю осталось человек восемь рядовых. Остальные погибли или ранены. Погиб наш командир старший лейтенант Сухомиров. Комиссара тяжело ранило осколком – его отправили в полевой госпиталь. Из трех командиров взвода убиты двое.

Трагичной оказалась и судьба батареи «сорокапяток», в которой я так недолго прослужил. Артиллеристы катили пушки вместе с пехотой. «Юнкерсы» забросали бомбами и людей, и пушки. Многие погибли. Об этом со слезами на глазах рассказал мне – кто бы думал?! – Осип Осипович, старшина артподразделения. Раненный осколком в ягодицу, он кое-как выбрался из боя и теперь лежал на животе и жалко стонал, ожидая отправки в госпиталь.

Кто-то рассказал, что наш повар долго ждал возвращения роты, несколько раз подогревал обильный обед, заказанный нашим командиром. Прошло много времени, но никто не возвращался, и повар, поняв, что произошло, заплакал, к еде не притронулся. Зато старшина, которого так не любил Шурка, спокойно съел две порции уже остывшего супа, две порции каши и завалился спать, оглашая лес своим противным хрюкающим храпом.

Все же, видя знакомые лица, я старался узнать, как дела на передовой, взяты ли деревни. Большинство раненых на мои вопросы отвечали равнодушно, чаще вовсе отворачивались или посылали подальше. Солдат постарше все же ответил:

– Взять-то взяли. Да вот видишь, сынок, сколько нас, покалеченных.

Больше я к людям в душу не лез: понял, что им сейчас не до того.

Операционные на поляне

Углубившись в лес, я вышел на большую, почти квадратную поляну с операционными палатками. Сюда подъезжали повозки с тяжелоранеными – их осторожно выгружали санитары и бережно переносили на носилках к краям поляны, расставляя носилки по периметру в один ряд. Носилок не хватало, часть раненых перекладывали на плащ-палатки. На поляне постоянно находились дежурный врач, медсестра и санитары, они осматривали всех прибывающих. Некоторых срочно увозили на машине в полевой госпиталь, значит, им необходима сложная операция – черепная, или если у человека разворочена грудная клетка, или ранение в брюшную полость.

Круглые сутки в операционных происходило кровавое действо: резали ноги, руки, пальцы, вправляли челюсти, собирали по частям раздробленные кости, придумывали различные способы, как лучше привести в порядок лица, уши, носы, ноги, руки. Но даже здесь часто умирали, в основном от гангрены и столбняка – солдат грязный, завшивленный, а тут ранение; конечно, делали противостолбнячные уколы, но нередко оказывалось поздно. Случалось, когда кончалась консервированная кровь, донорами становились сами врачи, медсестры, санитары. Аптека медсанбата была небогата: раны, как правило, обрабатывали перекисью, йодом, риванолом, иногда – мазью Вишневского, затем накладывали повязку. Не хватало наркоза, тогда от боли спасал и опиум, в нем медики не испытывали нужды.

Я увидел, что и здесь круглые сутки идет тяжелый, не всегда победный бой со смертью, льются горькие слезы и потоки крови, разыгрываются жуткие сцены человеческих мук, здесь не бывает ложных или воображаемых страданий, здесь каждый – и герой, и страдалец.

Расскажу об одной операции, которую видел сам. Солдату нужно было срочно отрезать ногу:

гангрена. Парня крепко привязали простынями к столу, дали выпить пару стаканов водки и стали пилить. В полубреду парень плакал, кричал, дергался, медбрат его удерживал, а врач все приговаривал:

– Давай, милый, кричи, кричи, матерись, коль неумоги...

Открыв глаза, солдат задрожал – увидев рядом в корзине собственную ногу в старом носке.

– Ногу отдайте! – вдруг взмолился в отчаянии.

Он был в шоке от боли.

Я попросил разрешения помогать санитарам и весь день обходил лежащих на земле и носилках, поил водой, обмывал лица и руки, поудобнее перекладывал.

К лекарствам меня не подпускали, этим занимались сестры. В основном они кормили раненых бессмертным аспирином.

Фронтовые чудеса! Привезли очередную партию раненых. Поставили на землю носилки. Два тяжелораненых солдата оказались рядом и, поглядев друг на друга, ахнули: встретились два родных брата! Между ними состоялся такой разговор, рассмешивший лежавших рядом.

– Никак Серега?! Не помер, брат?

– Жив, жив, Иван.

– И куда ж тебя угораздило?

– В плечо немец-сволочь всадил разрывную. Не знаю, руку сберегут ли. А тебя куда?

– Засадили осколок в руку. Ты-то откуда попал сюда?

– С того света, Ваня. Всю ночь пролежал в поле, спасибо санитары под утро вытащили.

Впоследствии я поинтересовался его судьбой. Руку Сереге спасли и отправили долечиваться в полевой госпиталь.

– И я, Серега, с того света: как из худого ведра, кровушка из меня вытекла. Пожалел бог мужика – вытащили санитары. Ну как там, брат, на том свете? С кем свиделся, с кем посудачил?

– На земле веселее, Ваня. Вот братана встретил. Надо же! Какая радость для мамани: живы мы.

Дальше уже пошел настоящий спектакль.

– А скотинку таматка не встретил?

– Как же, брат Иван, узнала меня коровушка – наш молокозавод, молочком парным угостила.

– Ишь ты! А Жучку не приметил?

– Как же, как же, и Жучку! Как жила без ума на земле, так с дуростью и там собачит.

– Ну, а Рыжего, кота твоего? Что там поделывает?

– Э-э, там объяснили: на небеса мышам вход заказан. Кота определили на новое дело – главным мухобоем. За каждые десять тысяч прихлопнутых мух – премия. Ничего, справляется. На земле слыл умняком, и там признали умняком. А меня опознал – облизал, обмурлыкал.

– Да, привалило тебе, Серега!

Как ни ноет, ни сверлит, ни сдавливает грудную клетку – аж тошнит, как ни болит – братья всех развеселили.

– Ну и артисты! Шутники!.. – смеялись раненые.

Ночь после боя

Вторая ночь в медсанбате оказалась для меня нелегкой. Поначалу – крепчайший сон, а затем вдруг пошли сновидения – и какие! Что это – ночная игра воображения, отголосок страшных впечатлений, разбушевались потусторонние силы? Остаток ночи обернулся для меня кошмаром, фантастические картины цепко держали в своей власти, заставляя сопереживать, радоваться, плакать, содрогаться.

...Шурка! С отцовской шашкой в посеребренных ножнах, в казацкой папахе, на великолепном сером коне мчится галопом по бранному полю. Ни одна пуля его не трогает! И вот они – басурманские окопы! Выхватывает Шурка шашку из ножен и сечет, сечет ею вражьи головы! А наши уже заняли опустевшие окопы и бросились догонять трусливо убегающего врага. «За святую Русскую землю!» – кричит казак-рубак Шурка и мчится на коне за немцами, сносит им головы! Немцы падают на колени и молятся, устремляя глаза в небо, просят избавить их от человека-дьявола.

Победа! Ржев – наш!!! Молва о сверхгерое-спасителе обрывает легендами. Доходит она и до высокого начальства. Затребовал Высокий Чин русского чудо-богатыря пред свои очи.

Вышел Шурка – в казацкой папахе, с отцовской шашкой в посеребренных ножнах, вскочил на своего серой масти коня и помчался, обгоняя ветер, на встречу с Высоким Начальством.

– Откуда ты взялся, витязь? – спрашивает Шурку Высокий Чин о четырех звездах на погоне. – Какую желаешь самую высокую награду?

А Шурка – это как же обнаглел парень! – сплюнул, отматерился и заявляет:

– Взмолились реки, взмолилась Русская земля, залитая солдатской кровью, и повелел мне Всевышний прекратить ваши генеральские безобразия. Как вы воюете – враз изведете весь народ христианский!

Разгневалось Высокое Начальство, затопало хромовыми сапогами:

– Схватить неуставника! Связать непокорного! Расстрелять, чтоб другим геройствовать неповадно было!

Да не на того напали!

Поперву окружили Шурку солдаты-автоматчики да, рассмотрев своего – казака-удальца, тотчас побросали оружие, кричат:

– Не станем стрелять в своего спасителя – святого героя-легенду!

А Шурка, выхватив отцову шашку из ножен, вмиг порубил поганые начальственные головы.

Скандал! Такого Красная Армия не знала со дня своего рождения!

Тут прибыли охочие на расправу особы. Эти враз повязали героя! И посадили во фронтовую тюрьму – глубокую-глубокую яму! Да забыли нечестивые про его коня. Тот, почуяв беду, примчался и разогнал-раскидал всех обидчиков. Вскочил Шурка-казак на своего серого и поскакал вдаль – за облака...

Очнулся я среди ночи. Мучительно долго выбирался из сна. Наконец вскочил. Думал, что с койки. На самом деле давно уже валялся на полу, весь взлохмаченный, мокрый, с тяжелой головой. Еле-еле опять взобрался на койку, глядел в темноту и звал, призывал Шурку – он же только что был тут, рядом!..

Вместо Шурки подковылял к моей койке сосед и дрожащей рукой протянул кружку с водой:

– Выпей, солдат, водички, полегчает. Так громко стонал, звал какого-то Шурку – верно, друга поминал. Пройдет время, и нас с тобой станут поминать. И на том – большое спасибо. Окаянная война, окаянный немец.

Проснувшись утром, долго не мог сообразить, где я и что со мной. Завтрак все не везли. Не дождавшись, я ушел в лес, к раненым.

А на операционной на поляне в тот день произошло настоящее чудо. Сотворили его два доктора и два минера.

Обычно в прибывающие повозки бывало набито столько раненых, сколько поместится. Вдруг привезли только одного. Осторожно переложили на носилки и опустили на землю. На поляне его уже ждали. Видно, особый случай. Собрался персонал: начальник госпиталя, еще один врач и почему-то минеры со всем снаряжением. Стало ясно: случилось что-то необычное. Суетились медсестры, санитары.

Чего только не бывает на войне! В солдата сзади, ниже пояса, врезалась маленькая мина, выпущенная из ротного миномета. Пробив одежду, она придавила бойцу все внутренности и, обессиленная, застряла в теле, наружу торчал только стабилизатор. По счастью, почему-то не сработал взрыватель, но раненому не позавидуешь, неожиданный получил «подарок».

Солдат лежал на животе, молча переносил страх и боль, лицо его покрылось испариной и почернело от сердечных мук. Страшась шевельнуться, он напрягался струной, дрожь судорогой пробегала по его телу. Волновались все: взрыватель мог сработать в любую минуту, тогда все взлетят на воздух, всех разорвет на клочки – и солдата, и его спасителей.

Из всех операционных вывели врачей и медсестер. Вокруг поляны выставили оцепление, никого и близко не подпускали. Начальник медсанбата, опытный военный хирург – выпускник Ленинградской военно-медицинской академии, посоветовавшись с минерами, сам принялся за уникальную операцию. Ему помогали минеры и молодой врач-доброволец.

Весь медсанбат буквально замер. Взоры медиков и раненых (солдатский телеграф уже разнес новость) были устремлены в сторону операционной. Операция продолжалась примерно час. Ко всеобщей радости, закончилась она удачно. Минеры мигом лишили мину взрывателя. Врачи тоже как следует справились с не менее сложной задачей: извлекли из тела мину – это маленькое

чудовище – и остановили кровь. Вокруг облегченно вздохнули, кто-то даже крикнул «ура», все рукоплескали врачам и минерам.

Об этой удивительной истории вскоре написала дивизионка, автор поведал и о дальнейшей судьбе солдата: его отправили в полевой госпиталь, так как мина, не повредив внутренних органов, занесла сильную инфекцию.

Сабит Халиков

Когда напряжение спало и все принялись за обычные дела, я случайно обратил внимание на двух раненых командиров, лежавших на носилках поодаль от остальных. В одном из них я сразу узнал Сабита Халикова, бросился к нему:

– Сабит! Вот так встреча! Что с тобой?!

– Обычная для комсорга история, – сказал он тихо. – Комиссар приказал поднять бойцов в атаку, а пулеметы головы не дают поднять, вот и не добрался, раздробило осколком бедро. – Показав глазами на мою забинтованную шею, спросил: – Как ты, сильно задело?

– Ерунда, – бодро сказал я. – Осколок, царапнуло. Надеюсь, скоро в полк. Как я рад встрече! Чем я могу помочь?

Сабит прикрыл глаза, то ли от боли, то ли задумался. Лицо его, небритое, уставшее от боли, потемнело, я непрерывно смачивал ему лоб и понемногу поил холодной водой.

И вдруг он быстро-быстро заговорил, вероятно, опасаясь, что подойдут санитары, заберут, и он не успеет сказать всего:

– Ты мне очень поможешь, если выслушаешь меня внимательно.

Я кивнул.

– Ты помнишь, как мы расстались. Так вот, твой перевод в батарею – дело парторга полка. Сволочь, антисемит! Потребовал отправить тебя в строй, обвинил меня, мол, пригрозил тебе в политчасти: «Пусть твой еврейчик повоюет». Я давно хотел рассказать тебе об этом мерзавце, случая не было.

– Так и сказал? – покраснев, переспросил я.

Закрались сомнения, вспомнил подобные высказывания комиссара батареи. Но это все-таки мелкая сошка. А чтобы парторг полка! Как он посмел? Когда подобным образом затрагивали мою национальность, это унижало и я сильно краснел, хотя краснеть следовало бы не мне.

– Да, так и сказал. Я, как ты знаешь, закончил Казанский университет, у нас еще сохранялись ленинские традиции, и таких типов, как этот, мы старались держать подальше от работы с людьми. Борис, встретимся ли еще? Я свое отвоевал – после операции, наверно, отправят в тыловой госпиталь, поэтому давай поговорим начистоту, по-товарищески, если хочешь – как отец с сыном, я же старше почти на десять лет да и фронта хлебнул под завязку. Вот тебе мой совет: не торопись на передовую. Что, не ожидал услышать такое? Привыкай!

Все внутри оборвалось! О чем он говорит?! С каким-то смешанным чувством воспринял я сказанное. А он продолжал:

– Вижу, мои слова не прились тебе по душе. Может быть, обидели. Ты честный парень, но наивности в тебе многовато. Не представляешь, как это комсорг полка, коммунист – и советует не спешить в бой. Вот и пошевели мозгами. Как мы воюем?! Комдив орет в трубку командиру полка: «Не возьмешь деревню – расстреляю!» – и добавляет к угрозе порцию мата. За ним комполка: приказ плюс своя порция нецензурщины. И так все – от командарма до ротного да с помощью комиссаров, гонят солдат в мясорубку. А результат?! Сколько побитых! Ты же сам видишь – везут и везут. А сколько лежать осталось! Бумаги не хватит на похоронки. Это же надо – по десять атак в сутки! Гонят и гонят! Ведь не баба гусей на речку – людей на пулеметы! Да был бы толк! Ох, злой я стал, Борис. А главное, на себя! Звал молодежь умирать за благородные цели! Сам был готов за них лечь! А какое же это благородство, скажи, если командир, комиссар отдают приказ: «Любой ценой!»? Значит – за счет солдата! Не подготовив его, не вооружив как следует! Безумие это! Второй год воюем на солдатских костях.

Я молчал, ошалев от жестких неожиданных слов Сабита.

– Вижу, испортил тебе настроение. Признайся!

– Да... – хотелось глотнуть побольше воздуха.

– Я прав! И ты поскорей избавляйся от иллюзий.

Мысли путались, скакали – может, я не понимаю, не знаю всех обстоятельств? К чему он призывает? Может, он хватил через край? Так нельзя! Наверно, он старается умерить мой пыл романтика. Но воевать-то с немцами надо! Даже вопреки глупости, неумелости начальства!..

Умный комсорг понял все без слов:

– Эх, какой ты еще зеленый! Я ставил тебя выше. В полк спешишь? Да полка, считай, уже нет.

Он был прав; спустя годы я узнал, что за два месяца наступления из 3000 личного состава 711-го полка в строю осталось 200 человек – бойцов и командиров.

С первого дня нашей встречи Сабит казался мне честным, прямым человеком – лучшим примером армейского политработника; и теперь я не мог прийти в себя: он ошеломил меня, вышиб из колеи, его слова, словно вбитые в мозг гвозди, терзали и мучили. Значит, гибель Женечки и Шурки напрасна?! А Сухомиров?! А мучения раненых?! А врачи – они тоже ни к чему стараются?! Значит, все это зря?!!

– Не все командиры и комиссары такие, – собравшись, сказал я. – Нашего комдива я не считаю таким. Если бы ты знал Сухомирова, моего комроты, ты не говорил бы так. Ты знаешь, он... – К нам шли санитары, я заторопился: – А главное! Сабит! Мы должны выгнать немцев! Ты же знаешь, что после них остается.

Он не успел мне ответить – подошли санитары; мы расцеловались, и его унесли в операционную.

Помогая раненым, я часто поглядывал в сторону палатки, разговор не отпускал, я пытался понять его – комсорга полка, его побуждения. А я, как я (!) должен жить дальше? Он хотел предостеречь и спасти меня? Может, его мысли приняли такой оборот после тяжелого ранения, всего, что он увидел, пережил на поле боя? Я знал Сабита добрым, благожелательным и всегда – жизнелюбом, оптимистом, и вдруг он заговорил о злости! Может, его вера в порядочность, его принципы столкнулись с тем, чего он уже не смог вынести, и, находясь в шоке, он не удержался, выплеснул все мне? Наверно, это долго копилось? Вспомнился Юрка Давыдов с его критикой командиров, но Сабит – не Юрка, он старше, серьезнее, глубже. А теперь выбор за мной. Должен ли я согласиться с ним? Вот так, с ходу, изменить свои убеждения, стать другим человеком? Но даже если так! Кто потерпит критику армейских порядков? Да еще на фронте, в действующей армии! Меня уже вышибли из комсоргов, из артиллерии...

Операция длилась почти четыре часа. Но вот вышел из палатки санитар, с трудом поддерживая бледную медсестру, осторожно посадил ее на траву. Испугавшись за Сабита, я бросился к санитару:

– В чем дело?! Что случилось?!

– С вашим другом вроде все в порядке, – успокоил он. – Просто девушка надышалась хлороформа и потеряла сознание.

Через неделю Сабита отправили в полевой госпиталь, оттуда – в госпиталь Казани.

Осенью сорок шестого я разыскал Сабита и пригласил в гости. Наша семья обитала тогда в перенаселенной коммуналке, вмещавшей четыре семьи – в общей сложности четырнадцать человек. Я, родители и мамина сестра размещались в восемнадцатиметровой комнате, но в тот первый послевоенный год наша комната стала приютом для многих моих товарищей-фронтовиков. На фронте я дал им свой адрес, и теперь, возвращаясь с войны в разные концы страны, они ехали через Москву и останавливались у нас. Мама никому не отказывала в гостеприимстве, радушно принимала всех, кормила и укладывала спать на полу, другого места не было. Вечером, когда отец и тетя возвращались с работы, все – хозяева и гости – усаживались за круглый стол под большим цветным абажуром и с удовольствием уплетали мамины вкусности, приготовленные из самых простых продуктов, пили за самую лучшую матушку, а мама влюбленными глазами смотрела на статных молодцев в выцветших гимнастерках, увешанных боевыми орденами, медалями и нашивками ранений – узкими желтыми и красными ленточками⁷, и каждого просила как можно больше рассказать о себе, своих боевых делах и, конечно, обо мне – и каждого слушала с благоговением.

В нашей семье таким образом побывало человек пятнадцать фронтовиков. Гостил у нас и Сабит. После ранения он до конца жизни ходил с палочкой.

⁷ Под конец войны я встречал офицеров и солдат, имевших до десятка ранений.

Второй сон

Вечером, ковыряя холодную кашу, оставленную для меня ребятами, я сидел на койке и думал о предстоящей ночи, опасаясь очередного непредсказуемого представления и, как ни странно, пытаюсь осмыслить ночные картины – свой сон о Шурке. Что это было – предзнаменование? Доброе или недоброе? Что ждет меня и когда?.. Каждый может думать о снах, что ему заблагорассудится, но это – мой сон и, наверно, подсказка: я должен что-то изменить, впредь поступать иначе – но как?! Припоминая увиденное, я старался собрать все в целое, в одну картину. Так в чем суть ее?..

Не раздеваясь, я завалился на койку, на всякий случай попросив у медсестры чего-нибудь снотворного. Она принесла несколько белых таблеток, я проглотил их и спокойно, легко заснул. Однако под утро в голову опять ударила сонная дурь – и покрепче вчерашней!

В темноте засветились фосфорическим светом глаза... Глаза Женечки! Большие, расширенные, они глядели в упор, в них два слова: «За что?» Застывший взгляд. Но глаза мерцают – появляются, исчезают.

– Мне стыдно, что я погиб! – говорит Женечка. – Люди падают в кровавую реку и тонут...

Замелькали мучительные воспоминания... Казарма – и Женечка... Вагон – бьют Женечку... Женечка на моих руках – он что-то говорит... Внезапно надо мной распласталась огромная черная птица. Расправив крылья, застыла. Пристальный взгляд устремлен в глаза, но пронзает меня всего, пытаюсь сдвинуться, увидеть свет – и не могу. Я в плену. Весь сжимаюсь и цепенею. Освободиться нельзя, и я терпеливо жду: что-то произойдет... И птица вдруг обретает человеческий голос:

– Ты обещал Жене найти меня и сестренку Сашеньку?

– Да, обязательно. Но сейчас мне нельзя.

– Я освобождаю тебя от бесполезных мучений и поисков. Мы больше не существуем. Нас убили немцы в крымских каменоломнях.

– Женя об этом не знал, он искал вас до последнего дня. Вы его мать?

– Я – твой сон...

И все исчезло. Сна не было – я проснулся. А может, не было и видений? Закрываю глаза: вдруг опять что-то увижу? Ничего. Соскакиваю с койки и чуть не сбиваю с ног медсестру, она стоит рядом, с тревогой наблюдая, как я мечусь во сне.

– Что с тобой, солдат? Ты так сильно кричишь, спать никому не даешь. Так нельзя, надо сдерживаться, успокойся!

– Да, спасибо, – соглашаюсь я.

После завтрака – перевязка. Когда открыли рану – она вся гноилась. Промыли, вновь наложили повязку с риванолом. Врач покачал головой, и меня направили в батальон выздоравливающих.

Всего три дня я пробыл в медсанбате – три дня среди сердечных, отзывчивых людей. Весь медперсонал был беспредельно предан нам, фронтовикам. Вспоминая сейчас многое пережитое и увиденное за дни и годы войны, я знаю: тех людей мне никогда не забыть их бескорыстия и верности долгу!

В батальоне выздоравливающих

В боевой обстановке батальоны выздоравливающих состоят при дивизионных медсанбатах. Здесь долго не держат, мне же вместо двух недель пришлось пробыть на выздоравливающем режиме больше месяца. Рана продолжала гноиться, охватывая все новые участки кожи. Под вечер столбик градусника подскакивал на две-три отметки. Врач твердил одно:

– Осколок занес сильную инфекцию, нужно время.

Сестра всякий раз после перевязки обещала:

– Ну, в следующий раз затянется.

Но рана не затягивалась – риванол оказался слабаком в борьбе с инфекцией.

Батальон выздоравливающих размещался в некогда большой деревне в трех-четырех километрах от медсанбата. Деревня уже давно опустела: мужиков успели забрать в Красную Армию, кто-то погиб еще в сорок первом, женщин угнали в Германию, были и такие, кто сам бежал следом за немцами, а стариков и детишек вывезли за фронтовую зону сначала немцы, заняв деревню, а потом наши, освободив ее. Часть батальона размещалась в трех сохранившихся избах. Одну избу

занимали медпункт и перевязочная, в ней жили врач, медсестра и санитары, в двух других – раненые, в нашей избе было человек двадцать. Метрах в трехстах от деревни вырыли на всякий случай глубокие щели-бомбоубежища. После каждого боя в батальон поступало человек двести пополнения, и, хотя примерно столько же возвращалось в полки, теснота была страшная, поэтому жили и в опустевших немецких блиндажах, и в расположенных в лесу палатках. Благо еще было сравнительно нехолодно, а раненые были сорта «выздоровливающие» – то есть ходячие и, значит, сами могли дотопать до кухни.

Режим был такой: после завтрака шла так называемая «легкая боевая подготовка», затем обед, политзанятия и три часа свободного времени. Дважды в неделю все мы проходили медицинский осмотр. Начальство требовало «побольше выписывать», и с ранеными не церемонились: часто выписывали недолечившихся; врачи считали, что главное – покончить с инфекцией и привести в порядок руки-ноги. Однажды произошел скандал. Старшая сестра батальона случайно оказалась свидетельницей разговора начштаба дивизии с начальником медсанбата, первый обвинял второго: «Каждый солдат на учете, не говоря уже о командирах, а вы сентиментальничаете!..» Начальник медсанбата не стал возражать, просто прислал в батальон комиссию. Комиссия из трех врачей трудилась два дня, тщательно всех осмотрели. В результате двадцать один солдат и трое командиров были отправлены на передовую.

Командовал батальоном для выздоравливающих старший лейтенант с пустым рукавом вместо левой руки. Звали его Сергей Иванович Токмаков. После тяжелого ранения и госпиталя он отказался от предложения комиссоваться и добился отправки на фронт. Командиром он был храбрым и человеком добрым, старался, как мог, нас поддержать: заботился о своевременном поступлении пищи, следил за состоянием раненых, сроками перевязок, доставкой писем и газет. Он же проводил с нами занятия по боевой подготовке – понятно, в облегченном виде: больше времени уделял обобщению фронтового опыта, расспрашивал каждого о недочетах в частях, подсказывал, как можно избежать или не допустить их.

После боя. Комсорг полка. 1943 г.

При командире состояли старшина и фельдшер, помогая ему справляться с делами батальона. Старшина (мой пятый по счету) Фока Степаныч был из санитаров, любил порядок и дисциплину, его так и прозвали – «ПД». Особое внимание он обращал на время подъема и отбоя. Заглядывал и в жилища; если видел их неубранными, замечал немытую посуду на столе или грязный пол, натыкался на небритых солдат, всегда старался отыскать ключик к каждому, а потом по-доброму спрашивал: «Вы согласны со мной?» Впервые я встретил старшину, который обращался к нам на «вы», очевидно, по примеру своего командира. Если солдат соглашался, старшина твердо верил, что тот непременно учтет его замечание. Особенно хвалили старшину, когда он придумал и устроил для нас простейшую баню: врыли в землю четыре столба, обтянули их плащ-палатками и водрузили наверх продырявленную бочку, один человек лил воду, другой мылся. Раненые ходили чистыми и радовались.

Посреди нашей избы стоял огромный, крепко сбитый стол, сделанный каким-то деревенским умельцем, – видимо, прежде в избе жила большая семья. Каждое утро за этим столом происходил важный ритуал. Полевая кухня вместе с едой привозила в широких крепких мешках буханки хлеба – все одинакового размера, по килограмму, их укладывали по пятьдесят штук на стол, и солдат-хлеборез одним легким ударом острого ножа разрезал каждую точно пополам; все дивились глазомеру резчика, оказалось – он снайпер. Затем в избу приглашали по пять человек, каждый становился спиной к столу и выкликал свою пайку. Не помню случая, чтобы кто-то оказался недовольным. Говорят, подобного способа дележа фронтовики придерживались повсюду. Думаю, не ошибусь, если предположу, что пришел он в армию из лагерей. Узнав от военнопленных о нехитром способе распределения хлеба, немцы нередко обращались к нам на передовой: «Рус, кончай делить пайки, давай воевать!»

Неожиданная встреча

Однажды, то ли на второй, то ли на третий день моего пребывания в батальоне, в нашу избу ввалился огромного роста детина – весь обросший, в щетине, похожий на медведя. Но мы сразу узнали друг друга!

– Рыжий! Вот это да! Приветствую вас, курсант Александр Рыжиков!

Обнялись, радуясь встрече! Вышли на улицу, сели на бревно у забора, и Сашка рассказал о себе. Пуля зацепила его в первом же бою, попала в руку, кость не задела, но вырвала солидный кусок мышцы и обожгла кожу:

– Мог и без руки остаться, но пронесло, только вот заживает медленно – не помогает «товарищ риванол»!

Мы счастливо захохотали.

– А где твоя гитара? – спросил я.

– В бой с собой не возьмешь, осталась в обозе.

– Может, вечером придешь споешь? Все будут рады.

– Можно, – согласился Рыжий.

Заговорили о наших, выясняя, кто где. Я рассказал о гибели Шурки и Женечки. Рыжий назвал еще имена: Саша Пушкарев, Юлик Герц, Сережа Кожевников, Феденька – все они погибли. Феденьку не любили в казарме, не могли простить фискальства за мармеладки, но все равно было жалко парня. Погиб он страшно. Их рота форсировала Волгу, немцы сопротивлялись отчаянно, стремясь сбросить наших с берега; во время переправы Федор и погиб – то ли его достала немецкая пуля, то ли не смог удержаться за протянутый канат и свалился в реку, а выбраться уже не смог.

Первые бои, а грустная выходила картина. Кто из нас представлял, что так будет? Мы едва-едва начали свой боевой путь – неужели всех нас перебьют?.. И все-таки все честно выдержали проверку на личность. Не знаю случая, чтобы кто-то из наших дрогнул или совершил дурной поступок. Но с каждым днем, с каждым новым рассказом и новой встречей я убеждался, что судьба – это не мое, не твое, не наше – определяет ее нечто свыше.

Вечером к нам пришел Рыжий. Я представил его. Потом он пел – «В нашем городе», «Черного ворона» и, конечно, «Девушку из маленькой таверны» – звезду довоенного фольклора. Каждую песню принимали на ура. Выложили на стол угощение, что у кого было, Рыжий, не стесняясь, лопал все подряд – видно, изголодался. Когда он пел «Девушку из маленькой таверны», в избу вошел комбат Токмаков. Старшему лейтенанту понравилось пение Рыжего, но он заметил:

– Нынче, ребята, уже другие песни поют, – и привел слова из популярной фронтовой песни на стихи Ярослава Смелякова:

Песню петь-то надо с толком,
Потому что между строк –
И немецкие осколки,
И блиндажный огонек...

Да, настало время иных песен – с этим нельзя было не согласиться.
Рыжего, потеснившись, пригласили жить в нашей избе.

Солдатские «разговорчики»

На политзанятиях в помещение набивалось с полсотни раненых, сидели на широких подоконниках, в сенях, на полу. Комиссар попался злющий как черт, да и балбеса, равного ему, я не встречал. Занятия он проводил своеобразно: задаст вопрос – и сам же на него отвечает, причем, как правило, цитатами из речей товарища Сталина. Тупость его поражала. Однажды его спросили:

– Почему мы так долго не можем взять Ржев?

Комиссару вопрос был неприятен, но он быстро нашелся и спокойно ответил:

– Верховный Главнокомандующий не скрывает, что немцы крепко обороняются. Но нужно понимать: это они от отчаяния и от страха наказания за совершенные преступления.

После этого случая комиссар перешел к новой тактике в проведении занятий: не позволял себя перебивать и старался уложиться точно в отведенное время, после чего быстро уходил.

Между тем я чувствовал, у всех накопилась тьма горьких и страшных вопросов, камнем лежали они на сердце людей. Как, у кого спросить об огромных потерях? Или почему не хоронят убитых? Почему авиация не прикрывает пехоту? Почему артиллеристам не удастся поразить огневые точки противника? Что происходит в тылу – почему полны ужасной безысходности письма из дома? А лютое поведение многих командиров, комиссаров, особистов – почему все чаще солдат говорит: «Не бойся чужого – бойся своего»?..

Вопросы – без ответов. Одни страшились спрашивать: глядишь, сообщат куда следует; другим было до лампочки, третьи не верили, что услышат правду. Умным был тот, кто сказал: «Какой правды вы ждете, если тот же комиссар или командир уверены, что среди их слушателей обязательно найдется „свой“ из особистов?» Выходит, не очень-то мы доверяли и себе, и другим. Конечно, были и такие, кто ни с кем не спорил, придерживаясь старого правила: плетью обуха не перешибешь.

И все же трудно постоянно молчать, и солдаты говорили.

Здесь, в батальоне выздоравливающих, я прошел еще один курс военного университета, может быть, самый важный – человеческий. Среди нас оказались солдаты из разных полков и батарей, но больше всего – новобранцев. И стало понятно, почему их так много среди раненых, они рассказали сами. Их привезли из Пензы ночью, высадили из вагонов и уже ранним утром, что называется с ходу, погнали на штурм высоты. Писари не успели даже внести их имена в списки, повара – покормить. В военном деле это были полные неумехи – обучали их не больше месяца. Потери среди них были огромны, как и число раненых. С тех пор, когда привозили новобранцев, о них говорили: «Пенза пришла...» Сколько их полегло – не сосчитать!

...Наступает ночь. Не спится. Поначалу царит полное молчание, каждый предается собственным мыслям. И вдруг, как тоненький ручеек весной, кто-то заговорит, и польются рассказы... Часто говорили о прошлом, каждый припоминал что-то светлое – как не поведать про свой дом, свою хозяйку, мальчика, коровушку-кормилицу, что молоком поила подчас всю деревню. Вспоминая свою прошлую жизнь и один, и другой, и сотый раз, человек всякий раз отыскивал что-то новое, радостное, согревающее его душу.

А фронтовые впечатления! Сколько их накопилось у каждого, если учитывать, что многие из попавших в батальон начинали свой боевой путь от Москвы. Один вспоминает, как стал опытным разведчиком: с первого раза, забравшись в немецкие траншеи, приволок жирного, как окорок, вахмистра – с того и началось... Другой не может забыть, как комдив поцеловал его и наградил медалью «За отвагу» – никто лучше не мог с первого-второго снаряда уничтожить вражеский дзот.

Как не рассказать и такого случая. Командир послал солдата за почтой. И встретил его не какой-нибудь затюканный почтовик, а милая девушка – самая что ни на есть любушка! Но, как ни очаровывал ее солдат, какие высокие слова ни говорил, как ни хвастался медалью «За отвагу» – в общем, как ни наступал и в лоб, и с флангов, оборону девичьего сердца прорвать не смог! Сколько всего пришлось придумать для командира, чтобы к вечеру опять его отпустил на почту – и командир отпустил-таки: уж очень сам он ждал письма от родных из осажденного Ленинграда. А солдат – настойчивый был мужик! – добился-таки своего.

Как видно, наступает в разговоре такой момент откровенности и доверия, когда душа раскрывается настежь, когда хочется выговориться свободно, легко, не ожидая ни от кого гадостного поступка, ни на что не оглядываясь. И вправду! – все свои; кто знает, может, и живем-то последние денечки... В батальоне четверо раненых уже по второму разу, один говорит: «Бог миловал. А вот

обернется ли господь добротой в третий раз – неизвестно...» Вот и льется, течет нескончаемый солдатский разговор, и не было такого случая, чтобы кто-нибудь отвернулся, не принял участия. Такой искренности, правдивости, душевности, стремления понять себя и других, пожалуй, не часто встретишь в жизни. Как жаль, что многое из тех золотых словесных россыпей ушло из памяти.

– ...Наступали мы, значит, в лоб на деревню. Какую? А хрен ее знает какую! Только от жилья прежнего в ей одни головешки пооставались. Так нет, чтоб обойти энти головешки и влечь, значит, немчуре в задницу. Наш ротный, едри твою гудрон, прямиком нас всех – на пулеметы. Фриц-то не дурак! Подпустил поближе – и стал сечь. За полчаса, значит, чуть не целый батальон накрыл. И ротного. Его-то чего жалеть – был балбесом, таким и остался. А вот ребят жалко.

– А деревню-то взяли? – раздается голос из темноты.

– Взяли, взяли. Да ежели за всякую деревню класть по батальону, дойдем ли до Неметчины? Вот мой, значит, вам резон: думать командиру надо – может, тогда и толку больше будет.

В разговор вступает, вероятно, связист:

– А чего ему думать, когда он загодя все придумал, а как бой – так со связью беда. Все знают: бьют нас гады подряд, по катушкам распознают, даже снайперов насылают. Убьют одного, ползет другой – они и его, а ты все равно ползи, пока «Ромашка» «Белку» не услышит. А бывает и похуже. Раз послал меня комполка отыскать батальон – связь не отвечает. Полз я долго, страха натерпелся ой-ой! – головы-то не поднять, пашу носом. И, надо же, прямо наткнулся на пулеметчика, обрадовался, спрашиваю: «Где батальон?» А он на меня: «Какой... батальон?! Ты что... не видишь?! Вот тебе – батальон!» Тут я голову-то приподнял – а вокруг все завалено нашими ребятами. А пулеметчик кричит: «Один я остался! Давай, доберись до полка, сообщи, пусть подмогу пришлют! Фрицы хотят меня живым взять! Не дамся им, сволочам! Да ведь они потом дальше покатаются. Ты понял?» Так что прав, думаю, пехотинец: не умеем как следует, с умом воевать; может, немецкие генералы научат.

Кто-то грубо обрывает солдата:

– Ты, Васька, говори, да не заговаривайся: за такие разговорчики сам знаешь, что бывает.

– Это точно, пехота без танков – ноль! – вступает в разговор танкист.

Ему возражают:

– Какая от вас польза?! Танки сами по себе, а пехота сама по себе. Нет, товарищ танкист, считай, мы пока еще не сдружились.

– Это как понять? – защищается танкист.

– А так, – звучит целый хор голосов. – Пока доберетесь до немецких траншей – то сядете на карачки в болоте, то гусеницей угодите в овраг, то «юнкерсы» вас разбросают по полю, как спички из коробка. Быстро немеете: кончились боеприпасы.

Вмешивается артиллерист:

– Хреново вы, пехота, помогаете нашим наблюдателям, а без них какая стрельба? Что бы вы без нас, мужики, делали? Артиллерия, известно, «бог войны». Снарядов бы побольше – и дорога на Берлин открыта.

– Вот-вот! У немцев снарядов – куры не клюют, а у вас – хорошо, если по десятку на пушку схлопочете. Какой уж тут «бог». Немцы никогда не экономят – бьют и бьют. Солдаты не смерти ждут, а конца обстрела.

– Ты помолчал бы, пехота: за такие суждения – трибунал!

– Не дергайся, артиллерия. Вот тебе примерчик из твоей епархии. Фрицы засекли по блеску стереотрубу твоего наблюдателя, шарахнули по окопам. Четверо ваших отдали концы, а меня всего засыпало – одни ноги торчали, еле откопали.

– Чего-то я не понимаю, – вопрошает кто-то. – Фрицы болтают, будто воюют за свое Отечество – это на нашей-то Русской земле. И мы воюем за Отечество – опять же на своей, не на их территории. Это что же они, червяки вонючие, нашу землю считают своим Отечеством?

– Ну, ты даешь петуха! – смеется сосед. – Задай-ка этаким комиссару.

Ночная свободная дискуссия продолжается. Солдаты, не стесняясь младшего лейтенанта, переходят к обсуждению своих командиров – выше роты никто не берет, да мало кто и знает командира полка или дивизии.

– Наш ротный – зверюга. Будто в лесу родился. Один солдат не выдержал, влил ему перед боем по чайнику: пусть рассудит, как обращаться по-людски с нашим братом. Вроде бы одумался и с

тем парнем, что вlepил ему, не стал тягаться.

– А наш выдрючивается перед начальством, да так, ангидрид твою перекинь марганца, что готов лизать ему все места ниже спины.

– Наш тоже не лучше: и в деле говенный, и человек так-сяк.

– А у нас – балаболка, так и прозвали его: «Бебе».

– А наш как прикажет, так держись руками за воздух: не поймешь, чего хочет?

– Как приехали на фронт, комиссары нам говорили: погоним фрица! А на деле...

Неожиданно кто-то подобрался в темноте к столу и так шарахнул кулаком, что подскочили и зазвенели кружки:

– Это как понимать ваши слова?! Распустили глотки! Командир командиру рознь! Пораженцы вы! Таких – к стенке!

Люди смолкли. Наступила мертвая тишина. Но продолжалась она недолго – возмутился танкист:

– Ты что, мужик, очумел?! Какие мы пораженцы?! Пришли с боя, а завтра опять в бой. Мы по справедливости – и только! А как ты против, так иди к особистам! Они любят таких, как ты, – недоумков!

– Да не о том я, бог свидетель! Досада меня взяла, как зачесали про командиров.

Заговорил сосед разгневанного солдата:

– Эх, Гераша, Гераша, командиры-то нас простят...

Его перебил младший лейтенант:

– Ребята, постойте! Припомните-ка, разве ни у кого из вас не было ни одного приличного командира?

Все зашумели:

– А как же, были, были...

– А где взять лучших?

– Были да сплыли.

– Эх, ребята, ребята, – все узнали хриплый голос старого солдата, – на чем языки чешете? Одна чернота. Дозвольте повеселить, ежели не против.

– Давай, давай, Леша!

И пошел рассказ, похожий на сказку. Говорено не раз: чего только не бывает на войне!

– Вот вам был: как величайший трус, от рождения с заячьим сердцем, – стал Героем Советского Союза!

– Ну-у, это загибон, как это так?

– А так. Вот и послушайте. Немцы наступали на Киев и разбили нас на Днепре. От полка остались только знамя полковое и рядовой Сидоренко. И надо же такому случиться: заяц стал львом. Обвязался тот Сидоренко под гимнастеркой знаменем, нашел на берегу бревно подлиннее, покрепче, толкнул его на воду. Сам улегся, крепко привязался лямками, и поплыло то бревно по течению. Глядят немцы в бинокль: прилип к бревну убитый «Иван», ну и пусть плывет... Держится бревно на воде, не тонет. Подплыло на другой день к берегу, где новая часть оборону держала. Вытащили солдата из воды, спрашивают:

– Кто такой?

А он, сукин сын, парень не промах – такой сочинитель!

– Рядовой Сидоренко! – говорит. – Такого-то полка, такой-то дивизии! Перед смертью комполка подполковник Бучин Иван Ионович вручил мне боевое знамя и сказал: «Поручаю тебе, солдат, спасти честь полка». Сообразил я, как быть. Мигом вниз к реке, ухватился за бревно и поплыл.

– А знамя-то где? – спрашивают командиры.

Сбросил с себя солдат мокрую гимнастерку и вручил им боевое знамя погибшего полка. Каков молодец!

Доложили в дивизию, та – в армию, а оттуда – во фронт. Тут уж близко и до Москвы. Сообщили наркому обороны. Тот распорядился расславить и расписать во всех газетах подвиг русского человека. Стал старший сержант Сидоренко Героем Советского Союза. Скажете, случай? Нет, братцы. Судьба. Пошутил господь – и вот какой театр вышел!

– И где сейчас твой Сидоренко?

– А кто его знает...

Все, что я здесь видел и слышал, – масса человеческих характеров, судеб, историй, – напоминало калейдоскоп. Встречи с фронтовиками позволили мне полнее представить общую картину сражений за Ржев с зимы до лета сорок второго года. Когда я позднее вглядывался в нее, обдумывал отдельные ее подробности, то мне часто становилось не по себе. Трудно поверить, что так было. Эти воспоминания долго еще не давали покоя.

Гибель Саши Рыжикова

Спокойно прошла еще одна неделя. Однажды вечером, гуляя с Рыжим по деревне, мы увидели на противоположной ее окраине открытые высокие эстакады – на них стояли разбитые танки!

– Гробовое соседство, – хмуро проговорил Рыжий.

Кто догадался, кому пришлось в голову устроить возле лазарета мастерские по ремонту танков?!

Предчувствие нас не обмануло.

День начался как обычно. Встали, помылись и, покуривая, дожидались завтрака, вот-вот должна подъехать кухня. Вдруг над лесом появилась пятерка «юнкерсов». Они летели низко, чуть не задевая деревья. Нам показалось, что самолеты выстраиваются в цепочку – значит, через минуту-две начнут свой зловещий «хоровод». Я подтолкнул Рыжего:

– Скорей в лес!

Он не двинулся с места:

– Не волнуйся, они пришли не за нами. Видно, что-то разведали про ремонтников, наших милых соседей.

Я не стал его слушать, помчался вместе со всеми к лесу.

Налет продолжался минут пятнадцать. Когда мы вернулись в деревню, все вокруг горело и дымилось, пахло гарью, а на месте изб зияли три глубокие воронки, заполненные трухой из досок, камней, рубероида и щепок. Все, что в них было, наши вещмешки, предметы обихода, шинели, – все сгорело либо валялось вокруг, разбросанное взрывной волной.

Но где же Рыжий?! От прямых попаданий пострадало много раненых в блиндажах. Семеро из недавно прибывших и десятка два выздоравливающих получили новые ранения, некоторые – тяжелее прежних. Погибли комбат Токмаков, фельдшер и сестра – они поздно выскочили из избы, летчик одного из «юнкерсов» заметил бегущих и прошел всех троих одной пулеметной очередью. Я всех спрашивал, долго кружил у воронки от нашей избы, но никаких следов Рыжего не обнаружил, он точно испарился.

Вечером ко мне подошел Кирилл, один из раненых бойцов:

– Твой друг там, – он показал рукой на овраг.

Я бросился к оврагу. Рыжего я нашел внизу. Он был мертв. Сильной взрывной волной его бросило на огромные острые камни, разбросанные по дну и склонам оврага. Весь в крови, он лежал на спине с разбитой головой.

Нужно было найти домашний адрес. Достал из его карманов все содержимое – адреса не было. В кармане гимнастерки обнаружил потертый свернутый листок, развернул – это было вырезанное из газеты стихотворение Эренбурга – должно быть, оно понравилось Саше, и он бережно его хранил. Прочел – и меня будто ударило! Показалось, строки говорят о том, кто лежит сейчас передо мной на земле – неживой, распростертый, брошенный навзничь тупой безжалостной силой.

За что он погиб? Он тебе не ответит.

А если услышишь, подумаешь – ветер.

За то, что здесь ярче густая трава,

За то, что ты плачешь и, значит, жива,

За то, что есть деревья грустного шелест,

За то, что есть смутная русская прелесть,

За то, что четыре угла у земли,

И сколько ни шли бы, куда бы ни шли,

Есть, может быть, звонче, нарядней, богаче,

Но нет вот такой, над которой ты плачешь.

Попросил Кирилла помочь мне. Достали лопату и стали копать могилу.

Дело двигалось медленно, земля была крепкая, каменистая, а лопата одна на двоих – трудились по очереди, и могила была готова. И вдруг Кирилл, не сказав ни слова, стал стягивать с Рыжего сапоги.

– Ты что делаешь? – растерянно спросил я.

– То, что видишь. Свои вонючие обмотки хочу сменить на приличные сапоги, они вроде мне по ноге.

– Ты знаешь, как называется то, чем ты занимаешься?

– В курсе. Только друг твой теперь не в обиде.

Я закипел гневом, но как-то сдержал себя, попытался обратиться к его чувствам:

– Кирилл, я прошу тебя, давай похороним курсанта по-людски, мы же не звери.

– Чего ты хочешь от меня? Я нашел его, помогаю тебе. А ты, брат, не знаешь, что такое война! А я ее хлебнул – до глотки! – он полоснул себе ребром ладони по шее. – Ничего ты не знаешь! Мы – хуже зверей! Не выпустит она нас, пока не подохнем! Так дай хоть походить в нормальной обуви.

– Нет! – закричал я. – Не имеешь права мародерствовать над моим товарищем! Мы из одной казармы! – Размахнувшись, я изо всех сил ударил его в лицо.

Он схватился за лопату, но споткнулся, упал, вскочил, подхватил лопату и с искаженным лицом с криком бросился на меня:

– Убью!

– Убей! Тебя на фронт послали, чтоб убивать фашистов! – успел выкрикнуть я.

Он, осекшись, застыл. Сплюнул, бросил лопату мне под ноги, повернулся и зашагал к лесу. Я, весь дрожа, стоял возле Рыжего.

Я один похоронил друга. И, прощаясь, вслух произнес как молитву:

– Мы из одной казармы!

Так возник еще один холмик. Сколько их появилось за время войны! А затем они бесследно исчезнут, как и память о тех людях.

Накануне ухода на передний край я пошел попрощаться с Рыжим... и не нашел холмика, а вся земля вокруг была перекопана чьими-то холодными злыми руками.

И до сих пор я берегу ту вырезку из газеты, что хранил Рыжий, – как память о моем бескомпромиссном и талантливом друге. Возможно, жива и поет в чьих-то добрых руках его оставшаяся в обозе любимая гитара?..

Спецотряд

Чуть в стороне от нашего жилья находилась скромная ветеринарная больничка: несколько палаток и, за низким заборчиком, несколько собачьих будок. Нас, раненых, просили туда не ходить: «закрытая зона». Иногда ночами мы слышали собачий лай.

Во время налета погибли две раненые собаки, их опекун-санитар, как и все мы, жившие в деревне, убежал в лес, бросив своих питомцев. Некоторые его упрекали, но большинство оправдывало: «Что он мог сделать? У него бы не хватило времени их спасти».

К вечеру примчался верхом на лошади главный собаковод из армейского спецотряда. Узнав, что произошло, резко спросил:

– Где этот мерзавец, бросивший двух раненых собачек?

Младший лейтенант соврал:

– Он погиб.

Все смолчали.

Звали собаководов Колей. Мы напоили его чаем, накормили, успокоили. Он рассказал, что при 30-й армии недавно создан первый спецотряд, в нем служат собаки, выполняя во фронтовой жизни самые разные роли: есть собаки-санитары, собаки-связные, собаки – истребители танков.

Мы слушали собаководов Колю всю ночь напролет, и всю ночь он рассказывал, как дрессируют собак-подрывников. На спину собаки привязывают небольшой груз, а еду дают после того, как она пролезает под танком. Перед танковой атакой груз на спине заменяют миной со взрывателем. Конечно, было жалко собак, они гибли вместе с немецкими танками, но врага нужно было

остановить и разбить любой ценой! Немцы боялись этих собак больше, чем солдат-бронбойщиков, охотились за ними, их специально выслеживали снайперы, была даже установлена награда за каждого убитого пса.

Рано утром, не позавтракав, собаковод уехал в свой спецотряд.

Через непродолжительное время стало известно, что спецотряд преобразован в спецполк 30-й армии.

Вскоре нас перевели в другую деревню.

В начале октября во время очередной перевязки сестра радостно сообщила:

– С инфекцией покончено: ты, солдат, здоров.

Через несколько дней я получил новое назначение.

Батальон для выздоравливающих я покидал с грустью. Хотя бы потому, что расставался со многими добрыми людьми. Одни приходили, другие уходили, и каждый оставлял в душе отпечаток своей личности и своей истории; встречаясь с ними, я лучше понял фронтовую жизнь, увидел, как мне казалось, главное в ней.

Глава девятая **Дождливая осень** **Октябрь – ноябрь 1942 года**

Я – командир взвода

Ни в свой полк, ни даже в дивизию вернуться мне не пришлось. Из батальона выздоравливающих меня направили в 673-й стрелковый полк 220-й стрелковой дивизии. В бумаге, выданной мне на руки, было написано, что я поступаю в распоряжение командира полка Николая Ивановича Глухова. В этом полку я прослужил почти до июля 1944 года.

В штабе 673-го полка меня, еще сержанта, но бывшего курсанта, назначили командиром взвода и сразу направили на передовую, в батальон старшего лейтенанта Малышева, который держал оборону в пригородном лесу на северо-восточной окраине Ржева. Мне показали на карте место моего назначения и предупредили, что к переднему краю добраться можно только ночью, так как днем все пространство простреливается, – кроме того, часто появляются немецкие самолеты, идут на бреющем и, заметив что-то живое, стараются добить.

Дождавшись ночи, я двинулся в путь. Погода стояла – хуже не придумаешь, уже зарядили осенние дожди, холодные, нудные, с колючим ветром. Шел я по нейтральной полосе. Здесь, вблизи леса, издревле проходила дорога на Тверь; теперь, битая-перебитая, изрытая воронками, вся она была в колдобинах, заросла пустоцветом, и на всем протяжении моего пути, по обочинам дороги, в канавах, ямах, повсюду валялись трупы – в самых разных позах, вперемешку наши и немцы, они остались неубранными еще с лета, когда здесь шли тяжелые бои; видно, холодная глинистая земля сберегала мертвые тела от окончательного тления. А когда вошел в лес, весь покореженный снарядами, началось уже что-то жуткое, свидетельства настоящего побоища – во тьме угадывались сшибленные стволы деревьев, громоздились огромные, вырванные с землей корневища, покореженные остовы сгоревших танков, разбитых военных повозок и опять трупы, трупы...

В полной темноте я все-таки добрался до батальона и представился старшему лейтенанту Малышеву. Комбат маленько выпил, но встретил меня приветливо. Как я понял, ему уже позвонили из полка, и встреча оказалась короткой, он лишь спросил:

– Значит, курсант-сержант?

– Так точно.

– Значит, уже был в бою и ранен?

– Так точно.

– Ладно, потом поговорим. А сейчас иди в окопы, принимай взвод. Да какой там взвод – почти все мое воинство! Когда ворвались во Ржев, было нас триста, а после той проклятой ночи на второе октября осталось нас шестьдесят два и старший лейтенант Малышев. Самое важное, взводный: держи связь со мной и соседями. Остальное сейчас не в голову. Ситуация сложная. Если что, стой до последнего, на подмогу не надейся, воевать-то некому.

Разговор окончен. Тревожный и малоприятный. Я отправился в свой взвод.

Взвод занимал по фронту около двухсот метров. До противника примерно столько же – где-то побольше, где-то меньше. Представившись бойцам, сообщил комбату по телефону, что взвод принял, и стал знакомиться. Нас было двадцать. Полный интернационал: десять русских, три украинца, два узбека, белорус, киргиз, татарин, мордвин и еврей – это я. Любопытно, кто же мордвин – неужели Маврий?! Не успел подумать, как он предстал предо мной собственной персоной – грязный, с красными от бессонницы глазами, заросший и, как всегда, чудной, с легкой улыбкой на лице.

– Маврий! Ты как попал сюда?!

– Как все, так-то и мы. Во сне явился прямо в окоп к нам Превеликий и обратился ко мне: «Воюй честно, Маврий, спасай матушку-Русь, погибает она». Двух немцев уложил в октябрьскую ночь! – довольный собой, засмеялся Маврий.

Опять этот октябрьский бой, все здесь его поминают! Но это после! А сейчас я внимательно рассматривал Маврия, вспоминая нашу первую встречу. Прошло не так много времени, а как все закрутилось, сколько пережито! И люди изменились – стали другими! Вот и Маврий уже не тот птенец, что приземлился возле нас с Юркой в первый фронтовой день; тогда казалось, нелегко ему будет, но война быстро учит, а ему еще и вера помогает.

– Ты переменялся, Маврий.

– Каким был, таким-то и остался – христианином. Я так-то разумею: война – одно безбожие, не признает ни заповедей, ни Самого Всевышнего. Поглядев на эдакое душегубство, я определился. Когда первого застрелил – мучился, отмаливал грех. А теперь свыкся, без того на войне не случается.

Опять он удивил меня. Почти безграмотный, а ум не спит, пытается до самой сути дойти. Я и сейчас согласен с Маврием: война – самое большое зло, придуманное человеческим зверьем против бога и против человека.

– Маврий, а что с твоим взводом?

– Из взвода в строю остались я да Кишкек. Остальные... Побили их немцы, и скольких еще – легче звезды сосчитать на небе. Так-то, думаю – сами знаете.

– Бойкий ты стал, Маврий. И солдат, видно, толковый.

– Мы, вятские, верные! – Он вдруг вскинул винтовку над бруствером и выпалил в сторону противника.

Из истории батальона

Встретил меня взвод уважительно. Никто ни о чем не спросил, вероятно, исходя из житейской мудрости: поживем – увидим. Почти все мои солдаты прошли, как говорят, огонь и воду, но были среди них и мои одногодки. Все мы быстро притерлись друг к другу.

До моего назначения командовал взводом сержант Павел Иванов, теперь он стал моим заместителем. Когда мы с ним познакомились, я сразу подумал, что Павел стал бы лучшим командиром взвода, чем я, – у него больший боевой опыт и физически он крепче, дважды ранен, награжден медалью «За отвагу». К сожалению, Паша, волнуясь, заикался – возможно, поэтому начальство не рисковало назначить его командиром взвода.

Паша рассказал, что батальон, куда я попал, считается в полку особым – совсем недавно им командовал Виктор Гастелло, младший брат легендарного летчика-героя Николая Гастелло. Но командовал он, увы, недолго. Под Ржев Виктор Гастелло прибыл в начале августа, в звании лейтенанта, его назначили комбатом. Командиром он был отважным и грамотным, батальон его одним из первых добрался до окраин Ржева. Во время штурма города он и погиб – от пули снайпера. На его место комполка назначил Малышева. Позже мне довелось узнать, что Виктор Гастелло еще до войны служил в армии – был слесарем-инструментальщиком на военном заводе; увлекался футболом, играл на трубе в заводском оркестре; имел броню, но после гибели брата потерял покой, решил отомстить. И погиб.

Я ждал рассказа об октябрьской ночи: уж больно она засела в памяти людей. И дождался.

– Началось все неожиданно для всех, – рассказал Паша. – Ночью, часа в четыре, вдруг затрясся воздух, загудела земля, небо вмиг стало светлым от ракет, огня артиллерии – тысячи стволов, одновременно сокрушали наш передний край. Такого сабантуя мы еще не видели. Жутко было! Скоро из своих траншей повылезали гады, уверенные, что от нас ничего не осталось, двинулись

плотными цепями... Я тогда понял, что такое «ближний бой»: нас отделяло всего метров двадцать-двадцать пять, не больше, отбивались гранатами – назвать это можно только одним словом АД! В роте немногие выжили, из сорока шести трое нас осталось. И так во всем батальоне... Теперь отвели батальон сюда, вроде на пополнение. Да откуда ему взяться? Иногда присылают одного, двоих. Пока что у нас тихо, а соседи остались, продолжают биться за город. То наши наступают, немцы отвечают шквальным огнем из укрепленных домов и подвалов; то немцы контратакуют и наши насмерть стоят в обороне. Сейчас прочно заняты девятнадцать кварталов, остальные переходят из рук в руки. Говорят, третьего октября объединенная штурмовая группа из бойцов 215-й дивизии и нашей 220-й отбила семь контратак. Вы ведь из 215-й?

Так я узнал о своих.

Заботы командира

Мои первые командирские шаги стали самыми простыми. Проверил оружие, порадовавшись, что есть два «дегтяря». Разбил взвод на три смены для дежурства в окопах. Приказал – мой первый приказ! – ночью, во время дежурств, не жалеть патронов: противник должен знать, что мы не позволим застигнуть нас врасплох, как это случилось в ту октябрьскую ночь, следует внушить ему представление об активности нашей обороны. Бойцы возразили: «Не разрешают за ночь выстрелить больше пяти раз». Я увеличил скудную норму в три раза и тут же связался с комбатом Малышевым – он одобрил мою инициативу.

Следующее дело: решил заняться окопами, немного подновить их. Окопы, в которые после сентябрьских боев в городе перевели остатки батальона, просто ужасали: их так заливало, что можно плавать, постоянно обваливались стенки. Не лучше были и землянки, в них прятались от обстрелов, – больше походили на звериные норы. Первым делом стали ночами собирать в лесу щепки, ветки покрупнее, старые доски и, как сумели, настелили дно окопов, а затем постепенно укрепили жердями стенки. Землянки углубили и утеплили. С устройством очага, правда, не вышло – обернулось все едким дымом и копотью.

Ночами копали ложные и запасные позиции, в запасные переходили при минометных обстрелах, спасаясь от прямых попаданий. Ночью же я обходил окопы, проверяя дежурных. Так что спать по ночам не приходилось. Если удавалось, отсыпался днем.

После холодной ночи редко выпадал тихий осенний день, когда ненадолго выглядывало из-за туч тусклое солнце, в такие дни старались обсушиться и привести себя в порядок. Я – командир, должен подавать пример: моюсь, бреюсь, прилежно очищаю гимнастерку, брюки, шинель, сапоги от липкой грязи. Делать все это непросто, но я не отступал от принятого правила.

Особенно скверно было тем, кто в обмотках, – просто беда! Но вот появились сапоги! Обмотки долой! Правда, сапоги попадали к нам не из интендантства: на обуви виднелись старые сгустки крови – ничего, вода все смое! Некоторым доставались только голенища – и то дело! Они защищали обмотки от воды и грязи. Я недоумевал: что ж это за башмачное ведомство, которое нас так выручает? Оказалось, по ночам двое солдат выползали из окопов, ползком добирались до леса и там стаскивали сапоги с убитых немцев.

Дело это было невероятно трудное, и старались ребята для всех. Занимались им крепкий сибиряк Володя Герасимчук и юркий молодой киргиз Тангиз Юматов. Операция требовала много времени. Солдаты, их называли «охотниками за божьим даром», работали всю ночь, чтобы до рассвета вернуться с добычей. Орудовали ножницами для резки проволоки и остро заточенным садовым ножом. Чтобы стащить сапоги, приходилось часто разрезать голенища, иногда ограничивались лишь раструбом. Принесенные сапоги и голенища очищали от грязи и прочего, отмывали и сушили, затем приводили в порядок с помощью веребочек. Это была целая технология.

Сапоги выручали, спасали от воды, скапливавшейся на дне окопов, и все-таки многие кашляли, хлюпали носами, температурили, но не обращали внимания на все эти жизненные фокусы. Все же нескольких сильно заболевших солдат пришлось отправить в медсанбат.

Крепко спасал еще один «божий дар». С 1 сентября 1942 года фронтовикам стали выдавать «наркомовские» сто грамм – примерно пол кружки водки, как говорили бойцы: «для сугреву». Благодетелям, добывавшим сапоги, по общему согласию, наливали перед вылазкой несколько капель – «двойной сугрев», чтобы дело шло лучше.

Дожди, проклятые дожди... Редкое солнце бледным пятном стояло низко над лесом. Похолодало, а огонь в грязи не разожжешь, да и немцы близко. С утра если не дождь, так густой белесый туман. Над окопами, нейтралкой – пелена, в нескольких шагах ничего не видно, так и чудится... из-за плотной стены тумана выползают немецкие каски. Нервно прислушиваешься к любому шороху, у всех наготове винтовки и гранаты; чаще стреляем – просто в туман...

Окопные будни

Окопная жизнь в основном проходила ночью: отправляли больных и раненых, принимали пополнение – обычно одного, двух; получали боеприпасы, термос с пищей, водку, почту. Противник жил по иному распорядку. Ночью, как правило, немцы спали в своих прочных теплых блиндажах, в пять утра – подъем, в шесть – горячий завтрак и кофе, а дальше по радио: «Рус, давай воевать!» И так всякий день.

Дни становились короче, постоянный сумрак давил на людей. Солдаты привыкли к проносящимся со свистом снарядам, вою мин, скрежету пикировщиков; но я не мог не заметить, как они устали, нервы у всех были напряжены до предела. Вероятно, это происходило от постоянного ожидания внезапного сильного натиска немцев, против которого, все понимали, нам не устоять.

Казалось, мы в преисподней. Ночью сырость пронизывала все тело, добираясь до костей. Под утро зубы стучали от холода. Постоянная влажность и вонь, под ногами – слизкая грязь, от нее никуда не спрячешься, она раздражающе чавкала под ногами, – какая-то беспросветность, порой я впадал в отчаяние, но старался не поддаваться – за мной взвод. Что же сделать, как преодолеть мрачные настроения? Природу не заставишь заиграть светлыми красками, оставалось одно – терпеть, не обращать внимания на трупный смрад, дождь, холод. Упросил начальство аккуратно присылать дивизионку, а главное, добился, чтобы нас на одни сутки сменили – помыться в бане, постричься; о вшах молчу. Изредка читал солдатам Шолохова, Алексея Толстого, Симонова, если попадался – Эренбурга, его, «нашего Илюшу», всегда просили прочесть еще раз.

В окопах обустроивали землянки, старались наладить печки из старых железных бочек и молочных бидонов. Ухитрились сотворить низкие нары, покрыли их лапником. Для укрытия от осколков рыли норы: ячейки с полками для гранат и патронов, к ним прорубили ступени, чтобы, если что, быстрее выбраться наверх. Кто-то подал идею построить блиндаж, настоящий – с крепким покрытием, со столом, скамейками, нарами. Чем мы хуже немцев? Нашли доски: сняли с разбитых повозок в лесу. Отыскали железные скобы. Тыловики прислали топор и молоток. Нашелся и столяр: Николай Иванович. И блиндаж был построен.

Так шли дни. Мы вели огонь. Постоянно восстанавливали порванные линии связи. Выставляли ночные посты. Зарывались все глубже в землянки. Старался, насколько удавалось, поддерживать армейские распорядки: общий подъем, чистка оружия, учеба: метание на дальность гранат, прицельная стрельба из ручного пулемета. И уже наступала ночь, приказ на дежурство...

Бойцы моего взвода

Во фронтовых условиях, если ты умеешь слушать не одного себя, если ты вызвал бойца на душевный разговор, он не уйдет в сторону, всегда охотно откликнется, стремясь излить душу, искренне высказать волнующие его мысли; он непременно расскажет о довоенной жизни, о семье, жене или невесте, ребятишках, о матери. Очень скоро я уже знал имена многих матерей, невест и, общаясь с солдатами, обычно ночью, прежде всего по-доброму спрашивал: «Ну, как там Валя (Наташа, Таня, Пелагея Ивановна), что пишет?» Подобная форма разговора командира с рядовым мне казалась разумной, я старался поддержать бойца, хоть ненадолго отвлечь, дать душе его капельку оптимизма. Но эти беседы были нужны и мне.

Ночной обход, солдат-костромчанин на посту встречает меня, словно давно ждет:

– Товарищ командир, радость-то какая! Письмо от моей уважаемой! – Бережно достает из конверта два тонких листка разной величины, показывает мне: – Вот и снимок прислала уважаемая супруга. Сынок – весь в меня, так? Вот как вырос малец, скоро батю догонит.

– Так! – соглашаюсь я, радуясь вместе со счастливым отцом, хотя в темноте лишь угадываю изображение.

Иду дальше. Еще пост, в окопчике – Трофим Егорыч. По возрасту из новобранцев, а может, ополченец, надо обязательно расспросить. А пока справляюсь:

– Приходилось бывать в бою?

– А как же! Крещен под Бельково – никому не пожелаю!

– Почему?

Его как прорвало:

– Кругом грохот – приказов не слышать! Никакого управления! А в одиночном окопе каково?! Будто прямиком в тебя со всех боков бьют! А танки все позасели в болоте, а мы все по колено в воде. Вот так и воевали больше недели, пока не вышибли немца из Бельково. Из моей роты живыми двое остались. – И вдруг попросил: – Коли позволите, прочитаю письмо домой, заели меня сомнения – пропустят, что пишу, нет ли?

– Так ведь темно!

Он знает письмо наизусть:

– «...Ты не думай, голуба, что вернусь живым. Тут такие дела, что осторожничать не приходится, да ты меня знаешь – не из заячьей породы. Смотри за отцом, он у нас уже малосильный. Воспитай детей, постарайся дать им образование. Не желай, чтобы я вернулся без ноги или руки. Мои письма чужим не читай. Твой Трофим Егорыч».

Тяжелое письмо. Каково прочесть такое жене? Молчу. Молчит и боец, тяжело дышит.

– Спасибо тебе за доверие, – прерываю молчание. – Только зачем ты, Трофим Егорыч, заранее себя хоронишь? Под Бельково судьба не обошла тебя стороной. И дальше так будет. А насчет цензуры зря волнуешься...

А сам думаю: на такого положиться можно – и боец стойкий, и человек достойный.

Следующий пост. Вижу одинокую фигуру – что-то случилось, боец один и весь трясется, плачет, хоть сопلي вытирай.

– Что это ты, Камаев? – строго спрашиваю. – И где твой напарник?

Камаев – новобранец, на дежурство с ним я назначил Витьку Басаргина, он из наших, бывший курсант, во взводе – снайпер.

– Напарник... – отвечает боец сквозь слезы, – мыс ним в стенке укрытия вырыли, я всунулся в свое, а он... помедлил, не успел. А немец, гад, давно с ним решил покончить. Пустил снаряд – его прямым попаданием и зашибло. Гляжу из укрытия во все дырки (глаза), а Витьки – нет... Вроде убежал в небеса. Все радовался человек, только из дома письмо получил, у них там поросята народились: в ушах, говорил, будто верещит, и чисто дух пороссячий...

Какая тяжелая ночь. А бывают ли легкие?..

Потапыч

К Николаю Ивановичу все почему-то обращались «Потапыч». Оказалось, он по фамилии – Потапов. То и дело слышалось:

– Потапыч, почини сапоги, совсем прохудели.

– Потапыч, наладь приспособление на бруствере, чтоб полегче стрелять.

– Чего-то мой пулемет барахлит – может, поглядишь, Потапыч?

Впервые я увидел, что это такое: «мастер на все руки».

Потапыч никому не отказывал. Помогал. За что бы ни брался этот невысокий крепыш с мужественным, в морщинах, лицом и крепкими мускулистыми руками – все у него ладилось. Когда Николай Иванович что-то мастерил, он не задавал вопросов – сам точно знал, как следует справиться с очередным делом. За свою работу никого ни о чем не просил – просители сами благодарили его кто чем мог. Занят он был постоянно. При этом не отлынивал от дежурств. Метко стрелял. Я хотел определить его в снайперскую команду, но в батальоне посоветовали повременить.

В одну из ночей, когда небо чуть пооблело, я по душам разговорился с Потапычем. Был он из-под Воронежа, родился в большой, но нищей деревне с необычным названием «Бобыль». Жил в доме сестры покойной жены. Столярничал, хотя по ведомости числился в колхозе конюхом. Сколько Николай Иванович построил изб, сараев, конюшен, бань! смастерил собачьих будок, скворечников! «поставил», как он говорил, заборов, крестов на могилы, выложил печей, починил прохудившихся крыш!.. Селяне любили его, считали добрым и уважаемым человеком. Получая в колхозе копейки,

он жил безбедно – люди, старые и молодые, высоко ценили труд мастера. Но жизнь есть жизнь – не всегда идет складно.

Случилось так, что Николай Иванович не поладил с председателем колхоза, отказал ему наотрез в просьбе: не захотел строить дом для нового районного начальника. Председатель колхоза, человек низкий, разъярился и тут же сочинил бумагу о частнопредпринимательской деятельности гражданина Потапова. Не поленился, съездил к районному прокурору – понятно, не с пустыми руками, и договорились они засадить злостного частника, неплательщика налогов лет на пяток.

– Потапыч, извини. А за что ты невзлюбил партийного секретаря? Одарил бы тебя прилично, властного покровителя бы заимел.

– Это, товарищ комвзвода, скверно вы еще знаете меня.

– И все же?

– Дело было так. Приехал тот секретарь в колхоз, собрали нас в правлении, заперли двери, и два часа этот партиец-паразит молот о счастливой жизни колхозников. Как закончил балаболить, я его и спросил: «Как понять, товарищ секретарь: почему у коровы какашки блямбами выходят, а у козы – орешками?» Наши закатились все, а секретарь – молчок. Как ему ответить, жизни-то нашей не знает человек. Отговорился, придумал: «Наверное, от природы так». С тех пор взгляд у него стал тяжелый, начал придирается ко мне. Как же я буду строить для него хоромы?

Сообразил Николай Иванович, что ему с председателем и районными прохиндеями не сладить (слова «мафия» тогда еще не знали). Тотчас отправился к старому другу по рыбалке – военному, попросил срочно отрядить его в Красную Армию. Военком не струсил, не бросил в беде: в три дня управился. И уехал Николай Иванович служить в строительный батальон. Сорок первый год он встретил под Витебском, где пути его батальона скрестились с 220-й дивизией, защищавшей Витебск. С того времени солдат Потапов воюет в 673-м полку.

Мастером Николай Иванович был отменным. С одним помощником в четыре дня построил блиндаж – без единого гвоздя, работая топором и молотком. Сруб соорудил вполроста, с дощатой крышей, сверху завалили ее землей, а вход занавесили плащ-палаткой. Проход Потапыч сделал с небольшим изгибом, из толстых кольев, чтобы задерживал осколки. Внутри смастерил небольшой стол и несколько лежанок, одну из них он предложил мне. Оказался Николай Иванович также искусным печником. Соорудил в блиндаже отличную печь из молочного бидона, приладив к нему трубу, почти незаметную сверху.

Конечно, то был далеко не настоящий блиндаж, но все с гордостью так его называли. Окончание стройки стало праздником. Блиндаж стал нашим общим домом, где каждый мог отдышаться от окопного смрада и грязи, написать письмо, поесть не на бегу, прочитать дивизионку, переобуться. Сюда же я посадил связиста с телефоном для постоянной связи с соседями и батальоном.

Василь Бадуля

Всех нас радовала еще одна большая удача. Среди солдат оказался одаренный певец – украинец Василь Бадуля. Весь взвод знал его историю. Жил Василь в Каневе, где, как известно, похоронен народный украинский поэт Тарас Шевченко. Восемнадцатилетним парнем, за год до войны, он приехал в Киев, пришел в Академический оперный театр, представился главному режиссеру и без всяких церемоний сказал:

– Хочу петь на вашей сцене. Станете слушать?

Режиссер оторопел, но согласился.

Василь спел арию из «Риголетто» и две народные песни. Режиссер обнял его и попросил прийти на репетицию:

– Хочу представить труппе «украинского Лемешева»!

Счастливый, пританцовывая на ходу, парень добрался до пристани и ближайшим пароходом отправился в Канев. Стоя на палубе, подставив лицо днепровскому ветру, он предавался мечтам: его ждут Киев, Москва, он будет петь в лучших театрах страны, встретится с Лемешевым, Козловским. Как будет счастлива его дивчина – его кохана Олесья! Они поженятся...

Встреча с Олесей заполонила глаза чернотой. Олесья не выказала радости – наоборот, грубо сказала, как только может сказать недобрая женщина любящему мужчине: «Или я, или театр!» Вот

как банально и нелепо вышло. Василь выбрал рідну дівчину, а театр, подумал он, как и голос, никуда не уйдут.

Война враз перечеркнула все его надежды.

Услышав эту историю, рассказанную ее героем, все, не сговариваясь, отругали Василя, а пуще того – его Олесю. Лишь один солдат, маленького роста, толстенький Саша Пчелкин из-под Саратова, не согласился:

– Спасибо Олесе! Без нее мы никогда бы не услышали «фронтового Лемешева».

Мнение Пчелкина вызвало общее одобрение и смех.

Память сохранила любимую песню Василя.

Ниченька мисячна,
Ясная зоренька,
Выдно, хучь галки збирай,
Выйди, кохана,
Працею зморена,
Хучь на хвылыну приды...

Слушать певца было огромным удовольствием. Пение скрашивало наш окопный быт, возвращало к нормальной жизни, возвышало. Василь любил исполнять, песню о Днепре – к сожалению, я запомнил лишь некоторые ее слова: «Ой, Днипро, Днипро, ты широк, могуч... А волна твоя, как слеза...»

Каждый день – концерт. Чего только мы не услышали! Иногда я забывал, что где-то рядом стреляют, что через минуту, секунду тебя может не стать. До войны, хотя мы жили под Москвой, я ни разу не был в Большом театре. Да и не очень тянуло к вокальному жанру. Но пение Василя в необычной окопной обстановке было чудом. И это чудо пробудило во мне – опять же впервые! – жажду слушать и слушать дивные мелодии. Я дал себе слово: если выживу, обязательно побываю в Большом. И тут же возникла мысль: как будет прекрасно, если увижу на сцене Василя!..

Но судьба распорядилась иначе.

Василь был щедр – часто повторял свой репертуар для тех, кто не смог его услышать, находясь на дежурстве. Он стал общим любимцем. Все берегли его от сырости, холода, немецких пуль, обували в лучшие сапоги, кто-то отдал ему свое кашне и следил, чтобы он укрывал им горло. Старались поить его теплым сладким чаем, писали о нем в своих письмах домой – как нам всем повезло.

Несколько раз я звонил комбату, просил доложить об одаренном солдате командиру и комиссару полка: нужно сберечь талантливого певца, определить его в армейский ансамбль. Малышев соглашался, но дело не двигалось.

Однажды немцы вдруг передали нам по радио: «Куда делся ваш артист?» Действительно, несколько дней артист хворал. Тут кто-то припомнил, что во время выступлений Василя стрельба затихала. Через несколько дней немцы еще больше нас удивили: ночью подбросили новенькую губную гармошку – она лежала метрах в десяти от окопов, блеском заявляя о себе. Достали и вручили ее Василию.

В конце октября произошла беда. Немецкий снайпер заставил навсегда замолчать голос Василя.

Этот трагический случай стал для меня уроком. Мы часто откладываем дела на завтра – на войне подобное исключено.

За первую половину октября взвод потерял трех бойцов. Они погибли от случайного снаряда – прямого попадания в окоп. Два крестьянина и бывший футболист, игравший за вторую сборную Минска. Похоронили бойцов недалеко от окопов, у дороги – три маленьких холмика, скромные дощечки с именами погибших, букетики листьев. Не сразу я смог собрать себя, написать их матерям.

Всякий день, прожитый в окопах, – подарок судьбы. Но, как ни странно, ощущение это со временем исчезает, и тебе уже кажется, что все так и должно быть – и ты уже не кланяешься пулям, не обращаешь внимания на вой снарядов...

Первое офицерское звание и первое письмо

Бои в городе постепенно затихали – видимо, заканчивалось летне-осеннее наступление. Неожиданно позвонил Малышев:

– Убываешь, комвзвода! Приказ по армии: направляют недоучившихся курсантов в Ташкентское военно-пехотное училище. Так что сдавай взвод и топай с вещами в полк. Возьмем Ржев – доберемся и до Берлина, а ты, сержант, догоняй нас. Не забудь прихватить дыньку покрупнее да побольше вина.

В поездку в Ташкент как-то не верилось – не ошибка ли? Все же, как положено, передал взвод своему заместителю, сержанту Паше Иванову, попрощался со всеми и поблагодарил за хорошую службу. Раздал то, что не понадобится мне на юге, как то: шинель и теплые носки.

Сам облачился в телогрейку, ночью выбрался из окопов и ползком, а где и пробежками направился в штаб полка. Оттуда, получив бумагу в штаб армии, на попутке доехал до деревни со смешным названием «Кобылкино», в ней располагается штаб армии. Представился, вручил направление. И вдруг молодой полковник объявляет мне со смешком в голосе:

– Поздравляю вас с окончанием Ташкентского военно-пехотного училища и присвоением звания младшего лейтенанта. Извините, ошибка вышла, не успели документы на вас отправить в дивизию. Теперь отвезете сами!

Да уж, забавно вышло. Чему больше радоваться – командирскому званию или расстройству поездки в Ташкент? Конечно, неплохо бы поучиться, имея небольшой, но все же боевой опыт. Честно говоря, не тянуло меня обратно – в грязные, вшивые окопы. Но, вспомнив свой взвод, я вдруг почувствовал, как внутри потеплело, а ночью, добравшись до окопов и докладывая Малышеву, что за сутки закончил военное училище и стал командиром, – я испытывал уже настоящую радость.

Солдаты встретили меня по-доброму, дружным смехом.

– Потихе, мужики, – одернул кто-то, – а то немцы бабахнут: подумают, рус взбесился.

Из Кобылкино я привез свежий номер армейской газеты со стихами Суркова, написанными под Ржевом, и сразу прочитал их бойцам.

Завывают по-волчьи осколки снаряда
В неуютном просторе несжатых полей.
Но когда на минуту замрет канонада,
В небе слышен печальный крик журавлей.
Вот опять – не успели мы с летом проститься,
Как студеная осень нагрянула вдруг.
Побурели луга, и пролетная птица
Над окопами нашими тянет на юг.
На поляне белеют конские кости,
В клубах черного дыма руины видны.
Не найдете вы нынче, залетные гости,
На просторной земле островка тишины.

Стихи всем понравились, а Паша сказал:

– У меня для вас новость. – Он достал из кармана гимнастерки конверт и вручил мне: – Как вы уехали, под утро привезли почту, письмо вам из дома. Я решил сберечь, авось пришлете новый адрес. А тут чудеса – сам адресат явился.

Меня охватил восторг! Плевать на комбата! Оказывается, и на фронте может случиться настоящий праздник – и какой!

Неподдельна радость сердца!

Тогда мы еще не знали вкуса побед, это ждало нас впереди. А пока и такие события, как получение письма из дома, сухая погода, награждение медалью, присуждение звания, рождали радость – творили праздник!

Первое мамино письмо! Прошло больше пяти месяцев, как я видел ее последний раз, прощаясь в Тюмени! Первое письмо, которое я получил на фронте! Я сразу прочел его трижды и еще долго перечитывал снова и снова.

«Сыночек мой родной! – так оно начиналось. – После многих тревожных дней я дождалась твоих треуголочек. Не успела прийти первая, как почтальон принес еще две. Какой ты молодец.

Получив твои письма, необычные по форме, вспомнила, как в детстве ты любил из точно таких же бумажных треуголочек сооружать кораблики. Пускал их в самых больших лужах, устраивая морские сражения. Кто-то из друзей, не помню кто, предсказал тебе карьеру моряка...

Если бы ты знал, сколько раз я читала твои письма. Плакала и радовалась, что ты живой. И смеялась. На фронте не потерял чувство юмора. Особенно ты рассмешил рассказом о первом фронтовом обеде, самом вкусном за всю жизнь супе. И что тебе досталась рыба голова, как все пробовали суп и признали тебя лучшим поваром.

Прошу, береги себя! Закрывай шею кашне, держи ноги в тепле, не пей сырой воды, не ешь ничего холодного. Как ты любил, когда я готовила котлетки, и особенно драники. Узнай у своих командиров, если можно, я нажарю драников на всю вашу армию и пошлю на фронт. Пиши, мой мальчик, как сможешь. Есть ли у тебя друзья, хороший ли командир? Как это важно, особенно на фронте. Целую тебя.

Твоя мама».

Милая, добрая, чудная моя мама! Как жаль, что нет со мной Юрки, обязательно прочел бы ему, – уверен, он порадовался бы вместе со мной.

Операция с полковыми разведчиками

Не успел насладиться маминым письмом, как позвонил комбат, вызывал к себе, срочно. Я отправился на компункт. Коростылев был краток:

– Следующей ночью к нам придут полковые разведчики и саперы. Штабу нужен «язык». Мы должны их прикрыть. Выдели пятерых солдат с двумя пулеметами. Лично возглавишь операцию. Если понадобится, вас поддержат артиллерия и минометчики.

Вернувшись в окопы, я тут же собрал взвод. Объяснил поставленную задачу и спросил:

– Кто пойдет со мной?

Все молчали. Я спокойно ждал. Первым отозвался – подумать только! – Маврий.

– Я пойду, – уверенно прозвучал его голос.

За ним вызвались еще семеро. Я выбрал пятерых: Маврия, опытных бойцов – Володю Герасимчука и Тангиза Юматова, и двух пулеметчиков, один был детдомовец, хороший паренек, во взводе его называли «сиротой казанской»; второй – девятнадцатилетний Сергей, был из рязанских, любил присказку: «У нас в Рязани грибы с глазами»; как-то он рассказал мне, что есть у него невеста, ждет его.

К началу операции пришли разведчики, их, как и нас, шестеро, во главе – лейтенант Павел Чернов.

– Почему вы выбрали именно наш участок? – сразу спросил у командира.

– Тут три обстоятельства, – сказал лейтенант. – У блиндажа, на который мы нацелились, слабая охрана, практически один часовой. Во-вторых, справа от него довольно большое болото, а слева холмистый рельеф. И в-третьих, примерно в двадцати шагах от блиндажа траншея круто поворачивает, что нам удобно. На этом повороте – пост второго часового, он каждые одиннадцать минут уходит за поворот и через тот же промежуток возвращается. Кроме того, каждые полчаса участок обходит патруль: два солдата и унтер-офицер, но они не в счет, – мы должны управиться со всем за одиннадцать минут, до возвращения второго часового.

– А наша задача?

– Главная ваша задача – прикрыть нас, когда мы будем выбираться с «языком». Я вам обрисую ход операции. Выходим все вместе. Ввиду их переднего края мы уходим вперед, а вы расходитесь двумя группами – метров на семьдесят друг от друга, закрепляетесь и ждете нашего возвращения. Мы делаем свое дело и начинаем отходить. Дальше – самое сложное. Через пять-шесть минут второй часовой обнаружит труп и пропажу, поднимет тревогу, и немцы непременно попытаются вернуть украденного живым или мертвым. Вот тут вступаете в дело вы. Главное – не дать фрицам выбраться из окопов: малейшее шевеление – открывайте огонь. Группа с пленным пойдет мимо вашей правой точки, на ней должен быть командир, то есть вы. Как только увидите наших, начнете их прикрывать. Я тем временем пойду к левой точке – ваши ребята прикроют наш выход. Как только доберемся до

них, я подам вам сигнал, и все вместе двинемся к окопам. Если успеют нас взять в кольцо, не выбраться ни нам, ни вам, – они, сволочи, обложить умеют.

– Значит, исход операции зависит от согласованности наших действий. А как вы будете брать «языка»?

Лейтенант улыбнулся:

– У нас это дело налажено. Наша группа доберется до первой траншеи и тоже разделяется на две. Трое – я и еще двое, дождавшись прохода патруля и второго часового, заберутся в траншею, уберут часового возле блиндажа и заберут тепленького фрица. Трое других в это время держат под контролем поворот траншеи со вторым часовым. Мы передаем фрица наверх ребятам, и они уходят в тыл, мы их прикрываем и тоже отходим. Вот и все. Самое непредсказуемое – возвращение, тут вы нам и поможете.

Лейтенант представил нам своих «охотников», как называли себя разведчики:

– Это наш Петя-петушок, – он приобнял за плечо невысокого круглолицего подростка. – Ему восемнадцать. На счету два «языка». Имеет орден Красного Знамени. Он у нас всегда в группе захвата. У парня невероятно зоркие глаза, как у рыси, и мастерски владеет холодным оружием – ни одного лишнего движения.

Рядом с Петей стоял плечистый украинец Мыкола, огромный и мощный, как чугунный монолит, глядел на меня своими бледно-голубыми глазами и улыбался по-детски. Произнес он всего одно слово: «Зробым», – как бы успокаивая нас. Третий разведчик, Андрей, – тоже крепыш. Ему девятнадцать. Представляя его, лейтенант рассказал:

– Однажды притащил сразу двух пленных: на одном плече Ганс, на другом – Отто. Мужик что надо! Только вот гордыни в нем многовато. А это Шурик, – Чернов кивнул в сторону высокого, стройного парня с пышной шевелюрой. – Стреляет с закрытыми глазами. Любимец всех полковых девчат!

Пятый «охотник» – Семен, лицо у него обветренное, грубое.

– Ему бы на боксерский ринг, – гордо сказал лейтенант, – от одного вида соперник рухнет. А на фронте этот парень, как изволит выражаться, занимается «ловлей бабочек».

Я пробыл с разведчиками недолго, часа два, мы смотрели на них с восхищением. Перед нами предстали люди необыкновенные. Все они были справные, чисто выбритые, такое правило завел их командир лейтенант Павел Чернов: в разведку – только в опрятном виде. Ни в одном из них я не заметил какого-либо позерства, и одеты просто: ватные брюки, сапоги, телогрейки без погон. Из оружия – у каждого пистолет, гранаты и нож. Не верилось, что впереди их ждет смертельная опасность – на лицах, в глазах и близко не присутствовало напряжения, тем более страха или нерешительности, суетливости. Они смеялись, говорили обо всем на свете, шутили. Только о предстоящем никто не произнес ни слова. Пожалуй, мы страшились за них больше, чем они сами. Откуда они взялись, такие энергичные, заводные, крепкие?

Вернулись саперы – сообщили, что путь свободен.

В два тридцать ночи доложил комбату о готовности и получил добро на выход.

Подвиг Маврия

Перемахнули через окопы и двинулись ползком за разведчиками. Все происходило словно во сне. Поначалу во тьме я потерял из виду передовую группу, но все обошлось. Вскоре разведчики ушли вперед. Мы, поделившись на группы, разошлись на условленное расстояние. В своей группе я оставил Володю Герасимчука и пулеметчика-детдомовца. Со вторым пулеметчиком, Сергеем, находились Маврий и Тангиз Юматов. Немцы были настолько уверены в своей неуязвимости, что даже не установили перед передним краем сигнализации, так что пока все шло без происшествий. Беспокоило, как проскочат разведчики постоянно освещаемую ракетами полосу перед траншеями. Но в том направлении было тихо.

Немцы периодически открывали пулеметный и автоматный огонь, пули свистели над нашими головами. Что за ночное представление? Как мне объяснили потом, этот бесцельный огонь рассчитан на психологическое воздействие: мол, засекли вас!

Серебристый свет множества ракет, пробиваясь сквозь влажный мрак ночи, освещал довольно большое пространство; где-то там находились разведчики, но они настолько умело себя вели, что

немцы их так и не обнаружили.

Потом лейтенант рассказал мне, как все проходило. Часового у блиндажа Семен-«боксер» и Петя-петушок сняли за четырнадцать секунд, затем втроем с лейтенантом ворвались в блиндаж, через минуту вытащили в траншею полусонного, в нижнем белье, испуганного немца, со связанными сзади руками и кляпом во рту, перебросили его, как куклу, наверх – в руки группы прикрытия. Те запеленали пленного в плащ-палатку и потащили за собой. На все ушло шесть минут.

Теперь о финале операции.

Второй часовой, обнаружив тело напарника и двух убитых в блиндаже, выстрелил в воздух и побежал навстречу подходившему патрулю. Мы все это слышали, только что не видели: захлопали одиночные автоматные выстрелы, слышались громкие команды, загрохотали солдатские сапоги. Через несколько минут по всей системе обороны зазвучал сигнал тревоги. Вдруг стрельба стихла. «Ясно, – подумал я, – сейчас ринутся в погоню за нашими». Действительно, над бруствером появились каски, полетели вслед разведчикам гранаты. Не дожидаясь выхода немцев из траншей, я дал команду открыть огонь. Заработали оба «дегтяря». Каски быстро убрались. Но теперь против нас ошестинился весь передний край – по всему фронту застрочили пулеметы. Пропустив мимо разведчиков, быстро отползавших к окопам со своей добычей, я услышал условный сигнал лейтенанта Чернова и дал команду на отход.

То, что случилось дальше, было трудно предвидеть. Видимо, немцы засекли вторую группу, и открыли по ней прицельный минометный огонь. Первым погиб пулеметчик Серега Вдовин. Осколком мины зацепило ногу Андрея, он сумел сам перевязать рану и пополз дальше: Очередная мина взорвалась совсем близко от лейтенанта Чернова, и тут произошло поразительное: Маврий, оказавшийся в тот момент рядом, бросился к лейтенанту и накрыл его своим телом. Изрешеченный осколками, залитый кровью – Маврий был бездыханен. Заметив вблизи небольшую расщелину, лейтенант собрал в ней всех оставшихся. Здесь они переждали минометный огонь и, забрав с собой двух погибших, поползли к окопам.

Наша группа отходила пока спокойно; предутренний туман обволакивал пространство, в котором мы двигались, он-то меня и подвел – на свою беду, я не заметил воронку, наполненную водой, и свалился вниз. В темноте никто не заметил случившегося, и я остался один в своей ледяной купели. Начал отчаянно барахтаться, цепляясь за скользкую стенку, но всякий раз соскальзывал, весь окунаясь в ледяную воду. Снова и снова, теряя силы, пытался выкарабкаться, окоченевшее тело переставало слушаться, сводило судорогой ноги, я понял, что самому мне не выбраться, а ребята ушли вперед... Внезапно я ощутил толчок, меня ухватили протянутые сверху крепкие руки... – Володя Герасимчук! С его помощью я выбрался наверх. Обессиленный, мокрый, покрытый липкой вонючей грязью, я лежал на земле, слушая разрывы снарядов, пытаюсь прийти в себя. Окопы были совсем близко, но ребята остановились, поджидая меня. Собравшись с силами, попросил солдат двигаться дальше. Дрожащий, стуча зубами, я еле полз. И тут наши артиллеристы открыли ответный огонь! Немцы замешкались, наступила короткая пауза, и мы ею воспользовались – рванулись к окопам. Что нас всех и спасло.

Позвонил комбату, доложил обстановку и попросил срочно прислать санитаров. В ответ услышал одно слово:

– Говнюк!

Что ж, хреновый ты комбат после этого.

Следующей ночью хоронили Маврия и Сергея Вдовина.

Накануне позвонил Коростылев:

– Принимай гостей. Приедут хоронить твоего героя.

Пришли проститься с Маврием командир полка Глухов с адъютантом, комбат, разведчики со своим командиром Павлом Черновым и Василий Сошнев – сотрудник дивизионной газеты «За Родину!».

За ночь из досок, снятых с крыши блиндажа, Потапыч смастерил гроб. Положили в него Маврия, не забыв о крестике – он сохранился целым.

Суровый командир разведчиков заплакал, увидев мертвого Маврия, подарившего ему жизнь. Как-то Маврий сказал: «Душа человеческая полна доброты – кто может запретить одаривать ею другого человека?» Одарил человек сколько мог! Глубокая печаль овладела всеми. Командир полка, сняв фуражку, произнес первое слово. В ночной тишине оно прозвучало очень торжественно.

– Спасение солдатом командира всегда в истории армии считалось подвигом, – сказал он. – Пожалуй, не меньшим, чем в наше время – таран танка и самолета или бросок солдата на амбразуру дзота. Мы послали в дивизию представление на присвоение солдату звания Героя Советского Союза.

Лейтенант Чернов поцеловал Маврия и произнес всего два слова:

– Спасибо, друг!

Я выступал последним, глаза застилали слезы, все же осилил себя и сказал:

– Поступок Маврия – это не беспричинное безрассудство. Он верил в бога, и в душе этого человека было сильно развито чувство высокого долга перед людьми. Он свято почитал свои воинские обязанности. И за это бог его отблагодарит!

Коростылев, стоявший рядом, недобро глянул на меня. Командир полка пожал мне руку и поблагодарил за Маврия.

Тепло расстались с лейтенантом и его ребятами. Павел Чернов, прощаясь, обнял меня:

– Спасибо за поддержку. Если что, звони – ребята и я всегда поможем.

Подошел корреспондент Василий Сошнев:

– Какой сюжет для дивизионки! Это же находка, пример для многих религиозных солдат, их у нас много. Хотя такие, как Маврий, конечно, наперечет. Уверен, партийное начальство одобрит публикацию.

Я перебил:

– Только прошу, не делайте из него атеиста – никто тогда не поверит в правду вами написанного и память о человеке обидите.

Проговорили мы долго, Василий хотел подробнее разузнать о Маврии; мне хотелось говорить о нем – нашей первой встрече, его отношении к войне, к людям, Маврию было всего девятнадцать! Провоевал он – всего сто пятьдесят дней! Но и то и другое не помешало ему стать настоящим воином. В критические моменты в человеке срабатывают заложенные в него с материнским молоком инстинкты – у Маврия эти инстинкты подкреплялись семейными традициями и верой, о которой он говорил: «Важно не то, во что верит человек, важна сама его вера». Все мы многими нитями связаны с жизнью, никто не хочет погибать, и вдруг яркой вспышкой сама эта драгоценная жизнь ставит перед тобой вопрос: «Ты готов на самопожертвование?» Трудно сказать, как поведет себя человек в такой ситуации. Поступок Маврия – был Подвигом.

«Истинная сила очень религиозного человека состоит в бескорыстности совершенных им добрых дел. Даже если он не уверен, что получит награду в другом мире... Так всегда думал и поступал Маврий!» – этими словами заканчивался очерк в дивизионке.

Сошнев сдержал обещание.

На меня подвиг Маврия произвел сильное впечатление, – как говорится, всего перепахал, вызвал много непростых размышлений. Нет, я не стал религиозным человеком, но, безусловно, поступок этот повлиял на мою душу. Я стал внимательнее присматриваться к верующим людям – их много было среди солдат, стремился лучше их понять, уважительно к ним относиться, а если случалась в том нужда, старался помочь им.

Вася Сошнев был старше меня года на четыре; он оказался удивительно приятным и тактичным человеком, понравился мне, и с той ночи мы подружились. После войны переписывались, он продолжал служить в армии. Встретились мы в Москве на 30-летию Победы, к этому времени Василий Степанович Сошнев стал генерал-майором; на этой встрече в Москве фронтовики избрали его председателем Совета ветеранов 220-й дивизии. Вместе мы ездили в Елец в 1981 году на 40-летие рождения дивизии. Вместе провожали ветеранов в последний путь. И каждый год вместе отмечали День Победы – под боевым знаменем дивизии. Нам выдавали знамя всего на один день из Центрального музея Советской Армии. О том послевоенном времени, ярких встречах с однополчанами в сердце сохранилась добрая память. Сохранились и редкие фотографии. Куда они денутся после меня, кому они будут интересны?..

Убит Паша Иванов

Немцы проморгали своего ефрейтора, и, предвидя неприятности, я, посоветовавшись с комбатом, разделил взвод на две части. В боевом охранении первой линии окопов оставил четырех солдат, остальных забрал с собой на запасные позиции.

Действительно, не прошло и двух дней, как противник решил рассчитаться с нами – наказать за свою беспомощность, за своих убитых и пленного ефрейтора. На наш передний край обрушился шквал артиллерийского огня – пять артобстрелов в течение суток.

Ночью мы вернулись в старые окопы. На их месте громоздились лишь огромные груды земли, камни да щепки от начисто разбитого блиндажа. И тела. Погибли все четверо. Пашу Иванова пришлось откапывать.

Паша! Маврий! Серега! Столько человеческих трагедий сразу! Как пережить такое?! Может, моя вина, что послал ребят? А если контратака? Нет, нельзя без боевого охранения. Проклятые! Зачем они здесь?! За чем пришли к нам?.. Одного за другим пожирала война самых лучших – добрых, сильных, молодых! Так и хотелось спросить: за что, господи?!

Эх, Паша, Паша, так и не стал ты командиром взвода, а по всему подходил к тому. Я не расспрашивал его о речевом дефекте; он сам однажды рассказал, как это случилось.

Вырос Павел в военной семье, жили они в Куйбышеве, в военном городке, отец был лихим кавалеристом, командовал эскадроном. Часто забирал семилетнего сына, сажал перед собой на коня, и они галопом мчались по полигону, у мальчишки захватывало дух от восторга. Однажды комэск, разгорячившись после бутылки отличнейшего портвейна, посадил ребенка – одного – на своего любимого Жорку:

– Держись, сынок. Быть тебе, Пашка, кавалеристом!

Конь, не почуяв хозяина, не тронулся с места. Тогда отец чуть тронул коня рукой и крикнул:

– Пошел!

Конь понес перепуганного мальчика по плацу. Отец тут же протрезвел, бросился наперерез. Но было поздно. Паша не заревел, не закричал, не упал с коня – но сильно перепугался. На всю жизнь. В следующие пять лет мать обходила и объездила с сыном лучших логопедов и психологов; врачи советовали не волноваться, считали, что со временем заикание пройдет. Не прошло. От заикания мальчика так и не вылечили.

Мечтал Павел не о военной карьере – после войны он хотел стать архитектором, строить школы, библиотеки, стадионы...

Фронтное братство

Вернулись мы уже на новые позиции. Во взводе осталось восемь человек. Но без боевого охранения никак не обойтись – значит, опять посылать солдат под огонь противника. За ночь восстановили связь, я позвонил комбату, доложил обстановку, попросил прислать пополнение и разрешить поменять позиции. Коростылев назвал меня трусом и не разрешил:

– Сидите, где сидите. Не двигаться ни на шаг. Пополнение будет.

В следующую ночь мы получили пополнение – двенадцать человек. Некомплект. Но и на том спасибо.

Вскоре после тяжелых событий, обрушившихся на нас, я ощутил острую боль в ногах. Появились частые судороги, болели ступни, немели пальцы, а потом ноги почти перестали отзываться на боль, что было уже совсем скверно. Один из бойцов выбрался ночью в лес и принес какие-то старые сырые листья, высушил, стал прикладывать мне к ногам. Как будто полегчало. Но ненадолго. Судороги и боль в мышцах доводили до изнеможения, мои конечности превратились в бесполезные колоды, справиться с недугом делалось все труднее. А ведь я отвечал за людей, ну какой я теперь командир?

В эти грустные дни и ночи я особенно остро ощутил, что такое человеческая доброта, фронтное братство. Солдаты, как могли, старались облегчить мое нелегкое положение, поили чаем, оборудовали недалеко от землянки отдельное место, куда меня водили подвое, поддерживая за плечи. Я с ужасом задумывался: а если атака, немцы прорвутся?.. – и ни на секунду не расставался с пистолетом: решил, что фрицам в руки не дам, под конец боя покончу с собой. На ночь привязывал веревку к ноге и постоянно дергал, чтобы не заснуть, не проморгать врага.

Как ни противилось все внутри, пришлось позвонить комбату. На следующую ночь прибыли санитары с волокушей, уложили меня, и четыре собаки потащили калеку в медсанбат.

Попал я в армейский госпиталь и пробыл в нем около десяти дней. Первое время не мог обходиться без костылей, но врачи быстро привели меня в порядок, в буквальном смысле поставили

на ноги.

После выписки я попросился в свою дивизию. Оказалось, правом возвращения в свою часть пользовались только военнослужащие гвардейских частей и ударных армий. Меня решили направить в резерв фронта, что означало: прощай, 220-я! Не стесняясь, с известной долей патетики я заявил начальнику госпиталя:

– Мы дорожим боевым братством! Мне, командиру взвода, уйти, бросить своих солдат – это неправильно.

Вопреки установленным правилам он уважил мою просьбу.

Коричневые сапоги

В начале ноября – землю уже покрыл первый снег – я вернулся в свой взвод. И тут приключилась весьма деликатная история. Встретили меня во взводе тепло, а Володя Герасимчук, которого я оставил за себя, и Потапыч даже преподнесли мне подарок – новенькие сапоги, прямо по ноге!

Но что за диво! Всего за одну ночь с моей обновкой произошла чудесная метаморфоза: к утру из черных они превратились – в коричневые! Позвал я Потапыча и попросил объяснить, что это за волшебные сапоги и откуда они взялись?

Потапыч, не таясь, рассказал мне всю правду. Сапоги он сшил из седла, которое Тангиз Юматов среди бела дня стащил у какого-то кавалерийского генерала, приехавшего в гости к нашему комдиву генералу Поплавскому. Как солдат пробрался в конюшню с генеральским конем, как увел седло, а затем доставил во взвод – этого, мол, он, Потапыч, не знает. (Потом я узнал, что на передовую Тангиз принес седло в мешке с продуктами.) Но сейчас дело дошло чуть не до генеральских слез, потому что седло это вроде бы подарил приезжему генералу сам Семен Михайлович Буденный.

Как оказалось, разбушевался и наш комдив: затребовал прокурора и приказал разыскать вора, отдать под трибунал! Занялись поисками седла и особисты.

Стало ясно, что дело приняло крутой оборот, и я серьезно задумался. Передать сапоги Коростылеву и попросить извинить проказников? Точно не простят, засудят.

Сделать вид, будто ничего не знаю, находился в госпитале? Тоже не лучший вариант, особисты могут дознаться: потом-то узнал! И я решил: черт с ними, то есть с сапогами! Снял свою недолгую радость и надел старые сапоги. Поблагодарив мастера, строго-настрого наказал этой же ночью упрятать злосчастные подальше в лесу, да так, чтобы никто не нашел.

Не успел раздосадованный Потапыч уйти из моей землянки, как позвонил Коростылев и учинил мне только что не допрос. Я пообещал разобраться. Но разбираться не пришлось...

Звезда судьбы. Несостоявшаяся разведка боем

Через несколько дней грянул приказ комполка Глухова: разведка боем! Операция возложена на наш батальон.

Сколько я слышал трагических историй о разведке боем! Как верили в нее и высоко ценили генералы, и с каким ужасом произносили эти два слова солдаты – редко кто оставался после нее в живых, удачей считалось, если ранят и свои уволокут тебя с поля боя.

Коростылев вызвал к себе командиров:

– Ночью два взвода выдвинутся на пятьдесят-семьдесят метров за линию обороны. По сигналу создаем сильный шум – пулеметы, автоматы, гранаты, затем совершают бросок взводы и пытаются ворваться в траншеи противника. Начало операции в пять тридцать. Сигнал – зеленая ракета. Саперы обеспечат малые проходы в минном поле.

С саперами, конечно, повезло, но всем известно, что в подобных ситуациях первые цепи неминуемо несут большие потери, подрываясь на минном поле и тем открывая дорогу идущим следом.

Уже тогда я понимал, что «разведка боем» – это выдумка Верховного и его генералов. На задание, в зависимости от задачи, посылали взвод, роту, батальон, но количество не меняло дела – фактически людей гнали на убой, то есть на верную смерть. Главное в операции, считали

штабисты, — как можно больше напугать противника, чтобы он подумал, что началось крупномасштабное наступление, и задействовал все огневые точки, а наши умники их засекут и легко подавят. На практике чаще всего выходило не так.

В действительности разведка боем — это была чистой воды очковтирательство. Самое большее, что она могла дать, — уточнение дислокации переднего края. При глубокоэшелонированной обороне, постоянном перемещении огневых точек не достигалось и этого. А уж рассчитывать на полное подавление огневых точек противника во время наступления — просто дурость: немцы, как, впрочем, и мы, быстро разгадывали эти немудреные хитрости. Между тем разведка боем по-прежнему, точно молох, пожирала людей, а, когда происходил бой, огневые средства противника обычно оживали и пехота, добираясь до вражеских позиций, истекала кровью.

Закончилась война, прошли годы, а эта идиотская идея, только так ее можно назвать, продолжает жить в генеральских умах. Когда проходили испытания атомной бомбы, в ту же разведку боем — в ее атомном варианте — послали тысячи офицеров и солдат: пехоту, танки, артиллерию, кавалерию. Да, людей одели в специальную одежду, но опять-таки проверяя — на людях! — ее пригодность для защиты от радиации. Их использовали как подопытных мышей!

Но вернемся к нашему сюжету.

Нас чуть утепили, одели в белые маскхалаты, выдали по кружке водки, буханке белого хлеба на двоих, накормили вкусным супом с лапшой и мясом.

За полночь мы потихоньку выбрались из окопов, доползли до намеченной линии и, укрывшись за редкими заснеженными кустиками, бугорками, прижались к земле — слились с ней, холодной и жесткой, но для нас в эту ночь не было ее лучше — такой уютной и надежной.

Над нейтралкой вспыхивали и быстро гасли светящиеся ракеты, изредка проглядывала из-за туч бледная луна, мягко освещая неглубокий искрящийся снег. Вскоре, словно маскируя нас, тучи окончательно затянули небо, тьма сгустилась. Немцы вели себя спокойно — не засекли нас. Время тянулось медленно; поглядывал на часы и старался ни о чем не думать, но голова работала сама по себе... Как это случится, каким он будет — последний миг моей еще не состоявшейся жизни?.. Поднимутся ли за мной солдаты, чтобы через минуты упасть навечно?.. Мне только-только исполнилось двадцать, но в ту ночь я думал и жалел скорее не о себе, о матери — моей доброй, любящей, преданно ждущей сына маме...

Нас во взводе шестнадцать, семнадцатый за день до боя попал с фурункулезом в медсанбат; наверно, сейчас все шестнадцать ему завидуют. Рядом со мной лежит молодой татарин, он что-то тихонько бормочет — то ли молится, то ли, как я, о чем-то шепчет матери. За ним узбек, оттуда доносится: «...сто двадцать семь, сто двадцать восемь...» — видно, играет в непонятную мне игру или что-то загадывает. Может, и мне что-нибудь загадать? Вот: если увижу звезду до начала атаки — значит, все будет нормально с моими бойцами и со мной.

Теперь я не только слежу за стрелками часов, но и постоянно вглядываюсь в небо, по-прежнему скрытое черной завесой туч. Осталось полчаса до ракеты — полчаса жизни для каждого из нас, и у каждого есть мать, есть и жены, дети, у одного, белоруса, — их пятеро...

И вот минуты скачут уже галопом. Подаю условный сигнал: приготовиться! Я верю в своих бойцов, они доверяют мне. Еще несколько минут. Нервы на пределе, я уже положил перед собой автомат. Неприятный озноб страха проходит по всему телу. Впервые чувствую, как сильно замерз. Поеживаюсь, расправляю плечи, одергивая под маскхалатом шинель и затягиваю потуже, еще на дырку, ремень. Вроде уже не так холодно и страшно. Стараюсь подготовить себя к предстоящей трудной минуте, забыть о холоде, свисте пуль, возможной смерти, заставляю себя думать о будущем, о всем приятном и радостном, о встречах, которые непременно еще состоятся... Глянул в небо — и забыл обо всем! Над нами мерцала звезда! Одна-единственная, бледненькая — но такая долгожданная и удивительно родная! До сих пор пытаюсь понять и не могу ответить — была ли та звезда или возникла только в моем воображении? Но факт остается фактом: ровно в пять тридцать прошелестела переданная по цепи команда:

— Отбой!

Мы тихо отползли в свои окопы.

Верить ли в судьбу? Я — верю.

Через несколько дней стало известно, что началась передислокация наших частей. До конца сорок второго под Ржевом установилось относительное затишье...

Глава десятая Перебежчики Ноябрь – декабрь 1942 года

Desertor (лат.) – дезертир, беглец, изменник. Дезертирство – умышленное самовольное оставление военнослужащими воинской части; является одним из тяжких преступлений против воинской службы.

Большая Российская энциклопедия. Военный энциклопедический словарь.

(Москва: «Рипол Классик», 2001, том I, с. 496)

Мы и они

В середине ноября 1942 года 673-й стрелковый полк, вернее, его остатки перебросили на левый берег Волги, полностью освобожденный от немцев еще летом. Здесь, в обороне, полк оставался до марта 1943 года.

Расположились мы в бывших немецких траншеях, достаточно просторных, вырытых по всем правилам инженерной техники. В каждом блиндаже – стол, удобные нары, печка. Как выяснилось, печки эти изготавливались в Ржеве в восстановленных оккупантами мастерских; немцы наладили в городе и производство мин.

Противник закрепился на противоположном берегу. Разделяла нас только Волга. Сразу же резко участились случаи дезертирства.

Тема дезертирства давно ожидает особого исследования. Распространено убеждение, что наш народ с первого дня войны не терял веры в победу. Это не так. На самом деле уверенность в победе над врагом появилась лишь в 1943 году – после Сталинграда и Курско-Орловской битвы. Постоянные тяжелые поражения Красной Армии в 1941–1942 годах, огромные потери привели часть солдатской массы к потере веры в успех. В сорок втором, как и в сорок первом, дезертирство из армии все еще было массовым. Многие солдаты-дезертиры не считали свой поступок изменой: для них довоенная действительность не служила идеалом, за который следует умирать; в победе они видели единственный способ расстаться со сталинской системой рабства, наивно полагая, что немцы, победив Советский Союз, разрушат сталинский режим, сделают их свободными и счастливыми. Конечно, все эти люди спасали и свою жизнь.

В масштабе фронта в сорок втором ежедневно перебегали к немцам 150–200 человек, то есть в месяц около 6 тысяч. Фактически фронт ежемесячно терял почти целую дивизию! В то время дивизии, в результате невосполняемых потерь, насчитывали, как правило, именно такое число воинов.

Захлестнуло дезертирство и Западный фронт под Ржевом. Естественно, и нашу 220-ю стрелковую дивизию.

Одной из причин этой «инфекционной болезни» была умелая пропаганда немцев. Действительно, пропагандисты делали все возможное, чтобы переманить красноармейцев на свою сторону, и на протяжении двух первых лет войны это им удавалось. Но виноваты в этом оказались прежде всего мы сами – *неподготовленность армии и страны к войне! Отступления. Поражения. Потери*. Какое там военное искусство?! Что слышал солдат? – Стоять насмерть! Ни шага назад! Любой ценой!.. Даже того хуже! – В штрафбат! Под трибунал! Расстрелять! Да, солдаты *насмерть держали оборону*! Они *постоянно и своими глазами* видели газетные «потери» – в их *реальном обличье*! Они все это видели, *испытывали на себе*! И они сравнивали. Окопную свою жизнь и немца.

Шла вторая военная зима. Прошли времена, когда в сорок первом немецкая армия погибала от русских морозов, выживая за счет грабежа теплой одежды у населения, когда вместо теплой одежды немецким солдатам вручали «Памятку о больших холодах», в которой давались советы вроде: «Нижнюю часть живота особо защищать от холода прокладкой из газетной бумаги между нижней рубашкой и фуфайкой. В каску вложить фетр, носовой платок, измятую газетную бумагу или пилотку с подшлемником... Нарукавники можно сделать из старых носков...»

Теперь немецкие солдаты, в отличие от первой зимы, были одеты в теплые стеганые комбинезоны. О них постоянно заботились: они ежедневно получали приличное горячее питание, им присылали продуктовые посылки с деликатесами из завоеванных европейских стран (наши, находя

красивые баночки от неведомых яств, мастерили из них всякие разности). Немец жил в прочных комфортабельных блиндажах с печками, часто с электрическим освещением. Ему на передний край постоянно и в необходимом количестве поступали новейшее оружие и боеприпасы. Офицеры и солдаты получали отпуска. В армии пользовались популярностью офицерские и солдатские бордели. Поддерживалась жесткая дисциплина и одновременно широко культивировалось боевое товарищество.

В нашей же армии по-прежнему – и в конце сорок второго – солдаты на переднем крае жили в плохих условиях и одеты были значительно хуже, чем немцы. Как правило, солдат одевали в заношенное обмундирование: старая гимнастерка, выгоревшая и потерявшая форму пилотка, ботинки с обмотками, шапка – мятая-перемятая, шинели – истасканные, продуваемые на ветру. Зимой выдавали телогрейки с застиранными пятнами крови, хоть как-то спасая от морозов. Кормили скверно. Об отпусках и не заикались. О женской ласке напрочь забыли. Оружие, особенно автоматическое, как и в сорок первом, было несравнимо с немецким. Боеприпасов не хватало, особенно снарядов и мин. В небе по-прежнему господствовала немецкая авиация. Дисциплина в частях поддерживалась под неусыпным оком политсостава и особистов. Боевое товарищество командование культивировало только на словах – оно возникало естественным образом, в основном – в ротах и батареях.

Единственное, в чем мы были на равных с противником, – это в пропагандистской лжи. Но не от нас она исходила и не мы вбивали ее себе в головы, а нам ее вбивали – да еще как! И с обеих сторон!

Над территорией Западного фронта самолеты противника разбрасывали сотни тысяч разноцветных листовок – белых, зеленых, голубых, в которых, расписывая свои победы и наши поражения, убеждали солдата: переход к немцам – это единственный шанс спасти себе жизнь. Далее следовал хитрый текст о райской жизни красноармейцев на немецкой стороне: «С пленными мы обращаемся хорошо. С добровольцами, перешедшими на нашу сторону, по новому приказу фюрера обращение еще лучше: они получают особое удостоверение, обеспечивающее им лучшее питание и ряд других льгот. Желающих работать мы устраиваем по специальности». И каждая листовка обязательно содержала напечатанный жирными буквами пропуск с пояснением: «Оторви и сохрани этот пропуск. При переходе на нашу сторону – предъяви его. Законный переход сохранит тебе жизнь».

Исследования особистов, а они занимались этим тщательно, свидетельствовали, что многие солдаты подбирали и прятали эти листовки, дожидаясь удобного случая предъявить пропуск и осуществить «законный переход».

Чтобы предотвратить массовое бегство, командование предпринимало самые отчаянные меры. Минировались возможные выходы с передовых позиций. Сурово карались командиры и младший командный состав, если в их подразделениях происходили побегі. Переформировали и переводили на новые участки фронта не только роты – целые батальоны. Доходило до артиллерийской пальбы по беглецам. Особисты вовсю распустили тайные сети, во всех частях появились специальные группы для борьбы с перебежчиками.

Командир, старший сержант и сержант за одиночный побег из их части могли быть разжалованы в рядовые. За групповой побег – трибунал и срок от пяти до десяти лет в лагере. Лагерь заменялся на штрафной батальон – для командиров и на штрафную роту – для рядовых и младших командиров: старших сержантов и сержантов.

Огромное внимание было обращено на тщательный поиск и уничтожение листовок, чем успешно занимались особисты. За чтение, хранение и распространение содержания листовок грозил трибунал как за антисоветскую пропаганду. Судили тяжело и всех поголовно – солдат и командиров.

Политсостав активизировал свою деятельность, особенно на переднем крае. В беседах с фронтовиками они объясняли людям идею верности присяге, долгу перед Родиной. Слово «партия» куда-то исчезло, в лексиконе командиров и комиссаров появилось новое слово: «Отечество». Требовали от командиров постоянно знакомить солдат с публикациями, разоблачающими зверства оккупантов. Если на первом этапе войны наша пропаганда клеймила в основном Гитлера и его сподвижников, то теперь обрушилась на «новый порядок», насаждаемый гитлеровцами на оккупированных территориях. Вместе с тем были приняты меры по улучшению солдатского быта, питания, построили бани, появилась возможность чаще мыться. Но побегі продолжались...

СПРАВКА

Русская армия, точно исходя из содержания термина «дезертир», появившегося еще во времена Римской империи, применяла его в отношении военнослужащих на протяжении всей своей истории, начиная с Петра I. В Советской Армии, особенно в период Великой Отечественной войны и сразу после нее, этот термин заменили другим – «перебежчик». Вот почему так названа настоящая глава. Испугались партийные и военные властители Советской России слов «дезертир», «дезертирство» – уж больно грандиозные масштабы приняло бегство с полей сражений. Статистика свидетельствует, что начиная с 1942 года из Красной Армии дезертировало свыше полумиллиона человек. Сколько перебежало в сорок первом, вряд ли можно точно определить. Официальные данные, названные мной, думаю, недостаточно точны, скорее всего – занижены⁸.

Известно, что в немецких войсках на Восточном фронте служило более миллиона советских граждан, одетых в немецкую форму. В основном они находились во втором и третьем эшелонах, обслуживая полевые армии. Что это за люди? Часть из них – военнопленные, часть – молодежь, мобилизованная в оккупированных районах, и, наконец, – перебежчики.

Уже осенью 1941 года многие немецкие командиры по собственной инициативе стали создавать вспомогательные части из дезертиров, пленных и добровольцев из местного населения. Их называли сначала «нашими иванами», а потом, уже официально, – «Hilfswillige» («желающие помогать»), сокращенно «хиви». Использовались хиви в качестве охранников, водителей, кладовщиков, грузчиков и др. Этот эксперимент дал результаты, которые превзошли все ожидания немцев. Весной 1942 года в тыловых подразделениях германской армии служило не менее 200 тысяч хиви, а к концу года – уже около миллиона. В ноябре сорок второго во время Сталинградской битвы в 6-й армии Паулюса их насчитывалось почти 52 тысячи: в трех пехотных дивизиях «русские», как немцы называли всех советских граждан, представляли до половины личного состава. В июле 1943 года, во время Курской битвы, в элитных дивизиях войск СС «русские» составляли 5–8 процентов.

Высшие немецкие власти особенно благожелательно относились к формированию «восточных легионов» из нерусских добровольцев – граждан СССР. Приказом от 30 декабря 1941 года были сформированы три национальных легиона из добровольцев: Туркестанский легион – из туркмен, узбеков, казахов, киргизов, каракалпаков и таджиков; Кавказско-магометанский легион – из азербайджанцев, дагестанцев, ингушей, чеченцев, а также Армянский легион. В январе 1942 года был создан Волго-татарский легион. Существовал и Калмыцкий корпус, некоторые его подразделения действовали в советском тылу. Больше всего немцы симпатизировали казакам, их на стороне нацистов воевало около 250 тысяч.

Гитлер легко и быстро одобрил формирование войск из неарийцев – тюрок и даже калмыков-монголоидов. Но он постоянно и категорически возражал против создания союзных войск Германии из русских. Некоторые историки считают, что эта патологическая ненависть Гитлера к русским, большое число которых желало воевать против советской власти, и стала одной из причин его поражения в войне против СССР⁹.

Общее количество дезертиров из Красной Армии за годы Великой Отечественной войны составило 588 400 человек. Осуждено фронтовыми трибуналами за тот же период 994 300 военнослужащих. Из них: отправлены в штрафные роты и батальоны – 422 700, в концлагеря – 436 300. Не разыскано дезертиров и отставших от эшелонов – 212 400. 150 000 командиров и бойцов расстреляно. Страшные цифры...

Побеги. Как это было

Наш полк стоял в обороне на левом берегу Волги, до немецких позиций было максимум двести

⁸ Здесь и далее все статистические данные приведены по сб.: «Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах». Статистическое исследование под общей редакцией Г. Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993.

⁹ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. 1933–1945. М.: «Изографус» (Эксмо), 2002.

метров, разделяли нас только скованное льдом русло и крутые в этом месте берега реки. Близость противника породила новую волну побегов. Бежали в одиночку, вдвоем, группами.

Набраться храбрости и бросить оружие – уже психологически чрезвычайно сложно. Но перебежчика ждали и другие трудности. Он должен был выбраться из траншеи на бруствер и спуститься по обледеневшему склону к реке, перебежать по неровному ребристому льду к противоположному берегу, взобраться по скользкому склону вверх – что уже потруднее, а потом – что еще тяжелее и опаснее – переползти минное поле и достичь немецких траншей. И все это нужно сделать незаметно для своих и одновременно дать знать о своих намерениях немцам.

Часов в пять утра, когда еще не отступила долгая зимняя ночь, когда еще темно и все погружены в самый крепкий предутренний сон, а внимание часовых притупляется, беглец оставлял в окопе винтовку, патроны, гранаты, документы и пускался в путь, стараясь как можно скорее добраться до противоположного берега и взобраться вверх, а далее действовал строго по указаниям немецких листовок. Но еще раньше, как только он добирался до противоположного берега, даже еще не успев взобраться на него, – он уже находился под охраной немецких пулеметчиков и снайперов, которые, если затевалась погоня, немедленно открывали заградительный огонь, не позволявший преследователям высунуть головы из траншей. Кроме того, стараясь облегчить перебежчикам дорогу, немцы сделали несколько проходов в минированной зоне, снабдив их плакатами: «Подними вверх руки и пропуск. Спокойно иди к траншеям!» И, как правило, беглецам удавалось добраться до вожделенной цели.

А начиналось все с вечера.

Ближе к ночи над передним краем обычно раздавалось знакомое всем пощелкивание микрофона, и вчерашние красноармейцы, бежавшие к врагу, обращались по радио к своим бывшим товарищам:

– Говорит солдат 1-й роты 1-го батальона 673-го стрелкового полка рядовой Серега Хмельной. Здравствуй, Ванек, слушай, милый человек! И передай всей роте. Приняли меня как положено. Живу в тепле, сыт. Избавился от жидов и комиссаров. Через три недели обещали отпустить в деревню к Соньке.

Сразу же следовало второе радиообращение. Теперь говорил немец, неплохо владеющий русским, по интонации – твердой, уверенной – угадывалось, что говорит офицер:

– Солдаты Красной Армии! Переходите на нашу сторону! До шести утра обстрела не будет. В шесть тридцать завтрак. Если не придете – пропадете...

С этим текстом немцы выступали ежедневно – два-три раза за день.

Третье радиообращение. Опять перебежчик:

– Здравствуй, Василек! Я – Денис. Давай, друг, бросай свою хреновую житуху и переходи к немцам. Приличная публика, не то что наши матерщинники. Кормят нас французским шоколадом, голландским сыром, датской ветчиной. Не жрали такого при Советах. Вот так. Служу в обозе. Обещали весной отпустить домой. Давай, смелей двигай, браток! Не пожалеешь!

Сначала во время побегов и ночных речей полковая артиллерия открывала огонь по бегущим, разбивая лед, но долго продолжать стрельбу не могли – берегли снаряды. Однако полыньи снова замерзали, а немцы временно переносили радиоустановку в другое место, чтобы спустя время вернуться обратно, и опять мы слышали имена тех, кто раньше был с нами, а теперь против нас: Василек, Петюха, Джанбай, Гриць, Армен...

На переднем крае вражескую радиопропаганду глушить было нечем, и каждую ночь все мы – командиры, комиссары, сотни солдат – вынуждены были слушать эти гадюшные речи. Я-то понимал: не солдатский в них язык – чужой, подсказанный немцами. Но понимают ли это солдаты? Уверенности не было. Одни презирали и посулы немцев, и перебежчиков; другие посмеивались, особенно на медовые речи о французском шоколаде; некоторые вовсе не реагировали – мол, все это нам до фени. В то же время я видел, как внимательно вслушиваются отдельные солдаты, пожилые и молодые, в каждое слово с другого берега.

Как влезть с чужую душу, распознать, что движет человеком? Может быть, я как командир да и другие что-то упускаем, недоделываем, потеряли с бойцами простой человеческий контакт?..

Между тем поступила новая директива. Какие-то идиоты сверху рекомендовали периодически обыскивать солдатские вещмешки в поисках немецких листовок, якобы это поможет сократить число побегов. Для себя я отверг этот совет как абсурдный и безнравственный, считая, что это приведет к

еще большему числу побегов. Обыск вещмешка наглядно покажет бойцу, что я не доверяю ему, а это породит ответное недоверие. Кажется, у Тарле я прочитал, как после сражения под Аустерлицем встретились Наполеон и Александр I, и русский царь попросил французского императора показать ему свою гвардию. Встретившись с солдатами-гвардейцами, Александр I попытался заглянуть в солдатский ранец, гвардеец отстранил царя, не позволив даже дотронуться до своего ранца. Александр I возмутился и пожаловался Наполеону, тот ответил: «Я не имею права это сделать. Французский солдат – свободный человек, а ранец – его личная собственность». Вот бы внушить это каждому командиру! Чтобы не трибунал, а взаимное уважение правило бал!

Чепэ в соседней роте! Побег – сразу троих! Командир роты чуть не потерял рассудок. Приказал во что бы то ни стало догнать беглецов и уничтожить из автоматов. Но только успели наши вылезти из траншей, как с двух сторон застрочили немецкие пулеметы. Безрассудная затея обезумевшего комроты обернулась двумя ранеными. Тогда комполка Глухов, которому доложили о чепэ, отдал приказ артиллерии: разбить лед и помешать беглецам добраться до противоположного берега. Но и это не помогло. Перебежчики спокойно отошли берегом подальше от разрывов, переждали и ночью благополучно перебрались к немцам. Следующей ночью мы уже слышали их голоса: Ванек, Серега, Демьян... Командира роты и взводного, у которых служили беглецы, отстранили от должности, трибунал осудил их на десять лет и отправил в штрафной батальон. Взводному было девятнадцать лет – мальчишка, еще не нюхавший пороха, не дождавшийся своего первого боя.

Такая сложилась ситуация на нашем фронте. Казалось, возникла черная дыра, которая поглотит всех нас, командиров, в своем ненасытном чреве.

Я придумал «систему»

Как побороть зло дезертирства? Я доверяю бойцам, они – мне, – так, по-моему, должны строиться отношения между командиром и его подчиненными. Теоретически. В жизни сложнее. За доверие приходилось неизбежно платить. Многие командиры и сержанты, простив и полагаясь на тех, кто однажды изменил присяге, жестоко поплатились за свою доброту. Что же, подозревать всех? Сделать жизнь на переднем крае, где человек и так находится в постоянном напряжении и опасности, еще тяжелее?

И вот что я сделал. Я придумал «систему».

Сорок восемь бойцов своей роты разбил на две смены – дневную и ночную. На участке в триста метров, занимаемом ротой, расставил двенадцать постов, по два бойца на каждом. От поста до поста получилось всего двадцать пять метров. Никто не имел права покидать свой пост до окончания смены. Я и мой заместитель курсировали по траншеям всю ночь, с фланга на фланг: проверяли посты, оружие, беседовали с солдатами. Все отдыхающие после дежурства находились в блиндажах. Дневальный в каждом блиндаже никому не разрешал удаляться от блиндажа более чем на пять шагов, утром участок приводили в порядок.

Главное было правильно расставить людей, чтобы им было сложнее сговориться. Для этого я внимательно изучил списочный состав роты – кто откуда. А в роте были бойцы с Урала, из Сибири, Средней Азии, были и уроженцы из оккупированных районов; обнаружилось также восемь фамилий украинцев, попавших на фронт из Казахстана: почему они там оказались – вопрос. Я поступал следующим образом: назначал на пост одного бойца с оккупированной территории, а другого – с неоккупированной; на следующий пост – комсомольца и солдата-старика; на третьем дежурили русский с узбеком или казахом и т. д.

Одновременно старался сделать оборону активной – стреляли вовсю. Двух бойцов отобрал в снайперы. Правда, немцы теперь вели себя осторожнее, подловить их в оптический прицел стало труднее.

Конечно, о полной гарантии от побегов нечего было и думать, но пока система работала.

Набегался я в те ночи – на всю жизнь. И не напрасно. Прошел почти месяц – и ни одного побега. Чудо! За это время в соседних ротах сбежали еще четыре солдата – их командиры оказались в штрафных батальонах.

Дивизионный комиссар Борисов

Однажды под вечер комбат Коростылев привел в роту комиссара дивизии. Что было неожиданно и необычно – «комиссарские крысы», как порой их называли, нечасто добирались до рот. К Леониду Федоровичу Борисову это никак не относилось, о нем знала вся дивизия – конечно, в основном заочно. Но то, что дивизионный комиссар предпочитает политотделу передний край, – об этом знали и за то уважали, более того – о нем ходили легенды. Кадровый военный – в армии с 1935 года, он в сорок первом был одним из организаторов подпольного и партизанского движений на Смоленщине и Ржевской земле. Рассказывали, что под Сычевкой на Смоленщине Борисов с небольшой группой пограничников сумел за два дня под огнем противника собрать из беспорядочно отступающих частей больше десяти батальонов, благодаря которым удалось на пять дней задержать продвижение немцев.

Познакомившись, он сразу попросил чашку крепкого чая. Угостили. Затем пошли по траншеям. Я знакомил с ним бойцов, уверенный, что эта встреча на многих произведет впечатление. Высокий, широкоплечий, сравнительно молодой, он был слегка близорук. Он часто снимал очки и протирал платком, такая привычка.

Комиссар здоровался с каждым бойцом, задавал вопросы: как кормят, есть ли баня, пишут ли из дома? Побывал Борисов и в блиндажах. Порадовался, увидев на столе несколько последних номеров дивизионки. В одном из блиндажей отдыхавшие солдаты резались в карты, у комбата, шедшего сзади, скривилось в пугающей гримасе лицо, игроки и сами мгновенно засуетились, пряча карты. Леонид Федорович рассмеялся:

– Жалко, времени у меня мало, а то сыграли бы, давно не держал в руках картишки. В части у нас, где служил до войны, любили вечером сразиться.

Комбат успокоился, да и солдаты заулыбались. Борисов попросил не стесняться, задавать любые вопросы.

– Почему немцы не распускают колхозы? – прозвучал первый вопрос. – Значит, они тоже за колхозы?

– Не совсем так. С помощью колхозной системы им легче грабить деревню. Во многих оккупированных районах люди уже это поняли.

– А правда, что немцы вывозят к себе чернозем с Украины?

– Не знаю, но допускаю, что фашисты могут такое делать.

– Скажите, товарищ комиссар, нарком обороны обещал, что война закончится в нынешнем году, а конца ей что-то не видно.

– Значит, пока мы плохо воюем. Чем лучше будем бить врага, тем скорее прогоним его с нашей земли.

– Уж больно тягота с почтарями.

– Знаю, принимаем меры.

– Баньку бы почаще – заслон вшам!

– Сделали для каждого батальона баню, так что готовьте веники.

– Вроде бы, товарищ комиссар, немцы пооткрывали в деревнях церкви, это как понимать?

– Дурят оккупанты людей, вот и заманивают в церкви, хотят сделать народ более послушным.

Затем мы больше часа провели в моем блиндаже. На вопрос, как объяснить, что в моей роте нет побегов, я рассказал о своей системе и хорошо отозвался о бойцах.

– А до войны вы чем занимались? – спросил Борисов.

– Я окончил школу в сорок первом, но в тридцать седьмом работал киномехаником – нужно было зарабатывать на жизнь, когда мать уволили со службы.

– Это когда отца репрессировали?

– Да. К счастью, он вернулся. Сейчас он руководит оборонной стройкой на Урале.

– Скажите, кто вы по национальности? – внезапно прозвучал вопрос.

– Еврей. Извините, если не секрет, лично для вас это имеет значение?

– Вы угадали, лейтенант: именно лично имеет. Я по убеждению и поведению – интернационалист, таким меня воспитали дед и отец. Сам я из Ярославля, в нашем городе до революции евреи не селились, но, как ни странно, первым красным комендантом города стал бывший городской сапожник – единственный еврей в Ярославле. Оказалось, он был подпольщиком.

Его убили во время эсеровского мятежа в восемнадцатом. Теперь конкретнее, зачем я спросил вас о национальности. К сожалению, и в дивизии, и повыше есть командиры и политработники, которые не очень приветливо относятся к евреям, считают их трусливыми, хитрыми и плохими воинами. Я так не думаю и в моем политаппарате подобные настроения пресекаю, а вы – один из «аргументов» в мою пользу. Поговорим о насущном: как вы считаете, лейтенант, каковы главные причины дезертирства?

– Позвольте, товарищ полковой комиссар, откровенно?

– Только откровенно! Иначе какой смысл в нашем разговоре?

– Я об этом не раз думал. Назову две причины. Во-первых, это постоянные неудачи армии под Ржевом и огромные потери. Люди не хотят участвовать в бессмысленной бойне. Вторая причина – трудный солдатский быт. Сколько можно тянуть лямку, не видя конкретной заботы о себе? А тут еще из окопов противника доносятся запахи вкусной еды.

Борисов помолчал, протирая очки, поблагодарил за полезный разговор и покинул расположение роты.

Комдив Поплавский и офицеры

Вскоре в штабе дивизии собрали комбатов и командиров рот. Открыл совещание комдив. Впервые я увидел генерала Поплавского. Говорили, что генерал щупленький, оказалось – крепыш. На плечах – новенькая кожаная тужурка. Курносый. Говорит резко, рублеными фразами. Казалось, с каждой его фразой взрывались снопы искр:

– Больше я не потерплю побегов в своей дивизии! Надо повышать требовательность! Прежде всего – к себе! Еще жестче будем наказывать командиров за побег!

Один из комбатов бросил с места:

– Бегут, как крысы с тонущего корабля!

С совещания этот комбат вышел командиром роты. Прокомбатил человек всего один месяц. Каков Поплавский – с ним следует быть начеку! Позже стало известно, что провинившийся еще и партийный выговор схлопотал «за политическую незрелость».

После комдива выступил комиссар Борисов:

– Мы, командиры и комиссары, слабо занимаемся идеологическим воспитанием солдат. Как следствие – неверие людей в победу над фашистами. Командиры рот не выполняют своих прямых обязанностей, слабо заботятся о подчиненных, некоторые солдаты, особенно из южных районов страны, не выдерживают тяжелой жизни на переднем крае. Нужно всем нам подумать, что можно сделать для них. Следует также учитывать, что часть красноармейцев попадает в армию из освобожденных от оккупации районов. По мере продвижения армии на запад эта тенденция станет нарастать. Среди них могут найтись неустойчивые, а возможно, и невыявленные пособники оккупационных властей.

В заключение комиссар назвал мое имя и рассказал об опыте работы с подчиненными в нашей роте, даже придумал название моей системе: «Ни шагу вперед!» – по аналогии с приказом № 227 «Ни шагу назад!». Не скрою, я был польщен. Но настроение испортила фраза, брошенная нарочито громко кем-то из офицеров:

– Надо же, хитрый еврей всех облапошил! Все мудаки, а он хороший!

Стало не по себе и обидно. Подлость какая, я же не только для себя, для всех стараюсь.

Начали расходиться. Меня остановил начальник особого отдела дивизии, представился:

– Майор Ковалев. – И вежливо попросил задержаться.

Когда мы остались одни, спросил:

– Знаете ли вы о группе молодых солдат-украинцев, их в вашей роте восемь человек.

– Знаю, – ответил я. – Впрочем, как они попали в Казахстан, мне не известно.

– Это дети раскулаченных в тридцатые годы на Украине, были высланы в Казахстан как ненадежный элемент. Эту молодежь долго не брали в армию, сейчас, видимо, посчитали допустимым. Но можно ли им доверять, я не уверен.

– Я им верю, беседовал с каждым. Все они рады, что воюют с немцами, надеются после войны вернуться на Украину.

– Вы очень уверены, лейтенант.

– Они – новобранцы и слабо подготовлены, но это не их вина, я поручил их подучить.

– Смотрите не ошибитесь, ваше доверие может дорого обойтись. Прошу вас лично информировать меня о малейшихстораживающих фактах.

На этом разговор закончился, и я отправился в роту.

В роте меня поджидало нечто столь же неприятное. Возле моего блиндажа топтался взволнованный Олег, комсорг роты, он принес немецкие журналы с цветными иллюстрациями.

– Вот, упали с неба прямо на траншеи! – возбужденно заговорил комсорг. – Мерзавцы, до чего додумались: заманивают нашего брата голыми бабами!..

– Олег, – перебил я, – ты же не читал эту фашистскую мерзость? Правильно сделал, что подобрал и принес мне. Ты ведь принес это, чтобы сжечь? Ведь так?! – я пристально глядел на него.

Молодой солдат тут же ответил, голова быстро сработала:

– Конечно! Я сам всегда советую комсомольцам так поступать!

На глазах у Олега я порвал оба журнала, мы вместе зашли в блиндаж, печка еще горела, я передал клочки телефонисту, который и бросил этот мусор в огонь.

«Нехорошее» письмо

Минула неполная неделя, и мне пришлось расстаться с моей ротой. Но прежде чем это произошло, меня внезапно вызвал к себе Борисов. Поздоровался, предложил садиться и, с места в карьер, протянул письмо бойца из моей роты, возвращенное военной цензурой. Текст был короткий, привожу его в полностью:

«Здравствуй, почтенная Глафира Петровна, низкий поклон Вам. Здравствуйте, сестричка Дуня и дедушка Ефим. По-первому сообщаю, что я живой и здоров. Вам всем того же желаю. Война – дело страшное. Не думали мужики такое. Радостей никаких. Все дни в грязи и холоде. Обувка давно сгнила. Срам какой – даже не кормят прилично нашего брата. Только Ваши письма и согревают. Как побьют мужиков, а бьют нас постоянно, так достается под водочку сколько хочешь тушенки американской. Не думайте, что только один я так соображаю. Все ребята так соображают. Немцы от нас рядышком. Мои товарищи говорят: „Лучше бы уже пуля убила, чем так мучиться“. Другие спрашивают у бога, почему их в детстве не придушил, если знал, что будет война. Вылезти из окопа нельзя. Сразу в лоб получишь пулю. Немецкие снайперы охотятся за нами. Умирать никому не хочется. С тем и до свидания».

– Ну, что скажете? Каков гусь! Чепуховый солдат.

– Этот «гусь», товарищ начальник политотдела, – коммунист и мой первый помощник в самые трудные минуты. Награжден медалью «За боевые заслуги». Дважды ранен. Настоящий фронтовик! Простите меня, но солдат пишет правду.

– Вы так же думаете, как он? – спросил Борисов.

– Да. Но, в отличие от него, я не пишу такие письма.

– Вот-вот! Значит, ваш Селезнев – незрелый коммунист.

– Если разрешите, забудем о письме. Я поговорю по душам с Петром Васильевичем. Уверен, когда пойдем в бой, он поведет людей вместе со мной.

Борисов долго-долго смотрел на меня, снова и снова протирали свои очки и все же решил:

– Ладно. Постараюсь вам поверить.

На этом мы расстались.

Всю дорогу в роту я думал об одном: какое счастье, что цензура отправила письмо в политорганы, а там оно попало к Борисову, иначе...

Глава одиннадцатая Новое назначение 30–31 декабря 1942 года

Письмо из дома!

В шестидесяти метрах от расположения моей роты река образовывала на повороте небольшой рукав: одну сторону его занимали немцы, другую – наши, плюнешь – и попадет к чужакам. Наверное, было бы целесообразнее, если бы кто-то уступил и ушел с этого узкого выступа. Но ни наше командование, ни противник не проявляли никакого желания уступать. Зато, по какому-то негласному договору, противники здесь не трогали друг друга.

Когда сообщили о назначении меня командиром этого противного участка на переднем крае, я не обрадовался: оставить свою роту, к которой привык, сдружился с людьми... Но приказ есть приказ. 30 декабря мы тепло попрощались, каждому я пожал руку.

О приказе стало известно утром. А в середине дня я получил самый ценный на фронте подарок – причем новогодний! – письмо от мамы! Она отправила его из Кыштыма 10 декабря – вероятно, с надеждой, что я получу его к Новому году. Так и вышло, и теперь я снова и снова перечитывал:

«...Родной мой сыночек. Какой ты молодец, что не забываешь нас. Каждое твое письмо – праздник. С утра я высматриваю в окне Шуру, почтальона. Хорошая, добрая женщина. Вот она появляется с огромной сумкой, где спрятано много чего: и добра, и не меньше горя. Достает из сумки знакомую треуголочку, мы садимся за стол. Я наливаю ей тарелку супа. Надеваю очки, читаю твое письмо громко. Шура немного глуховата. Она слушает, ест и плачет. У нее на фронте муж. Еще с 41-го она от него ничего не получает. Вечером прочитала твое письмо по телефону папе. Он неделями не приходит со стройки домой.

Комбинат растет. Скоро его продукция, ты знаешь какая, пойдет по назначению. Прошу простить за горестную весть. У тебя их достаточно. Умерла Фанечка (мамина сестра. – Б. Г.). Мы срезали на память ее красивые локоны. Похоронили Фанечку в Кыштыме.

Поздравляю тебя с наступающим Новым годом. Пусть он будет для всех нас добрым, победным. Береги себя, сыночек, пойми меня правильно. Я не призываю уклоняться от армейских требований. Но помни – у тебя слабое горло. Не кури на морозе. Старайся не пить холодной воды. В детстве ты часто болел ангиной. Чаше мойся в бане. Не дай бог, что-либо заведется...

Вспоминаю 1921 год. Я тогда служила красноармейцем 12-й армии. Она шла на Варшаву. Но внезапно в Новоград-Волынке я заболела сыпным тифом, и меня оставили в местной больнице умирать. Нашлись добрые люди, выходили и устроили работать. Тогда все мы жили, придерживаясь пролетарского принципа: „Кто не работает – тот не ест“.

В этом небольшом уютном и зеленом городе я встретила твоего будущего папу. Мне тогда было семнадцать лет. Я еще не совсем оправилась от болезни. Но с детства любила театр и участвовала в местной самодеятельности. В городском клубе мы ставили какую-то революционную пьесу, не помню названия. Твой будущий папа пришел на спектакль и, как все, крепко хлопал в ладоши. В тот вечер мы познакомились. Стали встречаться, полюбили друг друга. Что он нашел во мне особенного, не знаю. Слабая, худющая, новые волосы еще не выросли на голове. Он романтик – такой и ты. Мы поженились. Пришло время, и появился ты.

Новоград-Волынк. Здесь мы впервые встретились, здесь ты родился. Разве это не судьба? Синяя птица, которая всем нам троим принесла счастье. Я верю, что эта птица сбережет и тебя.

Вчера встретила директора завода, где ты начинал токарем. Он просил передать тебе привет. С каждым днем они увеличивают выпуск...

Часто у нас бывает Наташа. У нее родился мальчик. Назвала его Андреем, в честь мужа. Она нарисовала твой портрет по последней гражданской фотографии. Я повесила его в столовой и не налюбуюсь на тебя.

Наташа мне рассказала, как погиб ее муж-летчик в первый день войны. Он уже пристегнул себя в кабине самолета ремнями и хотел взлетать, но не успел. Налетели немецкие самолеты. Он застрел мертвым в разбитом самолете.

Целую тебя, мой сыночек. Твоя мама».

Сумасшедшая ночь

Под вечер 30 декабря я принял новую роту. Она насчитывала тридцать шесть бойцов и двух командиров. Поначалу познакомился с командирами. Один из них, лейтенант Горбунов, временно исполнял обязанности командира роты. Второй, младший лейтенант Беленький, командовал взводом. Я уже знал, что Горбунов пережил штрафбат, был ранен и восстановлен в командирском звании – значит, искупил свою вину, но в чем состояла его вина, мне известно не было. На меня он произвел хорошее впечатление – как говорится, крепкий малый. Беленький – совсем иного склада. Очень юный, нет и девятнадцати, недавно закончил Омское военно-пехотное училище и сразу на фронт; видно, что еще не обстрелянный, хрупкий какой-то и, мне показалось, неуравновешенный; он все еще не чувствовал себя полноценным командиром и в людях разбирался слабо, не смог толком рассказать о своих боях. Понимая собственные слабости, нервничал, срывался.

После беседы обошел с командирами посты в траншеях, бегло познакомился с солдатами, но поговорить успел лишь с двумя-тремя.

– В атаку ходил? – спросил одного.

– Всяко бывало. Добро, когда немец драпает после атаки, тут все вперед: прыгаем в его окопы и давай штыком пороть его, гада. Опомился фриц, и давай нас вышибать. Если нет артиллерийской подмоги – отходим, а если хоть одно орудие с нами – ни хрена у них не выйдет.

– В атаки ходил – и жив! Молодец!

– Не всем так вышло.

Вроде надежный солдат, подумал я, с таким не пропадешь. Этот разговор меня успокоил, все же решил: с утра нужно проштудировать состав и повернуть жизнь роты по-новому, срочно вводить мою систему. Пока же попросил командиров обходить ночью все посты.

Вернулся в блиндаж. Жуткая усталость потянула на койку... Завтра – последний день сорок второго, уже целый год как я в армии. Какими мы были наивными и глупыми, поверив, что война скоро кончится; теперь-то я знал, что одной винтовкой и патриотизмом врага не возьмешь. Вспомнилась встреча сорок второго: пустая казарма, Рыжий, его песни под гитару... Сколько нас осталось в живых?... И все-таки завтра непременно встретим с бойцами Новый год, устроим салют...

В блиндаж вихрем ворвался младший лейтенант. В расстегнутой шинели, без шапки, лицо белое. Я сразу понял: произошло что-то серьезное.

– Товарищ комроты! – чуть не кричал младший лейтенант. – Беда, жуткая беда! Побег! Двое – старик и новобранец!

Я вскочил. Сон мигом унесся прочь. Мы бросились в траншею. На бруствере аккуратно лежали цеховонькие винтовки и комсомольский билет, чуть запорошенные снегом. Кажется, я видел этих, не могу выговорить, уже бывших... Они приветливо встретили меня на ночном посту. Откуда они, кто они, как и где воевали, их имена? Нечего я о них не знал. Старый солдат – и надо же, уговорил новобранца, комсомольца. Комсомолец, вспомнилось, еще канючил, переживал, наверняка для отвода глаз: мол, как быть, у него за три месяца взносы не уплачены. Да, подвел меня внутренний голос. Я смотрел на брошенные винтовки, и делалось не по себе... Групповой побег – это штрафбат, а штрафбат – это конец жизни.

Доложил комбату Коростылеву. Посоветовались с лейтенантами, что предпринять, – получалось, что ничего.

Через час примчался комбат. С ним особист. По виду их сразу понял: запахло жареным, держись! Как положено, доложил, объяснил ситуацию, представил заготовленный рапорт. В рапорте я написал, в свое оправдание, что в роту пришел накануне вечером, за одну ночь не смог изучить людей, ввести свою систему.

Комбат не стал ни читать, ни слушать, глянул злобно и обрушился с дикой руганью, сопровождаемой матом. Внезапно он выхватил из кобуры пистолет и ударил меня рукояткой по голове.

– Сволочь! – процедил сквозь зубы. – Всех вас, мерзавцев, под трибунал!

Рядом со мной стоял младший лейтенант Беленький, он весь дрожал, кусал губы – казалось, вот-вот разрыдается. Вмешался Горбунов:

– Чего шумишь, комбат, ротный тут ни при чем, оба бежавших из моего взвода. Прошу все претензии ко мне.

– Разберемся и с тобой! – пуще разозлился комбат. – И ты свое получишь! Не сомневайся! – От страха он уже не владел собой.

Срочно вызвали санинструктора, голову мне быстро перевязали. Уходя, комбат бросил:

– Учти, комроты, тебя сюда прислали не на курорт. Не наведешь порядок, допустишь еще побег – тебе не увильнуть. Тогда пощады не жди!

Особист молчал, но складывалось впечатление, что все громкие слова и гадючий поступок Коростылева шли не только от его характера, но и от чрезмерного усердия показать себя перед особистом. За четыре месяца я ни разу не видел комбата в боевой обстановке: он старался спрятаться где только можно. Таких в армии называют «хвост собачий»: виляет туда-сюда, попробуй ухвати.

Когда все разошлись, вдруг появилась слабость, голова стала тяжелой, я попросил Горбунова проводить меня в блиндаж. Дома выложил на стол все свои запасы: несколько кусочков сала, тушенку, луковичу, три сухаря. Разлили по кружкам водку и выпили за наступающий Новый год, оба мы после всего не знали, где его встретим. Еще раз выпили, и завязался разговор.

– Спасибо, Володя, за поддержку, – сказал я. – Понимаю ваши чувства, сдерут с вас семь шкур, а беглецы, негодяи, сегодня же ночью будут поздравлять нас с Новым годом. Знаю немного о вашем прошлом: если случится что-то серьезное, постараюсь, сколько смогу, помочь.

– Жди не жди, – перебил лейтенант, – а особисты не успокоятся, пока не отправят в штрафбат. Для них все мы – только галочки в отчетах. Один раз уже имел с ними дело, знаю им цену. Вы извините, но у нас слишком мало времени, помяните мое слово, эти подонки скоро придут за мной. Хочу просить вас послать письмо моей матери, вот адрес. Я уверен, вы это сделаете.

Он положил на стол бумажку. Я прочел: «Свердловск, ул. Ленина, д. 16/а, кв. 16. Александре Семеновне Горбуновой».

– Как видите, я с Урала. Если не возражаете, я кратко расскажу вам свою историю. За год до войны я окончил Полтавское танковое училище и был направлен в Западный округ. Командовал взводом первых самоходок. В сорок первом их все сожгли, и мы, танкисты, стали пехотой. Драпали, как и все. Шестого ноября в честь 24-й годовщины Октября комбат, сволочь, приказал взять деревню Тетерино – будет подарок Родине и Верховному. Обещал поддержку – два танка и артиллерию.

В четыре утра поднял роту, объяснил задачу, и двинулись к реке – от нее до деревни не больше километра. Перешли речку и стали обходить Тетерино с двух сторон. Немцы встретили роту шквальным огнем – головы не поднять. Танки так и не появились. Мы отошли, заняли позиции вдоль дороги к деревне. Соображаю, что делать дальше, без танков. Вдруг из деревни вышла самоходка с автоматчиками и жмет на скорости в нашу сторону. Ну, думаю, пропали. И тут пришла мысль. Взял с собой двух бойцов с автоматами, связали гранаты по две в четыре «букета» и поползли по кювету навстречу самоходке. Повезло, машина вдруг остановилась – и почти напротив нас, вылез офицер, стал осматриваться в бинокль.

Мы приблизились к машине, и, выскочив на дорогу, саданули в нее все заготовленные «букетики». Полетели ошметки тел; двух оставшихся вмиг положили, и я вскочил в машину, прикладом долбанул водителя. Вроде бы порядок. Отправил одного за ротой, чтобы двигались следом, и стал разворачивать самоходку в сторону деревни. А из деревни навстречу выползают три танка и бьют на ходу прямой наводкой. Заметили, гады! Развернул я самоходку обратно к реке, и тут прямое попадание – солдаты все замертво, меня ранило осколком в руку.

Вернувшись в батальон, поздравил комбата с великим пролетарским праздником да и высказал сгоряча все, что думаю о нем, мерзавце, и еще привет попросил передать Верховному от восемнадцати павших за Тетерино. Эта сволочь тут же настроил рапорт: будто захватил я самоходку с целью побега к немцам и ради этого погубил роту. Конечно, и про Верховного не забыл: видите ли, оскорбил я товарища Сталина. Особисты и прокурор потребовали расстрела. Трибунал осудил на десять лет. Отправили в штрафбат.

Во время летнего наступления под Ржевом наш батальон помог 30-й армии прорвать оборону города, штрафники погибли почти все. Меня ранило в ногу, но до того успел подарить дзоту «букетик». Искупил кровью свой «проступок». Сняли судимость, вернули звание – все по честному. Так я попал в эту проклятую роту. Только теперь пусть учтут товарищи особисты, в штрафбат больше не пойду, уж лучше в лагерь, там хоть есть надежда остаться живым, если, конечно, на лесоповале не сдохнешь.

С горечью слушал я Володю, какой мужественный, волевой человек, сколько в нем силы и в то

же время совестливости, и фронтовик опытный, а всего-то ему – двадцать пять.

Разговор прервал Беленький, за ним стояли в дверях два особиста.

– Приказано вас, Горбунов, препроводить в особый отдел, – сказал один из особистов. – Забирайте вещи и пошли. Комбат поставлен в известность.

Так мы расстались. И больше никогда не увидимся. Учítывая, что лейтенант побывал в штрафном батальоне – искупил вину, имеет два ранения, его осудили на четыре года и отправили в лагерь.

Поговорил о лейтенанте с Борисовым, он покачал головой:

– Трибунал – учреждение независимое, не подчиняется никому. Отменить приговор может только командующий фронтом.

Беленькому объявили выговор, его сержанта разжаловали в рядовые. Не забыли и обо мне, на полгода отсрочили представление на очередное звание.

Проводив Горбунова, вернулся младший лейтенант, глаза заплаканные.

Какой ужасный день, вернее ночь. Кажется, наверху сошли с ума, сделали нас, командиров, заложниками изменников Родины. Какое безрассудство! Если так продолжится, армия лишится боевых командиров. И это хулиганское нападение комбата, в старой армии за такое стрелялись. Публичное оскорбление командира – это черт знает что. Впрочем, на злобность лучше отвечать пренебрежением, это срабатывает лучше, чем громкие поступки... Господи, как же мне плохо, голова точно чугунная, тошнит, но надо подниматься, идти в роту, взводный сейчас не помощник...

Беленький сидел на нарах, опустив голову, и вдруг взорвался:

– Вы-то понимаете, что младший лейтенант Беленький – следующая жертва этих мерзавцев! Вы это понимаете?!

– Успокойтесь, Сережа, – сказал я, – и не вешайте нос. Побольше терпения, выдержки.

– Ну и совет! Извините меня, какая польза от вашей философии?! Я официально предупреждаю: если произойдет побег в моем взводе, я покончу с собой! – Дрожащими руками он вынул из кобуры пистолет и приставил к виску: – Вот так и будет!

Только этого не хватало, опасливо подумал я. Повысив голос, резко бросил:

– Сейчас же уберите пистолет, младший лейтенант! Успокойтесь и не забывайте, что мы в боевой обстановке и воюем не с ветром. Вам доверили командовать солдатами! В их глазах вы представляете армию!

Младший лейтенант спрятал оружие в кобуру, но стоял бледный, натянутый, как струна. Как его успокоить?! Не совладав с собой, он выкрикнул:

– Какие мы все командиры, если страшимся своих больше, чем врага?! Такое положение непереносимо!

Я поднялся с лежанки и подошел к нему:

– Хватит хныкать! Назначаю вас, младший лейтенант Беленький, моим заместителем. Идите к солдатам. У нас впереди большая работа.

Кажется, удалось утихомирить парня. Он отдал честь:

– Слушаюсь! – и покинул блиндаж.

Я прилег и закрыл глаза, может, все-таки сходить в медсанбат? Но я фактически теперь один, на Беленького роту не оставишь, уж больно он хрупкий – чистая нетронутая душа, он мне напоминал Женечку. Все больше война учила меня и прежде всего отношению к людям, главное – это освобождать их от чувства страха, слабости духа, одиночества.

Резко хлопнула дверь, не вошел – ворвался с ошеломленным лицом сержант, подбежал ко мне и, склонившись, еле разжимая губы, пробормотал:

– Товарищ комроты, младший лейтенант застрелился!

– Что?!! – вскричал я, забыв о боли, медсанбате, обо всем на свете, оттолкнул сержанта и в одной гимнастерке пулей вылетел из блиндажа...

...Нас, командиров переднего края, тогда, в начале зимы сорок третьего, спас Сталинград! После Великой Победы бежать стали меньше. Никакие радиовыкрутасы противника уже не действовали на ванечек и василечков! После Сталинграда не было такой силы, которая могла поколебать бойца. Вера в победу вошла в каждого. Словно погибшие передавали свою силу живым...

Я остро переживал самоубийство Сергея. В девятнадцать лет так ужасно поступить с собой.

Что это – проявление слабости характера, мальчишеская выходка, может быть – стресс?.. Скорее всего, душа его не смогла смириться с унижением и злом, не захотел он служить под началом коростылевых, не выдержал подлости одних и цинизма других. А как же я со своей толстовской философией смирения и терпения? Кому служу я? – Жизни!

И все-таки он наступил!

Передний край под Ржевом, я стою с солдатами в траншее, и все мы поздравляем друг друга. Каждый считал дни – когда же наступит Новый год! И вот он пришел! С вечным своим таинством, надеждами, новыми дивными красками. Снежные наметы укрывают лапы елок, легко поскрипывает снег под ногами, дышалось в полную силу... Фронтовики всегда связывают новогодние дни с воспоминаниями о святости, Рождестве, с огнем свечей, воспоминания о добрых традициях наполняют верой в будущее. Вот и в ту ночь все особенно много говорили о доме, читали друг другу письма матерей, любимых девушек, показывали – в который раз! – фотокарточки... Все знали о произошедших событиях, многие участливо глядели на меня, но ни о чем не спрашивали. Зачем?..

Смотрю на часы: 12.10 – уже десять минут как шествует Новый год. Вглядываюсь в тихую морозную ночь. Противник молчит – видно, тоже справляют праздник.

К Рождеству и под Новый, 1943-й год каждый немецкий солдат под Ржевом получил рождественский подарок: килограммовый пирог, кекс, шоколад, двадцать граммов кофе, сигареты и алкоголь. Особо отличившимся в боях вручили пакет от Гитлера. Во всех соединениях горели рождественские елки, как в былые, мирные времена.

Мы же, бойцы и командиры на переднем крае, на Рождество и под Новый год получили обычные «наркомовские» сто грамм и по два кусочка селедки – вышло по паре бутербродов, на закуску. Вот и родилась песенка, ее охотно напевали в окопах:

Смело мы в бой пойдем
За хвост селедки!
И как один помрем
За сто граммов водки!

Изредка взлетали в небо ракеты, освещая огромное поле и крепко закованную в лед Волгу, ее крутые берега. Над нами темнело небо сумрачной фронтовой ночи, а в голове бродили какие-то шальные мысли... И никакого предчувствия скорых перемен в моей жизни.

Глава двенадцатая Полковой вожак молодежи Январь 1943 года

Поворот судьбы

Окопная жизнь не изменилась. По ночам проверял посты, разговаривал с солдатами, стараюсь понять их настроение, отношение к перебежчикам. Много чего приходилось услышать. Новобранцы рассказывали:

– Погоняли два месяца с палками вместо винтовок: ать-два-три – и айда на фронт, мол, там сами живо выучитесь. Что ж, и выучились: стрелять, штыковать, убивать гада-немца. Многие, уходя, сыграли свадьбы, надули пузо своим девкам: ежели овдовеет, глядишь, хоть что-то получит баба от власти.

На переднем крае новобранцы уже пообвыкли, о перебежчиках говорят:

– Креста на них нет, уклонились с пути, поплатятся за то, ох поплатятся.

Другой рассудил иначе:

– Мне что, за них сорочку сымать? Поплевать да забыть.

Услышал и такое:

– Кто знает, кому полегчает – им или нам? Бог-то помалкивает.

Тяжело было это слушать.

В роту прислали двух скороспелых младших лейтенантов. Теперь мы командовали втроем, стало легче. Я уже ввел свою систему, приняли вроде нормально.

Недели через полторы после Нового года позвонил комбат: «Завтра в десять ноль-ноль явишься к комиссару полка майору Груздеву». В подобных случаях не принято проявлять любопытства, все же поинтересовался – комбат уклонился от ответа.

Устроились штабисты здорово, на склоне под высотой я увидел целый городок из блиндажей, не меньше двадцати.

С Груздевым я не встречался, но знал, что комиссаром полка он стал под Бельково в июле сорок второго, за бои под Витебском и Ржевом награжден двумя орденами – Красного Знамени и Красной Звезды. Говорили о нем разное, доброе и дурное; одни утверждали: «комиссар – человек с характером», другие считали, что майор загордился, стал заносчив, любит барствовать. Шел я к комиссару, полный догадок, но и представить не мог, как круто повернется мою жизнь.

Выглядел комиссар браво. В сорок третьем было Ивану Яковлевичу всего двадцать девять. Отлично сложен, холеное лицо с красивыми ямочками, живые глаза. Весь чистенький, гладкий, ни одной пылинки на нем и вокруг. У меня же вид при нашей первой встрече, надо признать, был не очень.

Встретил он меня приветливо, предложил сесть и без вступительных церемоний, словно зная все обо мне, заговорил:

– Вызвал тебя, лейтенант, вот по какому поводу. Погиб комсорг полка Анатолий Разумов. Крепкий был политработник, умница, полковой любимец. Решили назначить вместо него тебя. Как смотришь на наше решение?

Услышав такое, я чуть не свалился с табуретки. Вот это поворот! Все же, взяв себя в руки, спокойно ответил:

– Товарищ комиссар, я – строевой командир. Учили меня на минометчика. Если честно, желал бы им оставаться и дальше.

– Видишь, лейтенант, вопрос о твоём назначении согласован, так что деваться тебе некуда. Твою кандидатуру поддержал комполка Разумовский, похвалил и полковник Борисов. Комбат твой тоже не возражал. Дело решенное, будешь руководить молодежью полка. Это тебе не взвод или рота.

Я продолжал обороняться:

– Извините, я не имею никакого опыта комсомольской работы. Толя Разумов, известно, профессиональный политработник.

– Темнишь, лейтенант. В 215-й состоял в комитете комсомола полка? Я, дорогой мой, – простой сельский учитель, а видишь, стал замкомполка по политчасти. С охотой подойдешь к делу – быстро опыта наберешься.

Я попытался зацепиться еще за один аргумент:

– Товарищ комиссар, я не член партии. Перед боем написал заявление, но попал в медсанбат, потом передний край...

– Какая беда, лейтенант? Завтра же примем тебя в партию. Словом, возвращайся в роту, попрощайся как положено и завтра приходи с вещами, принимайся за дело.

– Слушаюсь!

В мрачном настроении отправился я в роту. Справлюсь ли? Начинается новая жизнь – какой она станет? Да и не очень-то тянуло меня на комиссарскую работу...

Комиссар полка Груздев

На компункт полка пришел я, как велено, с вещами, да какие там вещи – один мешок солдатский. Груздев, поприветствовав, сразу сказал:

– Иди помойся и переоденься в чистое, получи новое обмундирование. Да постригись, зарос – не по-комсомольски выглядишь. Заместитель комполка тебе поможет. Даю два часа. Приведешь себя в порядок – приходи.

Меня поразила бестактность комиссара: бывает ли он на передовой, знает ли, что значит сутками сидеть в траншеях?

Я тогда ошибался. Комиссар не уходил от фронтовых сложностей. И мог служить примером отважного человека, таким я его узнал в деле. О чем постараюсь рассказать дальше.

Через два часа во всем чистом, вместо замусоленного ватника – серый монгольский полушубок, я предстал перед Груздевым. И получил первое «партийное задание». В гости к Ивану Яковлевичу должна прийти полковой врач Лидия Николаевна, я должен занять пост перед блиндажом и никого не пускать.

Дежурство мое продолжалось почти три часа. «Черт возьми, я же после бани, как он не понимает?!» – ругался я про себя.

То, с чем я столкнулся в первый же день, показалось мне бесстыдством, особенно после жизни на передовой. Решил для себя: впредь все, увиденное в верхах, буду всякий раз сопоставлять с жизнью на передовой. Неужели и Толя Разумов охранял амурные делишки комиссара? В следующий раз откажусь. (Не отказался.)

Лидия Николаевна, словно птичка, выпорхнула из блиндажа и поспешила в сторону медчасти. Груздев тут же позвал меня, усадил за стол, налил полстакана коньяка из недопитой бутылки:

– Выпей, комсорг! Честно выполнил задание, вижу, замерз.

Коньяк я пробовал впервые, благородный напиток сразу обогрел, тепло разлилось по телу, забылись гневные тирады, еще пуще захотелось спать, две последние ночи я не ложился. Но Иван Яковлевич меня задержал; видимо, стараясь оправдаться, стал рассказывать:

– Семья моя погибла, а с Лидией Николаевной мы встречаемся давно и полюбили друг друга. Если посчастливится дожить до конца войны, поженимся...

Судьба распорядилась иначе. В сорок третьем Груздева направили в Москву, в Военно-политическую академию. Закончил он подполковником, обзавелся семьей (фронтовая любовь была забыта) и уехал служить в Иваново. В семидесятые годы мы встречались в Москве, они с женой приезжали на День Победы.

А тогда, прощаясь, Груздев спросил:

– Ты хоть знаешь, что говорил Ленин на Третьем съезде комсомола? Какими орденами награжден комсомол, какие его главные задачи как верного помощника партии? В чем заключаются пять основных особенностей Отечественной войны, сформулированных товарищем Сталиным?

– Это важно знать комсомольцу, идущему в бой?

– Это важно знать, прежде всего, тебе! Ты теперь – вожак молодежи! Уяснил?!

Нелегкие встречи

Мой новый дом – небольшой уютный блиндаж политчасти. Встретили меня приветливо. Как положено, представились друг другу. В блиндаже нас трое: парторг полка, полковой агитатор и я.

– Располагайся, теперь здесь твое пристанище, – показали мне на пустую койку.

Я догадался, что еще две недели назад это было место Толи Разумова.

Обычно на должность полкового комсорга подбирали молодого коммуниста из офицеров-политработников. Но вот комсоргом назначили строевого командира, скороспелого коммуниста. Власть развращает: я видел, как некоторые офицеры, попадая на более высокую должность, резко меняют стиль поведения, появлялись высокомерие, заносчивость, даже цинизм. Исчезала доброта, ради карьеры часто забывали товарищей, с которыми еще вчера ели из одного котелка, из одной кружки пили фронтовые сто грамм. И я старался следить за собой, не нарушать внутреннего кодекса порядочности. Я общался с людьми, старался вникнуть в их настроения, так как, будучи взводным и ротным, убедился, что боевой настрой людей во многом зависит от их состояния души. Поддержать человека, внимательно его выслушать – в этом я видел свою задачу комсорга.

Перед боем беседую с молодым солдатом, спрашиваю:

– Когда ты подашь заявление о вступлении в комсомол?

И слышу:

– Комсомольцем хочешь меня сделать, комсорг? Мечтаешь билет вручить? Мне жить-то осталось всего три часа – до атаки. Так что, товарищ лейтенант, ищи другого.

Долго не мог успокоиться.

Наш командующий говорит:

– Хотелось бы расцеловать каждого бойца, каждого командира, ведь они дерутся за троих, за пятерых!

А его за что целовать?! Каждый день кладет до десяти тысяч бойцов и командиров. Тут у меня с ним серьезные расхождения.

Позвонил в политчасть особист, попросил встретиться. Ничего хорошего от этих людей не жду. У нас состоялся разговор.

– Вы знаете, лейтенант, комсомольца Абрама Розенфельда?

– Слышал.

– Он оказался самострелом. В медсанбате его разоблачили, и солдат сознался. Есть рапорт командира роты. Мы собирались отправить дело в трибунал, но по политическим соображениям решили иначе. Комиссар Борисов посоветовал поговорить с вами. Вызовите его. Допытайтесь, собирается ли этот мерзавец воевать честно, и дайте нам знать.

Решил посоветоваться с Груздевым. Он, как всегда, занялся «спихотехникой»:

– Борисов посоветовал, так выполняй.

Вызвал Абрама в политчасть. Мы были одни. Прежде всего спросил: правда ли все, что пишут и говорят комроты, врачи, особисты? Он все подтвердил. Поклялся больше так не поступать, объяснил: «Сдали нервы». Я попросил его рассказать о себе, откуда он, как попал на фронт.

Еще в детстве у него обнаружился дар художника. В сороковом поступил в Архитектурный институт в Москве. В трудные дни под Москвой их комсорг предложил всей группой, кого еще не призвали в армию, пойти добровольцами на фронт. Через несколько недель их обмундировали и отправили на дальние подступы к Москве. Почти все погибли. Он и еще два студента попали в госпиталь, затем вновь на фронт.

– Я понимаю, на мне как на еврее лежит особая ответственность, я должен воевать не только за Родину и за себя, но и за свой народ, который уничтожает Гитлер.

– Правильно понимаешь, – подтвердил я. – Но ты отклонился. Ты знаешь, Абрам, что ждет тебя за самострел?

– Знаю. Пожалуйста, называйте меня Абраша, меня так все называют. Если разрешите, хотел бы поговорить откровенно, вы же меня позвали как комсомольца, я доверяю вам.

– Конечно.

– Я из Винницы, в этом городе было много евреев, и во всех семьях у нас соблюдали религиозные традиции и разговаривали на еврейском языке. На нем писал свои произведения Шолом-Алейхем – это классик еврейской литературы, которого высоко чтят в нашей стране и во всем мире. Может быть, вы слышали о нем?

– Нет, Абраша, к сожалению, не читал.

– Почитайте, не пожалеете. Я учился в еврейской школе, по субботам посещал синагогу. В Виннице и в Москве в этом меня никто не упрекал. На фронте, особенно на переднем крае, я, понятно, не могу соблюдать еврейские традиции. Но этот комроты, написавший рапорт, гадко оскорбил меня в присутствии моих товарищей да еще пообещал отдать под трибунал.

– За что?

– Я попросил его отпустить меня в субботу с дежурства на посту. Хотел помолиться за маму и папу. Он закричал на меня: «Значит, по субботам воевать не хочешь?! Ах ты...!» Сами понимаете, что он сказал. Избил. Я не заплакал, только сказал: «Чем вы, советский офицер, лучше фашистов?» Он рассердился, обещал со мной расправиться.

Я сказал:

– Комроты поступил с тобой непозволительно, оскорбил твои национальные чувства. Но ты, ты-то хорош! Сравнить офицера Красной Армии с гитлеровскими головорезами! Это кощунство!

И тут я потерял власть над собой. Вместо беседы – вдруг врезал Абраше, сбил с ног и выставил из блиндажа. Первый раз в жизни поднял руку на человека! Как мог я так потерять себя?! Так поступить с комсомольцем?! Мерзко! Какой я после этого вожак молодежи?!

Несколько дней я ходил сам не свой. То порывался сходить к Абраше на передовую – извиниться, ведь он и обо мне может подумать черт знает что. Думал, что можно сделать, как защитить комсомольца от командира роты – антисемита и недалекого человека. Но и этого я не сделал. Единственное, что смог сделать: добился его перевода в другой батальон.

Опять трудный разговор. Неожиданно подошел уже немолодой солдат с усталыми печальными глазами и одним духом выпалил целый каскад коротких фраз, в голосе надрывность и тревога, мучительная слезность:

– Я – ленинградец. Доцент Педагогического института имени Герцена. Автор многих известных книг и статей о нашем Буревестнике революции Горьком. Мне сорок четыре года. Я многое еще способен сделать и сделаю! Имею жену и двух детей. Они сейчас в блокадном городе. Умирают. Как все ленинградцы. Умирают от голода...

Я мягко заметил:

– Простите, в чем ваш вопрос?

За стеклами очков я видел слезы, он попросил:

– Пожалуйста, заберите меня с передовой! Я готов на любую должность! Даже обозника!

Что я мог ответить? А он продолжал:

– Господи, когда меня не станет, кто лучше, чем я, прочитает студентам «Старуху Изергиль»? Как вы думаете, может быть, написать письмо товарищу Сталину? Он поймет меня лучше, чем вы все.

– Неужели вы считаете, что у товарища Сталина нет других забот сегодня, когда идет тяжелая война?

Он усмехнулся:

– Позвольте вам рассказать одну старую притчу. Как-то старушка решила обратиться с просьбой к римскому императору. Стража не пустила ее; ей сказали, что властителю некогда с ней встречаться, выслушивать ее просьбы. Тогда старая женщина ответила: «Если у него нет времени встретиться со своей гражданкой, значит, он не может быть императором».

Я поблагодарил ленинградского доцента за прекрасную притчу, пожал ему руку и тепло сказал:

– Не падайте духом. Не поддавайтесь чувству обреченности. Мы еще встретимся с вами – после войны! Я хочу поступить в ваш институт – лучший педагогический институт страны! Непременно приду слушать ваши лекции!

Чем я только не занимался! Чего только не делал! Старался воодушевить словом и примером молодых солдат. Горестно собирал залитые кровью комсомольские билеты, пристально вглядываясь в лица бойцов на крохотных снимках. Проводил собрания и митинги. Организовывал прием в комсомол. Встречал пополнения. Общался с журналистами, стараясь, чтобы дивизионная газета рассказывала о воинах-комсомольцах. Ходил в разведку. В наступлении обычно находился в одном из передовых батальонов...

Особенно я гордился тем, что наладил переписку фронтовиков с людьми из многих городов и сел. Письма в полк стали приносить мешками. Это скрашивало трудную солдатскую жизнь. Возникла заочная дружба по переписке, а иногда вспыхивала и заочная любовь. Приходили в полк и такие послания: «Не знаю, кого найдет это письмо, но кто бы его ни получил, пусть знает. У меня было три сына. Все они погибли. Я хотела бы усыновить фронтовика и отдать ему всю оставшуюся в моем сердце материнскую любовь». Случались и авантюрные письма. Адресаты их, а чаще адресатки, желали что-нибудь выудить у нас, получить задаром. На одно из таких мелодраматических писем, красиво и хитро написанное, попался и я: обратился к властям и комсомольскому начальству города, где жила эта хитрая девчонка, чтобы ей помогли. Полученный ответ обескуражил, мне сообщили ряд фактов и посоветовали лучше разбираться в людях.

Самым важным для меня стало расширение кругозора. Я стал лучше понимать происходящее – в масштабах уже не роты, а полка и дивизии. Начал задаваться вопросами, на которые прежде у меня не хватало ни времени, ни сил, да и жизненного, как и боевого, опыта было маловато. Так что же для меня война? Я уже понял, что война для меня, как и для всех, это прежде всего – трагедия. Война – это не только героические подвиги и битвы, как я раньше себе представлял. Война – это еще и повседневное существование человека в невыносимых условиях. Это кровь, грязь, пот. Это жизнь в экстремальных обстоятельствах. Война стирала границы между добром и злом. Она обесценивала священный уникальный дар – человеческую жизнь.

Да, я был всегда на людях, вечно занят – и при этом меня постоянно мучили сомнения. Меня беспокоило мое особое положение – некая избранность. Новое назначение отодвинуло меня от смерти. Вспоминался Сабит Халиков, наша случайная встреча в медсанбате и его совет не рваться на передовую, а ведь он был, как я сейчас, полковым комсоргом. Может быть, я усвоил его уроки, стал другим, изменился?.. Вместе с тем известно множество примеров, когда солдаты, от рядовых до генералов, погибали не в бою – случайно, что называется – на ровном месте. Недавно я и сам оказался на волосок от смерти. С одним офицером мы возвращались с переднего края, и у нас

состоялась милая встреча с немцами – вечером, в молодом лесочке на ничейной территории. Метрах в ста от окопов мы вдруг отчетливо различили три фигуры в мышиных шинелях. Как лазутчики проникли через передний край, с какими целями? Они тоже заметили нас, выставили автоматы. Открой они огонь – скосили бы нас за секунды. Видимо, благоразумие взяло верх: группа стала поспешно отходить. Приняли меры, чтобы задержать их, но они исчезли так же необъяснимо, как появились.

Как бы то ни было, суди не суди, понятно: комсоргом полка шансов выжить у меня больше, чем у командира взвода или роты. Тут я подальше от немецкой пули, и, наверное, мне не придется идти в атаку или в разведку боем. Я свободнее распоряжаюсь собственным временем и своими поступками, и быт мой улучшился. О таком на войне можно только мечтать.

Последующие события изменили эти, пожалуй, наивные суждения.

Парторг Михалыч и агитатор Степаныч

Мои соседи по блиндажу – капитан Михаил Михайлович Гаврилов – парторг полка и майор Сергей Иванович Степанов – полковой агитатор. Все называли их «Михалычем» и «Степанычем». Вроде милые люди. Но одно – представить свою «витрину», и совсем другое – узнать человека изнутри, не по словам, а по поступкам. Прослужив с ними почти год, я стал лучше понимать этих людей и попытаюсь о них рассказать.

Гаврилов был из Иваново, старинного русского города. Вырос в семье потомственных текстильщиков. Закончил всего четыре класса, из пятого ушел, поступил учеником на фабрику. В четырнадцать лет вступил в комсомол. Скоро сообразил, что быть комсомольским активистом – занятие полезное. Через год шустрого комсомольца избрали секретарем фабричной первички. Здесь жизнь свела его с главным фабричным коммунистом. Старался во всем помогать ему: отвозил партвзносы, красил стены в парткоме, а заодно и в доме главного, ездил по его поручению к шефам, организовывал праздники, торжественные вечера. Подошло время, влюбился в молоденькую ткачиху-комсомолку. Поженились. За семь лет Катенька родила ему четырех отличных мальцов. Жить стало трудно. Помог главный партиец: устроил Гаврилова инспектором в райисполком, а именно в отдел народного питания – «нарпит». Работенка что надо!

Накануне войны Гаврилова призвали в армию. Определили в политсостав. Прошел трехмесячные курсы, изучил «Краткий курс истории ВКП(б)», его приняли в партию – «из рабочих». В сорок первом направили в Елец, где тогда формировалась 220-я дивизия. Учитывая довоенный хозяйственный опыт, поручили служить по интендантской части – заведующим продовольственным складом. Он исправно снабжал полки харчами, и его избрали парторгом тыла дивизии. Но долго не удержался, уж больно многие зарились на это доходное место. Под Ржевом Михалыч несколько изменился в весе – сменил должность снабженца на должность политработника, назначили его парторгом 673-го полка.

Постоянно общаясь с Гавриловым под Ржевом, Дубровно, Оршей, Смоленском, я сделал вывод, что на фронте этот парторг решал две основные задачи: любой ценой остаться в живых и быть верным интендантом своего семейства в Иваново.

Михалыч был совершенно безразличен к чужим бедам и никогда не искал повода вести солдат в бой «за Родину, за Сталина». В то же время был добросердечен к коммунистам и снисходителен к их прегрешениям, если они не выходили за рамки военных законов.

Сам парторг, надо сказать, был далеко не безгрешен. Не пропускал дня, чтоб не выпить положенные сто граммов – свои и непьющего агитатора, а, если случалось, мог употребить и побольше, не брезговал. Приметил ивановский мужик крепко слаженную деревенскую прачку Серафиму – грудастую, в теле девицу – и захаживал к ней куда чаще, чем на передовую. Как-то он поднял меня аж в пять утра:

– Пойдем со мной, комсомолец.

Вышли на лесную поляну, усадил он меня на пенек и говорит:

– Видишь третий блиндаж в левом ряду? Как задымит труба, уходи. А пока сиди и гляди, чтоб никакая партийная и беспартийная сволочь не усекла меня. Понял?

Да что же это – опять «партийное задание», только герои новые?! Вот так парторг!

А с некоторых пор я стал примечать одно странное обстоятельство. Как мог – а мог Михалыч

многое! – он старался уберечь меня от немецкой пули: всеми силами удерживал от переднего края и участия в боях, где бы они ни происходили, для чего заваливал меня всяческими заданиями, часто ташил с собой на партийные собрания, митинги, проверки. Я стал уклоняться. Зачем он так поступает – воспитывает во мне идейность? Вряд ли, никогда она не ночевала в его душе. Я терялся в догадках. Оказалось, берег он меня ради себя – ради своих тайных личных интересов. Но узнал я об этом только после войны, когда, уже дома, прочел его письма. По секрету от меня он писал моей матери, плакался о своих четырех мальчиках, называл себя моим «лучшим другом», «фронтовым отцом». Мой «фронтвой отец» так разжалобил добрую маму, что она стала посылать посылки в Иваново, часто отказывая во многом себе и отцу.

Груздев ценил Михалыча, комиссар знал: хитрый ивановец всегда себе на уме, обойдет кого хочешь и в любых обстоятельствах, а потому поручил парторгу полка ответственный участок: тыл. И всегда чувствовал себя спокойно: батальоны вовремя получали тушенку, хлеб, курево, оружие, боеприпасы.

Однажды в наших отношениях с Михалычем образовалась трещина. Да какая! Я думал, что после состоявшегося между нами резкого разговора Михалыч отвернется от меня. Не отвернулся. А произошло вот что.

С сентября 1941 года вся страна посылала на фронт целые эшелоны подарков. Отцы, матери, жены фронтовиков слали нам все, что могли, часто последнее. Посылали одеяла, белье, теплые вязаные носки и варежки (бойцы часто использовали теплые носки как варежки), кисеты, мыло, конфеты, печенье, пряники, писчую бумагу, конверты, карандаши, сухофрукты, вино (с юга), дешевый одеколон – всего не перечислишь. Шли подарки с заводов, из колхозов, школ, даже из детских садов. Эти подарки, заботливо уложенные в картонные коробки, фанерные ящики, вложенные в них письма и фотографии доставляли безмерную радость на передовой.

К сожалению, путь подарков к передовой оказался в грязных руках. До переднего края не доходило и половины! Михалыч круто взял «подарочное дело» под партийное око, заслужив похвалы комполка Разумовского и комиссара Груздева.

Но, как всегда, Михалыч не забывал и о себе. Всякий раз, когда в полк доставляли подарки, он поспешно бросал все дела и широкими шагами направлялся в тыл. Утихомиривал интендантов и штабистов, представителей батальонов, споривших за каждый пакет и затевавших дискуссию – что входит в понятие «передний край». Однажды Михалыч принес в политчасть три одеяла и сумел убедить нас принять их.

Подарочная эпопея продолжалась – и Михалыч аккуратно притаскивал в политчасть туго набитый вещмешок с вещичками, складывая несправедливо обретенное под своей койкой.

Как легко обмануть себя! Я видел происходящее, но старался не вмешиваться. И наступил момент, когда я не выдержал, решил посоветоваться, как поступить, со Степанычем. Майор отмахнулся от меня, как от мухи. Тогда, полагаясь на дружбу, я напрямую высказал Михалычу все, что думаю о вещмешках из тыла.

– Извини, Михалыч, – сказал я, – но что же ты делаешь? Забираешь материнские подарки на фронт, переправляешь в Иваново. За такое фронтовики тебе спасибо не скажут, ведь у многих, как у тебя, дома жены и дети.

Говорят, «мала муха, а большую лошадь укусить может». Побагровев, Гаврилов грубо ответил:

– А кто побеспокоится о моих мальчиках?! Местной власти на них наплевать. Тебе-то что! Твоя матушка – в Москве! В тепле и без забот!

– Ну, это уж слишком. Обижайся не обижайся – дело твое, но я тебе свою позицию высказал. Ты не только отец, ты – парторг полка, говоришь с людьми, произносишь патриотические слова! Глядя на тебя, и другие мародерствуют! Заметил, как тыловики запахли одеколоном?

– Легче на поворотах, комсомолец, каши еще мало съел! И вот тебе совет: яйца курицу не учат.

Я замолчал, лег лицом в подушку. И жалко его было, ведь семья; и все восставало во мне: солдаты так ждут подарков, писем, тот же дешевый одеколон, а им преподносят обглоданную кильку, золотая рыбка уплывает в чужие моря!

Степаныч был полной противоположностью Михалыча – можно сказать, из простейших млекопитающих. Разобраться в нем было нетрудно, потому называли его кто «добряком в расколе», кто «медным лбом».

Выглядел Степаныч скверно – одутловатое лицо, тяжелые мешки под глазами – видно, внутри

поедала его какая-то хвороба. Постоянно пил чай – по десять и больше стаканов в день. Весь он был словно закован в медный панцирь. Чаще молчал. С места – танком не сдвинешь. Волосы спадали на густо изборожденный морщинами лоб. Глаза скрывались за очками с толстыми стеклами, дужки их были аккуратно привязаны веревочками – страшился Степаныч потерять очки, всегда осторожен был с ними, берег. На фронте потеря очков – беда; рассказывали, что солдаты из похоронных команд и санитары нередко подбирали на поле боя очки, меняли на табак и водку.

Свой день Степаныч распределял на две половины. С утра до обеда был углублен в прессу, аккуратным почерком выписывал на отдельные листочки интересные заметки, факты, цифры. Во второй половине дня грыз гранит науки под названием «В.И. Ленин о пропаганде и агитации», ежедневно прочитывая и конспектируя порцию текста. Эту толстенную книгу он повсюду таскал в вещмешке, никому не доверяя свою драгоценность.

Как-то я спросил его: «Какая разница между пропагандой и агитацией?» Он засыпал меня ленинскими цитатами, пространно и долго излагая то, что без труда можно объяснить за минуту. Видимо, он испытывал огромное удовлетворение от самого процесса словоизвержения. За нудность своих речей он и получил прозвище «медный лоб».

Любил Степаныч петь известную песню «Кони сытые бьют копытами! Встретим мы по-сталински врага!..» – при этом ловко, в такт притопывая под столом ногами. Однажды я спросил, чем так полюбилась ему эта песня?

– Я же был кавалеристом! – гордо ответил Степаныч.

Попал он в армию в 1938 году – по партийной директиве о направлении на политработу в армию 4500 учителей-коммунистов. Бойцовские качества, с которыми пришел в армию, Степаныч потерял, кое-как пережив сорок первый год. Больше до конца войны с винтовкой в руках никто его не видел.

Таковыми на деле оказались капитан Михалыч и майор Степаныч.

Ежедневно сталкиваясь с подобными людьми, я чувствовал, как все больше тупею и закисаю, возникала душевная пустота. Глядя, как даже во фронтовых условиях такие люди исхитряются устроить себе курортную жизнь, я думал: эти уж точно выживут, а после войны уйдут из армии, начнут вольную жизнь с рыбалкой или охотой и, встретившись за рюмкой или чашкой чая, станут с пафосом вспоминать битвы, где «вместе сражались они», и, конечно же, требовать почитания своих заслуг ветеранов-фронтовиков.

Как отличалась наша жизнь от жизни на переднем крае! Там руку к козырьку не тянут, и солдату особо не прикажешь, если сам в опасный момент оплошал, не сумел доказать собственной смелости и бесстрашия. Меня постоянно тянуло на передний край, к людям, с которыми я начинал боевой путь. Да, там было тяжелее и опаснее, но там я ощущал себя частью взаправдашней, реальной жизни, и жизнь эта, как ни парадоксально, была радостнее, чем моя нынешняя. Тревожило, лишая равновесия, многое. Но прежде всего – вопросы к самому себе. Может быть, что-то уже изменилось во мне?

Займу ли я когда-нибудь независимую позицию? Послать бы их всех к черту!! Да уж... вот только рак на горе свистнет или шука запоем.

Полковник Разумовский

Прошел месяц. Все реже я бывал на переднем крае, придавила бесконечная словесная и бумажная суеда. Совещания, собрания, встречи с пополнением, задания комиссара и парторга или вдруг семинар – дивизионный, армейский. Самым приятным событием за этот месяц стало знакомство с новыми товарищами, комсоргами батальонов Ваней Скоропудом и Борисом Флегбоймом. Привязался я и к маленькому толстячку с розовыми щечками – ну прямо Колобок! – сержанту Васе Рагулину. Через полтора года он заменит меня, станет комсоргом 673-го полка.

Звонок Груздева:

– Вечером – к командиру полка.

– Слушаюсь!

В назначенный час я предстал перед Максимом Петровичем Разумовским. Полковник предложил сесть и сказал:

– Уже месяц, как вы служите комсоргом полка. Передний край знаете, побывали во многих

батальонах, в батареях, познакомились с тылом. Я бы хотел услышать ваше мнение о подразделениях, которые вы посетили.

– Впечатление хорошее, – ответил я.

– Заметили какие-то недочеты?

– Так точно, заметил.

– Слушаю вас.

– Прежде всего о пополнении. С каждым разом оно все хуже. Почти половина из вновь прибывших – новобранцы, они мало что умеют, скверно одеты и обуты, прибывают голодными. Пока мы в обороне, их желательнее подольше держать в учебном батальоне. Редко бывают на переднем крае политработники и полковое начальство, не говоря об интендантах. Не налажена работа почты. Но это не главное.

– Говорите.

– Первое. Нет обещанных автоматов, даже рота автоматчиков до сих пор с карабинами. Второе. На переднем крае, товарищ полковник, недостаточно заботятся о бойцах. Солдаты в окопах плохо одеты, замерзают. Шинели выношенные, часто порваны, у многих – с обгоревшими у костров лапами. Обувь прохудившаяся, даже обмотки полугнилые. Американские ботинки достались единицам. Недочеты и в питании. Все еще нерегулярно доставляется горячая пища, и хорошо бы дополнительно привозить горячий чай. Группам, снятым с передовой на отдых, желательнее организовать помывку в бане хотя бы два раза в неделю.

– Что ж, согласен с вами и рад, что строевой командир стал комсоргом полка. Обо всем этом надо вместе подумать и принять меры. Поговорим теперь о вашей работе. Вы знаете о блестящей победе в Сталинграде, разгромлена трехсоттысячная армия противника. Мы обязаны рассказать об этой победе и своим солдатам, и немцам – от немецких солдат многое скрывают. Теперь ваша козырная карта – Сталинград. Разъясните красноармейцам, что и мы, воюя под Ржевом, внесли свою лепту и немалые жертвы ради этой победы – это поднимет дух бойцов и усилит веру в успешность наших действий. Лейтенант, я – старый вояка и уверен: вот увидите, скоро возьмем и Ржев.

– Товарищ полковник, – попросил я, – уделите мне еще несколько минут. Молодые солдаты и офицеры хотят больше знать о полковом командире, – пожалуйста, расскажите о себе.

– Понимаю вас. Постараюсь, – сказал полковник. – Во время Первой мировой я закончил Александровское военное училище. Выпущен прапорщиком. В конце войны стал поручиком, командовал батальоном. После Октября перешел на сторону большевиков. Воевал в Гражданскую. После ранения и госпиталя послали в Туркестан – три года боролся с басмачами. Служил на Севере, участвовал в Финской кампании. В сорок первом защищал Москву. Служил в 16-й армии Рокоссовского, что считаю за честь для себя. Был тяжело ранен. После госпиталя направили в 220-ю дивизию. За битву под Москвой награжден орденом Красного Знамени. Вот, вкратце, и все. Не знаю, удовлетворит ли вас сказанное.

– Вполне, товарищ полковник. Большое спасибо.

На этом мы расстались.

В политчасти Михалыч, выслушав мой рассказ, дополнил биографию комполка. После Гражданской войны Разумовского как старого спеца понизили в должности и для проверки послали воевать с басмачами. В 1938-м репрессировали. Через два года выпустили и направили на Север.

Разговор меня вдохновил: этот военачальник, скорее всего, не ограничится словами, не зря он что-то записывал в блокнот. Невольно я сравнивал комполка и его комиссара. Скромный сельский учитель, как быстро Груздев вошел в новую роль и переменился. Парторга не интересовало, что думают о нем командиры, тем более бойцы, – он сам есть высшая политическая власть и совесть полка. Убеждать его в чем-то было бесполезно, и я никогда бы не стал говорить с ним так откровенно, как с Разумовским.

Глава тринадцатая Операция «Охота» Февраль 1943 года

«На вас вся надежда!»

В начале февраля произошло событие, взволновавшее не только полк, но и дивизию. Полковник Разумовский получил приказ: срочно, за неделю, любой ценой добыть «языка»-офицера. Требовалось выяснить точные данные о противнике на другом берегу, его боевые возможности и ближайшие планы.

Полковые разведчики каждую, ночь выходили на задание, но добраться до траншей немцев, как ни старались, не удавалось. То же происходило в других полках дивизии. Комдив генерал Поплавский считал, что это неспроста: видимо, противник делает все возможное, чтобы сохранить свой предстоящий отход в тайне, максимально оторваться от «Советов» и успеть закрепиться на новых позициях. У комдива родилась идея: расширить сеть поимки «языка» на все полки, привлечь к разведке храбрецов-офицеров. Он сам объезжал полки и встречался с добровольцами. В нашем полку комдиву представили восьмерых офицеров, отобранных Разумовским и Груздевым. Я оказался в великолепной восьмерке, скорее всего меня включили как комсорга. Генерал не стал терять времени на пламенные призывы, обратился к нам с конкретным предложением.

– Ребята, – сказал он просто, – нужен «язык». Помогите! Надо притащить немецкого офицера. Кто это сделает, будет представлен к правительственной награде. Кроме того, захотите бабу – получите. Пожелаете отпуск к матери – дадим. Водки получите сколько захотите. На вас вся надежда! «Язык» необходим позарез и срочно. Отберите себе добровольцев и действуйте. Штаб полка и политчасть вам помогут. Вопросы есть?

Вопросов не было. Практика в подобных ситуациях давно сложилась: добыли «языка» – награждение, как правило медалями; возвратились без «языка», но с какими-либо документами – награды не жди.

Кто в двадцать лет не мечтает выполнить долг перед Родиной?! Прославиться! Глядя на украшенный орденами френч генерала, и мы грезили славой. В то время ордена и медали ценились очень высоко – были в чести.

Вернувшись с войны, мы с гордостью носили на военных гимнастерках без погон, на гражданских пиджаках боевые награды. Благодаря им мы пользовались известными льготами, установленными еще в довоенный период. Например, получали небольшую сумму денег на табачок, имели право на бесплатный проезд – раз в год в любой конец страны, туда и обратно по железной дороге или на водном транспорте; полагалась сниженная плата за квартиру и пр. Для нас, фронтовиков, все это было важно.

И вдруг после войны правительство, якобы по нашей просьбе, лишило нас всех льгот. Мы понимали: страна находится в тяжелом положении, надо скорее восстанавливать города, заводы, больницы, школы, библиотеки, – все разрушено, сожжено, изгажено, а средств у государства не так много. Но тут возникали два моральных фактора. Во-первых, мы ни о чем никого не просили! Если бы государство честно обратилось к нам: мол, вас, фронтовиков, много (нас тогда еще не называли «ветеранами»), извините, не хватает средств, поэтому поддержите государство, добровольно откажитесь на какое-то время от всех льгот. Не сомневаюсь, все согласились бы. Но так обращаться с нами, как поступила власть, – бесчестно!

Во-вторых, между государством и его гражданами необходимы честные, на основе закона, отношения. Какая простая истина! Хотя в послевоенное время мы еще не понимали этих «тонкостей». Но почувствовали. Во время войны нас призывали на подвиг от имени Родины, Сталина. Мы шли вперед, не жалея жизней, шли вперед ради спасения Отечества. От имени Отечества нам вручали награды, кому – посмертно, кому – живому. Но вот закончилась война, и мы стали не нужны своему Отечеству... Вот почему – в знак протеста! – ежегодно 9 Мая, в День Победы, я надеваю лишь одну дорогую для меня солдатскую медаль «За отвагу», полученную под Ржевом.

Еще один момент, который оказался для многих из фронтовиков неожиданным и психологически сложным. Придя с войны, мы ожидали увидеть обновленное общество, более

свободное, демократичное. Мы – победители! То, что нас ждало в городах и особенно в деревнях, многих повергло в шок. Но это уже другая тема...

Мы рвемся на «охоту»

Обращение генерала пришлось всем по душе, офицеры шутили:

– Орден – хорошо! Но хорошая баба – не хуже!

– А уж куда лучше – и медаль, и бабу!

Я смотрел на генерала Поплавского, слушал, и все больше он привлекал меня. Не только своей спокойной, дружеской манерой общения, четкой речью, но и внешним видом. Ладно сложенный, с задорным носом на открытом лице, руки – кузнеца-молотобойца. Слова его звучали искренне, честно, и каждый из нас понимал значение того, о чем говорил генерал, для будущих успешных действий дивизии, даже армии.

Нельзя не сказать и еще об одном обстоятельстве. Мы не были разведчиками-профессионалами, поэтому просьба генерала вызвала в наших сердцах особый азарт. Мы были молоды, крепки и в той поре жизни, когда казалось, что все по плечу. Наконец, мы имели фронтовой опыт, а значит, не осраимся, – в этом никто не сомневался.

Ко всему, нам хотелось помериться силами с противником, переиграть его в поединке. Понимал ли кто-нибудь из нас всю опасность этого поединка, думал ли о смерти? И да и нет. Все знали: с немцами шутить нельзя. А в сложившейся ситуации – просто заказано! Действительно, в последние недели противник словно закрыл свой передний край на замок – не подберешься! Справиться с эти кордоном оказалось не по силам даже дивизионным и полковым разведчикам. Но был кураж: а мы сможем!!

Я сразу предложил Разумовскому идею: выдать себя и нескольких солдат за перебежчиков, подобраться к переднему краю с ножами, пистолетами и гранатами – а там уж как выйдет. Он отверг мой план. «Охоту», так называли операцию, начали в ту же ночь. Я отобрал пятерку молодых бойцов-добровольцев, сумел зарядить каждого своей уверенностью и желанием добиться успеха, рассказал об обещаниях комдива; они тоже высказали свое сокровенное желание: побывать хоть ненадолго дома – всегдашняя мечта солдата! Она, эта мечта, и стала моим главным козырем.

Полдня мы обсуждали, советовались, искали лучший вариант действий, все понимали: малейшая оплошность – получишь пулю в лоб. Ночью удачно выбрались на противоположный берег. Но добраться до траншей противника мы так и не смогли. Всю ночь немцы запускали осветительные ракеты, иногда на парашютиках – эти зависали надолго, а в короткие перерывы между запусками, когда темнота ненадолго скрывала нас, удавалось продвинуться всего на несколько метров – и опять ракета освещала нейтралку, мы замирали, сливаясь в своих маскахалатах со снегом, и ждали, ждали... Шли часы, наша вылазка затянулась, продолжалась уже недопустимо долго – такими темпами нам и до утра не добраться, и я дал отбой – понял, что бесполезно, нужно придумывать что-то другое.

На следующий день только собрался пойти посоветоваться к разведчикам и штабистам, как операцию отменили. Оказалось, той ночью, когда мы потерпели неудачу, полковые разведчики наконец захватили «языка» – обер-фельдфебеля Вилли Бранта из Кельна. Удача! Новость моментально облетела весь полк.

Подробности захвата рассказали разведчики. Немец, крепыш и толстяк, отчаянно сопротивлялся – пришлось с ним разделаться, но командир взвода разведки лейтенант Шевченко с двумя сержантами притащили «амулет», пистолет и солдатскую книжку. Удалось установить, какая часть стоит перед нами. Конечно, это было не все, чего ждал комдив, но все же – первый удачный шаг. Молодцы ребята! Оба сержанта – комсомольцы.

Решил с ними встретиться, хотелось подробнее узнать, как все происходило.

Несколько дней разведчики ходили в героях. Генерал Поплавский сдержал обещание. Лейтенант Шевченко уехал к жене и детям куда-то в Рязанскую область...

Банальная ситуация с комсоргом

Уже несколько недель в штабах шли разговоры об отходе противника с занимаемых рубежей, то же сообщал солдатский телеграф. Постепенно мы все уверовали, что на переднем крае силы у немцев остались небольшие, и командование сочло, что необходима разведка боем.

С рассветом на наблюдательном пункте собрались комполка Разумовский, комиссар Груздев, два корректировщика из артдивизиона, штабисты и я. Зачем комиссар привел меня с собой? Было не по себе. Бойцов мы не видели, но знали, что рота уже изготовилась к атаке.

И вот приказ отдан:

– Атаковать!

Ракета! В предрассветных сумерках, без всякой артподготовки, рота совершила бросок – форсировала Волгу и, взобравшись на противоположный берег, устремилась в атаку. Поначалу немцы растерялись от неожиданного, перед самым носом, появления русских, но быстро опомнились и открыли бешеный огонь из всех видов оружия. Полковая артиллерия тут же ответила, стараясь прикрыть наступающих и постепенно перенося огонь на позиции врага. Но рота уже залегла. Так бывало и раньше: захватывали плацдарм на правом берегу, а потом немцы сбрасывали атакующих в реку. До траншей противника оставалось меньше ста метров, но солдаты в маскхалатах, с карабинами и автоматами лежали на снегу, воздух над их головами пронизывали вой снарядов и свист пуль – какая сила поднимет их с земли?! Полковник Разумовский не отрывал глаз от бинокля, нервничал, и я его понимал: не поднимутся, не двинутся вперед вслед за огненным валом – всех разорвет в клочья минометным огнем противника, а он вот-вот начнется. Долго так продолжаться не могло, нужно было поднять людей во что бы то ни стало. Не успел об этом подумать, как Груздев обратился к Разумовскому:

– Максим Петрович, роту поднимет комсорг полка. Он строевой командир – не сомневаюсь, сумеет справиться.

Полковник Разумовский, поколебавшись, приказал:

– Действуйте, лейтенант. Нужно поднять роту, атаковать! Вас поддержит артиллерия. Если сочтете необходимым, пошлю еще людей. Выполняйте!

– Слушаюсь!

Я бросился к выходу из блиндажа. Думал, Груздев что-то скажет мне напоследок, пожелает удачи. Ничего! Ни слова!

Траншеями быстро двинулся к месту, откуда легче и безопаснее спуститься на лед, только бы добраться... В такие минуты, когда жизнь висит на волоске, начинает казаться, что вся она в прошлом, когда ты – дурак! дурак! – был слишком невнимательным учеником. Мысли скачут галопом. Халиков говорил: «Банальная ситуация с комсоргом...» Это про меня! В том, что я должен сделать, есть что-то абсурдное – пока доберусь, меня тысячу раз прихлопнут! Заткнись! Приказ не обсуждают – приказ выполняют! Но душе хочется во что-то верить, мое задание – хорошее; возможно, я смогу спасти людей, но оно и скверное – вряд ли я доберусь до роты. Но надо действовать! Тороплюсь, вот-вот спуск... Что это?! Неожиданное препятствие! Впереди в траншее торчат две солдатские шинели, перегораживая мне дорогу: парочке страшно проскочить маленький кусочек, простреливаемый снайпером с фабричной трубы на противоположном берегу. Как поступить? А вот я вас! Схватив солидную ледяшку, бросаю в нижнюю часть спины находящегося передо мной бойца. Он вскакивает, как ужаленный, и бросается вперед, вынудив то же сделать товарища впереди. Они благополучно проскакивают опасное пространство. Я кидаюсь следом, и в этот момент снайпер успевает всадить мне в левую руку разрывную пулю. Часть рукава кожуха отлетела как пушинка. Под кожухом ватник, осколки пули застряли в нем, обожгли, зацепили руку, потекла кровь. Вбегаю в ближайший блиндаж. Перевязываем рану. Оказалось, я попал в блиндаж комроты. Звоню на компункт, докладываю о ранении:

– Если комполка считает необходимым, все-таки попробую добраться до противоположного берега.

Разумовский чуть медлите ответом и, видно, решает послать другого офицера; отчетливо слышу, как он говорит Груздеву:

– Хватит одного убитого комсорга в разведке боем.

Пронзает мысль: вот истинная разгадка гибели Толи!

Вместо меня послали штабиста. Немецкий снайпер за смерть уложил его в снег. Комроты сам поднял солдат, и они ворвались в траншею противника. Там завязалась рукопашная, всегда жестокая драка – кто кого...

Захваченные военнопленные подтвердили, что части скоро отойдут. Разведка боем была успешной. Но остался осадок. Как часто бывает на войне, какая-нибудь досадная неувязка, неожиданная накладка – и потери оказываются несоразмерны задаче. Да, артиллеристы уложили много немцев... но и своих! Спрашивается, куда смотрели их корректировщики на наблюдательном пункте?..

На следующее утро я побывал в медсанбате. Рану привели в порядок. Теперь рука у меня подвешена на перевязи – сказали, на две недели. Я решил не расставаться с полком.

Чепэ

Полк упорно готовился к наступлению на Ржев. Артиллеристы удачно расправились с фабричной трубой на вражеском берегу, и мы наконец избавились от немецкого снайпера, который доставлял нам много хлопот.

Скандал разразился на следующий день после возвращения Шевченко из отпуска. На компункт приехал взбешенный комдив Поплавский с офицерами-особистами. Никто не понимал, что случилось. В штабном блиндаже комполка собрали командование и политчасть. Генерал потребовал немедленно доставить главного полкового разведчика. Шевченко тут же привели, ничего не объяснив. Он, почуяв, что пахло жареным, все же держал себя уверенно. Пока не наткнулся на свирепый взгляд генерала.

И тут произошла дикая сцена. Поплавский задал командиру взвода разведки всего один вопрос: – Ты кто – советский офицер или дерьмо?!

Шевченко смертельно побледнел и весь сжался.

Хотел что-то сказать, видно, в свою защиту, но комдив уже надвинулся на него. Тяжелая рука генерала рывком сорвала с плеч погоны и обрушилась на верхнюю челюсть теперь уже бывшего офицера. Выплюнув с кровью зубы, он полетел на пол и заревел, как тяжелораненый зверь. Но это был не рев боли, не крик протеста – скорее мольба.

– Встать, сволочь! – скомандовал генерал.

Шевченко с трудом поднялся и тут же получил удар в нижнюю челюсть. Оцепенев, мы стояли вдоль стен блиндажа, не понимая, что же произошло, в чем обвиняют разведчика? Он же ползал, как червяк, по полу блиндажа вокруг генерала, механически повторяя одно:

– Простите, простите...

От отчаяния, боли, ужаса он не решался встать на ноги, страшась вновь получить генеральский удар. Червяком добрался до генеральских сапог, попытался обнять их. Поплавский брезгливо поморщился. Последовал новый удар, сапогом в лицо. Отлетел червячок в угол и сжался в комок. Оглушенный, растерянный, он уже мало что соображал, его била дрожь, он мог только скулить. Господи, сколько же может продолжаться эта кровавая расправа?! На кого она рассчитана? Я не малокровная девица, в валерьянке не нуждаюсь, но было не по себе. В этот момент в мертвой тишине громко, как приговор, прозвучал голос генерала:

– Человек без характера – не человек, а ничтожество! Этот мерзавец совершил преступление. Будем его судить. Он замарал офицерскую честь. Извините меня, я спешу. Прошу командира полка проводить меня до машины. Вам все доложит командир дивизионной разведки.

Особисты ухватили Шевченко за руки, вытащили еле живого, окровавленного из блиндажа и увели прочь.

Капитан Мищенко был краток:

– Генерал почему-то поверил вашим разведчикам. Доложил в армию, оттуда рапорт пошел во фронт. Там всегда перепроверяют данные, у фронта своя агентура в тылу противника. Так вот, стало известно, что немецкая часть, якобы стоящая перед нами, в настоящее время находится во Франции. Никакого обер-фельдфебеля ваш Шевченко и в глаза не видел. Все якобы захваченные «игрушки» вытаснены его разведчиками из полкового обоза, в котором тайно хранились после летнего наступления. Взвод вашей полковой разведки по приказу комдива возглавит новый командир. Вопросы есть?

Все молчали.

Через два дня на командном пункте полка собрали офицеров. Нас всех построили в каре. Особисты привели Шевченко и поставили в двадцати шагах перед строем. Председатель военного трибунала дивизии, подполковник, прочел приговор. Комполка вызвал из строя офицера, штабиста-майора, и, вручив ему автомат, приказал:

– Исполняйте!

Приговоренный к расстрелу в отчаянии упал на снег и, стоя на коленях, весь опухший, почти беззубый, шамкая, со слезами выкрикивал несвязные слова, до последнего надеясь на милость:

– Не убивайте... искуплю кровью... Ради детей... Не убивайте!..

Вдруг вспомнил: у Шевченко было обручальное кольцо, точно помню, я видел его в тот вечер, когда генерал расправлялся с мошенником. Теперь его не было на пальце.

Прозвучала автоматная очередь. То ли руки у штабиста дрожали, то ли он поступил так намеренно?.. Приговоренный был еще жив. Он уже ничего не видел, не понимал, что с ним происходит, подняться не смог, пополз, что-то бормоча беззубым ртом, весь в крови, пытаясь добраться до стоящих в строю офицеров: дали бы волю, он всем сапоги облизал. Но воли такой ему не дали. Быстрыми шагами подошел комполка и выпустил из пистолета несколько пуль. На окровавленном снегу замерло скорченное бездыханное тело.

Впервые я присутствовал при публичной казни – да еще однополчанина, боевого товарища-офицера, но жалости к Шевченко я не испытывал, как, вероятно, и остальные; всех занимал один вопрос: зачем комвзвода так поступил, неужели не понимал, что рано или поздно его разоблачат? Втянул в авантюру, погубил двух молодых ребят. Посчитал себя хитрее, умнее остальных. Безумец!

Сразу после происшествия меня вызвал к себе Груздев. Не предложил сесть, старался не глядеть в мою сторону; мы оба молчали, словно пришли с похорон.

– Твой первый серьезный прокол. В том, что произошло, есть и твоя вина, оба сержанта-мерзавца – комсомольцы. Ты хоть знаком с ними?

– Да. Я забрал у них комсомольские билеты.

– Их судьба уже решена: обоих осудили и отправили в штрафную роту. Не хватает тебе проницательности, старший лейтенант, на политической работе это важно, ты должен...

Я молчал, слушал комиссара, он говорил со мной на особистском языке, фактически требуя превратить каждого комсомольца в доносчика. В эти минуты я возненавидел комиссара. Но что я мог? Развернуться и покинуть блиндаж? Тяжело вздохнув, сжав кулаки, я ответил:

– Учту ваши замечания.

В политчасти ни Степаныч, ни Михалыч о разговоре с Груздевым не спросили; один, как всегда, попивал чаек, углубившись в чтение, другой, сидя на койке, чистил мундштук. Ну и ладно. Я сбросил сапоги, ремень и улегся. Сколько всего навалилось за какие-то несколько дней! Дикая расправа комдива с Шевченко. Ужасное расстрельное действо – не дай бог такое увидеть и пережить! Теперь еще комиссар... Мысли не отпускали. Зачем мой сверстник – офицер, с двумя наградами, разведчик – элита армии, так поступил? По глупости, молодости? Возможно, как я узнал, все слишком легко ему давалось в жизни? Никаких препятствий ни в детстве, ни в школьные годы. Закончил военное училище, с ориентацией на разведку, – сразу доверили взвод полковой разведки. Вольный казак! Пару раз повезло – взял «языка». Стоп! Стараюсь припомнить: вроде бы всякий раз он недотаскивал «добычу» с чужой территории. Вот как! Неужели никто не обратил на это внимания? Значит, обман уже какое-то время длился, и он подумал, что и на этот раз облапошит начальство.

– На следствии сержант из разведвзвода показал, что в одну из операций они забрели в болото, где пролежали более суток: «Среди нас был тяжелораненый. По приказу командира мы его оставили, обещав прислать санитаров. Но не прислали». Странно это: Шевченко не берег своих солдат. Не свойственно такое настоящему разведчику. Для любого в разведке это святое, а уж для командира!.. Даже погибшего, не говоря о раненом, разведчики обязаны вынести к своим.

В разведке человек может быстро отличиться. Это особенно привлекало людей с судимостью, а их у нас хватало. Отличился – сразу на тебя подают бумагу о снятии судимости. Шевченко не хотел брать «меченых», как говорили о солдатах с подмоченным прошлым. Почему?

Как могли поставить командовать взводом разведки, а это опора полка, такого человека –

неумного, с молодцеватым нахрапом, с невыразительным лицом, хитрыми глазами, лишенного логики, но с апломбом? Как такой ядовитый гриб мог стать разведчиком? Зато – крепыш, сильные руки и бегаёт быстрее зайца, зубы острые, стальные, перережут любую проволоку, ко всему – храбрец, лишенный страха. Может быть, эти психологические и физические качества перевесили остальное? Определенно, у кого-то случилось затмение ума, у того, кто жил сегодняшним днем, спешил во всем, мало задумывался о человеке – каков он?..

Из записок комсорга Толи Разумова

Вечером, сидя в блиндаже политчасти, мы пили чай и обсуждали последние события. Я долго не спрашивал о подробностях гибели Толи, ждал, что Степаныч или Михалыч сами расскажут. Но они молчали. Вероятно, берегут мои нервы, думал я. В тот вечер я спросил. Степаныч, видимо, заранее приготовил ответ:

– Разумов погиб во время случайного артобстрела. Под твоей койкой лежит его походный чемоданчик – открой, погляди.

Я достал из-под койки старенький чемоданчик. В нем оказалось несколько пакетов, перевязанных тесемками. В одном были письма из дома (со временем я отправил их Толиной матери). В другом находились мелко исписанные карандашом тетрадные листки – наброски мыслей, раздумья, короткие записи о встречах с людьми. В тонком зеленом пакете, лежавшем на дне чемодана, оказалось семь мелко исписанных листков. Я углубился в чтение. Прочитав эти странички, я подумал, что когда-нибудь обязательно постараюсь опубликовать их как память о погибшем комсорге Толе Разумове. Что и выполняю.

7000 шагов в бессмертие

История эта произошла под Новый, 1942 год в осажденном Ленинграде. О ней мало кто знает. Все же по отдельным крупницам, ставшим известными, постараюсь ее реконструировать, не отрываясь от правды времени...

Жесткий морозный день, раннее хмурое небо не обещало ничего хорошего. Пятеро далеко не молодых мужчин, одетых во что попало, лишь бы помогало согреться, собрались на Сенной площади, в большинстве они жили поблизости. Трамваи давно не ходили.

Один, помоложе и покрепче, притащил с собой сани. Бережно уложил на них тощенькие холщовые мешочки, в каждом лежала дневная пайка хлеба – 125 грамм, лепешки из жмыха и несколько тонких кусочков кожи, срезанных с брючного ремня (ленинградцы давно уже подпоясывались веревочками) – пососешь кожу и ненадолго притупится острота голода.

Старший подал знак. Двинулись в путь. Куда? Зачем? Об этом их никто не спрашивал, а они речей не произносили. Шли медленно, бережно поддерживая друг друга. Впереди шел старший, опираясь на палку – одну на всех пятерых. Его лицо, как и остальных, было скрыто под шерстяным шлемом.

Вот и Сенной рынок. Еще совсем недавно все здесь шумело человеческими голосами, воркованием птиц, гремели трамваи, воздух пьянил запахами – цветов, меда, горячего хлеба, соленых огурцов. Все исчезло. Смолкли человеческие и птичьи голоса, прилавки похоронены под грязным слежавшимся снегом, настежь открыты двери павильонов.

Дома, запущенные, покрытые копотью, встречали их полутемными окнами, за которыми исчезли даже тени какой-либо жизни... В этом доме жила Сонечка Мармеладова, рядом когда-то находился трактир, в котором Сонечка встретила с Раскольниковым, неподалеку и обиталище старухи-процентщицы...

Огромные витрины Апраксина и Гостиного дворов.

Оба здания без стекол, в забитых оконных переплетах остатки грязных досок – все деревянное растащено на топливо. Вокруг – грязный снег, перемешанный с мусором. Вроде те же знакомые улицы, переулки, дома, но без людей все кажется неестественным, чужим. Все они родились в этом городе – «пышном, горделивом», с его «красой и дивом»...

Через каждую тысячу шагов останавливались передохнуть. После двух тысяч – саночник доставал замороженные лепешки и хлебную корочку. Медленно жевали и брели по мостовой

дальше. На полупустых улицах никто не обращал на них внимания, словно двигались не живые существа, а привидения. Редкие встречные заняты собственными делами: кто-то вез на санках ведро или банки с водой, почерпнутой из Невы или канавки – водопровод давно замерз, не работал; кто-то тащил на досках, самодельных тележках умерших – умирало каждый день до четырех тысяч горожан, погибать начали еще в ноябре, когда в четвертый раз снизили продуктовую норму, а после пятого понижения, ближе к зиме, наступила катастрофа.

Пятерка уходила все дальше от Сенной площади. Перешли Невский. Где-то в дальнем его конце показалась, блеснув, Адмиралтейская игла... Добрались до Пассажа, опять разбитые витрины... Чудесная кондитерская «Норд», недавно знаменитая, – своими тортами она прославилась на всю страну. Теперь она тоже закрыта, но, несмотря на мороз, у дверей собрались и стоят люди, сейчас здесь продуктовый магазин, где в редкие счастливые дни удастся отоварить карточки.

Шли обледелыми мостовыми. Между снежными горбами. Лед некому было соскоблить. Ступали осторожно, старались обойти опасные места. Шли, не обращая внимания на близкие глухие взрывы. Шли, направляемые одной мыслью: ДОБРАТЬСЯ! собрав еще теплившиеся силы, и УВИДЕТЬ ЕГО! – ПУШКИНСКИЙ ДОМ НА МОЙКЕ, 12, где ПОЭТ прожил свои последние годы, где ОН скончался.

Колючая стужа заползала под одежду, уберечься, сохранить остатки тепла делалось все труднее. Шла первая, самая тяжелая блокадная зима; те, кому посчастливилось пережить ее, до конца дней своих не забудут это страшное время.

...Кажется, пройдено больше половины пути. Чуть-чуть глянуло солнышко. «Как хорошо на свете, – подумал один. – И зачем столько зла, боли, страданий...» Очень хотелось поделиться с друзьями, но он промолчал. Говорить не положено – так решили. Если кто-то не выдержит и упадет, остальные пойдут дальше, – об этом тоже договорились. Жутко представить подобное. Но такова реальность, и все это понимали. Они знали, что, может быть, идут дорогой в один конец. Но обдуманно примирились и с этим.

Третья и четвертая тысячи шагов оказались самыми тяжелыми. Ноги деревенели, плохо слушались – казалось, еще немного, и безнадежно прекратят повиноваться...

Пятая тысяча прошла полегче, хотя голод вызывал ужасные судороги, туманил мозг; слезились глаза. Но они продолжали двигаться. Теперь уже недалеко...

Прошли закрытый Дом книги с удивительным глобусом на крыше. Сколько воспоминаний навевала эта встреча. И каких! Ведь это был их второй дом. Всякий раз здесь их ждал пир – малый или великий. Один припомнил, как чудом приобрел с рук книгу-малютку – томик «Евгения Онегина», знаменитое суворинское издание 1911 года. Какая находка для книголюбца – что бриллиант, на всю жизнь! Другому случайно достался однотомник Пушкина – юбилейное издание небольшого тиража! Третий подумал про «Книгу о вкусной и здоровой пище», изданную в довоенные годы. Четвертый, заядлый охотник и рыболов, собрал целую библиотеку о своем увлечении и так ею гордился. Пятый создал уникальную коллекцию книг о водопадах, ставшую всемирно известной...

Наконец, угол Мойки. Повернули на набережную. Осталась совсем малость до места, куда они приходили каждый год в траурные дни поэта. Сегодня они пришли раньше, но разве это так важно?..

Здесь уместно сказать следующее. Меньше всего они думали о героизме. Их путешествие скорее можно назвать безумством. Но, поразмыслив, я расценил их поступок иначе. Они шли к последнему очагу поэта не попрощаться с жизнью – но обрести в своем необыкновенном приключении новую крепость сердца. И может быть, желая того или нет, они показали своим согражданам, что человек – не такое уж бессильное существо.

И они дошли.

Весь в белом и будто внезапно глазам их предстал такой знакомый, родной трехэтажный дом, парадный подъезд, двери, куда входил ОН... Все заколочено, заснеженно. И полное безмолвие. Никто их не ждал. Никто их не встретил. Не увидел эти измученные лица, глаза. Не ощутил слабого, но радостного биения их сердец.

Они остановились. Образовали полукруг. На несколько секунд сняли шлемы. Чтобы выразить признательность. Благодарность. Они низко поклонились своему кумиру. И вдруг – о чудо! Сквозь усталые бледные облака теплым сиянием пробились неяркие лучи солнца и осветили все тринадцать окон Пушкинского Дома! А в сером, налитом свинцом небе вдруг открылось мерцающее светом

пространство, и в яви или воображении этих еле живых, голодных, замерзших людей возникло ошеломляющее зрелище: оттуда, из этой светящейся высоты, навстречу им стремительным вихрем на своем гордом могучем коне промчался неистовый Медный Всадник!

Странники замерли. И тогда саночник – возможно, это тоже было оговорено заранее – чуть вышел вперед, и прозвучал тихий, слегка вибрирующий голос:

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия...

Всего половина строфы – но какая! В какие дни! Прозвучали они – как гимн и пророчество!
Другой голос – и новая строфа:

Какая сила в нем сокрыта!
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?..

И опять голос оборвался, на большее не хватало сил.

Неотвратимо наступали невыносимые вечерние сумерки. Пора. Старший подал знак. Но никто не тронулся с места. Еще один, последний, взгляд. И двинулись в обратный путь. В холод и пустоту...

Кто они? Что мы знаем об их дальнейшей судьбе? Наш рассказ – правда или легенда? Сколько их родила и еще породит война... Будто бы двое из пяти еще в тридцатые служили в Пушкинской квартире-музее... Дальнейшее – молчанье...

Глава четырнадцатая Город солдатской славы

Взятие Ржева. 2–3 марта 1943 года

Почти пятнадцать месяцев 30-я армия под командованием Лелюшенко вела жестокие кровопролитные сражения на Ржевском плацдарме, пытаясь взять город. Февраль 1943-го стал решающим в битве за Ржев.

Всю вторую половину февраля командование армии получало разведданные, что противник готовится оставить Ржев. Владел этими сведениями и командир 215-й стрелковой дивизии генерал Куприянов (он стал генералом в начале февраля 1943 года). Обстановка накалялась. В то время я служил уже в другой дивизии, поэтому приведу воспоминание ветерана 215-й связиста Х. Х. Якина.

«На позициях немцев стояла относительная тишина. Они изредка постреливали из пулеметов и автоматов да без конца пускали осветительные ракеты. С нашей стороны часто отправлялись группы разведчиков на передовую, возникали перестрелки, т. е. вели разведку боем. Точно так же было и 2 марта 1943 года вечером... Отправилась на задание группа в двадцать два человека во главе со старшиной. Через некоторое время старшина вернулся один и доложил, что они попали в засаду, вся группа погибла.

Сидя у телефонного аппарата, я обратил внимание на голос генерала (комдива Куприянова. – *Б. Г.*), когда он разговаривал с командиром 711-го стрелкового полка майором Гутарга. Меня насторожил голос командира дивизии, так как говорил он с неприсущим ему волнением. Он говорил, что разведка не обнаружила противника не только во Ржеве, но и на подступах к Оленино. Тут же по батальонной связи посыпались команды командирам рот, а вскоре от них пошли доклады, что в немецких траншеях никого нет»¹⁰.

¹⁰ Якин Х. Х. В памяти остались навсегда. В сб.: «Ржевскими дорогами войны». Ржев, 1992, с. 88–90.

Куприянов задумался. Вся передовая была наготове, ждала команды перейти в наступление. Как поступить, если еще два-три часа назад погибла группа разведчиков, если с вражеской стороны постоянно ведется огонь? Выходит, траншеи противника не пустые? «Любой ценой» – эту тактику Куприянов отвергал. Знал он и мнение нового командарма генерал-лейтенанта Колпакчи: предельная осторожность, не поддаваться на непроверенные сообщения. Как поступить в этой непростой обстановке?

Куприянов принял решение самостоятельно, не спросив мнения командарма. Командирским чутьем он ясно понимал, что настал момент истины, что вот-вот, может быть, завтра, противник уйдет из города: опоздаешь, упустишь момент – враг успеет оторваться от преследования, скрыться за предварительно подготовленной линией обороны, тогда опять кровь, потери... И он дал команду:

– Тянуть связь в Ржев!

2 марта 1943 года, получив приказ о наступлении, 215-я вошла в город. 3 марта передовые части дивизии заняли центр города – Советскую площадь.

В самый разгар боев за Ржев Андрею Филимоновичу предложили поехать на Дальний Восток, занять там более высокую должность. Комдив категорически отказался: «Пока не возьму Ржев, никуда не поеду». И он сдержал слово: его 215-я стрелковая дивизия вступила в оставленный немцами город одной из первых. Об этом 4 марта 1943 года под шапкой «В последний час» с гордостью сообщила армейская газета.

Андрей Филимонович стоял на высоком берегу Волги и смотрел на разрушенный город. Вот он, Ржев, за который отдали жизни тысячи его товарищей по оружию. Но останавливаться нельзя ни на час. Командарм приказал преследовать быстро отступающего противника, не позволить ему ускользнуть от боя.

Дивизия вступила на родную для Куприянова Смоленскую землю. Опять непрерывные бои с арьергардными отрядами немцев. И вот она – деревня Голенищево, здесь жил и его дед, мать и отец, здесь он родился, мальчишкой, с одиннадцати лет, пас скот.

...После освобождения Ржева Андрей Филимонович прожил всего семнадцать дней. 20 марта 1943 года у села Ново-Лыткино он был тяжело ранен осколком снаряда. Как это произошло, рассказали очевидцы.

«Штаб дивизии остановился в селе Ново-Лыткино. Утром 20 марта Куприянов провел в штабе дивизии совещание с командирами, затем побывал на передовой. Под вечер на одной из фронтовых дорог сошлись части двух дивизий: 215-й генерала Куприянова и 369-й полковника Хазова. Дорога проходила через деревушку Большой Монастырек, расположенную на высоком холме. Враг молчал. И никто не знал, что его арьергардные подразделения укрепились в лесу, в двух-трех километрах от деревни – выжидали, когда на высоту выйдет как можно больше наших войск.

Уже на закате солнца по деревушке неожиданно ударили 20 вражеских батарей. Генерал Куприянов в этот момент находился в маленьком домике, где разместилась оперативная группа штаба его дивизии. После первых выстрелов он выбежал на крыльцо и сразу же был ранен осколком разорвавшегося неподалеку снаряда. Через несколько мгновений еще один снаряд разворотил две стены домика, обрушил печь. Были убиты находившаяся на печи женщина и четверо сидевших за столом офицеров штаба».

Артналет закончился через пятнадцать минут. Раненого генерала повезли в медсанбат. По дороге он скончался.

По распоряжению командарма тело генерала Куприянова перевезли и похоронили в Ржеве – городе, который он освобождал.

22 марта в письме к жене и детям Куприянова командарм Колпакчи писал: «Сегодня мы проводили нашего боевого друга к последнему покою. Старинный русский город Ржев, который первыми очистили от фашистской нечисти части товарища Куприянова, стал последней вехой в его жизни. Город будет вечно чтить память о большевистском генерале Андрее Филимоновиче Куприянове. Весь боевой коллектив армии выражает вам свою глубокую скорбь»¹¹.

¹¹ Ладыгин И. З., Смирнов И. М. В бессмертие отдает приказ. В сб.: «На Ржевском рубеже». Ржев, 1992, с. 238–241.

На высоком холме в центре Ржева стоит обелиск – память о погибшем генерале Андрее Филимоновиче Куприянове.

Помню, как быстро дошла до нас весть о его гибели. Пожалуй, другого такого комдива – высокого профессионала, умного, волевого, бережливого в отношении каждой солдатской жизни, не знала 30-я армия.

Как порадовался бы Андрей Филимонович, доживи он до послевоенных дней и узнай, что его 215-я дивизия стала Краснознаменной Смоленской, награждена орденами Суворова и Кутузова! Как счастлив был бы генерал, зная, что боевое знамя 215-й дивизии передано на вечное хранение его родному Смоленску.

Размышления через 60 лет

Любопытная подробность: ни одной дивизии Красной Армии, воевавшей на Ржевско-Вяземском плацдарме, так и не присвоили звания «Ржевская». Почему? Неужто не заслужили? Суть скорее заключалась в ином: не дать лишнего повода напомнить людям о Ржевской битве. Лишь 209-я авиационная истребительная дивизия получила это звание.

26 августа 1942 года в сводке «В последний час» московское радио передало следующее сообщение: «На Западном и Калининском фронтах наши войска перешли в наступление, прорвали линию обороны и отбросили сильного противника на 40–50 километров. В результате успешного наступления наши войска освободили 610 населенных пунктов и в их числе города Зубцов, Карманово и Погорелое Городище. Немцы потеряли 45 тысяч солдат и офицеров. Бои идут на окраинах Ржева. Совинформбюро». От начала и до конца это сообщение – ложь. В нем скрыты и затушеваны две ранее прошедшие операции: Ржевско-Вяземская (январь – февраль 1942 года) и Ржевско-Сычевская (с 30 июля по 23 августа 1942 года). Обе они, как известно, закончились неудачно. Откуда взяты данные о потерях немцев? С потолка. О своих потерях – молчок. Они же оказались крупными.

После разгрома армии Паулюса под Сталинградом немецкое командование наконец убедило Гитлера в необходимости оставить Ржевско-Вяземский плацдарм. 3 февраля 1943 года Гитлер разрешил 9-й армии и части 4-й танковой армии уйти из Ржева на рубежи, защищавшие Смоленск.

Группу армий «Центр» под Ржевом так и не удалось разгромить. 2 марта 1943 года, в 18 часов, немцы оставили город. Главные силы 9-й армии сумели в основном оторваться от наступающих. В боевом донесении Западного фронта от 3 марта говорилось: «3 марта Западный и Калининский фронты перешли в наступление, вошли во Ржев и стали преследовать врага».

В марте, после ухода немцев из Ржевско-Вяземского треугольника, войска с боями вошли в Гжатск (5 марта), Сычевку (8 марта), Вязьму (12 марта). В сообщениях Совинформбюро звучали иные формулировки: не «вошли», а «захватили», «выбили» и т. д.

Бои на Ржевско-Вяземском рубеже продолжались 502 дня. По мнению некоторых историков, эта битва была самой жестокой и кровопролитной в истории Великой Отечественной войны. К примеру, в боях за Ржев потери были вдвое больше, чем под Сталинградом. Каждый отвоеванный клочок родной земли обошелся здесь примерно в десять тысяч человеческих жизней. Таких огромных потерь, очевидно, не знало ни одно сражение в истории человечества!

Этот трагизм состоял не только в беспримерных жертвах, а и в том, что все наступательные бои не приносили успеха. Смерть и невыносимые человеческие муки не вознаграждались радостью боевых успехов, а вызвали горькое отчаяние и нестерпимую обиду.

До сих пор военные историки спорят о цифрах погибших под Ржевом и Вязьмой. Общие потери лишь в четырех основных операциях по взятию Ржева составили гигантскую цифру – 1 324 823 человека (по официальным данным). Это больше, чем отдельно в каждой битве: под Москвой, Ленинградом, Сталинградом, Курском, Берлином¹².

С трибуны Всесоюзной научно-практической конференции (1999), посвященной Ржевской битве, обнародована была более страшная цифра потерь (убитых, раненых, плененных) – около двух миллионов.

¹² По данным сборника «Гриф секретности снят». Под общей редакцией Г. Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993.

На Ржевской земле в сорока двух братских могилах покоится прах воинов более чем из ста сорока стрелковых дивизий, пятидесяти отдельных стрелковых бригад и пятидесяти танковых бригад¹³. А сколько и до сих пор не захоронено!..

Каким же цифрам верить? 3 марта 2006 года, в 61-ю годовщину освобождения Ржева, в местной печати была названа цифра – более одного миллиона только погибших советских солдат и офицеров.

Сколько же под Ржевом, Вязьмой, Сычевкой, Белым, Полунино погибло людей! «Такого мы не видели нигде и никогда больше» – так говорят, вспоминая бои под Ржевом, фронтовики, чудом выбравшиеся живыми из той нечеловеческой бойни, в которой участвовало более трех миллионов человек. За время боев под Ржевом только 215-я дивизия, вступившая в бой в августе 1942-го, – насчитывая 14 тысяч человек, потеряла 7–8 тысяч, в основном молодых людей. Многие среди погибших – тюменские курсанты¹⁴.

Эти и многие другие факты и цифры, а также картины основных событий Ржевской битвы ныне представлены в открытой к 60-летию Победы в городе Ржеве диораме.

Ржев стал кровавой мясорубкой не только для советских войск, но и для немецких. По словам Черчилля, «лучшие боевые силы вермахта были израсходованы на Восточном фронте». Более 72 процентов всех немецких потерь во Второй мировой войне. Многие из них «израсходованы» под Ржевом.

Потери немецкой армии в сражениях за Ржев, официально объявленные в Германии, составили от 300 до 450 тысяч человек. Об этом сообщил Фортен Эсмайер, офицер штаба 26-й пехотной дивизии 9-й армии, оборонявшей Ржевско-Вяземский плацдарм¹⁵.

Очевидно, пятнадцатимесячные тяжелые безуспешные бои под Ржевом, большие людские потери, нежелание затронуть высокие имена и привели к замалчиванию в официальной историографии – вот уже более 60 лет – правды о битве за Ржев.

Об основной причине неудач Красной Армии под Ржевом красноречиво высказался сам Верховный Главнокомандующий: «Это, – сказал он, – неумение воевать».

Невнимание исследователей к изучению Ржевской битвы – серьезный просчет отечественной историографии. В этой «нераскрытой» до конца главе истории Великой Отечественной войны – ключ к пониманию выдающихся успехов Красной Армии на заключительном этапе Второй мировой войны.

До сих пор глубоко и всесторонне не исследована и не обобщена общая картина ржевских сражений, не определена их роль в общей истории Великой Отечественной войны.

В нашем распоряжении в основном находятся отдельные публикации писателей и журналистов, а также местных авторов-краеведов, обобщивших бесценные воспоминания ветеранов. В этих материалах можно найти и немало горькой правды о битве за Ржев¹⁶.

Я долго и мучительно думал, как передать весь ужас того, что я видел и пережил под Ржевом. И вдруг на глаза мне попался скромный сборник московского поэта-фронтовика Николая Майорова «Близко к сердцу!»¹⁷. Я был потрясен искренними, сокровенными стихотворными строками:

¹³ См.: «Ржев». Энциклопедический справочник. Часть 6. «Ржевская битва» (1942–1943). Тверь, 1990.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См.: Федоров Е. Правда о военном Ржеве. Документы и факты. Ржев, 1995, с. 217.

¹⁶ Помимо указанных ранее в примечаниях, приведем еще некоторые из этих материалов: «Это было на Ржевско-Вяземском плацдарме». Общественная редколлегия. Книги 1–2 – Ржев, 2000. Книга 3 – Ржев, 2003. «Ржевская битва. Сражение за Полунино». Сборник статей и материалов. Составители: Б. Ершов, О. Кондратьев. Тверь, «Русская провинция», 2001. Читателю, заинтересованному в получении больших знаний о битве за Ржев, можно порекомендовать ознакомиться с «Библиографическим указателем», вышедшим в 2003 году, в нем приведены 268 источников, посвященных сражениям за Ржев. Электронный адрес словаря: http://www.librari/tver/ru/document/rhev/rtzevskaia_bitva.htm

¹⁷ М.: Политиздат, 1989.

Мы все уставы знали наизусть.
Что гибель нам? Мы даже смерти выше.
В могилах мы построились в отряд
И ждем приказа нового. И пусть
Не думают, что мертвые не слышат.
Когда о них потомки говорят...

К 60-летию Победы Россия справедливо назвала Ржев Городом солдатской славы!

Часть третья От Ржева до Государственной границы Март 1943 – июль 1944

Глава пятнадцатая По пятам врага Март 1943 года

Они оставляли за собой пустыню

Наши войска вошли в Ржев и двинулись вперед – на Смоленск. Останавливаться не приходилось: нельзя дать противнику беспрепятственно отойти и закрепиться на новых позициях. С боями мы продвигались вперед, отвоевая изувеченную и опустошенную родную землю. С невероятным трудом преодолевая наступившую весеннюю распутицу, дивизия шла на запад, приближаясь к Смоленску.

Первое весеннее тепло съело почти весь снег, превратив его в слякоть, которая размывала землю, и вскоре дороги превратились в болотную жижу – мы шли, еле-еле передвигая ноги. Земля вокруг была изуродована взрывами бомб и снарядов, начинена минами; с минами было много возни, что также замедляло движение. К тому же приходилось все тащить на себе – винтовку, патроны, вещмешок, противогаз, саперную лопатку, каску, гранаты, – некоторые потихонечку кое от чего избавлялись. Особенно трудно было пулеметчикам, бронебойщикам и минометчикам. Даже лошади еле тянули вязнувшие пушки. Выходили мы в сумерках и шли весь день. В короткий привал валились, едва найдя место посуше, и глаза сами закрывались, а тебя уже толкали в бок: «Вставай, брат!» – и двигались дальше.

Строения, избы встречались редко. Леса и леса, и дороги, дороги, точнее бездорожье...

Бои шли сначала с арьергардами. Немцы отходили быстро и, уходя, оставляли за собой пустыню. Все, что успевали, – взрывали, уничтожали, превращали в пепел, минировали: вот вам, иваны, получайте подарки! На объездах, а без них не обойтись, – мины, дороги тоже заминированы, люди подрывались. Только от Гжатска до Вязьмы было взорвано четырнадцать мостов. Мы двигались по израненной, опаленной земле, пропахшей дымом пожарищ и трупным смрадом. Они все еще ничего не поняли – ни что натворили, ни приближающегося возмездия! Сердца наполнялись ненавистью к врагу, все чаще раздавались возгласы: «Доберемся до вашей земли, сучье отродье, сполна отплатим!» Страшно было глядеть на стариков и женщин, но особенно на детей, копошившихся на деревенских пепелищах. Встречаясь с погорельцами, солдаты отдавали последнее – кусок хлеба, сухарь, сахар, нательную рубаху, полотенце; кашевары кормили всех из полевых кухонь. Дивизия шла вперед, оставляя погорельцев и унося в сердцах ненависть к врагу.

После освобождения Ржева, Вязьмы и Гжатска, преследуя арьергарды отступающего противника, 30-я армия продвинулась на запад на 150–160 километров. Наша дивизия за двадцать один день осилила 160 километров, но 24 марта в районе деревень Сергейково и Пантюхи вынуждена была остановиться – впереди укрепления противника. Измотанные и обескровленные, наши части не имели достаточно сил, чтобы с ходу вступить в схватку. В предвидении контрудара, не передохнув и дня, мы принялись укреплять новые расположения.

Через неделю стало известно, что 31 марта наступление приостановлено повсеместно, на всем

протяжении Западного фронта. Впереди Смоленск, где, по данным разведки, противник уже создал прочную оборону, намереваясь остановить наступление наших войск. Командование понимало, что с ходу Смоленск не взять. Нужно подтянуть тылы, а уже наступила весенняя распутица; нужно пополнить людьми обескровленные батальоны, насытить войска новой техникой и боеприпасами.

Стало очевидно, что до начала лета с обеих сторон наступило затишье. Это было понятно и нам, и немцам. Однако разница в замыслах сторон была велика. Наши укрепляли позиции, выигрывая время для подготовки наступления и опасаясь контратак противника. Немецкая армия строила свою оборону, твердо зная, что наступление русских неизбежно, и собиралась упорно защищаться.

Одной из первых во второй эшелон отвели 220-ю дивизию. Остатки полков расположились в одном из лесных массивов, которыми так богата Смоленщина. Соорудили блиндажи – это мы научились делать быстро; поставили палатки, отрыли щели-бомбоубежища, упрятали и замаскировали артиллерию. Мне поручено было построить клуб. По неопытности крышу мы сделали плоской, и на следующий день она рухнула от дождя, – еще повезло, что не пострадали люди. Больше я не брался за строительные дела.

Когда клуб привели в порядок, к нам в полк приехал новый командир дивизии – полковник Василий Алексеевич Полевик. Он коротко подвел итоги мартовских боев:

– С поставленной задачей дивизия справилась. Но потери оказались значительными...

Телеграмма

В один из обычных дней с очередной почтой мне пришла телеграмма от отца, заверенная главным врачом Московской больницы. Отец извещал, что мама в больнице в тяжелом состоянии. Текст телеграммы был зловещий. Что случилось?! Вероятно, она при смерти или ее уже нет в живых?! Я растерялся. Что предпринять? Чем помочь? Вряд ли меня отпустят в Москву. Отпуск! Нет, о нем и мечтать не приходилось, забыли фронтовики это слово. Показал телеграмму Михалычу и Степанычу. Парторг и агитатор поглядели на дело иначе. Михалыч твердо сказал:

– Зря паникуешь, полк во втором эшелоне, и вряд ли до лета шевельнемся, так что недельку уж как-нибудь проживем без тебя. Если понадобится, я пойду к Груздеву. Не войдет в положение комиссар – сходишь к Борисову, он поможет.

С Груздевым свою просьбу я уладил неожиданно скоро. Иван Яковлевич отчего-то находился в превосходном настроении, поэтому, выслушав и для вида повертев в руках телеграмму, дал добро на отпуск. Начало удачное. Разумовский, прочитав рапорт, тоже не стал канителиться, но предупредил, что как комполка имеет право дать отпуск не более чем на три дня.

Следующая инстанция – политотдел дивизии. В поддержке Борисова я не сомневался. Однако Леонида Федоровича на месте не оказалось: уехал в армию. Замещал его подполковник Кудрявцев, личность пренеприятнейшая – сухарь, колючий, искусник-демагог. Ситуация осложнилась, но и ждать Борисова нельзя, и я пошел к Кудрявцеву. После нескольких циничных фраз о «сыночке и маменьке» он совершенно неожиданно для меня наложил резолюцию: «По случаю смертельной болезни матери... предоставить девять дней отпуска в город Москву». Я поблагодарил подполковника. Прощаясь, он небрежно проронил:

– Привезешь из Москвы три бутылки приличной водки – надоела фронтовая сивуха.

Последняя инстанция – заместитель комдива по тылу подполковник Хитров. Я знал его – теплый, широкий человек. Прочитав телеграмму и мой рапорт, он тут же вызвал адъютанта и поручил срочно оформить в штабе дивизии все необходимые документы. Затем, узрев мои истоптанные сапоги, категорически заявил:

– В таком виде появляться в столице?! Что подумают москвичи об армии!

Позвонил по своему ведомству и приказал выдать мне из личного резерва хромовые сапоги. Их шили американцы по специальному заказу Сталина для старших офицеров Красной Армии. Расставаясь, подполковник пожелал мне благополучной встречи с матерью и, не стеснясь, попросил:

– Привези пару бутылок хванчары, больно хочется попробовать – говорят, любимое вино Сталина.

Часа через два адъютант вручил мне отпускные документы, литер на поезд, аттестат на

довольствие и пообещал отправить на попутке в Вязьму:

– Подвезут прямо к поезду. – И вежливо добавил: – Если можно, захватите и для меня бутылочку.

Глава шестнадцатая

Москва

Апрель 1943 года

В пути

И вот я в Вязьме. Город – весь сожжен и разрушен. Не осталось ни одной улицы. Нет и вокзала – одни развалины. Платформы тоже разбиты. Мы, небольшая группа офицеров, стоим в ожидании поезда на расчищенном островке земли. Вокруг шумит крупный железнодорожный узел Западного фронта: гудят паровозы, приходят и отходят составы. Много охраны. Повсюду торчат из укрытий высокие дула зенитных орудий. Удивительно: из Вязьмы немцы ушли 12 марта – выходит, меньше чем за месяц железнодорожники сумели восстановить регулярное движение товарных составов и даже наладили пассажирский маршрут до Москвы. Правда, пока поезда отправлялись под охраной зенитчиков.

В 21.00 к нам тихонько приблизился какой-то дивный паровозик с четырьмя вагонами и платформой с зенитными пулеметами. Словно из воздуха, к каждому вагону подтянулись особы: проверка документов. Вроде все в порядке, мне позволено ехать. Радостный, приветствуемый проводницей, я поднялся в вагон. Свершилось чудо! Я еду в Москву! Теперь уж точно!

Все мне казалось диковинкой, будто я в первый раз на железной дороге. В вагоне темно: окна были плотно зашторены, на весь длинный коридор еле мерцали сине-фиолетовым светом две крошечные лампочки в потолке. Прошлой ночью спать мне не пришлось, поэтому, бросив в изголовье нижней полки вещмешок, я сразу улегся, предвкушая, что наконец отосплюсь за двое суток. И тут же вскочил! Передо мной стоял огромного роста военный в полковничьих погонах, по всему вагону разносился его громовой бас:

– Слава богу, застал хоть одного живого человека! Эх, ну никак не отпускают вашего брата с фронта!

Я вытянулся перед полковником, отдавая честь.

– Да будет вам, юноша, не смущайтесь, – приветливо сказал полковник. – Позвольте представиться: Иванькин Семен Захарович.

Сосед чувствовал себя вполне комфортно – видно, привык ездить. Снял шинель, аккуратно повесил на единственный крючок где-то вверху, туда же ловко устроил фуражку и, причесав несколько волосков на голове, взялся за чемоданчик. Пока, отвечая на его вопрос, я объяснял причину отпуска, он извлек из походного чемоданчика бутылку водки, два маленьких стаканчика, несколько завернутых в бумагу бутербродов.

– Что ж, старший лейтенант, выпьем за знакомство! – бодро возгласил Семен Захарович. – Твой рассказ характеризует тебя как приличного сына и свидетельствует об уважении к тебе начальства. Значит, заслужил! А знаешь ты, старший лейтенант, кто есть Андрей Васильевич Хрулев?

– Так точно. Главный армейский кормилец.

– Допустим. Так вот, полковник Иванькин – человек Хрулева. Так что знай, в какой ты компании!

Из дальнейшего разговора я понял, что полковник – фигура приметная. Оказалось, он возвращался из командировки – больше месяца колесил по штабам и армейским тылам Западного и Калининского фронтов. А направил его в командировку генерал Хрулев по личному поручению товарища Сталина: разобраться с одной жалобой.

– Слышал ты про операцию «Марс»? – спросил Иванькин.

– Слышал, но знаю о ней мало. Наша дивизия в ней не участвовала, не положено интересоваться.

– Вот как?! – удивился Семен Захарович. – Так вот, слушай. В июле – августе сорок первого Новосибирский обком партии обратился к товарищу Сталину с просьбой разрешить сформировать добровольческий сибирский корпус. Сталин дал согласие. В Новосибирске сформировали дивизию, а

в Красноярске, Омске, Тюмени и Барнауле – четыре отдельные стрелковые бригады. Так возник Шестой добровольческий Сибирский корпус, костяк его составили коммунисты и комсомольцы.

Пойдем дальше. Так получилось, что с первого дня после выгрузки под Селижарово добровольцы попали в беду: почти сорок тысяч человек забыли поставить на довольствие. Семь дней они добирались до переднего края, не получая никакой регулярной пищи. Командование 41-й армии выдавало из резерва по 400–500 граммов хлеба в сутки – и все! Последствия оказались катастрофические. Сотни больных, многие не выдержали и умерли, не дойдя до передовой. Когда корпус прибыл в назначенный пункт, пришлось срочно, с помощью медиков, приводить обессиленных людей в норму.

Потрясенный, я молча слушал Семена Захаровича.

– Пойдем дальше, – продолжал полковник. – 25 ноября сорок второго корпус бросили в бой в той самой операции «Марс». Руководил операцией первый заместитель наркома обороны маршал Жуков. Задачу поставили: прорвать оборону противника. Какое там! Солдаты слабо обучены, полно дистрофиков. В общем, кончилось все страхолудством: за несколько дней боев корпус потерял почти семьдесят процентов своего состава. С потерями разбирается Ставка, лично Верховного интересует главное: дознаться, кто не поставил сибиряков на довольствие. Интенданты обвиняют командиров, те – интендантов: мол, и звонили, и сообщали устно. Но заявки я так и не обнаружил. А без бумажки, известно, и на фронте никак нельзя. Так?

– Вроде бы так.

– Тебя, конечно, интересует, зачем я тебе все это рассказываю? Видишь ли, старший лейтенант, мне важно знать, что думает о таком факте не только высокое начальство, их речей я наслушался досыта, но и полковое звено.

Высказался я осторожно:

– Согласен, что заявка необходима. Но бывает, и заявка есть, и подана вовремя, а солдату от этого не легче, потому что исполнения не дождешься.

Семен Захарович насторожился:

– Может, ты и прав, но обсуждать сие публично, как ты точно заметил, «не положено».

Вот так, даже мой пионерский ответ его разозлил.

Сегодня я ответил бы полковнику иначе: не делайте из Сталина наивного человека! Верховный все знал – и об ужасающих потерях, и о тяжелой солдатской жизни на фронте, и о том, где подали заявку, а где нет и кто в этом виноват. Известно, что Сталин получал подробную информацию с фронтов по трем каналам. Командующие фронтами и командармы ввали: что-то приукрашивали, что-то переукрашивали. Политорганы – болтуны. Полностью доверял Иосиф Виссарионович одному ведомству, курировал это ведомство Лаврентий Павлович Берия.

Выпили еще по стаканчику, помянув сибиряков по предложению Семена Захаровича, что делало ему честь, и полковник повернул разговор:

– Давай, старший лейтенант, поговорим о делах мирных. Я – прямой человек и в других уважаю честность. Так что отвечай все по правде. Женат?

– Нет.

– Дети есть?

– Нет.

– Бабу на фронте имеешь?

– Нет.

– Не прилип к бутылочке?

– В пределах «наркомовских» ста граммов.

– Выходит, чистенький, как стеклышко. Вывод: перспективный жених! Видишь ли, старший лейтенант, у меня взрослая дочь. Романтическая натура – «Цветочек», так я ее называю. Учится в художественном училище. Не дурнушка. Ухажеров полно, но никто ей пока не нравится. Живем без матери, Прасковья Ивановна, царство ей небесное, умерла год назад. Я волнуюсь за дочь. Давай конкретно, мы взрослые люди, пойдем правильно друг друга. Станешь моим зятем – заберу тебя с фронта в Москву. Сделаешь, парень, приличную карьеру, поступишь в военную академию. Лет через десять наденешь генеральские погоны. Цветочек нас встретит, так что увидишь мою Людочку и сам решишь, как поступить.

Я оказался в затруднительном положении. Каков папаша! Решил проявить сдержанность, а там

видно будет:

– Спасибо, Захар Семенович. Как-то неожиданно, извините... Может, поспим, а то я и прошлую ночь не спал.

– Звезды считал?

– Нет, о маме волновался.

Поезд пришел в Москву рано утром. Белорусский вокзал сверкал в лучах весеннего солнца. Проверка документов, и мы двинулись к выходу. Появилась Люда, симпатичная курносая девчонка, волосы разбросаны по плечам, в кепи, какая-то немыслимо яркая куртка, – прямо футуристка двадцатых годов. Внезапно в голове пронеслось: эх, Цветочек, а если санитаркой на поле боя?.. Полковник представил меня:

– Человек с фронта. Приехал в Москву на несколько дней к больной матери. Присмотрись, перспективный парень.

– Папа, ты всегда в лоб, – повертев носиком, перебила Люда.

– Кстати, – обратился ко мне Иванькин, – где лежит твоя мать?

– В больнице на улице Дурова.

– Вот как, – рассмеялся полковник. – Совсем рядом с роддомом, где появилась на свет Людушка. Мы тебя подбросим на моей машине.

Через четверть часа я входил в больницу.

Встреча

Какое счастье – жива! Об этом я узнал сразу же в справочном бюро. Из маминой палаты, когда я подходил, вышла молодая женщина в белом халате. Пристально взглянув на меня, она улыбнулась:

– Вы сын Евгении Борисовны?

– Да, а вы...

– Да, я лечащий врач Евгении Борисовны. Зовут меня Роза Яковлевна.

– Как мама?

– Она сейчас спит, на несколько минут я заберу вас к себе.

Мы зашли в квадратную комнатку-кабину, устроенную в центре второго этажа на стыке двух коридоров, стенами служили матовые стекла. Как я понял, это был пункт дежурного врача, внутри уместились только столик с настольной лампой и два стула. Я сел напротив Розы Яковлевны и стал слушать.

– Евгения Борисовна попала к нам в тяжелом состоянии. Почти неделю лежала в реанимации. Сразу не смогли установить диагноз, – скорее всего, это серьезная инфекция, она перенесла переливание крови. Мы посчитали необходимым вызвать вас. Сейчас кризис миновал, но ваша мать еще очень слаба. Если ничего не произойдет, выпишем ее дней через десять, заберете ее домой.

– Простите, доктор, – вежливо остановил я, – меня отпустили с фронта на несколько дней. Я очень тронут вашей заботой о маме. Вы разрешите мне повидать ее?

– Разумеется. Когда ваша мама пришла в себя, она тотчас заговорила о вас, много рассказывала о вашей жизни, показывала фотографии, читала ваши письма. Она очень гордится вами.

Я тихонько вошел в палату, сел на стул рядышком и стал терпеливо ждать. На меня смотрели семь пар глаз женщин, лежавших в палате. Наверное, мама почувствовала мое появление, открыла глаза, но сразу не смогла осознать, несколько раз провела рукой по глазам...

– Сыночек, родной... – она потянулась ко мне. – Как ты очутился здесь?

– Мапочка! Сначала расскажи, что тебе приснилось, тогда и я раскрою тайну.

Мама расплакалась, стала целовать мои руки, то были слезы нахлынувшей радости.

– Мне приснилась золотая рыбка, я просила помочь перед смертью увидеть сына.

– Вот видишь, я с тобой! Зачем умирать? Живи, мамочка!

– Мой бравый офицер! Кажется, теперь вас так величают? Какое счастье видеть тебя живым, здоровым, крепким!

Мы проговорили больше часа. Я рассказывал о себе, своих товарищах, шутил. Нашу встречу прервала вошедшая Роза Яковлевна.

– А вот и наш ангел, Роза Яковлевна, моя юная спасительница! Она обо всех заботится.

– Евгении Борисовне пора отдыхать, – сказала доктор.

Я подчинился. Прощаясь, мама спросила:

– Папа знает о твоём приезде?

– Нет ещё. С вокзала я прямо к тебе. Приду завтра. Что-нибудь принести? Чего тебе хочется?

– Спасибо, сыночек, ничего не нужно.

Когда я выходил, все семь женщин вдруг заплодировали в мой адрес. Вышло неожиданно и трогательно. Я отдал честь всей палате. Какие удивительные соседки у мамы: ни одна не задала мне вопроса о своих, а ведь наверняка у многих на фронте мужья, сыновья... – с такими мыслями я вышел на улицу.

Москва сорок третьего

Передо мной предстала Москва... Какое счастье! Мама жива! Скоро я увижу отца! Встречусь с друзьями! Все ликовало во мне! Я не видел города почти два года.

Сколько пережила Москва за прошедшее время! Выстояла ад бомбежек! Героический город! Впервые за всю войну – именно Москва остановила фашистские орды. Ни одна европейская столица не смогла этого сделать! С тупым упорством Гитлер ежедневно обещал: «Завтра Москва станет немецкой!» Но она пожелала остаться русской! Москвичи отстояли себя. Точнее, вся страна боролась и отстояла Москву!

Светило солнце, я шел по Москве, полной грудью вдыхая весенний московский воздух. Спустился по улице Дурова к бульвару. Обошел знаменитый Уголок Дурова – радость московских детей, и направился к Самотечной площади.

Театр Красной Армии – не узнать! В целях маскировки высокое монументальное здание в форме пятиконечной звезды архитекторы и художники превратили то ли в лес, то ли в сад. Как удалось это сделать? Невероятно!

Вот и Центральный рынок. Полон людей и продуктов! Чего тут только не было! Молоко, картошка, мясо и сало, овощи... Здесь же торговали часами, дровами, книгами, одеждой, нитками и иголками, мылом... Но цены!..

– Побойтесь бога! – вырвалось у меня.

Глядя на мои офицерские погоны, колхозные дамы в белых крестьянских платочках чуть снижали цены.

Я купил поджарого куренка, три помидора, пять огурцов, полкило творога – и заплатил 1000 рублей! Три кило картошки стоят 300 рублей, литр молока – 80. За подержанные сапоги заплати 2000. Не ахти какие часы можно приобрести за 1500. Больше всего покупателей толпилось у огромных мешков с картошкой, видимо, привезенных издалека.

Теперь домой! Неподалеку прозвучал трогательно знакомый трамвайный перезвон – «Аннушка»! Москвичи всю ругали трамвай, мол, и ходят без расписания, и ждать приходится долго, а я любил трамвайные поездки, особенно возвращаться на «Аннушке» с Самотеки на Сретенку, одну из моих любимых улиц. Но на сей раз решил пойти пешком. Закинул за плечи вещмешок с продуктами и пошел, напевая свою любимую песенку «О коте и короле». Гордый добытым провиантом, вышел на Садовое кольцо, оглядываясь на ходу, не пропуская ни одной вывески, витрины, плаката, – все становилось поводом к размышлениям, все важно и интересно увидеть и запомнить.

На фронте представлялось, что я увижу безлюдный город – сколько людей полегло за него, сколько уехало в эвакуацию, а голод, бомбежки!.. (Позднее я узнал, что только в 1941-м эвакуировали более двух миллионов, то есть половину москвичей.) Но город полон людей; я внимательно вглядывался в прохожих: как все изменилось – лица, походка, одежда, даже обувь. Одеты люди однообразно и скверно: многие мужчины и женщины в ватных брюках, телогрейках, спецовках; на ногах почти у всех резиновая обувь – сапоги, боты, калоши. На улицах стало непривычно много военных. Часть из них, скорее всего, службисты: лица самоуверенные, сытые, сами – чистенькие, наутюженные, и все куда-то торопятся, в столице из их служебных адресов можно составить целую книгу: Ставка, Генштаб, Министерство обороны, Главное политическое управление, Народный комиссариат внутренних дел, колоссальный интендантский аппарат, главные управления авиации, противовоздушной обороны... Другая категория офицеров – люди, выписанные из госпиталей. В Москве десятки госпиталей, и это заметно, излеченные неспешно бродят по городу,

наслаждаясь весной, радостью выздоровления, неожиданной встречей со столицей – еще день, неделя, и они отправятся на фронт.

Зашел в несколько магазинов. Тут все разговоры – о продуктах. Сейчас все выдают по талонам, но, бывает, и талоны нечем отоварить, часто по несколько недель подряд. Иждивенцы не получают практически ничего – только хлеб и соль. Водку продают только по спецталонам за хорошую работу. Зато в магазине можно бесплатно и вволю напиться горячей воды.

У газетных витрин – их стало на улицах больше – постоянно толпятся люди, читают через плечо друг друга, обсуждают новости и всюду ругают союзников за оттягивание сроков Второго фронта, кто-то запустил в их адрес гадкое слово «саботажники». Повсюду в городе – конные и пешие патрули, особенно много их в центре и возле вокзалов. Пока я добирался домой, меня дважды останавливали. Москва была все еще закрытым городом и, вероятно, еще долго таковым останется.

Новые впечатления

Открыл мне отец. Он ждал меня, ему сообщила Роза Яковлевна. Проговорили мы до вечера. Он рассказал, что, пока он находился в Кыштыме, всю нашу библиотеку, до последней книги, сожгли жильцы, въехавшие в нашу квартиру в Кускове:

– Что поделаешь, возок дров стоит четыреста-пятьсот рублей, люди топят, чем могут, как-то переживают лихолетье. Многие дома до сих пор не отапливаются, в учреждениях и квартирах появились «буржуйки». Установлен жесткий лимит на электроэнергию, с приходом весны увеличился период отключения электричества. Вокруг столицы еще сохраняется сильная, правда, уже облегченная, противовоздушная оборона – помогли американцы.

Вечером стал звонить друзьям. Отыскал только Марка Подобедова, пригласил его на следующий день в ресторан.

Пировали мы с Марком в коммерческом ресторане «Арагви». Заказали по жиденькому салату – несколько зеленых листиков плюс три-четыре маслины, по порции гурьевской каши со шкварками и бутылку боржоми. Выпили по 50 граммов водки. Заплатил я за обед 1000 рублей.

Марк рассказал, что в сорок втором стало легче, главное – отпала опасность захвата Москвы. Но холодные голодные зимы стали испытанием для всех горожан. В самые трудные времена оголодавшие люди варили картофельные очистки и мезгу; из хвойных иголок с добавками делали витаминный напиток. Спали в свитерах и носках, даже в верхней одежде, под двумя-тремя одеялами. Не всем удалось пережить это ужасное время. Люди, освобожденные от службы в армии, проходили постоянные переосвидетельствования. Чаше, чем раньше, стали забирать в армию белобилетников: «Найдется и для вас дело в армии», – убеждали военкомы.

– Меня дважды пытались забрать, – говорит Марк, – но с моей астмой – куда мне...

Выйдя из ресторана, прошлись, как прежде, по улице Горького и на этом расстались: Марк спешил на зачет по противохимической обороне. Сейчас вся Москва учится на случай химической атаки врага, стар и млад изучают брошюру «Будь готов к ПВХО». Чушь! Никогда немцы не пойдут на применение отравляющих веществ. В ответ союзники в один день превратят Германию в сплошное кладбище. Это понимал и Гитлер.

Ненадолго остановился на Пушкинской площади. Здесь по-прежнему вокруг памятника поэту дети играли в войну. Но как изменился характер их игр! Теперь они делились не на «красных» и «синих», теперь все иначе: есть «наши» – их любимцы, и есть «фашисты» – противные и злые, их не любят, это убийцы их дедушек, отцов и старших братьев. Подумать только, как изменилось даже детское восприятие жизни! Они больше не хотят разучивать милые песенки, лепить из пластилина козчиков и человечков, играть на рояле, прыгать и скакать. Играя в песке или рисуя, дети сбивают вражеские самолеты, уничтожают фашистские танки, топят их корабли, захватывают пленных... В этих играх страшное обличье войны входило в еще не окрепшее сознание ребенка и делалось главной темой его повседневной жизни.

Пешком дошел по улице Горького до Белорусского вокзала, забрался в 12-й троллейбус и проехался от вокзала до Центра. По дороге мне рассказали, что в сорок первом этим маршрутом троллейбусы перевозили раненых с переднего края.

Вход на Красную площадь был закрыт, но мне удалось разглядеть выстроенную над Мавзолеем имитацию трехэтажного особняка. Только совсем недавно я узнал, что саркофаг с телом вождя еще в

сорок первом был перевезен в Тюмень. Как часто мы, курсанты, обучаясь в Тюменском училище, с песнями проходили мимо здания, в котором находился ленинский саркофаг, но никто из нас тогда об этом не догадывался.

Вдоль кремлевских стен были выставлены громадные макеты городских зданий. Такие же деревянные или фанерные постройки заполняли Красную и Манежную площади. Я надеялся насладиться блеском позолоченных глав кремлевских соборов, но не увидел их – для маскировки все купола покрасили черной краской, а красные звезды на башнях Кремля и все кресты на соборах накрепко затянули мешковиной. Кремлевские корпуса были перекрашены под жилые здания. От Боровицких до Спасских ворот насыпали песчаную декоративную дорогу – сверху она выглядела как шоссе. Этот «маскхалат» во многом спас от бомбежек святыню России. По слухам, несколько бомб все же попали на территорию Кремля. Во время первого налета 250-килограммовая упала на Большой Кремлевский дворец, пробила крышу и потолок Георгиевского зала, но не взорвалась: ухнула на пол и развалилась, образовав большую воронку в паркете. Другие бомбы особых разрушений не причинили, но погибли люди.

Какое великое благо, что немцы не захватили Москву! По приказу Гитлера, это стало известно из рассказов военнопленных, была сформирована специальная саперная команда с приказом разрушить Кремль до основания. Не сумел погубить Кремль и Наполеон, хотя также издал подобный приказ.

Спустился в метро и объехал все станции от «Площади Революции» до «Покровских Ворот». Ощущение необыкновенное – словно попал в волшебное подземное царство. Но пассажиры, казалось, не замечали этого чуда – хмурые строгие лица, у многих вещмешки за спиной, портфели и сумки через плечо, некоторые – с загруженными небольшими колясками.

Неля

Как быстро мчится время – прошла уже почти половина моего отпуска! Ощущение, что на фронте оно тащилось улиткой. На четвертый день мы с отцом под расписку забрали маму домой. Вечером мама устроила небольшое чаепитие, пригласив Нелю, дочь папиного друга Владимира Львова.

Неля – сюрприз мамы к моему приезду, о чем она сообщила мне еще в больнице и рассказала о ее семье. Отец Нели разошелся с женой и привел в дом московскую красавицу с двумя маленькими девочками; повстречав Львова, она бросила мужа, крупного генерала-тыловика:

– Нелю ты увидишь. Она студентка мединститута. Очаровательная, скромная, порядочная девушка. Мы с папой ужасно встревожены, что ты влюбишься в какую-нибудь фронтovou шлюху и приведешь ее в дом.

– Ну-ну, мамочка, – возразил я, – так сразу не женятся.

– Так сразу и женятся. Наш с папой пример разве ни о чем тебе не говорит?

И вот наступил вечер. Мама достала из неприкосновенных запасов бутылочку вкусной наливки. Неля пришла вовремя и сразу завоевала общее внимание, украсив собой вечер. Она смешила нас забавными медицинскими историями и анекдотами, заражая своей бурной энергией, веселым нравом, простотой общения и неиссякаемым остроумием, при этом – никакой пошлости. В общем, мы с мамой насмеялись вдоволь и провели приятный вечер.

В Неле было много симпатичного, но эта женщина не захватила меня.

Я пошел ее провожать. Шли не спеша, Неля рассказывала о своем институте, московской жизни:

– Врачей все больше забирают на фронт, поэтому многих студентов старших курсов привлекают для работы в госпиталях. До сих пор, хотя осадное положение уже снято, сохраняется комендантский час, введенный в сорок первом. С полуночи до шести утра город замирает: люди прячутся в свои квартиры, пустеют площади и улицы, гаснет освещение – тьма наступает такая, что неразличимы этажи зданий и тротуары, люди увечатся, теряют дорогу к своим домам. Пришлось окрасить в белый цвет обочины тротуаров и фонарные столбы...

Я видел на улицах следы этой белой краски.

Как и все москвичи, с кем я общался, Неля особо отметила, что на одну ночь – под Новый, 1943 год – комендантский час отменяли:

– В ту ночь многие, ошалев от радости, встречали праздник прямо на улицах, площадях, в скверах, на бульварах. А сейчас ходят слухи, что отменят и на пасхальную ночь, и все с нетерпением ждут этого события.

Приметы войны обнаруживались на каждом шагу. Окна в домах были по-прежнему обклеены накрест бумажными лентами. Часто встречались указатели к бомбоубежищам и пунктам приема крови. Над номерами домов и в подъездах нормальные лампочки заменили темно-синими, но и они, как объяснила Неля, светят лишь до полуночи. В вечернее время по-прежнему действовал режим светомаскировки. На случай пожаров по ночам поочередно дежурили бригады добровольцев. На всех машинах фары еще снабжены маскировочными сетками: при зажженных фарах они всегда должны быть опущены – сетка глушит свет фар, оставляя на дороге лишь еле видимую узкую полосу света. Теперь вроде бы это в прошлом.

По пути Неля останавливала меня возле некоторых зданий и рассказывала любопытные истории о домах, мимо которых раньше я проходил, не обращая внимания. Никогда раньше я над этим не задумывался и, гуляя с Нелей, всего за один час узнал много нового.

Мы спустились к Самотеке, Неля указала на расположенное на взгорке мрачное трехэтажное здание:

– Здесь вот уже более ста лет располагается знаменитый Анатомический театр. Кто только здесь не побывал, каких только зрелищ не знала эта анатомичка!.. Сейчас, правда, она называется Институтом судебной медицины.

– Вы тоже его посещаете? – спросил я.

– Конечно, для студентов это обязательно.

Мы остановились у здания на Каляевской улице.

– Здесь я живу, – сказала Неля. – Этот дом построен в тридцатые годы по проекту американских архитекторов. Для советской и партийной элиты. В тридцать седьмом всех его обитателей расстреляли. Из двухсот квартир не тронули всего пять... – Внезапно она спохватилась: – Ой, скоро комендантский час!

Время пролетело незаметно, и конечно, мы прозевали комендантский час. Я заволновался: не хотелось рисковать – говорили, что задержанных уволокивают на всю ночь в комендатуру, держат вместе с проститутками и только утром начинают разбираться.

– Ничего страшного, – успокоила Неля, – позвони домой и переночуешь у нас. Мы привыкли, теперь в каждой семье держат раскладушку. Но тебя мы положим на кровать, идем в мою комнату.

Следом за нами в комнату вошла красивая величественная женщина.

– Галуша, – отрекомендовала мачеху Неля.

Мы познакомились.

– Я постелю вам в столовой на диване, – предложила хозяйка.

– Нет-нет, – запротестовала Неля, – я сама лягу на диване, а гостя положим в моей комнате. Там ему будет удобнее, и утром он никого не побеспокоит, сможет поспать сколько захочет.

Генеральша согласно кивнула и оставила нас.

– Запомни, мой друг! – вдруг патетично произнесла Неля. – Когда ты станешь генералом, самая красивая женщина сбежит от тебя, если ты проявишь к ней грубость и не избавишься от солдафонских привычек. Тем более если она встретит такого мужчину, как мой отец, – высочайшего интеллигента и умницу.

Дальше события разворачивались, как в скверном анекдоте. Неля принесла из столовой солидную бутылку со спиртом, пачку печенья и два стакана.

– Ну, фронтовик, выпьем за встречу!

Не успел справиться с первым стаканом, обжегшим все мое нутро, как она налила второй. Подумал – чего она так торопится? И делает вид, будто пьет, а сама разбавляет спиртыгу водой. Зверский напиток! Но я, черт возьми, хотел показать себя!

После второго стакана я почувствовал, что пьянею и туго соображаю. Я произносил какие-то нелепые, ни к селу ни к городу, слова, Неля хохотала. Поглядев на мои награды, она повертела в руках медаль «За отвагу», сказала с ехидцей:

– Какой отважный офицер, сколько боевых наград, а с женщиной – зайныка-трусишка.

После таких обидных слов я пошел в атаку, стал расстегивать ей блузу, но тут же свалился. Дальше я уже ничего не помнил.

Меня раздели, сняли сапоги и уложили в постель. Но это я понял только утром. Господи, что я натворил! Стыд и срам!

Такой оказалась моя первая ночь с предполагаемой невестой!

Нели в доме не было. На столике лежала записка: «Прощаю. Считаю все, что было, шуткой. Позвони мне после трех. Мы приглашены на день рождения к моей лучшей подруге Ленке. Тебе будет интересно. Сбор в пять часов. Купи на рынке цветы».

Ни одного теплого слова. Впрочем, разве я заслужил?

Вечеринка

Мы с Нелей немного опоздали. По дороге Неля успела рассказать мне о хозяйке дома, к которой мы шли:

– Отец Ленки – дипломат, какая-то важная шишка. Когда мы с Ольгой помираем с голодухи, то звоним и мчимся к Ленке, она всегда накормит. Мы называем ее «царевой дочкой».

Гости уже сидели за столом, нетерпеливо ожидая нас. Хозяйка представила меня, усадила рядом с собой, познакомила с друзьями. Оля и Игорь – сокурсники Лены, молодожены, славная пара. Филипп – одаренный журналист, печатается в центральных газетах.

Тосты следовали один за другим. Пили за Лену, за ее родителей, за студенческую дружбу. Как я понял, собрались люди, давно знавшие друг друга, ценившие старую дружбу, друг о друге говорилось в восторженных тонах. Но царила в доме, конечно, Лена – его хозяйка. Воистину – «царева дочка»! Природа многим одарила ее. Она была полна живости, обаяния, держалась просто, без жеманства и кокетства. Компания души в ней не чаяла, и было заметно, что это всеобщее восхищение доставляет ей удовольствие, заставляет гордиться собой. Я тоже поднял бокал:

– Выпьем за очаровательную женщину! За Елену, которую все обожают! Читайте и меня своим!

Лена чокнулась со мной и тут же перешла на «ты».

Вечер удался. Все чувствовали себя раскованно, танцевали, шутили. Когда я танцевал с Нелей, она спросила:

– Тебя нравится Лена?

Я не скрывал:

– Очень!

– Сегодня нас ждет сюрприз, – добавила Неля. – Придет мать Ленки, она только что вернулась из эвакуации.

Я знал, мне рассказал отец, что начальству наркоматов и заводов разрешили вызвать своих жен.

Вниманием всей компании завладел Филипп, говорили о Втором фронте.

– Когда же наши союзнички изволят зашевелиться?! – с гневом воскликнула Лена.

– Думаю, скорее всего лишь в следующем году, – сказал Филипп. – Как ни грустно, но Черчилль объявил, что и в этом году не удастся открыть Второй фронт на европейском континенте. – И к месту рассказал анекдот: – Два москвича стоят перед тумбой, обклеенной театральными афишами – на всех большими жирными буквами напечатано: «А. Корнейчук. Фронт». «Это ж надо, – говорит один, – одновременно в четырех лучших театрах!» Второй отвечает: «Союзники никак не могут открыть один Второй фронт, а мы, москвичи, открыли сразу четыре!»

– Кто смотрел «Нашествие» Леонова? Говорят, постановку выдвинули на Сталинскую премию.

Никто не смотрел, но Оля высказала, по-видимому, общую позицию:

– Я слышала, слабая пьеса, похуже «Фронта» – «шедевра» Корнейчука.

Неля решительно протестовала:

– Я достала два билета во МХАТ, завтра идем с Борисом на Леонова.

Вмешался Филипп. Он рассказал, что, по слухам, Сталин за последний месяц четыре раза вызывал к себе генералов Московской противовоздушной обороны, потребовал, чтобы ни один вражеский самолет не появился над Москвой. Его разозлило, что в марте фашистская авиация дважды пыталась прорваться к Москве. Наши зенитчики из ста летящих к Москве самолетов сбивают пятнадцать.

Слухи, слухи... Значит, немцы здорово бомбили Москву, сделал я вывод. Как я понял, Москва жила слухами, что напомнило мне солдатский телеграф; и в первом и во втором случае причина,

вероятно, была одна: отсутствие своевременной и правдивой информации.

Сидевшая рядом Неля тихо сказала:

– Филипп – колоритная фигура, известный московский балетоман. А вообще хвастун и позер.

Точно, это и мое мнение. Зачем он отрастил усы, они его вовсе не красят. Сейчас не только в Москве повальная мода на усы «а-ля товарищ Сталин».

Филипп, скорее чтобы занять компанию, фиглярски спросил:

– Что новенького на фронте?

Ах ты, гад, рассердился я, фронт – это тебе не театральная тумба с афишами! Ответил в том же тоне:

– С Нового года солдатам стали выдавать гимнастерки без карманов.

Все поняли мой ответ, но Филиппа он не смутил.

Лена угостила нас натуральным британским чаем, такого вкусного чая я еще не пил. Собрались уходить, и Филипп попотчевал гостей, видимо, заранее заготовленной изюминкой:

– Слышал, что «Правда» скоро начнет печатать Шолохова – «Они сражались за Родину». Название многообещающее...

В коридоре долго прощались, целовали и благодарили хозяйку, а она вдруг подошла ко мне и, не стесняясь гостей, стала расстегивать пуговицы моей шинели и заявила командирским тоном:

– А ты, старший лейтенант, останешься мыть посуду.

Смущенный ее поступком, я взглянул на Нелю. Она невозмутимо поддержала подругу:

– У хозяйки сегодня праздник, следует выполнять ее желания.

Гости рассмеялись, Оля пошутила:

– Ленка в своем репертуаре.

– Как же ты одна домой доберешься? – обратился к Неле.

– Меня проводит Филипп.

Мы остались вдвоем с Леной.

Елена Прекрасная

Хозяйка провела меня на кухню и ушла, как оказалось, переодеться. Затем я аккуратно мыл и вытирал каждую тарелку – саксонский фарфор! – а Лена стояла рядышком в замысловатом коротком халатике – на меня она накинула красивый фартук – и бережно мыла не менее редкостное стекло: рюмки и стаканы со старинными вензелями.

– Ты чего дрожишь? Ведь не на фронте.

– На фронте я не дрожу.

Она рассмеялась, и – нелепость какая! – у меня из рук выскользнула столовая тарелка и шлепнулась об пол, от саксонского фарфора остались одни осколки. Я покраснел, стал извиняться, ожидая суровой брани, но она опять засмеялась:

– За разбитую тарелку – два наряда вне очереди! Кажется, так принято наказывать провинившихся? Иди прими ванну, ты же из вшивых окопов. Там же найдешь пижаму. Утром уберешь квартиру и вынесешь во двор ведро с мусором.

Когда я вошел в спальню и включил свет, первое, что бросилось в глаза, – небольшой томик в бордовом переплете, лежавший на столике рядом с кроватью. Я раскрыл его... Библия! На английском языке! Издана в Лондоне! Она религиозна?! Знает английский?!..

Вошла Лена! С распущенными волосами, вся какая-то особенная, в аромате дивных духов – она показалась мне богиней!

– Ну-ка, господин офицер, живо в постель! – скомандовала прекрасная Елена.

Я подчинился. Сама же Лена расстелила на полу коврик, опустилась на колени и принялась молиться перед иконой. Как я не заметил иконы? Потом она прочла вслух на английском из Библии, и свет был погашен. На меня обрушился «Ниагарский водопад» – я забыл обо всем на свете, я наслаждался нашей близостью, прервать которую было невозможно всю эту необыкновенную ночь, когда впервые в жизни я познал женщину.

На рассвете я чуть задремал, но тут же проснулся. Лена, утомленная, спала; я смотрел на ее роскошные рыжие волосы, разбросанные по подушке, ее холеные красивые руки – и восхищался чудом природы. Как странно – эта женщина случайно и внезапно ворвалась в мою жизнь, и за одну

ночь сумела сделать из мальчика мужчину!

Прав был Шурка, ставя женскую красоту и женскую любовь выше всего – выше книг, футбола и всего-всего! И вместе с тем в сознании бродила неясная мысль, что, наверное, знойная ночь с Леной – это все-таки не любовь, – наверное, это страсть. Ошеломляющая страсть! Но кто меня осудит и бросит камень? В своем поклонении я переживал возвышенные чувства, святое служение красоте. Той ночью я был Суворов!

Лена, приоткрыв глаза, потянулась ко мне:

– Храни тебя господь; отвратительная война, сколько жизней она покорежила. Кто может объяснить, зачем тысячелетиями люди убивают друг друга? Еще Гомер в лице Афины воздал хулу Аресу, богу войны, назвав его «адским безумцем».

– Ты знаешь Гомера?

– Нет, милый, мне нравятся его стихи. Гомер – это мудрый древнегреческий поэт. Советую тебе хоть раз в жизни прочесть его поэмы, – это произведения философа.

– Здорово... – сумел я выговорить. – Леночка, вчера, я слышал, ты молилась за какого-то Федю, Кто этот человек?

– Удовлетворю твое любопытство. У меня есть муж. Мы познакомились два года назад, еще до войны. Федя тогда заканчивал Институт военных переводчиков. Сейчас он на фронте, и каждый божий день я молюсь за его спасение. А с тобой, милый, я – во грехе. Я обожаю блуд. Особенно с такими, как ты, мальчиками. Но тебе этого не понять. Человек – существо, рожденное для веры, а ты, милый, – коммунист-атеист, поэтому не в состоянии понять моего честного раскаяния перед Всевышним.

– Ты не совсем права, у меня тоже есть вера. На фронте, да и здесь, благоденствуют люди, живущие по принципу «война все спишет». Я придерживаюсь иного принципа: война не простит.

Мы трогательно простились. Лена перекрестила меня. Я отдал ей искусно вырезанный из дерева крестик, подаренный мне Маврием.

Когда на следующий день я провожал Нелю после спектакля, у нас произошел разговор.

– Замуж, мой друг, я за тебя не выйду, – сказала Неля. – Считаю меня несостоявшейся женой. Жаль Евгению Борисовну, она огорчится.

– Не можешь простить, что я остался у Лены? Ты сама поставила меня в двусмысленное положение.

– Что ты! Наоборот, я рада. Скоро ты уедешь на фронт, как сложится твоя судьба – не известно, если Лена подарила тебе радость – прекрасно! Думаю, ты поймешь меня, если я прочту тебе несколько строк Симонова:

А тем, которым в бой пора,
И до утра дожить едва ли,
Все ж легче вспомнить, что вчера
Хоть чьи-то руки их ласкали...

Ты добрый и честный, но еще зеленый – и душой, и умом. За сказанное не сердись, это правда. Погоны и медали тебя украшают, но дури в твоей голове еще много. Ты не умеешь ценить и любить женщину, почитай Пушкина – на какой высочайший пьедестал он поставил женщину. А ты... Через месяц ты забудешь и Лену, и меня. (Кажется, я забыл их раньше, чем через месяц.) Не расстраивайся, ты еще очень молод. Если будет худо, пиши!

Я выслушал монолог Нели отнюдь не спокойно. Стало не по себе – неужели таков мой портрет?... Пройдет еще много лет, прежде чем я пойму истинный смысл сказанного Нелей – доброту ее слов.

Мужской разговор

На седьмой день моего отпуска папины друзья пригласили нас в ресторан Дома архитекторов. За столом собрались близкие люди, все испытывали радость дружеской встречи. Нас ждало необычное событие: рядом занимал столик знаменитый артист Александр Вертинский со своей красивой женой, они недавно вернулись из эмиграции, на ковре возле их столика играли две

маленькие девочки, его дочери, в будущем ставшие актрисами.

Кто-то из сидящих за нашим столиком сказал:

– Москва полна слухов о Вертинском. Выманивают эмигрантов поодиночке, чего только не обещают, ставят в пример графа Алексея Толстого. Но пока из крупных птиц решился только Вертинский. Ходят слухи, и Куприн собирается в дорогу. А Бунин – непреклонен. Возвращение эмигрантов в Россию – это большая политика, дело тонкое...

После встречи отец предложил мне немного прогуляться, и у нас состоялся разговор.

– Ты вырос, возмужал, – сказал папа. – Молодец, что маме часто пишешь, твои письма для нее – как воздух. Благодарим тебя и за денежный аттестат. (После войны, когда в сорок шестом я вернулся домой, меня просто ошеломило известие, что с сорок второго – года получения аттестата – родители не сняли с него ни копейки.)

– А я, папа, горжусь твоим кыштымским подвигом.

– Не преувеличивай. Мое мнение: ты молодчина. Считаю, что в армию пошел добровольцем. Я тогда одобрил твое решение, хотя и понимал, что скоро попадешь на фронт. В Кыштыме ты выдержал первый экзамен. Второй – на фронте: стал офицером. Тяжело тебе там?

– Бывает. Но я уже втянулся. Дважды был ранен.

– Ты не писал.

– Маму берег.

– А самое тяжелое?

– Наверное, первый бой. Из роты в строю нас осталось восемь. Понятно, комсорг полка, подальше от переднего края, но на самом деле – не всегда так. До меня погибли два полковых комсорга и четыре батальонных. Но, папа, фронт – это не только бои...

Что я мог рассказать отцу?! Разве можно объяснить, что хуже всего – это состояние непрерывного напряжения и бесконечный тяжкий физический труд. И еще страх смерти, гибель товарищей, изувеченные люди – когда боль и страдания за гранью возможного и, не в силах перенести муку, человек молит об одном: «Лучше бы я погиб!» А холод, и голод, и нестерпимая жара, и сон в снегу, в грязи и воде. Сложные взаимоотношения с подчиненными и начальством. Но фронт – это еще и бесценная солдатская дружба, и вера в оружие в твоих руках. И конечно, еще два обстоятельства – они вне общего перечня. Это высокое чувство воинского долга перед Отечеством. А с другой стороны – предательство.

Сейчас я думаю: как человек мог вынести все это? Наверное, помогала молодость. В юности человек сильнее и гибче, ему легче приспособиться к обстоятельствам. Да, только молодость позволяла выдержать и справиться с этим адом.

– Хочу поговорить с тобой по одному житейскому вопросу. – Папа закурил очередную папиросу. – Меня просила об этом твоя мама. Ты сейчас в таком возрасте, когда всякая девушка кажется необыкновенной. Прошу, пойми нас правильно: не спеши с выбором и женитьбой. Тебе надо учиться, приобрести специальность, найти себя в жизни. Пока я здоров, постараюсь помочь. Сколько разбитых судеб – юноши спешат, а потом раскаиваются. Не обижайся, дети чаще взрослых попадают в сложные ситуации, ищут выход – и легко поддаются внушению.

– Я уже не ребенок, папа.

– Только не для нас с мамой. Ну хорошо, давай не будем больше об этом. Как тебе Москва?

– Честно говоря, не очень. Меня всюду представляют как человека с фронта, но никто ни разу серьезно не поинтересовался фронтовыми делами: как мы воюем, о чем думаем, как живем. Мне кажется, Москва бесконечно далека от фронта, это совершенно другой мир, военная бюрократия...

– Ты не прав, – перебил отец. – Если бы все было так, как ты утверждаешь, фронт не продержался бы и дня. По твоей логике – и я бюрократ.

– Я понимаю, и в тылу живут трудно. Но меня раздражают эти бесконечные разговоры о дровах, карточках, лимитах и поисках куска мыла, лампочки. Идет война!

– Опять ты не прав. Да, война. Но именно тыл освобождает фронт от многих забот. А человек не может существовать вне быта. Людям очень тяжело. Без света, без тепла. Ты обратил внимание, что в Москве исчезли все заборы?..

Мы подходили к дому, и отец сказал:

– Что ж, я рад, что встретил не того юношу, которого провожал в декабре сорок первого, скорее – почти зрелого человека. Как нам с мамой хочется дождаться и увидеть тебя вернувшимся с войны.

Конечно, победителем.

– Ты забыл добавить: и холостым!

Папа рассмеялся.

Прощальный вечер

Заканчивался восьмой день отпуска, завтра утром вокзал и... Родители устроили прощальный ужин. Пришли Львовы с Нелей, Ханнан Затучный, старый друг отца; из Тулы приехал давний друг семьи Лева Коростышевский – объявился, как всегда, внезапно. Мама пригласила Розу. Накануне я съездил на интендантский склад, получил сухой паек за девять суток, в том числе американские продукты, вышла приличная добавка к столу.

Вечер, благодаря Львову, вышел необычным и очень сердечным, хотя и печальным. Я узнал, что погиб Сеня, сын Коростышевского, мой друг детства, погиб в первые дни войны, на западной границе. Не радовало и близкое расставание с родителями.

Затучный, перехватив инициативу у Львова, пустился в рассуждения о Втором фронте:

– Всем хочется, чтобы союзники поскорее высадили войска на европейском континенте. Но союзники не готовы к этой операции. Известно, чем закончился бросок в сорок втором под Дьепом – огромными потерями. Что же, союзники сидят без дела и ждут, пока мы с немцами переколошматим друг друга, как большинство представляет себе?

Вот мой ответ. Постепенно наращивая силы в Британии, американцы и англичане вторглись в Северную Африку и под Эль-Аламейном разгромили трехсоттысячную армию итальянцев и немцев. Фактически победа эта означает срыв немецкого блицкрига на Суэцком канале. Было взято в плен двести семьдесят тысяч человек, фельдмаршал Роммель едва успел скрыться на самолете. Значение этой победы в нашей печати умалчивается.

Планы союзников? Отвечаю. Перемещение из Африки – скорее всего на Сицилию. Оттуда, видимо, – в Италию и затем – во Францию. Думаю, таков примерный стратегический план союзников. Знают о нем немцы? Знают, но не могут справиться с воздушной и морской мощью союзников. Армады американской и английской авиации ежедневно бомбят Германию, превращая в руины немецкие города, разрушая их коммуникации. Скажите, разве это не война с нашим общим врагом – фашизмом?

Закончив фактически целую лекцию, заставившую гостей оторваться от еды и внимательно слушать, Затучный обратился ко мне:

– Что думает о моей концепции человек с фронта?

– Я не в порядке упрека, но, пока они разрабатывают свои стратегические планы, каждый год, день, час продолжения войны – это новые и новые жертвы. В первую очередь – наши! Разве это справедливо?! Открытие Второго фронта волнует всех – в тылу и на фронте, но дело затягивается, что заставляет сомневаться в верности и искренности союзников.

Но словоохотливый Затучный уже переключился на другую тему.

– Куда мы движемся? – глубокомысленно спросил он, воздев правую руку. – От социалистических идей – к панславизму. От советского образа жизни – к служению Отечеству. От красных командиров – к офицерам и солдатам с погонами. Все громче гудят колокола во вновь открываемых в России церквях...

Я не очень разбирался в тонкостях сталинской политики, знал только, что в Москве прошел Всемирный съезд славянских народов.

Мы с Нелей вышли покурить на лестничную площадку. За все дни пребывания в Москве я не выкурил ни одной папиросы, но сегодня, волнуясь, надеясь на встречу с Розой, я закурил. С Нелей мы опять спорили.

– Твой отец рассказал мне, что ты упрекаешь москвичей, будто их не интересует жизнь на фронте, назвал это мещанством. Это правда? – спросила Неля.

– Правда! – упрямо подтвердил я.

– Очень жаль! Неужели ты не понимаешь, как люди устали. Посмотри на эти исхудалые зеленые лица, эти сгорбленные фигуры, отвислые женские груди, я уже не говорю об одежде. Народ отдает фронту все, что может: мужей, сыновей, дочерей, духовные и физические силы – а конца войны все не видно. Не суди по Лене о жизни рядового москвича, Лена ежедневно моется свежими

огурцами, а один огурец на рынке стоит двадцать рублей.

А молодежь! Она в страшном положении! Двенадцатичасовой рабочий день на заводе – без выходных, без нормального сна, нормальной еды. Ужасные жилищные условия – миллионы людей живут в бараках. И каждую ночь все эти ребята дежурят на крышах... А молодость проходит! А каково девчонкам! Им хочется любви, личной жизни, надеть приличное белье, а не застиранный до черноты лифчик, иметь хотя бы пару незаштопанных чулок. Я не говорю о куске мыла, духах, – это запредельные мечты! Но хуже всего – старикам, они помирают, как мухи! А нас все призывают и призывают к патриотизму...

Ошарашенный, я слушал Нелю молча, как человек без языка, и думал: кто же из нас прав? Конечно, фронтовику трудно понять, чем живет тыл. Но и людям тыла нелегко понять нас, фронтовиков. Что происходит со всеми нами?.. Захотелось поскорее переменить тему, закончить этот неприятный для меня разговор, и я спросил:

– Зачем ты повела меня на Леонова?

– Пьесу в печати называют самым серьезным откликом на Отечественную, интересно было услышать мнение человека с фронта.

– Актеры играют сильно. Но зрелище скучное, надуманное, далекое от реальной жизни. Так мне кажется. Настоящая пьеса о войне, наверное, еще впереди.

Но в тот вечер, честно говоря, меня больше занимала Роза. Одета она была скромно, без всяких украшений, но со вкусом; мне нравились тонкие черты ее лица, красивые черные волосы, аккуратным пучком уложенные на затылке, большие серые глаза, спокойно и внимательно устремленные на гостей. Но в мою сторону она почему-то не смотрела, вероятно, стеснялась, и краснела, когда мама говорила о ней приятные слова. Понравился мне и ее простой, но искренний тост:

– За добрую маму и ее доблестного воина.

После такого тоста я решил действовать: если повезет, так на рысях.

Роза

Мама попросила меня проводить Розу; оказалось, она живет в Марьиной Роще, опасном еще с довоенных времен районе. Впервые в Москве я взял с собой пистолет.

Роза почти всю дорогу молчала. Я не выдержал:

– Вам понравился вечер?

– Очень. Вашу семью окружают красивые, милые люди.

– Почему же вы молчите, доктор?

– Не знаю, всякие мысли...

– Например?

– Мучаюсь, приглашать ли вас в дом?

– Приглашать! – выпалил я: она все больше мне нравилась.

Роза рассмеялась:

– Хорошо, только потом не сердитесь: условия у меня ужасные, даже стыдно.

Наконец мы добрались до Розино дома. Глухая темень во дворе и подъезде, узкая, со скрипом, хлипкая лестница, прогнившие липкие перила. Осторожно поднялись на второй этаж, – пока добрались, я исчеркал, наверно, пол коробка спичек. Роза открыла дверь. Опять потемки, на сей раз – длинного мрачного коридора, правая его сторона была вся захламлена старой, пахнущей гнилью рухлядью, по левой стороне – двенадцать дверей. Это была огромная коммуналка.

Вторая дверь вела в комнатку моей дамы. Роза подошла к столу в центре комнаты, зажгла фитиль керосиновой лампы. Передо мной предстало скромное убранство ее жилища. Вдоль трех стенок притулились старый потертый диванчик, три шкафчика с книгами, плоский буфет. В глубине стояла невысокая ширма, видимо, закрывавшая «спальню». На двери висела прибитая гвоздями вешалка, на которую хозяйка пристроила взятую у меня шинель и свое пальто. В комнате было прохладно.

Я стоял молча.

– Еще раз извините за мое жилье в духе петербургских трущоб, – смущенно сказала Роза. – Вы первый человек, кого я пригласила к себе. В знак уважения, ведь вы с фронта. Электричества, как

видите, у нас нет, ванны тоже, кухня и туалет – в конце коридора. Но я благодарю судьбу и за это. Мы жили в Подмоскovie, родители и сейчас там, а мне чудом удалось получить московскую прописку и эту комнатку, и даже поставили в очередь на улучшение.

– И у всех здесь такие комнаты? – спросил я.

– Примерно такие же. У нас есть жилец, алкоголик, зовут его Федот, он сумел поставить у себя буржуйку и продает места возле нее другим жильцам. В холодные дни люди с утра занимают места и по очереди греются. Зато моя гордость – телефон, мне поставили как врачу. Кстати, позвоните, чтобы дома не волновались.

Я набрал номер... и соврал, что опять прозевал комендантский час, останусь ночевать у Львовых.

– Обманщик, – рассмеялась Роза, покачав головой. – Но, так и быть, оставлю вас ночевать, ляжете на диване. Я схожу на кухню, вскипачу чайник. Будем пить чай с вкусным вареньем.

Я остался рассматривать библиотеку. В одном шкафчике стояли книги по медицине, другой был полностью отдан русской классике, третий – поэзии. Потом мы уютно устроились за столом, пили чай, Роза рассказывала о родителях, своей жизни:

– Я почти не живу в этой развалюхе, зимой стараюсь чаще брать дежурства, часто ночью у подруг. Когда мне поставили телефон, жизнь здесь стала просто адом. Жильцы набросились на мой телефон, а я разрешала им звонить, только когда необходима срочная помощь. Что тут началось! Анонимки, угрозы, подбрасывали в комнату пустые водочные бутылки, объявляя меня пьяницей и проституткой. Пошли проверки, комиссии... Впрочем, что жаловаться, обычная жизнь коммуналки...

– Роза, милая, завтра в одиннадцать ноль-ноль поезд, я уезжаю на фронт, – я умоляюще смотрел на нее. – У нас осталась всего одна ночь. Только одна ночь! (Кажется, я потерял голову! Что я несу?!) Ты понимаешь, что означают мои слова?

Роза смолкла и удивленно смотрела на меня широко раскрытыми глазами, я ощутил на себе их ласковый теплый свет, глаза наши встретились, в них затрепетали дикие огоньки, и загасить их стало вдруг невозможно – что это, фантазия или удивительная реальность?! Какие-то мгновения... и в страстном порыве мы бросились в объятия друг друга, окунулись в море радости, для которой не существует берегов...

Потом она гладила мои волосы, шептала:

– Родной мой, с первой минуты, как увидела тебя в больнице, я поняла: пришел мой час! Все эти дни ждала твоего звонка.

– Как трудно с тобой расстаться, моя поэтическая натура!

– Почему ты так говоришь?

– Пока ты готовила чай, я рассмотрел твою библиотеку.

– Хочешь, прочту тебе моего любимого поэта?

– Константина Симонова?

– Что ты!

– Николая Тихонова?

– Ну что ты!

– Кого же?

– Слушай. Называется стихотворение «Литания влюбленных»¹⁸.

Я молча слушал. Она прочла еще одно.

– Нравится?

– Очень. Кто это?

– Киплинг, английский писатель и поэт. У нас его не очень привечали, мол, «певец Британии, владычицы морей». А сегодня Британия – наш союзник, и наконец-то издали томик его стихов. Я уверена, в детстве ты читал его прелестные сказочные вещи – «Джунгли» и «Маугли». А стихи его необыкновенно напевны.

– Ты их поешь?

– Редко. Аккомпанирую себе на гитаре.

¹⁸ *Литания* – обращение к богу: молитва или песнопение.

– Ты – прелесть! Теперь я понял: любовь всегда неожиданна, главное – не пропустить ее.

– Наверное, ты прав. Но я долгое время остерегалась, до тебя я пережила глубокое разочарование, – это потрясло меня. Когда мы с тобой встретились, я ужасно волновалась, пойдем ли мы друг друга. Война ужасна, превращает людей в зверей. Как хорошо, что ты не стал таким, сумел сохранить в себе чувства. Теперь мне не страшно, ты здесь, ты вошел в мой дом, стал частью моей души...

Я слушал ее, целовал и мучительно думал об одном: как нестерпимо летит время, даже любимая женщина не в силах остановить его, какая это глупость – «счастливые часов не наблюдают». Она – мой идеал! Суждено ли нам снова встретиться?..

А она все говорила – и такое, что можно было сойти с ума:

– ...Не знала до тебя, что можно стать такой счастливой, не верила в искренность, чистоту отношений; теперь я знаю, что обманывала себя, ты помог мне это понять.

А потом мы замерли – просто смотрели друг на друга и молчали, и это молчание сказало нам больше, чем самые высокие слова...

Нет сна – одно желание...

– Я люблю тебя, Роза.

– Все мужчины, когда близки с женщиной, клянутся в любви – так говорят мои пациентки, они многим делятся со мной.

– Ты мне не веришь?

– Верю.

– Тогда я буду краток. ЗАГС, наверно, открывается в десять. Мы пойдем в ближайший, и я уговорю расписать нас. Оттуда прямо на вокзал – ты проводишь меня.

– Уверен? Почему ты так решил, почему так торопишься?

– Я боюсь тебя потерять.

– Ты подумал о своих? Как они отнесутся к твоей идее? А мои родители! Я не имею права их обманывать. Нет, лучше ты пиши мне. А я буду ждать тебя, очень ждать.

– Может, ты и права, – неожиданно для себя согласился я. – Я буду писать тебе.

Почему вдруг охладел мой пыл?..

За окном брезжил рассвет, я гладил ее волосы и думал о ней – женщине, с которой собирался прожить целую жизнь, ее любовь чиста и безмерна – дар, посланный мне судьбой.

Говорят, молодость подобна жаворонку, она полна собственных утренних песен – во славу самой молодости и во славу любви.

Я не написал ей ни одного письма.

Белорусский вокзал

Провожал меня отец. Приехала и Неля. Втроем мы стояли на платформе. Вот-вот должен подойти поезд, уже к вечеру он доставит меня на фронт.

Шутили, смеялись, а на сердце у всех тревога, не отпускавшая ни на миг, – свидимся ли? Утром, провожая меня, мама плакала, я говорил ей, что буду писать, целовал, успокаивал, но что я мог сказать ей в утешение? Папа бодрился, только чаще, чем обычно, курил.

Подшел состав из шести вагонов. Побольше и пассажиров – в основном офицеры после госпиталей. Процедура проверки документов, билетов, и уже началась посадка. Папа вздохнул, кивнув на мой саквояж, и горестно произнес:

– Провожая сына с чемоданом, полным водки, но без единой книги.

Мы расхохотались. Действительно, мой саквояж был до отказа набит бутылками водки, чесноком и луком.

Неля попросила разрешения минуту поговорить со мной. Мы чуть отошли в сторону. Она сунула мне в руки симпатичного игрушечного медвежонка:

– Вот тебе талисман, он тебя спасет: я заколдовала его у одной известной московской цыганки. Как ты его назовешь?

– Вася, – назвал первое пришедшее на ум имя.

Милый Вася прошел со мной всю войну. Он и сейчас хранит меня. Я отношусь к нему не только как к реликвии, но как к солдату и другу.

– Держись, сын, – сказал папа на прощание и похлопал меня по плечу.

С Нелей расстались нежно. Поцеловала она и медвежонка Васю.

Состав тронулся.

Набрав скорость, поезд несся на запад, я стоял у окна, глядя на мелькавшие мимо картины. Но мысли были далеко. Две дивные женщины подарили мне свою любовь, еще одна стала другом, – редко выпадает такое нашему брату... И всех трех я очень скоро забуду. То ли причиной тому ветреность юности, то ли «толстая солдатская кожа», как сказала Неля, или бездушие?... Ответ был, пожалуй, иной. Фронт жестко, точно клещами, держал нас всех, от него не уйдешь, он никому не позволит надолго и без остатка отдаться собственным чувствам.

А кони все скачут и скачут,

А избы горят и горят... – и пока это так, ты – солдат, ты не принадлежишь себе. После Москвы я на многое смотрел по-новому. За два года войны каждый из нас – в тылу и на фронте – столько пережил, что хватило бы на три человеческие жизни.

...Как изменился пейзаж за окном. В Подмоскowie, куда ни взглянешь, всюду возились в земле люди: каждый свободный клочок во дворах, возле домов, даже у полотна дороги обрабатывался под огороды. А теперь пошла израненная земля, словно поработал здесь дьявольский гигантский каток. Сожженные дотла села. Пустые, заросшие пустоцветом поля. Изрытая окопами и противотанковыми рвами земля. Сплошь израненные леса, изрубленные снарядами и осколками. Хилые перелески; избитые, грязные большаки и дороги. Разрушенные до последнего кирпича поселки. Снесенные с лица Земли элеваторы и железнодорожные станции. И землянки, землянки на пепелищах... Лишь изредка замаячит одинокая фигура человека. И так всю дорогу до Вязьмы.

Москва уже казалась мне далекой планетой – мы, фронтовики, и москвичи, с которыми я встречался, были чужими друг другу: я не почувствовал в них гордости за нашу армию, наши боевые дела. Выходит, мы еще плохо воюем? А люди в тылу ждут побед, ждут скорого окончания войны...

К вечеру поезд прибыл в Вязьму.

Глава семнадцатая Освобождение Смоленска Апрель – сентябрь 1943 года

Подготовка наступления

Уход 9-й армии Моделя с Ржевского треугольника открыл Красной Армии путь на запад. Преследуя арьергарды противника, войска Западного и Калининского фронтов вплотную подошли к Смоленскому плацдарму – огромной Среднерусской возвышенности, расположенной между Днепром и Западной Двиной. Идея скорого освобождения от немецких оккупантов древнего русского города Смоленска захватила солдатские сердца. Из номера в номер дивизионная газета публиковала очерки об историческом прошлом города и Смоленщины, в особенности – о народной борьбе с наполеоновской армией. Каждый понимал, что всякое селение на нашем пути переплетено с судьбами Отечества.

В 1941 году Гитлер объявил на весь мир, что немецкая армия, открыв «смоленские ворота», скоро завоюет Москву. Но жизнь опрокинула планы захватчиков. В тяжелых боях за Смоленск Красная Армия задержала вермахт на два спасительных для Москвы месяца. Без тех кровавых сражений в сентябрьские дни сорок первого трудно сказать, как сложилась бы Московская битва. Мне кажется, историки не в полной мере оценили Смоленское сражение – первый крупный удар по противнику в начальный период войны.

Нам предстояло открыть те же «смоленские ворота», которые до Гитлера почти 130 лет назад открывал Наполеон. Только мы должны были распахнуть их не на Восток, а на Запад. За ними нас ждали истерзанные Белоруссия и Польша, а далее – Германия...

Гитлеровское командование отчетливо понимало всю серьезность сложившегося положения на Центральном фронте, поэтому сосредоточило на Смоленском плацдарме огромные силы – более 40 дивизий, оборонительные рубежи простирались в глубину до 120–130 километров, представляя собой шесть основательно оборудованных полос.

Однако Гитлер и его стратеги не учитывали в своих планах несколько новых существенных

фактов. Во-первых, Красная Армия набиралась силы и гнева. В сорок третьем она стала иной, пройдя суровую школу боев, в частности, и под Ржевом. Во-вторых, каждый боец, идя на запад, вовсю – до кровавых ран сердца! – наглядился на «новый порядок» оккупантов, и это была не пропаганда, а живые трагические картины того, что сотворили враги с Русской землей.

И сейчас, стоя в обороне, мы готовились к наступлению.

Дивизия получила крупное пополнение. За четыре месяца, с апреля до начала августа, солдаты, перекопав горы земли, оборудовали крепкие узлы обороны, построили оснащенные пулеметами ротные и взводные опорные пункты. На танкоопасных направлениях отрыли противотанковые полосы, установили противотанковые рогатки, ежи – и все, что можно, заминировали. Были вырыты и опоясаны колючей проволокой десятки километров окопов, траншей с ходами сообщений. С утра до поздней ночи Василий Алексеевич Полевик, новый комдив 220-й, обходил полки и батальоны. Отдельные офицеры скептически относились к ежедневному изнурительному труду, затеянному комдивом:

– Зачем это? Вот-вот пойдем вперед, оборона – дело временное.

Полковник терпеливо разъяснял:

– Суть создаваемой, возможно ненадолго, обороны – предупреждение внезапного нападения. Хотите обескровить дивизию перед наступлением?!

Любопытно, что солдаты не роптали. Лучше всех их настроение выразил один солдат-украинец:

– Так це до увагы!

Наряду с фортификационными сооружениями комдив организовал боевую подготовку стрелковых батальонов и рот. Неподалеку от переднего края было выбрано скрытное место для тренировочного полигона. Здесь шли в атаку, учились отражать контратаки, отрабатывали взаимодействие пехоты с танками.

Лето 1943 года, Западный фронт, под Смоленском. Офицерам всем не более двадцати. Слева направо: Костя (фамилию не помню), Анатолий Козьякин, Иван Скоропуд, Борис Горбачевский

5 июля полки внезапно предупредили: не исключен «сюрприз» от соседей. Все – от комдива до последнего солдата – три или четыре дня (точно не помню) находились в траншеях в боевой готовности. За нами расположился хорошо оснащенный, в том числе и реактивными минометами, артиллерийский полк. В ротах появилось больше ручных пулеметов и автоматов. Прибыла танковая бригада. Противник изредка обстреливал наш передний край – вероятно, как и мы, находился в

напряжении.

Вскоре был дан отбой, и, как молния, пронеслась весть о грандиозном сражении на Курско-Орловской дуге. Началось оно 5 июля и продолжалось несколько дней. Стало понятно, чем было вызвано предупреждение о «сюрпризе».

Успех на Курской дуге вызвал общую радость.

– Теперь-то, – говорили солдаты, – им капут!

– Это точно, пора готовить катафалки...

Увы, до полной победы и похорон немецкой армии было еще почти два долгих кровавых года войны.

Дивизия вступает в бой

Утром 7 августа артиллерийская канонада известила о начале наступления на Смоленский плацдарм трех фронтов – Калининского, Западного и Прибалтийского.

После полуторачасовой артиллерийской подготовки развернулась битва за Смоленск. Рота за ротой поднимались в атаку. С первых же боев сражение приняло ожесточенный характер. Несмотря на контратаки противника и превосходство в воздухе, преодолевая сильный заградительный огонь пулеметов, наши части врываются в траншеи неприятеля – прогрызали вражескую оборону.

В ночь на 8 августа комдив Полевик вводит в прорыв свежие силы, поддержанные артиллерийским огнем.

8 августа, утро. Первый батальон 673-го полка достигает Шишловской рощи и деревни Рыбки. Артиллерийские и минометные батареи переносят огонь на второй и третий рубежи обороны противника.

8 августа, день и вечер. После массированной артподготовки батальоны совершают бросок ко второй линии траншей врага. Немцы усиливают сопротивление. Завязывается тяжелый бой, схватки идут за каждый клочок земли.

9 августа, утро и день. Противник подтягивает в район прорыва резервы и несколькими энергичными контратаками отбрасывает полк к первой траншее. С обеих сторон растет число убитых и раненых.

673-й и 653-й полки с трудом удерживают захваченную территорию. Продвижение застопорилось. Немецкие штурмовые группы, активно поддержанные авиацией, сумели вклиниться в расположение дивизии. Ситуация стала критической. В этот момент совершает подвиг сержант Василий Рагулин: развернув самодельный флаг, с криком: «За Родину! Ура-а!» – он увлекает в контратаку залегших бойцов. Немцы на несколько мгновений растерялись. Отход батальонов был остановлен.

Вот как описан этот переломный момент сражения в дивизионной газете: «Он (В. Рагулин. – Б. Г.) первым выскочил навстречу противнику. За ним бросились комсорг батальона Борис Фломбойм и многие солдаты. Они сумели восстановить положение. Вблизи Рагулина разорвалась граната. Его лицо залило кровью, он, не обращая внимания на ранение, тут же очередью из автомата сразил немецкого офицера...»

Однако командование приходит к выводу: опасность срыва операции не исчезла, необходима передислокация. Дана команда на общий отход. Особенно настораживали активные действия немецкой авиации.

9 августа, вечер. 673-й полк вновь захватывает Шишловскую рощу и деревню Кудиново, а также Рыбки. Не теряя темпа наступления, форсируем реку Видосу.

10 августа. При поддержке танков и авиации противник вновь и вновь контратакует. Сражение становится все более жарким. Обе стороны несут значительные потери. Солдаты проявляют беспримерное упорство и мужество, в некоторых батальонах осталось 20–30 человек. Вся полковая артиллерия выдвинута на прямую наводку. Подбито и сожжено много танков. Наконец, не выдержав натиска, противник отступает.

11, 12, 13 августа. 673-й полк продолжает преследование, хотя людей в строю остается все меньше.

К исходу 14 августа освобождены Спас-Деменск и сотни деревень. Дивизию выводят во второй эшелон. В полосу наступления вступает 251-я стрелковая дивизия.

За период наступления нашу дивизию четырежды выводили во второй эшелон, что свидетельствует о жестокости боев и серьезности потерь.

Приехал комдив Полевик. Обычно суровый, малоразговорчивый, в этот раз он открыто проявил свое восхищение мужеством людей, благодарил солдат за упорство и храбрость.

– Где твой герой, – спросил у Груздева, – тот, что поднял солдат в контратаку?

Груздев представил комдиву Рагулина. Комдив подошел к Василию:

– Спасибо, сержант, хорошо воюешь! – Обнял, расцеловал и прикрепил к гимнастерке орден Красной Звезды.

Это была первая награда сержанта.

Через неделю дивизию вновь перебросили на передний край. Мы продолжали теснить врага. Немцы отступали, сдавая один за другим свои рубежи.

В середине сентября, после небольшой передышки и перегруппировки, наступление было продолжено. В прорванную оборону плацдарма устремились наши войска, были взяты Духовщина и Ярцево. До Смоленска оставалось – рукой подать.

Примерно в двадцати километрах от Смоленска командование фронта вывело 220-ю дивизию из состава 30-й армии, переподчинив ее 62-й армии, которой предстояло обойти Смоленск с юга. Мы вступили в город Красный. Вскоре под ударами 62-й армии пал еще один город – Дорогобуж. Когда-то Кутузов дал здесь бой отступавшим французам.

На площади в центре Дорогобужа немцы устроили кладбище. Мы увидели множество солдатских могил с березовыми крестами и надетыми на них касками. Проходя мимо, солдаты яростно сбрасывали каски, сбивали кресты на землю.

25 сентября 1943 года был освобожден Смоленск. В тот же день был занят еще один старинный русский город – Рославль.

Борис Фломбойм и Иван Скоропуд

Во время прорыва обороны Смоленского плацдарма погибли два батальонных комсорга, два лейтенанта – Борис Фломбойм и Иван Скоропуд.

Борис Фломбойм пришел в дивизию под Ржевом. Невысокий, серые добрые глаза под начисто выгоревшими бровями, лицо еще покрыто нежным золотистым пушком. Поначалу он показался мне мальчишкой, случайно попавшим на фронт, его досрочно выпустили из военно-политического училища. Но первое впечатление быстро рассеялось. Больше всего меня привлекали в Борисе его дружелюбие и необыкновенная отвага.

Чудом уцелев в ржевских боях, он пал под Селижаровом, неподалеку от Ярцева, сраженный немецким автоматчиком. Произошло это, как мне рассказали, в момент, когда комсорг, увлекая за собой бойцов, прыгнул с бруствера в траншею противника.

Свердловчанин, он вырос в семье потомственных фармацевтов. Его дед, отец, мать долгие годы изо дня в день смешивали целебные порошки, колдовали над бутылочками с лекарствами – словом, были истинными аптекарями. Власть платила им копейки, но династия фармацевтов Фломбоймов была известна многим, горожане ценили их труд, знали: в трудный час они помогут.

От отца Борис унаследовал педантизм: точность и строгость. В короткий срок он изменил свой официальный статус комсорга, превратил его в живое дело и стал необходимым человеком не только для своих комсомольцев, но и для всех солдат батальона. Бориса не пугала сложность ситуации, он вставал на защиту слабого и умел привлечь к себе сильного. Солдаты признали лейтенанта своим и зауважали его как человека, с которым и за жизнь можно поговорить, и посоветоваться, если что не так дома или во фронтовых делах.

Запомнил один случай. Полк двигался к Вязьме, преследуя отступавшего врага, иногда нам удавалось буквально наступать немцам на пятки. Внезапно нас контратаковали. Немцы поставили заслон, стараясь остановить, а то и отбросить нас подальше от своих арьергардов. Командира батальона тяжело ранило. Борис не растерялся, взялся за пулемет, а когда диски в нем кончились, переполз к другому. За этот бой он был награжден медалью «За отвагу».

Неожиданно Боря подал рапорт: просился в разведку. Отказали. Затем почему-то решил стать снайпером. Опять отказали. Я задумывался над его метаниями. Нет, он не искал смерти, скорее им владела постоянная жажда риска.

Однажды во время коротенького затишья, еще под Ржевом, он предложил мне сыграть в шахматы. Я удивился: на фронте шахматы? Борис рассмеялся. Достал из вещмешка небольшой картон, разрисованный под шахматную доску, и холщовый мешочек с фигурками, вылепленными из глины и чем-то обработанными для крепости. Мы сыграли две партии. Обе я проиграл. Оказалось, еще мальчишкой он был чемпионом по шахматам в городском Дворце пионеров, а позднее, играя в местном шахматном клубе, получил звание мастера. Трудно в это поверить, но, когда выпадали свободные минуты, комсорг учил молодых солдат этой игре, не случайно они прозвали его «Королем».

Борис не терпел краснобайства, к сожалению, распространенного среди офицерства. Однажды ротный попытался разругать батальонного комсорга за панибратство с рядовыми. Комсорг вытащил из вещмешка маленький блокнотик и прочитал крайне удивленному офицеру слова Петра I, советовавшего «не держаться устава, яко слепой стены, ибо в уставах порядки писаны, а времен и случаев нет».

Я всегда поражался его храбрости, умению владеть собой в бою и однажды спросил:

– Откуда ты взялся такой бесстрашный?

Борис смешался, попытался возразить, затем процедил сквозь зубы:

– Если бояться, то офицеру на фронте делать нечего.

– Не всякий на это способен.

– Согласен. Но ты-то знаешь, как нас закрутило под Ржевом. По десять атак в день, и все без толку. «Зачем так с нами обращаются?» – спрашивали солдаты. Скажи, что я должен был им отвечать? Вот я и выучился воевать. Не я один набрался под Ржевом храбрости и злости. Хватит и на Смоленск, и на Оршу, и до Берлина.

Трудно потерять фронтового товарища, всякий раз – это удар в сердце. Если каждый день рядом с тобой погибают люди, может показаться, что ты перестаешь чувствовать остроту потери, становишься равнодушным, лишенным сострадания. Могу засвидетельствовать – это неверно!

Не принимаю я и суждения об «упоении в бою» – мол, солдат, идя в атаку, захвачен общим порывом и забывает о себе. Уверен, в экстремальной ситуации, даже в атаке, человек остается самим собой.

Еще один жестокий удар – потеря Ивана Скоропуда.

Ивана называли «молчуном», и это правда, он был не очень разговорчив. Но мы сдружились. До сих пор я храню фотографию 1943 года, сделанную где-то в смоленских лесах, мы сняты вместе: несколько комсоргов полков и батальонов.

Родился Иван Скоропуд в Полтаве, в семье учителя. Жили они по соседству с писателем Короленко. Отец Вани иногда помогал соседу по хозяйству, а писатель нередко приглашал его на свои литературные четверги. Под влиянием отца Ваня увлекся украинской литературой и почувствовал вкус к удивительному украинскому фольклору, полюбил он и мелодичные народные песни, их часто пели в семье. Он много читал, знал наизусть поэму «Энеида» украинского поэта-классика Котляревского, любил стихи Леси Украинки. Вот этот момент нас и сблизил. Я тоже знал «Энеиду» и любил стихи Леси Украинки: в харьковской школе, где я учился, украинскую литературу преподавал высочайший интеллигент Василий Иванович Сокол – великолепный педагог, знаток украинской литературы, драматург, несколько его пьес играли в харьковских театрах.

Когда началась война, многие покинули Полтаву. Семья Скоропудов эвакуировалась в Новосибирск. Но отец Ивана остался – ради своих учеников. Немецкий комендант получил донос на учителя, его обвиняли в том, что в революцию он поддерживал контакты с писателем Короленко – защитником евреев, в качестве доказательства приводилось знаменитое «Дело Бейлиса». Недолго думая, обер-лейтенант принял решение: «В назидание другим – повесить». Об этом факте я узнал после войны, в 70-е годы, когда моя жена по делам службы ездила в Полтаву.

В армии Иван Скоропуд стал санинструктором. Во время битвы за Москву он показал себя храбрецом: вынес под огнем с поля боя 86 раненых. 5 марта 1942 года санинструктора наградили орденом Ленина. Во всей дивизии он один имел столь высокую награду. Комиссар дивизии Дубовской, вручая герою орден, посоветовал Ивану вступить в партию и рекомендовал его на комсомольскую работу. Так Иван Скоропуд стал комсоргом батальона.

Трагедия произошла в первые дни наступления на Смоленск. Иван подорвался на mine. Разорвало его в клочья, по родимому пятну удалось опознать оторванную ногу.

Узнав о гибели Ивана, я попросил Кошмана, батальонного комиссара 653-го полка, разрешить похоронить комсорга с высшими почестями. В гроб положили останки и фотографию лейтенанта.

Во время похорон кто-то обронил фразу: «Все мы в этой жизни – только маленькие пылинки!» Она показалась мне обидной, и я резко возразил.

Когда было трудно и кто-то впадал в панику, Ваня шутил: «Небо на землю не падает». Мудрая украинская поговорка...

Погибший батальон

В двух километрах от наших позиций начинался огромный лес с выступающей вперед возвышенностью, заросшей березовой рощей. Высота была занята немцами – вероятно, это был один из форпостов боевого охранения перед основной линией обороны. Командир полка Разумовский приказал комбату майору Подчезерцеву захватить высоту.

На рассвете после короткой артиллерийской подготовки комбат повел солдат к роще. Обходили мы ее с двух сторон. Бой оказался коротким, противник понял, что высоту не удержать, и отошел. Как видно, задача охранения состояла в наблюдении за нашим передним краем. Взобравшись наверх, мы еще слышали шум удаляющихся автомобильных моторов.

Встретили нас пустые блиндажи, на столах все свидетельствовало о прерванном завтраке. Подчезерцев доложил Разумовскому обстановку и расставил посты, организовав круговую оборону. Бойцы, после бодрого заявления старшины о пригодности оставленной немцами еды, с охотой принялись за кофе и бутерброды с колбасой. Я же решил проверить посты и поговорить с караульными: не исключено, что противник попытается вернуть так легко отданные позиции. Оказалось, беспокоило это не только меня. Входя в блиндаж, я услышал обрывок разговора:

– Не нравится мне, Иван, внезапное бегство немцев, – говорил замполит, – впервые сталкиваюсь с таким фактом.

– Согласен с тобой, Ося. Не ловушка ли это?

Разговаривали Подчезерцев и его замполит Осип Юдин, наедине они обращались друг к другу по имени.

– Что будем делать, если вернутся? – спросил Ося.

– Драться, – ответил комбат. – К вечеру комполка обещал подбросить две «сорокапятки», пополнение, и минометный взвод подойдет.

Загудел зуммер, передали приказ Груздева: «Комсоргу вернуться на компункт».

– Опять выкрутасы! И что ему надо? – удивился я. – Забудем, ребята, не хочется возвращаться, да и обстановка сложная.

– Приказ есть приказ, – возразил комбат. – Топай, комсорг, справимся без тебя.

Как обычно, мы обнялись, и я покинул рощу. Живыми я больше их не увидел.

Пока я добирался до компункта, на высоте уже завязался бой. Оказалось, из леса в направлении рощи выехало несколько самоходок с автоматчиками, Разумовский приказал артиллеристам отсекать их огнем от батальона Подчезерцева. Сражение разгоралось. Через два часа связь с батальоном прервалась. Разумовский, встревоженный долгим молчанием, послал к высоте разведчиков и связистов, но добраться им не удалось – их встретил сильный пулеметный огонь. Стало ясно: высота в руках противника. Но где же батальон?!

Ближе к вечеру меня вызвал Разумовский:

– Нужно выяснить, что с батальоном. Если отрядим роту – сможешь довести ее тем же путем, что шел Подчезерцев?

Я подтвердил. Быстро собрали роту. Присоединился взвод разведки. Сумерки уже надвинулись, и комполка вручил мне свой американский фонарик. Отряд двинулся в ночь.

Ситуация повторилась. Быстротечный бой – и немцы покинули позиции.

Увидели мы тяжелую картину. Земля была завалена трупами наших и немцев. На месте командирского блиндажа зияла глубокая воронка. Разумовский попросил меня посветить. Стало ясно, что нападение было внезапным; судя по положению тел и ранам, произошел жестокий рукопашный бой. Из наших не уцелел никто. И никто не мог рассказать, как все случилось, не мог посоветовать – неужели и нас поджидает нечто жуткое, неожиданное?..

Ветер слегка шевелил ветки тонких берез, было тихо в красивой березовой роще. Но эта

тишина давила. Молчали павшие и живые. Собрал букетик цветов и положил на землю среди погибших. Земля приняла всех – солдат и командиров. Вместе были они в бою и упокоились в одной братской могиле.

Фронтовая печать смолчала. Вскоре вместо Разумовского нам прислали нового командира полка. Происшедшее стали забывать. Только не я. Я потерял двух товарищей. Я был к ним привязан, в маршах старался идти с их батальоном, вместе мы прошли путь от Ржева до их последней безымянной высоты. Так ли была необходима эта операция? – задавался я вопросом и не находил ответа...

В памяти Иван Подчезерцев и Осип Юдин сохранились как нераздельное целое: один – настоящий командир, другой – настоящий комиссар.

Юдин служил в батальоне еще до Подчезерцева, был чуть моложе комбата, но с первой встречи они понравились друг другу. Осип окончил педагогический институт, преподавал в школе литературу. В отличие от Подчезерцева, он не был профессиональным военным, в политработники попал случайно.

Подчезерцев был плотный, коренастый, с почти круглым лицом, короткой стрижкой. Юдин – высокий, худой, с черной шевелюрой, тонкое лицо с пытливым взглядом. Один – майор, другой – старший лейтенант. Оба прошли от Москвы почти до Смоленска. Каждый был дважды ранен. Каждому не было и тридцати.

«Крепкий мужик», – говорили о Подчезерцеве подчиненные, имея в виду не только его внешний облик. Рослый, широкий в плечах, с сильными руками, чем только не занимался Иван до войны! Работал комбайнером, с комбайна перешел на трактор. Как-то он выехал на тракторе на шоссе, и вдруг заглох мотор, в трактор врезалась легковушка. Осудили его на три года. Отсидел год, а там изменили статью и выпустили. В 1936-м призвали в армию. Закончил военное училище, затем служил под Тернополем. Как-то Подчезерцев попал на глаза Христофоровичу – так звали тогда полковника Баграмяна, в 1941-м он был начальником оперативного управления штаба Киевского военного округа – застрял полковник по дороге к Тернополю, забарахлил мотор. Иван справился в одну минуту. Поблагодарил его полковник и хотел забрать с собой, взять порученцем, но почему-то не вышло.

Подчезерцев не любил затейливых речей, ценил простое русское слово. Не пил, не курил. Не дай бог, под руку попадался подвыпивший офицер – считай, одна звездочка на погонах пропала. Он первым из командиров послал куда подальше довоенные, порочные в условиях войны уставы и стал учиться воевать у немцев. Одним из первых в дивизии освоил радиосвязь. Живо откликнулся на призыв командующего фронтом вместо окопов освоить инженерное искусство траншейной обороны. Недолго любил комбат танкистов, зато крепко сдружился с артиллеристами и минометчиками. Старался отбирать в батальон бывалых бойцов. В наступлении всегда искал уязвимые места в обороне противника и тогда вел батальон на прорыв. Он старался беречь людей, был добр, – об этом знали, и многие солдаты стремились попасть именно к нему. Разумовский считал батальон Подчезерцева штурмовым и ставил перед ним сложные задачи, будучи уверен, что командир с ними справится.

Однажды, расставаясь, я шел в другой батальон, Иван подарил мне немецкую бритву фирмы «золинген», ценный подарок, грустно усмехнулся и сказал: «Будешь бриться – вспоминай нас с Осей». Только сейчас мне пришло в голову: я часто видел его печальным, что-то мучило его... Быть может, это было предчувствие?..

Глава восемнадцатая

В боях за Оршу

Октябрь 1943-го – май 1944 года

Ляды

Ставка планировала освобождение Белоруссии на 1944 год. Однако наш 673-й полк, форсировав Мерею, 7 октября стремительным броском ворвался в Ляды – первый освобожденный пункт на белорусской земле.

Преодолевая сопротивление врага, мы тщательно обходили знаменитые кручи в окрестностях

Ляд, которые, по свидетельству Коленкура, привели в ужас позорно бежавшую из Москвы французскую армию. «Под Лядами, – писал Коленкур, – пришлось спускаться по такому крутому спуску, а его оледеневшая поверхность так была отполирована телами многих тысяч людей и лошадей, которые просто скатывались вниз, что мы вынуждены были поступать, как и все, то есть сползать на собственном заду. Император должен был поступить таким же образом»¹⁹.

Ляды – большое село, расположенное на высоких кручах Днепра. Но вместо цветущего яблоневого края – гордости белорусов – нас встретили пепелища и вырубленные сады, заросшие крапивой и бурьяном улицы. Навстречу нам, еще не веря своим глазам, из землянок выскакивали люди. В жалких лохмотьях, босые, они бежали со всех сторон, что-то хрипло и громко выкрикивая, – и все спешили к реке. Не понимая, что случилось, мы побежали за ними.

На берегу, у края вырытого рва, лежали убитые – женщины, старики, дети. Вернее, то, что от них осталось.

В районе действовал партизанский отряд. Однажды его окружили русские каратели. После упорного боя весь отряд был уничтожен. Дознались о связи селян с партизанами. 2 апреля 1942 года гестаповцы сожгли деревню и, выстроив на пепелище жителей, расстреляли каждого десятого. В течение полутора лет жителям не разрешали похоронить родных – для устрашения.

Вместе с жителями мы провели траурный митинг на месте расправы: поклялись отомстить фашистам.

В чем смысл немецких зверств? Запугать народ. Но зверства вызывали обратную реакцию: ненависть к оккупантам. Народная молва разносила подобные факты далеко вокруг, опровергая пропаганду о «новом порядке», – люди на себе ощущали, что под немцем жить несравнимо хуже, чем при колхозах. Так, гитлеровцы воевали с большевиками и сами же толкали к ним народ. При въезде в село они установили огромный деревянный щит и повесили на нем добротной выписанную агитку: «Приветствие Йозефа Геббельса белорусскому народу по случаю освобождения от большевиков». Сейчас, сброшенный на землю, он был затоптан ногами.

Именно здесь, в Лядах, родилась солдатская поговорка: «В бой идти – не в гости, набирайся злости».

Пополнение

Ворота на запад Красная Армия взломала. Но победа оказалась не окончательной. Пытаясь освободить Могилев и Оршу, войска Белорусского фронта наткнулись на упорное сопротивление врага и не смогли с ходу сломить его. Это означало, что полностью овладеть Смоленским направлением не удалось. Ключевые позиции под Витебском, Могилевом и Оршей остались в руках противника. Предстояли новые кровопролитные бои.

В середине октября 1943 года дивизию отвели во второй эшелон. Вскоре пришло пополнение. Мне, вместе с другими штабистами, поручили принимать новоиспеченных солдат.

Встречи с новобранцами вызывали невеселые мысли. Многие были из южных республик – значит, придется срочно обучать их азам русского языка. Многие до армии не держали винтовки в руках, не знали даже ее назначения. Спрашиваешь узбекского парня:

– Ты понимаешь, что такое винтовка, для чего она?

– Не задумывался, товарищ офицер.

– А ты задумайся. Когда пойдешь в бой – стреляй в фашистов. И если они пойдут на тебя, без нее тебе тоже никак не обойтись. Винтовка – это твоя защита. Ты знаешь, кто такой фашист?

Молчание.

Такие приходилось вести беседы. Многие были просто неграмотны. Некоторые, например, думали, что можно отделить часть суши и столкнуть ее в океан, что есть звери, говорящие на человеческом языке. Но я старался с первых минут их прибытия помочь призывникам почувствовать себя равными среди равных, просил ротных прикреплять к ним бывалых солдат. Нужно было научить новобранцев преодолевать танкобоязнь и справляться со страхом во время бомбежек, особенно при налетах Ю-87; обучить, как вести себя на поле боя и в обороне, как подниматься с

¹⁹ Коленкур. Поход Наполеона в Россию. М., 1943, с. 345.

земли в атаку, как понять и всегда помнить свою ответственность перед присягой; наконец, добиться элементарного – пониманию, где правый фланг, где левый.

Самым тяжелым для них физически и психически были бомбежки.

– Пойми, друг, – говорили бывалые фронтовики, – если самолет летит высоко, он безвреден для тебя – хрен с ним, пусть летит дальше. А вот когда он идет на тебя вот так, под углом, да еще строчит или сбросил бомбу – тут берегись: бомба, сволочь, непременно упадет поблизости.

Бомбили нас целыми днями. Где была наша авиация? Мы ее не видели. По 30–40 немецких самолетов кружили над нами, сбрасывая свой смертоносный груз. Когда появлялись «юнкерсы», вопль новобранцев стоял ужасающий.

Тяжело было приучить этих людей к фронтовой обстановке. Но с этой категорией новобранцев, как ни странно, мы справлялись легче, чем с другой частью пополнения. По мере освобождения оккупированных районов ряды батальонов и рот пополнялись также из местных жителей. Конечно, теми из них, кто не сотрудничал с немцами. Чаще всего это были выжидающие: чья возьмет? Их выискивали и многих, не всех, отправляли воевать. Почему-то за ними закрепилась кличка «женихи». В них не заметно было стремления с рвением воевать. Многие из них рассматривали свое новое положение как рок, что, естественно, вызывало в их душе ненависть к власти.

Мобилизация людей призывного возраста в освобожденных от оккупации районах носила сложный характер, а появление их в действующей армии вызывало критическое отношение командиров²⁰.

7 ноября 1943 года

После переформирования и короткого отдыха дивизия вновь вышла на передний край восточнее Орши. Здесь немцы фанатично держали оборону, стремясь во что бы то ни стало остановить наступление Красной Армии.

7 ноября, в честь праздника, противник решил преподнести нам свой подарок: предпринял контратаку на позиции полка. Самоходки с автоматчиками сумели прорваться через жидкий передний край и двинулись в глубь обороны полка. Горстка солдат под началом начштаба батальона старшего лейтенанта Кузнецова пыталась остановить противника, но не смогла. Атакующие быстро продвигались в направлении полкового компункта.

Недавно назначенный комполка полковник Семен Владимирович Епифанов растерялся, потерял управление батальонами, обратился к комиссару Груздеву:

– Что будем делать?

– Как что?! – удивился Иван Яковлевич. – Воевать!

– Но у нас только личное оружие!

– Зато у нас есть связь! А поможет нам – «бог войны»!

Уже не слушая и не обращая внимания на унылое лицо Епифанова, Груздев обратился к артиллеристам-корректировщикам, находившимся с нами в блиндаже:

– Передайте по радиации своему командиру: СРОЧНО! поддержать нас огнем.

Через несколько минут загрохотали пушки.

Я вытащил пистолет, положил рядом несколько гранат. Самоходки быстро приближались, до нас оставалось метров 250–300. Но вот одна загорелась – прямое попадание. Остальные разделились и стали обходить нас с двух сторон. Наблюдатели по радио передавали артиллеристам координаты целей. Шквал огня накрыл немцев, но самоходки вели себя спокойно, лишь изредка постреливая в нашу сторону. Зато, приблизившись к компункту, обрушили на нас лавину снарядов. Мы упрятались в блиндаж, надеясь на его прочное покрытие. Однако «изба», как иронически называл блиндаж Груздев, не выдержала и рухнула. Нас разбросало в разные стороны и придавило – кого-то насмерть, кого-то сильно задело, других контузило, погибли и оба приданных нам корректировщика. Но артиллеристы больше не нуждались в подсказках – их заградительный огонь перекрыл дорогу немцам, пробиться сквозь него они уже не смогли.

Мертвых откопали и похоронили, раненых отправили в медсанбат. Я в этой внезапной

²⁰ См. об этом: *Никита Хрущев*. Воспоминания. Избранные фрагменты. М.: «Вагриус», 1997, с. 142–143.

катавасии получил контузию и больше недели плохо слышал.

Груздев доложил комдиву Полевику о наших невеселых делах. Епифанова отозвали из полка – вернули на прежнее место службы, во внутренние войска. Так закончилась карьера «карьериста в полковничьих погонах», как окрестили Владимира Семеновича штабные офицеры.

Бои под Оршей

В 1943 году освободить Оршу не удалось. Первая попытка с ходу взять город, переправившись через Днепр на подручных средствах, оказалась неудачной и стоила больших потерь.

Начало 1944 года полк встретил в новых ожесточенных боях на Оршанском направлении. 21 февраля наши части вновь попытались прорвать оборону. Немцы устояли. Я считаю, из-за недостаточной подготовки наступления.

В 70–80-е годы многие военачальники опубликовали мемуары, повествуя, как под их руководством воевали армии, корпуса, дивизии. В этих воспоминаниях часто можно встретить замечания примерно такого рода: «К сожалению, перед началом наступления не все огневые точки противника были подавлены...» А мы добавим: отсюда неоправданно много неудач и огромные потери. Так было под Ржевом и Оршей, Харьковом и Воронежем, в Крыму, под Варшавой, Кенигсбергом, под Берлином.

Орша – крупный железнодорожный узел. Сюда прилетал Гитлер, здесь проходило известное совещание, на котором разрабатывалась операция «Тайфун», здесь произошла встреча начальника Генштаба Франца Гальдера с командующими фронтами во время битвы под Москвой, и здесь же находился штаб Центральной группы войск во главе с командующим генералом Фон Клюге. Немецкое командование решило удержать Оршу во что бы то ни стало – превратить ее для русских во второй Ржев.

Освобождение Орши оказалось делом нелегким. Наступлению предшествовала напряженная месячная подготовка. В те дни я побывал в ротах, которым первыми предстояло вступить в бой. Что меня поразило при встречах с солдатами, особенно молодежью, – в людях появился победительный дух.

В одной из рот я неожиданно встретил Михаила, солдата из роты, с которой начинал свой фронтовой путь.

– Михаил! – воскликнул я радостно.

Сколько всего всколыхнулось! Наш первый бой! Комроты Сухомиров! Его призыв: «Бессмертные!» А Михаил тогда вдруг высказался: «Бессмертен – один Всевышний».

Он и сейчас ничуть не изменился: тощий, высоченный, со своеобразным треугольным лицом и козлиной бородкой. В ответ на мой возглас сказал спокойно:

– Он самый, я и есть.

– Значит, жив!

– Вроде бы. Только покалечили меня гады, но я в строю.

– Наши медики не оставят, вылечат!

– Кабы, милый человек! Из твоих уст да в божьи уши. Эх, была наша рота... И никого! Ты да я, да мы с тобой.

– Ну, чуть побольше.

– Гложет меня, мил человек, чем заслужил перед Всевышним такого благожелательства, живым оставил после ржевского побоища.

– Не думай об этом, Михаил.

– Ну как же! Ведь бог-то нами дышит. Может, нас с тобой зачислил в резерв? То ли в стратегический, то ли в тактический?

– Михаил, возьмем Оршу?

– А как же! Орша не Ржев, да и мы с тех пор поумнели. Комвзвода нынче не тот халабуда, что тогда. Да нынче, я скажу, взводные стали посильней прежних комбатов.

– Выходит, теперь больше уверенности?

– Определенно.

– И другие так думают?

– Определенно.

– Значит, Михаил, возьмем Оршу!

Порадовал меня разговор с Михаилом. Быстро идет время: уже два года, как я воюю, и годы эти изменили многое. «Чему научил бойца опыт войны» – так называлась статья дивизионного комиссара Колонина, напечатанная в сорок втором в газете «Красная звезда», и вот что он писал:

«Обычным делом стала стрельба из орудий прямой наводкой, требующая, понятно, выдержки, стойкости, большого искусства.

Преодолели „танкобоязнь“ и пехотинцы. Ныне они не мечутся и тем более не бегут от вражеских танков, а встречают их всеми видами пехотного оружия: гранатами, бутылками с горючим, стрельбой из противотанковых ружей.

Не испугать теперь красноармейцев и парашютными десантами: нередко, еще до того как парашютисты приземлятся, их расстреливают в воздухе.

Вот такие перемены. За десять месяцев войны успели закалиться не только бойцы переднего края, но и весь состав, в том числе и тыловые бойцы. Кто не помнит, сколько хлопот доставляли нам в свое время, – указывает дивизионный комиссар, – налеты вражеской авиации на обозы, автоколонны. А теперь? Теперь, увидев немецкий самолет, обоз останавливается, ездовые и шоферы берут винтовки и по команде ведут огонь по воздушному противнику. Немецкие летчики почувствовали опасность пехотного огня и стали держаться на почтительной высоте, что значительно снижает прицельность бомбежек и пулеметного огня.

Всякого немца повидал наш боец: и нахального летного, и битого зимнего, и одичавшего. Повидал и понял, что самое верное средство для достижения победы в бою – это максимальное сближение с противником...»

Прав комиссар, изменился сам дух нашего воинства. Тем более в сорок четвертом!

Через тридцать два года мы вновь встретились после войны в Москве, в день 30-летия Победы. Слева направо: Четверяков, Толя Козьявкин, оба остались служить в армии, стали полковниками. Нет Ивана Скоропуда, он погиб в 1943-м. Далее стоит Борис Горбачевский, ушел в гражданку, и удивительный человек Вася Рагулин – фронтовик, он потратил 18 лет, чтобы собрать ветеранов 220-й дивизии. Тогда в Москву 9 мая 1975 года приехали 176 человек, они пришли в Центральный парк Дома Советской Армии, но увидели офицера с плакатом в руках, на котором было написано: «Я – Вася Рагулин». Все бросились к нему, обнимали, целовали, подбрасывали вверх

Клятва

От военнопленных стало известно, что против нас воюет небезызвестная 197-я пехотная дивизия. К этой дивизии был особый счет – ее солдаты в сорок первом повесили в Петрищеве Зою Космодемьянскую. Мне пришлось в голову написать клятву «Отомстим за партизанку Таню!» и обратиться к солдатам, чтобы ее подписали. Комиссар одобрил мою инициативу.

Комсоргом батальона после гибели Бориса Фломбойма стал лейтенант Анатолий Крашенников. Толя тоже погибнет, случится это 12 мая 1945 года в Чешских Судетах.

В один из дней, когда вокруг чуть стихло, я взял с собой Анатолия, и мы поползли к окопам. Вот как этот эпизод был позднее описан в дивизионке:

«Воспользовавшись коротким затишьем, в первую траншею 673-го стрелкового полка спустились двое – комсорг полка и комсорг батальона. Оба они были очень усталыми, с воспаленными от бессонницы глазами. Но настроены бодро.

– Как вы сумели проскочить? – спрашивали бойцы. – Всюду немецкие снайперы.

Отдышавшись, комсорг полка ответил:

– Не привыкать, случалось и похуже. Помните Шишловскую рощу?

– Кто ее не помнит? Вот знак, – Василий Рагулин указал на свой орден.

– А сейчас вот что, – как бы приглашая к себе товарищей, тихо сказал комсорг полка. – Нас здесь, на переднем крае, три члена полкового комсомольского бюро. Бои тяжелые, надо людей держать на подъеме... В настоящее время мы воюем против 197-й пехотной дивизии. Ее кровавый след на нашей земле известен. У убитых и плененных немцев находят фотографии, на которых запечатлены многие их зверства. Солдаты этой дивизии совершили расправу над Зоей Космодемьянской... – Дальше комсорг прочел несколько слов из клятвы: – „...Нашей ненависти нет предела! Клянемся отомстить фашистам за все их злодеяния. И недалек тот день, когда мы освободим советскую землю от фашистской гадины, приползшей в нашу страну...“ Есть предложение обсудить с бойцами и офицерами текст клятвы Родине: „Не отступать ни шагу, идти только вперед, громить врага!“

– Чего тут обсуждать? Вам верим и поддерживаем ее, – улыбнулся Рагулин.

– Э-э нет, – запротестовал комсорг полка. – Письмо с клятвой коллективное, и все должны знать о нем, поддержать его своими подписями.

– Да у нас и карандашей нет, – возразил кто-то.

Комсорг полка прочитал полный текст клятвы и предложил:

– Теперь давайте поступим так. Ходить всем вместе опасно. Отправим текст по окопам. Каждый с ним ознакомится, подпишет и передаст товарищу.

Так и поступили: привязали листок с клятвой к огрызку карандаша и пустили его солдатам.

...Когда эта процедура подходила к концу, – рассказано далее в очерке, – до полусотни фашистов бросились в контратаку на наши позиции. И солдаты взялись за оружие... Комсорг полка уложил двух гитлеровцев. Отличились многие воины. Некоторые бойцы погибли, оставив подписи на тексте „Клятвы“ как последнее завещание».

Текст «Клятвы» со 120 подписями через несколько дней я отправил в Москву, в Радиокomiteт. Примерно через неделю его прочитали по радио на всю страну, упоминалось и мое имя.

После войны я узнал, что сестра моей матери услышала эту передачу на работе и тут же помчалась домой рассказать о ней моим родителям.

Позади были тяжелые бои на подступах к Березине.

Бонапарту в битве при Березине удалось спасти костяк своей армии, а действия фельдмаршала Кутузова при Березине и по сей день вызывают жаркую полемику: есть мнение, что Кутузов, как опытный политик, просто дал Наполеону шанс на спасение, понимая, что полный разгром французской армии нарушит не в пользу России сложившийся в Европе баланс сил. А вот Рокоссовский на Березине не позволил немцам сохранить «свой костяк» – разгромил врага и погнал разбитые части дальше.

Предстояло освобождение столицы Белоруссии.

Глава девятнадцатая

Вперед – на запад!

Июнь – июль 1944 года

Операция «Багратион»

Так Ставка назвала Белорусскую операцию – по имени прославленного генерала русской армии Отечественной войны 1812 года. В этой грандиозной операции – она продолжалась более двух месяцев, с 23 июня по 29 августа 1944 года – участвовало четыре фронта – около четырех миллионов человек.

Гитлер был уверен, что Центральная группа войск сумеет остановить русских. Немцы заранее подготовили, наверно, самую прочную эшелонированную оборону за все годы войны. Ее глубина простиралась на 270 километров и опиралась на труднопроходимую местность. Однако немецкое командование допустило серьезную стратегическую ошибку. И эта ошибка ему дорого обошлась.

Немцы предполагали, что главный удар будет нанесен южнее Припятских болот, где и были сосредоточены главные танковые и моторизованные силы вермахта. Ставка же выработала иной план, понимая, что наступление южнее Припятских болот может привести к проникновению противника во фланг и тыл со стороны северного выступа – так называемого «Белорусского балкона». Поэтому наши войска были сосредоточены именно здесь, на выступе. Замысел разрабатывался исходя из основной задачи операции «Багратион»: освобождение Белоруссии, Западной Украины и Прибалтики.

Охватывающими маневрами наши войска прорвали немецкую оборону и окружили крупные вражеские силы в районе Минска, Бобруйска, Витебска, Орши и Могилева. Сражения развернулись от Карпат до Прибалтики. В первые же дни операции «Багратион», 27 июня 1944 года, была освобождена Орша. В районе Витебска и Бобруйска попали в окружение и были разгромлены 11 немецких дивизий – знаменитый «Бобруйский котел». 3 июля была освобождена столица Белоруссии. Восточнее Минска – окружена и пленена 100-тысячная немецкая группировка.

Только за первые 12 дней наступления Красная Армия продвинулась на 225–280 километров, а за все время операции – на 500–600. Были освобождены вся Белоруссия и большая часть Литвы и Латвии. Фактически немецкий фронт затрещал и рухнул. В начале августа наши передовые части подошли к Висле и вступили на землю Польши.

Белорусская операция привела к разгрому группы армий «Центр», потери которой составили 539 тысяч человек: 381 тысяча убитыми и 158 тысяч пленными. Успех Красной Армии был оплачен еще более высокой ценой – общие потери составили свыше 765 тысяч человек.

Катастрофа вермахта летом 1944 года привела к концу организованное сопротивление немецких войск на востоке. По мнению немецкого генерал-лейтенанта Вестфала, «немецкую армию постигло величайшее в истории поражение, превзошедшее даже Сталинградское»²¹.

По своим результатам и военно-политическим последствиям наступление Советской Армии в Белоруссии вылилось в одну из крупнейших операций Великой Отечественной войны и стало выдающимся событием Второй мировой войны.

Как объясняют историки столь блестящий успех Красной Армии?

Историки полагают, во-первых, что ни одна из крупных наступательных операций не готовилась так тщательно и детально, как операция «Багратион», включая разведку, подготовку состава, организацию взаимодействия различного рода войск²².

Во-вторых. Убедившись в неэффективности отдельных наступательных операций, на этот раз советское командование осуществило наступление силами четырех фронтов.

В-третьих. Велика и роль военного гения поднявшихся за годы войны советских полководцев. Прибалтийским фронтом командовал генерал И. Х. Баграмян, 1-м Белорусским – генерал К. К.

²¹ Используются материалы из книги *Николая Шефова* «Битвы России». Военно-Историческая библиотека. М., 2002.

²² В этом ракурсе заслуживают внимания воспоминания *Рокоссовского К. К.* «Солдатский долг». М.: «Голос», 2000, с. 316–319.

РокоССовский, 2-м Белорусским – генерал Г. Ф. Захаров и 3-м Белорусским – генерал И. Д. Черняховский. Указывают и на возросшую роль Ставки в руководстве всей операцией.

В-четвертых. Значителен вклад союзников. Помощь, оказанная по ленд-лизу, в полной мере сказалась именно в 1943–1944 годах. Белорусская операция подтвердила этот бесспорный факт.

И наконец, самое главное. Спустя три года после начала войны в Белоруссию пришла новая, другая армия – закаленная в боях и оснащенная современной техникой. Впервые проявилось полное превосходство советской авиации, которая сыграла значительную роль в разгроме противника.

Хорошо смеется тот, кто смеется последним!

В сорок первом Гитлер просил генерала танкиста Гудериана взять Минск через неделю. Гудериан был в Минске через шесть дней. Красная Армия освободила столицу Белоруссии за одиннадцать дней и через 1903 дня после ее оккупации. Но вспомним, что в сорок первом мы могли противопоставить танкам Гудериана. И что в сорок четвертом представляли собой подступы к Минску!

23 июня, в 6.40 утра, раздались первые залпы «катюш», открывшие операцию «Багратион». Артиллерия, минометы, бомбовые удары авиации – одновременно с невероятной силой обрушились на противника.

– Попробуй, немец, удержись! – радостно твердили бойцы.

Воодушевленные ранее невиданной поддержкой на земле и с воздуха, солдаты рвались в наступление. Нам предстояло взять Бурое Село – крупный опорный пункт противника. До начала операции немцы несколько раз передали по радио:

– Не укусьте вам, иваны, в задницу ежа! Хе-хе...

– Ладно, – осерчал комдив Полевик, – покажем мы им «хе-хе»!

Первым завязал бой 653-й полк Сковородкина. Но наступавшие наткнулись на сильный заградительный огонь «не подавленных полностью» огневых точек врага. Комдив Полевик бросил на прорыв 376-й полк. И этот полк был остановлен: стена огня заставила солдат по уши зарыться в землю.

Два первых дня прошли без видимого результата – никакого движения вперед, только потери.

– Хе-хе! – вновь прозвучало над передним краем.

Генерал рассвирепел. И тут возникла ситуация, позволившая комдиву предпринять удачный маневр. 673-й полк, наступая вдоль шоссе Москва – Минск, опрокинул немецкие заслоны, заставив немцев отступить. Левый фланг врага возле Бурого Села оголился. Комдив приказал 673-му полку переправиться через Днепр на правый берег, совершить бросок вперед и затем форсировать реку обратно. Полк выполнил задачу. После чего все три полка ударили по противнику – одновременно и с разных сторон. В 2.30 ночи с 25-го на 26 июня враг был вышвырнут из Бурого Села.

В этом бою во время перебежки через Минское шоссе какой-то немец-идиот попытался всадить в меня пулю. Пуля, как бритвой, срезала часы на левой руке и ошпарила ее всю до красноты и крови.

В тот же день я впервые встретился с «Фердинандами». Этих чудовищ немцы выставили на Минском шоссе как заслон против танков. «Тридцатьчетверки» спокойно обошли преграду с обеих сторон трассы и, приблизившись на расстояние пушечного выстрела, без суеты расстреляли эти бронированные махины из своих 57-мм пушек.

Минск

Время поджимало, необходимо было как можно быстрее достичь Минска и продолжать преследование отступающего врага. Роты посадили на повозки, и лошади понесли нас вперед. Добравшись благополучно до городских окраин, мы высадились, и полки вступили в город.

Город горел. Истерзанный под немцем, он представлял ужасное зрелище своей пустотой, безжизненностью, нищетой. На улицах повсюду валялось множество трупов наших и немцев, еще раздавались взрывы гранат и стрельба, изредка проносились танки, оставляя после себя столбы пыли, долго стоящий в воздухе запах гари. Несмело выползали из подвалов домов, рвов, землянок группы местных жителей, все еще напуганные, не верившие в происходящее.

Но вот на ДOME правительства взвились красные флаги! Люди бросились к нам! Объятия!

Слезы радости! Появился самогон, нам подносили скромные угощения, целовали, благодарили. Со всех сторон партизаны вели пленных немцев, кое-кто из них успел переодеться в гражданскую одежду, партизаны потешались: «Чуть не упустили гадов! Не признали с первого взгляда!»

Вслед за танкистами в город ворвался передовой отряд дивизии – механизированная пехота на «студебеккерах». Оставив машины, солдаты принялись выкуривать немцев из домов, подвалов, сараев. К середине дня батальон добрался до Дома правительства и Дома Красной Армии – самых высоких зданий в городе. Оба здания немцы заминировали и подготовили к взрыву. Подпольщики помогали саперам пробираться в полуподвальные помещения, чтобы перерезать провода к взрывчатке. На верхних этажах освобожденных от немцев зданий заиграли на ветру красные флаги, – я вручил их солдатам перед началом наступления. А к концу дня над многими домами появились и самодельные флаги – их вывешивали уцелевшие горожане.

Мы прошли через весь Минск к месту сбора и остановились в ближайшей деревне. Умывшись и поев, измученные солдаты валились на траву. Комдив Полевик строго приказал: «До утра не трогать никого!»

Мобильный батальон

В рамках продолжавшейся операции «Багратион» командарм приказал сформировать мобильный батальон численностью в двести человек, как следует вооружить его и без задержки отправить к Неману. Батальону надлежало, не вступая в бои, выйти к реке и форсировать ее. Задача операции: захватить плацдарм на правом берегу и обеспечить переправу всей дивизии. Готовность к выступлению: 5 июля. 5.00.

Командовать «мобильником» – так называли подразделения, посаженные на «студебеккеры», назначили полковника Кудрявцева – он уже имел известный опыт, ранее командуя передовым отрядом.

Командир 673-го полка, которому комдив поручил решить столь важную задачу, сформировал отряд из опытных фронтовиков – в основном это были бойцы 2-го батальона, костяк отряда. Командир 2-го батальона старший лейтенант Захар Дюдин и его замполит лейтенант Георгий Мышинский также вошли в новое подразделение, как и батальонный комсорг лейтенант Паша Берников, опытный, толковый офицер. Политчасть полка включила в отряд и меня.

Вооружили отряд солидно: 15 ручных пулеметов, один станковый, придали три 45-мм орудия, включили снайперов и бронебойщиков. Все бойцы получили автоматы «ППШ». Снабдили нас двумя радиостанциями. Не забыли и о медиках. Выдали пятидневный сухой паек. Машины максимально загрузили боеприпасами, горючим и продуктами.

5 июля, в 5.30 утра, отряд двинулся в путь. Впереди шла машина с комбатом Дюдиным, выполняя роль разведки и боевого охранения. За ней на «виллисе», с радиостанцией и охраной, ехал полковник Кудрявцев, следом остальной караван. Я ехал на замыкающей машине, чтобы видеть всю колонну и сообщать полковнику текущую обстановку.

Машины шли строго по указанному на карте маршруту. Двигались лесными дорогами, стараясь обходить главные трассы, жилые массивы, даже небольшие деревни. Каждых три часа колонна останавливалась на двадцать-тридцать минут для радиосвязи с дивизией и разминки людей. Июльский день длинный, вечера светлые, останавливали машины в полночь, а в пять утра с первыми проблесками рассвета мы уже загружались, и движение возобновлялось.

Следуя правилу быть с рядовыми, я отказался от места в кабине, сидел вместе с бойцами. Справа рядом со мной – Илья Селехов. Илья из крестьян, служит с сорок первого, бывший пограничник – один спасся из всей погранзаставы. Трижды ранен, награжден орденом Красной Звезды. Сейчас он рассказывает:

– За день или два до начала войны на вражеской стороне – другом берегу Западного Буга – появилась немолодая женщина со стадом гусей, кричит нам: «На вас идет германец!» – а как только к ней подходит немец-дозорный, поворачивается к своему стаду и кричит уже на гусей. Несколько раз прокричала – изо всех сил, чтобы мы лучше услышали. Вернувшись, рассказал начальнику заставы и комиссару, мол, так и так. Комиссар засмеялся: «Какая-то сумасшедшая или провокаторша. Товарищ Сталин заверил всех советских людей и армию, что никакой войны с Германией не должно быть, слухи раздувают провокаторы. Немцы – наши лучшие друзья!» В ту

ночь застава перестала существовать, и сделали это «наши лучшие друзья»!

– И комиссар погиб? – спросил я.

– И комиссар, и жена его – «Анка-пулеметчица». Как поглядела фильм «Чапаев», так и влюбилась в Анку-пулеметчицу, вот ее так и прозвали. Изучила баба «максим» получше мужа. Села за него в первые минуты боя и в первые же минуты погибла. Разумели мы в сорок первом, как говорится, на авось да небось.

Заговорил Федя Левков, воюет он с сорок второго, дважды ранен, награжден медалью «За отвагу» – спас от взрыва людей и груженную взрывчаткой машину:

– А я с Орловщины, из деревни Старуха – так она называется. Дело наше – жито. Работали от зари до зари, начисляли за трудодень тридцать копеек. Кабы не огородишко да две козы...

Слово о солдате

До войны я ни разу не бывал в деревне и представлял ее в основном по книгам Толстого, Тургенева, Лескова, Чехова – в пределах школьной программы, но то были описания старой, дореволюционной деревни. Впервые о советской деревне я узнал от нашей домработницы, семнадцатилетней Тани. В начале 30-х годов, в период коллективизации и знаменитого страшного голода на Украине, родителей Тани выслали в Сибирь, а ей удалось сбежать из родной деревни. Мы тогда жили на Украине, в Кривом Роге, папа руководил шахтами. Таня пришла к моему отцу, честно все рассказала и попросила взять ее на шахту. Папа привел ее к нам в дом. Я не очень понимал, о чем она говорила, не вникал в новые для себя слова: колхоз, кулак, середняк, бедняк, милиция, ссылка, высылка, трудодень. Мне было тогда всего восемь лет. «Поднятая целина» Шолохова, прочитанная в последнем классе школы, тоже мало что рассказала мне о советской деревне, – кажется, я прочитал ее с закрытыми глазами, ибо произошло это в самую сложную пору моей юности, когда отца упрятали на 28 месяцев в тюрьму.

Впервые я увидел деревню в ноябре 1941 года, когда меня на месяц направили уполномоченным в деревню. Впечатление тогда сложилось тяжелое.

Попав из училища на фронт, а за годы войны я служил на пяти фронтах в четырех дивизиях, я встретил много крестьян в солдатских шинелях – русских, украинцев, белорусов, татар, казахов, узбеков... Эти люди оказали на меня огромное влияние – на мое мироощущение и характер; гораздо большее, чем все командиры и комиссары. От русского мужика я набрался разума – вот уж университет университетов, кладезь жизненной мудрости и благородства.

Крестьянин помог мне глубже понять, почему оказалась такой пустой и нищей наша деревня и чем нынешний крестьянин-колхозник отличается от толстовских героев. Проходя русские и белорусские деревни, я видел в них много горя и, слушая рассказы колхозников – мужчин и женщин, старался найти ответ, понять, почему они простили советской власти все то, что она так безбожно и уродливо сотворила с ними. Простили. И в трудный час, когда родина оказалась на краю гибели, безотказно служили ей. Во имя чего?

Наверное, такими их сделал ОБРАЗ ЖИЗНИ. Жили эти люди на земле, и она насыщала их разумом, верой в добро и святость труда – что и составляет основу всей человеческой жизни, данной нам богом. Как-то я услышал от них: «Дети и неспособного сделают благородным. А без благородства как прожить?» В русском крестьянине часто есть что-то детское – искренность, стремление к правде, вера в старших. Общаясь с этими людьми, я понял, что интеллигентность человека, его культура отнюдь не определяются ни образованием, ни эрудицией, как это утверждают энциклопедии, а скорее – внутренним складом души и сердцем. Недаром люди издавна говорят: «сердечный друг» – и это высшая похвала.

Провожали мужика на войну всем миром, со словами: «С богом!» Попав на фронт, мужик понимал, что на войне ему долго не прожить. Но никогда ни в одном из них я не замечал какого-то озлобления или душевной раздвоенности, неприятия воинской дисциплины. Твардовский, как никто другой, уловил эти особые струнки крестьянской души и оттого так удачно сложил свою поэму о Василии Теркине. Сколько раз я читал эти стихи солдатам, а они просили снова и снова. Солдатская среда приняла Теркина как своего товарища и брата.

Мне часто доводилось присутствовать и самому участвовать в мужицких «разговорчиках», как я ласково их называл, и я обратил внимание, что чаще всего во всех рассказах о доме, родных

присутствовал свет надежды: вот кончится война...

— У меня сын — грамотей, первая голова в деревне, — начинался разговор, — после службы в армии остался в городе, выучился на инженера, вот теперь уповаем...

В этих зачинах звучал подспудный вопрос-ответ: «Как дальше жить будем...» Наверное, в этой надежде, смирении перед стихией и скрыта тайна прощения и искреннего отношения крестьянина к власти, к войне, да и к другим невзгодам и перипетиям жизни — в надежде, что и это минет, и как-то все образуется, а перемелется — мука будет...

Солдатские афоризмы

Всякое общение учит. Только вот чему? Я уже говорил, рассказывая о первом дне на фронте и встрече с дядей Кузей, что загорелся идеей записывать советы бывалых солдат. День за днем в блиндажах, прямо в окопах, в поле, в лесу, нередко у костра я собирал крупницы солдатской мудрости и не помню ни одного случая, чтобы кто-то отказался от дружеского разговора. Так возник целый рукописный том, который я озаглавил «Свод правил поведения солдата». Я не скрывал своей затеи, часто читал свои записи молодым командирам и новобранцам. Все же, чтобы обезопаситься и сбить с толку всяких недоброжелателей, я открыл «Свод» лозунговыми правилами.

Несмотря на предосторожности, однажды, услышав об офицере-чудаке, собирателе афоризмов, меня вызвал к себе комиссар в высоких чинах. Пролистав с десятков страниц, он усмехнулся: «Воевать людей научат и без вашей писанины, а вам советую заняться более путным делом. Ваши прямые обязанности: чаще бывать на передовой, воодушевлять бойцов, поднимать их в атаку. Вот и действуйте! И никакой отсебятины!»

Какая глупость! В немецкой армии любой солдат, не говоря об офицере или генерале, мог вести дневник. Об этом я, понятно, узнал гораздо позже. А тогда я промолчал. Много нелестного говорили об этом партийном вельможе, — этот сукин сын дошел до того, что заставлял вступивших в партию бойцов добираться за партбилетом с переднего края в тыл, иногда под прицельным огнем.

Окончательно я успокоился, когда дивизионка напечатала с десятков правил из моего «Свода» под заголовком: «Советы бывалых фронтовиков (из фронтовых записей капитана Ч.)». Начальство прочитало, одни похвалили, другие промолчали, кто-то, как обычно, посмеялся.

К сожалению, мой многолетний труд сгорел во время пожара в графском замке, где размещался штаб дивизии. Произошло это в Венгрии 12 ноября 1945 года, в мой день рождения.

Многое из записанного тогда забылось, все же кое-что я восстановил по памяти как пример того, что помогало выжить мне и другим солдатам.

СВОД ПРАВИЛ ПОВЕДЕНИЯ СОЛДАТА

Береги честь смолоду.

Никогда не забывай о данной тобою присяге.

Пуще живота своего береги боевое знамя.

Приказ начальства — закон.

Приказ не обсуждают, а выполняют.

Не спорь с начальством — это что против ветра плевать.

Не попадайся начальству под горячую руку.

Без разрешения начальства — ни шагу на вражескую территорию.

Жаловаться в армии не положено.

Старайся оставить начальство в дураках.

Береги своего командира.

Сам погибай, а товарища выручай.

Помогай, как можешь, старым солдатам и новобранцам.

Береги фронтовое товарищество!

Помни о чувстве локтя.

Плохое забывай, а доброе всегда помни.

Не совершай необдуманных поступков.

Не пропускай мимо ушей советов бывалых солдат.

Перед маршем не ешь соленого и сладкого.

Перед боем не нажирайся. Старайся быть в еде умеренным.

Всегда держи в запасе пару сухарей и фляжку воды.

У кого табачок – у того и праздничек.
Поесть досыта так же важно, как иметь надежное укрытие.
Научись спать и есть на ходу и во всякую погоду.
Если ранен – не пугайся крови.
В бою не лови свою пулю. Помни: пуля летит быстрее твоей реакции.
В боевой обстановке забудь о стыдливости! Никто тебя не осудит.
В бою никогда не поддавайся панике, подавляй в себе страх.
Не полагайся на глаза и уши: они могут подвести.
Убей противника, иначе противник уложит тебя.
Научись ненавидеть врага: без ненависти его не одолеть.
Не расстреливай военнопленных.
Не читай вражеских листовок.
Не хвали противника и не верь его хитрым речам.
Не поддерживай слухи и сплетни. Пресекай их!
Не надейся, что противник простит твою неопытность.
Не веди на фронте личных записей.
Научись держать язык за зубами.
Неизвестному человеку ничего не объясняй.
Ищи, находи и употребляй в бою свою изобретательность.
Приспосабливайся к трудностям – не уходи от них, а преодолевай их.
Любой успех зависит от выдержки и терпения.
Подружись с землей – верным другом в бою.
И на ровном месте ищи укрытие от огня противника.
Старайся, как можно и где можно, обманывать противника.
Не зевай!
Ленивому солдату все в тягость.
Помни суворовский принцип: каждый солдат должен знать и понимать свой маневр.
Пули не осведомлены, что старший по званию имеет привилегию.
Нет ничего более приятного, чем когда кто-то стреляет и промахнется.
Будь всегда со всеми ровным в обращении и готовым прийти на помощь.
Выполняй приказ ответственно, не полагаясь на авось.
Запомни: важно не то, что ты исполняешь, важно – как исполняешь.
Дал слово – выполняй его, чего бы это тебе ни стоило.
Встретишь бабу – не упускай случай порадоваться жизни, другого случая может не представиться.

После войны я узнал, что аналогичные правила, подсказанные военной практикой и солдатской смекалкой, существуют во многих армиях. Где в шутку, а где и всерьез традиционно ругают интендантов, не очень чтят генералов, не верят в способности командиров.

В разведке

Вечером 9 июля колонна «студебеккеров» вышла на шоссе, ведущее к Неману. От Минска до Немана примерно 230 километров; если двигаться по шоссе напрямую и без остановок, это двое суток пути. Мы добирались почти пять суток. По карте выходило, что мы находимся севернее Гродно, в районе Шемболец. До цели оставалось совсем немного, реку закрывал от нас только огромный лесной массив, рассеченный лентой шоссе. У выезда на шоссе полковник Кудрявцев остановил машины, построил отряд и обратился к нам с краткой речью:

– Поздравляю, офицеры и бойцы! Мы добрались до реки Неман, которую форсировал в 1812 году Наполеон, а через 129 лет – гитлеровская армия. Через час и мы подойдем к Неману и переберемся на его правый берег. За нами должна переправиться вся дивизия. Уверен, отряд не подведет своих товарищей. Обстановка пока неясная, поэтому прошу всех подготовиться к возможному бою.

Действительно, в это время во фронтовой полосе армиям становилось тесно: местность была перенасыщена людьми, техникой, различными дополнительными и спецчастями, причем это были и наши части, преследующие врага, и осколки немецких, поспешавших за своей отступавшей армией.

Только первая машина колонны выдвинулась на шоссе, как увидели метрах в трехстах впереди

тормозившую автоколонну. Кто там – свои, чужие? Пришлось остановиться. Полковник Кудрявцев послал вперед разведчиков.

– Немцы! – вернувшись, доложили они. – Несколько танков и пять-шесть машин с пехотой!

– Задний ход! В лес! – последовала команда.

Машины развернулись, и скоро мы выехали на лесную дорогу, ведущую к реке. Разведчики рассказали, что на наш уход немцы не обратили никакого внимания, видно полагая, что мы, как и они, догоняем свою часть.

На подъезде к реке увидели сторожку лесника.

– Есть где вокруг немцы? – спросил Кудрявцев у вышедшего старика. – Когда вы видели их в последний раз?

– Был здесь немец, вчера был, – сказал старик, – взорвали мост и ушли. Вроде бы туда, к Гродно. – И добавил: – А если кому на ту сторону, то это можно. Тут рядышком сильный есть плот, немец бросил его в сорок первом. Выдержит и машины, и пушки.

Вот это удача! Оказалось, это единственная возможность переправиться.

За ночь на плоту переправили весь батальон. Откатали машины и орудия подальше от берега и замаскировали. Для прикрытия одно орудие и группу солдат полковник приказал оставить у лесной дороги на выходе к реке.

В первую очередь следовало определить, с какими силами противника мы имеем дело и каковы его планы, собирается ли он продолжать отступление или постарается закрепиться и превратить Неман в новую преграду для наступающих. На рассвете полковник решил послать разведчиков в сторону Гродно. Я вызвался возглавить группу.

Комсорг полка у подбитого немецкого танка, 1944 г.

Взяв «студебеккер» и трех разведчиков, а также ручной пулемет и приличное количество гранат, мы тронулись в путь.

Я сидел в кабине с шофером. Через несколько минут, выехав на сельскую дорогу, очутились в небольшой деревне. Остановились у первых домов, спрашиваем у вышедших крестьян:

– Где немцы? Когда их видели в последний раз?

Ответ примерно тот же, что лесника: здесь и в селе рядом их нет, на танках и машинах укатили в Гродно.

Двинулись дальше, прихватив с собой добровольца-поляка – поможет нам выбраться из леса к шоссе на Гродно. Когда выехали на трассу, я чуть задремал.

Проснулся я от резкого толчка в бок.

– Глядите, товарищ старший лейтенант, немцы! – прокричал шофер и тут же затормозил.

Мы наткнулись на передовую заставу! Артиллерийскую батарею установили как заслон при въезде в Гродно, рядом выстроилась, наверное, целая рота немцев, им что-то выговаривал офицер.

Без всякой команды шофер развернул «студебеккер» – и тем спас нас всех! Он гнал машину на большой скорости, в открытую дверцу я прокричал младшему лейтенанту: «Приготовиться к бою!» Но немцы уже заметили машину и открыли огонь. Снаряды стали нас догонять. В этот момент шофер, заметив дорогу в лесу, свернул и погнал еще быстрее. Немцы тоже сместили огонь, стреляли уже в сторону лесной дороги...

Наконец все стихло. Мы остановились. И тут только заметили, что поляк исчез. То ли испугался и удрал, воспользовавшись суматохой, то ли нарочно навел нас на немцев?..

Нужно было собрать сведения о местоположении противника, его передвижениях, и, проезжая через деревни, я каждый раз отправлял разведчиков поговорить с селянами. На обратном пути внимательно вглядывался во все близкие и дальние холмы вокруг в поисках пребывания врага. Кто-то из разведчиков, видно, неверно истолковав мои действия, мечтательно вздохнул, оглядывая цепь высоких взгорий: «Славны бубны за горами»...

Вернувшись в расположение батальона, доложил комбату обо всем, что увидел и услышал, и у меня состоялся примечательный разговор с полковником Кудрявцевым, как я считаю – самый важный за войну из всех моих разговоров с начальством.

– Гродно занят немцами, – сказал я, – местные жители видели много танков, стоящих по деревням вдоль Немана. Но самое важное: в нашем районе – три высоты. Если их займут немцы, они сумеют сбросить нас в реку. Если их займем мы, то запрем им выход из Гродно. – Я попросил карту и показал на ней расположение всех высот.

Полковник, не перебивая, внимательно меня выслушал, поблагодарил и сказал:

– То, что вы предлагаете, делать мы не станем. Мне приказано форсировать Неман, захватить плацдарм на правом берегу и обеспечить переправу дивизии. Она должна прибыть к нам на десятый день. Армия вот-вот подойдет понтонный и саперный батальоны для возведения переправы. Я не имею права рисковать. Нас – горстка по сравнению с противником, у них танки и артиллерия.

Меня поддержал старший лейтенант Захар Дюдин:

– Я согласен с мнением комсорга: если немцы займут высоты, никакая переправа дивизии не понадобится.

– Товарищ полковник, – опять попытался я, – мы не собьем их оттуда! Будет много крови!

– Это вам не сорок второй, старший лейтенант, – уверенно возразил комбат. – Если понадобится, вызовем авиацию. – И более не стал нас слушать.

Правда, на всякий случай приказал занять одну из высот у самого берега, и всю ночь солдаты рыли окопы.

К сожалению, случилось то, чего я опасался.

Уже на следующий день ситуация принципиально изменится: два полка дивизии и артиллерию вместо Немана повернут на Гродно, где 3-й Гвардейский кавалерийский корпус уже завязал бои. Нас же, лишившихся поддержки, атакуют большими силами, и в первом же бою будет смертельно ранен сам Кудрявцев – хороший человек, кадровый военный, но упрямый и слишком осмотрительный, малоинициативный человек.

Бой за Неманский плацдарм

Поздно вечером я устроился под развесистым деревом со свисавшими над рекой длинными ветвями, решив немного поспать: завтрашний день обещал быть нелегким. Сумерки постепенно окутывали берег, скрывая быстро текущую реку, с холмов налетал сильный холодный ветер, вода швырялась брызгами, иногда долетая до меня стылой моросью. В деревне рядом нам показали развалины хлебопекарни, построенной во времена, когда Великая армия императора переходила Неман. За этими высокими холмами когда-то скрывалась армия Наполеона, и где-то здесь, на берегу, стояла его палатка, он наблюдал за переправой... И Наполеон сгинет, и Гитлер сгинет, а река все так же величаво продолжит свое нескончаемое живое движение. Наполеон и Гитлер – завоеватели, гении злодейства... На то есть божий суд, сказал бы Маврий... Кажется, я все-таки задремал...

Из дремоты меня выхватил грохот разрыва снаряда, бухнувшего в реку, и тут же прозвучал громкий голос полковника Кудрявцева:

– Всем наверх!

Быстро взобравшись на гребень склона, мы заняли отрытые за ночь окопы.

На рассвете батальон принял первый бой. Налетела авиация, артиллерия – накрыли быстрым огнем все пространство местоположения батальона. Все ранее безмолвные холмы извергали огонь и несли гибель. Да уж, «славны бубны за горами», припомнились слова разведчика. Тем временем чуть дальше нас, в районе Шемболец, подошедший понтонный батальон быстро навел переправу. Самолеты, оставив нас, набросились на понтоны. Под непрерывным огнем и бомбовыми атаками противника саперы навели новую переправу, но к вечеру и ее разбомбили.

У нас же после бомбежки и артподготовки пошли в атаку автоматчики противника, поддержанные пулеметным огнем с самоходок, стоявших у основания высоты. Захар Дюдин, он заменил погибшего Кудрявцева, поднял всех в контратаку. Забрасывая нападавших гранатами, мы сумели сбросить их с высоты. Контузило комсорга Павла Берникова. Осколком разорвавшейся рядом мины тяжело ранило Дюдина, его заменил замполит Григорий Мышинский. Бомбовыми ударами были разбиты пушки, вышли из строя все пулеметы. Положение делалось все тяжелее. Противник стремился во что бы то ни стало сбросить нас в Неман.

Оставался день до подхода дивизии. Один день! Нужно выстоять, пока не подойдет хотя бы передовой полк. Мы должны выдержать, продержаться! Вот-вот враг вновь ринется на нас. Никто из нас не думал о героизме, как не помышлял и о смерти, остатки батальона стремились во что бы то ни стало сдержать ужасный натиск противника.

Вечером замполит прислал мне записку: срочно переправить тяжелораненых на другой берег, встретить 376-й полк, сообщить им о нашем тяжелом положении, чтобы общими силами заставить немцев оставить занятые высоты.

Я спустился на берег, отыскал у крутого изгиба реки запрятанный плот и подогнал к месту, где находились раненые. Их было двенадцать, в том числе Захар Дюдин и Паша Берников. Вчетвером, с помощью фельдшера и двух санитаров, мы перетащили всех на плот, аккуратно уложили, перенесли мертвого полковника Кудрявцева и поплыли к противоположному берегу. На берегу нас встретили разведчики 376-го полка! Раненых сразу передали врачам медсанбата.

Полк готовился к переправе. Ни лодок, ни бревен не было, разбирали пустые избы, сооружали плоты. Первым переправился на нашем плоту парторг полка капитан Кирилл Кошман. Мы давно были знакомы и обрадовались встрече. Я постарался четко изложить положение мобильного батальона.

– Ясно! – Кошман вытащил из кобуры пистолет: – Не станем терять времени, нас ждут. Оставайтесь здесь, доложите обо всем комполка. Нужно срочно решить следующее: подготовиться к встрече новых раненых – всех нужно переправить за ночь. Обязательно повидайтесь с командиром противотанкового дивизиона, посоветуйте им, где лучше расставить пушки, и обозначьте на их картах высоты, занятые немцами. С рассветом возьмемся за них. Если понадобится, введем в бой реактивные минометы. Пока не восстановлю радиосвязь, прошу вас находиться с комполка.

Кошман – бесстрашный человек, инициативы ему тоже не занимать. Взяв с собой человек двадцать, он сразу ушел в окопы.

За ночь были вывезены еще шестнадцать раненых. Полк начал переправляться через Неман. Я провел в полку полный день. Все, о чем просил Кошман, было выполнено.

В тот день я впервые увидел, как человеческая ненависть и остервенение боя оказались сильнее страха смерти. Бойцы соскакивали с плотов и, не задерживаясь ни минуты, устремлялись вперед, обтекая с флангов занятые врагом высоты. Это были солдаты, прошедшие многострадальную Белоруссию, и то, что они увидели, оказалось еще страшнее, чем под Вязьмой, Ржевом, на Смоленщине. Они шли на огонь противника – и не было силы, которая могла бы их остановить.

К концу дня ситуация резко изменилась. В ночь на 16 июля Гродно пал, и 220-я дивизия двинулась нам на подмогу, – об этом сообщил мне Гугуев, командир 376-го полка. Сдав Гродно, немцы стали быстро отходить, бросая технику. Покинули они и высоты. Над Неманом появились наши штурмовики, они догоняли и добивали панически бегущие войска противника.

Ровно через сутки после освобождения Гродно, 17 июля 1944 года, немцам довелось наконец прогуляться по Москве, к которой они так рвались с сорок первого. Их доставили под конвоем. Пленных. 52 тысячи. И провели по Садовому кольцу под взглядами собиравшихся прохожих. О впечатлениях москвичей мне вскоре написали из дома.

За освобождение Гродно 220-я дивизия удостоилась ордена Красного Знамени. Ту же награду получили комбат Захар Дюдин и батальонный комсорг Павел Берников. Парторгу 376-го полка

Кириллу Кошману за форсирование Немана было присвоено звание Героя Советского Союза. Меня наградили орденом Отечественной войны 1-й степени.

После войны, будучи в Минске, в Белорусском музее Великой Отечественной войны я видел документы о нашем мобильном батальоне, оборонявшем Неманский плацдарм.

Государственная граница

Вскоре мобильный батальон был расформирован. Да, собственно, почти некого было расформировывать. А наша 220-я дивизия уже двигалась дальше, на запад, и, сбив по пути несколько заслонов, в 20.00 17 июля 1944 года вышла на Государственную границу! Особенный день и час для каждого, кому довелось пережить тот потрясающий миг! И произошло это поистине историческое событие вечером того самого дня, когда пленных немцев с позором провели по Москве. Удивительные бывают совпадения, и чудится в них какая-то загадка...

Первыми подошли к границе разведчики. Запыхавшись, один из них бежал навстречу походной колонне, крича на ходу:

– Граница! Граница! Ура-а!!!

Колонна поспешила вперед, и все мы замерли. Нашему общему взору предстала полоса земли, которую называют «границей». Поначалу все мы, солдаты и офицеры, молчаливо разглядывали то, что всегда казалось грозным и недостижимым, за чем люди ощущают себя крепко и навсегда защищенными. Словно ошалелые, мы оглядывались вокруг, задаваясь одним и тем же вопросом: а где же те традиционные атрибуты, которые в нашем представлении ассоциируются с Государственной границей?! Где колючая проволока?! Где длинные глубокие рвы, разделяющие страны?! Где, наконец, пограничные столбы и сторожевые вышки?! А шлагбаумы?! Ничего этого не было. Все куда-то исчезло.

Потом мы узнали, что жители ближайшей деревни хотели забрать пограничные столбы на дрова, но местная власть не разрешила, возможно, предвидя их судьбу – вновь встать в строй. И мы увидели их, эти символы границы: они лежали возле леса, сложенные в аккуратные штабеля, в ожидании своей новой жизни.

Граница! Сколько картин написано о ней художниками! Сколько песен, стихов сочинено поэтами и композиторами! Мы, школьники, разучивали на уроках пения:

Границы Союза Советов
Закрыв он от воронов черных,
Одел их бетоном и камнем
И залил чугунным литьем.
Споем же, товарищи, песню
О самом великом дозорном,
Который все видит и слышит, –
О Сталине песню споем.

Хотелось бы поскорее забыть эти слова.

Но тогда каждый из нас всем существом ощутил величественность происходящего! Особый момент в своей жизни! И без всякой команды вдруг загремел салют! Стреляли из автоматов и винтовок! Из карабинов и пистолетов!

И началось невероятное! Все бросались друг другу в объятия. Кто-то упал на колени, воздев руки к небу. Другие бросились к единственному пограничному столбу, вкопанному по случаю торжества, обнимали его, целовали, отрывали щепки на память. Некоторые собирали землю в платочки. И все плясали! И как! Чего только не отплясывали – и русскую, и лезгинку, и украинский гопак! Отбивали чечетку – и с таким азартом, изобретательностью, что все были в восторге, аплодировали, притопывали, сами пускались в пляс. И уже вышли вперед баянисты, гитаристы, запели частушки, все подхватывали слова, хлопали. С места и выходя в круг, вступали все новые исполнители.

Скоро кончится война,

Скоро Гитлеру капут,
Скоро временные жены,
Как коровы, заревут.
Ах ты, Гитлер косолапый,
Тебе будет за грехи.
На том свете девки спросят:
А где наши женихи?

Всего за несколько минут люди стали совсем другими – раскованными, выпрямились, на лицах появилась гордость, глаза блестели. Отступили, пусть ненадолго, жуткие воспоминания о днях отступления, смерти, годы шедшей с нами в обнимку, слезы о тех, кто погиб, – все отошло в этот миг общего торжества и радости! Как прекрасно, что ты дожил до этого часа! Что среди первых из первых пересек эту условную географическую линию, которая всем так дорога, к которой мы все так стремились! Всем казалось, что теперь-то – рукой подать до конца войны!

Незабываемый день! В наших душах гремели оркестры, стучали барабаны! Наши опьяненные победой сердца пылали гордостью исполненного долга!

Прибыла кинохроника. После краткого приветственного слова командира 653-го полка Сквородкина, оставив пляски и частушки, все построились в колонну, и фронтовые операторы засняли торжественный момент: строевым шагом полк пересекает границу, минуя пограничный столб.

Шли герои разгрома немцев под Москвой, Ржевом, Смоленском, Витебском, Минском, Оршей, Гродно, на Немане. И каждый солдат, проходя мимо этого единственного пограничного столба, отдавал ему честь, воспринимая его как символ освобождения родной земли от фашистской нечисти²³.

Часть четвертая В Польше и Восточной Пруссии Июль 1944 – апрель 1945

Глава двадцатая «Неприкасаемые» Июль – декабрь 1944 года

Начальственные игры

Дорога уходила все дальше на запад. 18 июля 1944 года дивизия вступила на польскую землю.

Примерно через неделю меня вызвал новый начальник политотдела полковник Ковырин (Борисова подняли в должности) и поздравил с повышением. Стал я помощником начальника политотдела дивизии по комсомолу. По указанию армейского начальства меня направляли к нашему соседу – в 352-ю дивизию. попрощавшись с товарищами, передав должность комсорга полка Васе Рагулину, я поспешил к новому месту службы.

Когда я прибыл, оказалось, что мое место занято. Начальник политотдела 352-й дивизии полковник Ефимов сообщил мне, что мой предшественник, капитан Кузин, всего лишь легко ранен и вот-вот должен вернуться из госпиталя, так что в армии поспешили его списать; меня же он просит недельки две подождать в тылу.

Практически без дела я промаялся в тылу дивизии почти месяц. За это время дивизия прошла свыше ста километров, участвовала в боях. В отношении ко мне начальника политотдела я чувствовал известное пренебрежение, этот тучный полковник с первой встречи не вызвал у меня симпатии: мне неприятны люди, которые не смотрят в глаза. Капитан Кузин все не возвращался. В

²³ В 70–80-е годы копия этой пленки хранилась в школе имени Зои и Александра Космодемьянских в Москве.

конце концов я понял, что со мной хитрят.

Не согласовав с начальством, я позвонил в политотдел 31-й армии, помог мне дозвониться замкомдива по тылу, приличный человек. В армии попросили перезвонить через два-три дня. Я перезвонил, и меня пригласили приехать. По прибытии мне сразу вручили новое предписание: я направлялся в 331-ю дивизию – «лучшую в армии», как сказали мне на прощание.

В составе 331-й дивизии я провоевал до последних дней войны.

Комдив Берестов и начальник политотдела Шилович

Покинув армию, я ехал к новому месту службы с известной опаской: скверный опыт общения с полковником Ефимовым сильно меня обескуражил, к тому же политотдел дивизии – это целое учреждение, двенадцать-пятнадцать политработников, как меня встретят? Беспокоило и мое новое положение: более высокая армейская ступень – это, естественно, иные взаимоотношения с солдатами и офицерами, справлюсь ли?..

В день моего прибытия состоялись две встречи. Первая – с начальником политотдела дивизии полковником Шиловичем. Алексей Адамович пригласил меня сесть и при мне вскрыл солидно выглядевший запечатанный пакет, привезенный мной из армии. Прочитав документы, спросил:

– Скажи-ка мне, старший лейтенант, то, что понаписали тут армейские чины, соответствует правде?

Я пожал плечами.

– Видишь ли, на своем веку я перевидал немало характеристик и знаю, что часто в них много липы. Вроде – по бумаге – получается славный человек, а на самом деле так пишут, чтобы поскорее от него избавиться, подбрасывают товар с гнильцой. Додумались: расшвыривать политработников по разным частям! А кто же примет неизвестного офицера без приличной характеристики?

– Эту же характеристику получил начальник политотдела 352-й дивизии и по неизвестным причинам не пожелал меня взять.

– Ну, мне-то понятны эти штучки, Ефимов не очень уважает вашего брата. А я – белорус, мы с евреями издавна живем как братья, да и жена моя была еврейка, мы счастливо прожили почти четверть века.

– Простите, почему «была», – так вы сказали?

– Именно так. Мы жили в Москве, а мать ее – в Минске. За неделю до войны жена поехала ее навестить. Обе погибли. Не смогли выбраться из города.

Я выразил сожаление.

– Ну хорошо, давай о главном. Дивизия готовится к боям, будем наступать на Восточную Пруссию. Зачем я тебе это говорю? Запомни, старший лейтенант, как вступим на вражескую землю – никаких сантиментов к немцам! Что заслужили за свои злодеяния, то и должны получить! Таково твердое указание Главпура.

Теперь о текущих делах. Познакомься с дивизией и комсомолом, с командирами, политработниками. Коротко о наших взаимоотношениях. Я люблю инициативных людей. Во всякой ситуации поступай так, как считаешь и понимаешь, то есть решение за тобой. Мне важно знать одно: где ты. Если понадобится, сам вызову. Жить будешь вместе с политотдельцами. Пока, кажется, все. А теперь отправляйся к генералу. – Шилович снял трубку, позвонил комдиву и попросил принять меня.

Полковник Шилович и капитан Борис Горбачевский. Германия. 1945 г.

Я — помощник начальника политотдела дивизии по комсомолу. И самое главное, я почувствовал себя вольной птицей: теперь я подчинялся только начальнику политотдела.

Через несколько минут я предстал перед комдивом Павлом Федоровичем Берестовым. Представился как положено. Генерал протянул мне руку и крепко пожал мою:

— Люблю комсомол, сам из него вышел. В двадцать девятом, мальчишкой, меня по партийной мобилизации послали в деревню налаживать колхозное дело, так первый же день после моих бравых речей мужики так меня отдубасили, что до сих пор маленько тугой на правое ухо.

В комнате за столом с разложенной картой сидели еще два офицера. Генерал познакомил нас:

— Полковник Лобачев Кирилл Афанасьевич — начальник штаба дивизии, вместе воюем с московских боев. А этот молодой майор — Левушка Раппопорт, он у нас помощник начальника штаба по оперативной части. Мой «Шафиров». Надеюсь, ты российскую историю знаешь?

Генерал все больше мне нравился — своей открытостью, простотой, искренностью. На его гимнастерке блестели Звезда Героя Советского Союза, полученная за Белорусскую операцию, три ордена Красного Знамени и орден Суворова. Весь рот, как и грудь, — в золоте. Подумалось: странно, вроде еще не старый человек. Генерал рассмеялся:

— Вижу, тебя, старший лейтенант, больше поразили мои золотые зубы, чем ордена. Так?

— Так, — смутившись, подтвердил я.

— Это память тех лет, когда мне, как и Рокоссовскому, в тридцать седьмом комсомольцы выбивали зубы, а заодно отбили ребра и пальцы на ногах. В сороковом посчастливилось, выпустили; вроде помог Тимошенко. Теперь служим под началом Ивана Даниловича Черняховского. Самый молодой генерал армии, тридцать девять ему. Ума — палата! Высочайший военный профессионал, окончил Военную академию, немного нынче таких. — Генерал посмотрел на стол: — Владеешь картой?

— Да, в училище у нас был отличный преподаватель.

— Ты какое училище окончил?

— Тюменское военно-пехотное, на командира минометного взвода. Но нам не удалось закончить, проучились четыре месяца, и отправили на фронт.

— Если понадобится, сядешь за пулемет или миномет?

— Так точно.

— Это хорошо! Мы вот тут втроем маракуем, где лучше ударить по немцу. Они выставили на границе отборные части, защищаются упорно. Наши под Гумбиненом захватили несколько

приграничных поселков и деревень, но удержать не смогли. Как бы с нами не случилось такое. Карты хреновые! Как попадают среди пленных офицеры – сразу их к Левушке, помогают ему уточнять местность. А ты, комсомол, что-то засиделся в старших лейтенантах. Новая должность твоя – майорская, попросим Алексея Адамовича подсуетиться. (Звание капитана мне присвоили в марте сорок пятого.) Вот и познакомились, – закончил разговор генерал. – Если что надо, приходи. И сам подсказывай, если мы что упустим по солдатской части.

Особое пополнение

Известие ошеломило. Уже на следующий день понаслышке об этом знали многие. Официально сообщил новость комдив. Собрав командиров полков и батальонов, генерал объявил:

– К нам придут двадцать три девушки-снайпера. Они окончили Высшую снайперскую школу в Москве. Звонили из армии и главный комсомольский вождь, просили прилично принять и обеспечить нормальные фронтовые условия. В вашем распоряжении всего несколько дней, так что готовьтесь. – И строго заключил: – Запомните, товарищи офицеры, все девушки – неприкасаемые! Кто прикоснется – оторву голову и погону!

«Неприкасаемые» – надо же, какое слово выдумал!

Сообщение восприняли по-разному. Одни посмеивались – дескать, очередная показуха комсомола. Другие высказались односложно:

– Поглядим на «вояк»: и месяца не пройдет, как ветром их сдует.

Но подготовкой занялись серьезно. Отыскивали приличный дом, обустроили как положено, с учетом особого контингента. Обнесли высоким забором. Навесили крепкие замки. «Не хватает проволоки под током», – шутили офицеры. Стояла холодная осень, поэтому завезли теплое белье, сапоги, телогрейки, ватные штаны и ушанки. Подобрали и коменданта – эту роль доверили начальнику дивизионного банно-прачечного отряда, главное – мужик-трезвенник. Командиром нового подразделения назначили одного из лучших армейских снайперов – лейтенанта Жору Касимова. Старшиной приставили опытного снайпера Никодима Ивановича.

В день приезда встречать вышло все начальство. Забросив вещмешки в дом, слегка приведя себя в порядок с дороги, девушки выстроились во дворе. Вышла из строя первая, четко отпартовала:

– Катерина с Зацепы. Старший сержант. Прибыла к месту службы в действующую армию.

– Наталья с Красной Пресни...

Так они все представлялись – по месту жительства, все они, за исключением одной, были москвичками.

– Антонина со Смоленского бульвара...

Одухотворенные, нежные юные лица, полные восторга глаза, стройные легкие фигурки и чистенькие, еще московского блеска сапожки, аккуратные шинели, подобранные под пилотки прически... Мы смотрели и поражались – ни одной дурнушки! Как на подбор – одни невесты! Симпатичные, привлекательные! «И зачем генерал придумал эту неприкасаемость?! Скажи любой волшебное слово, и побежит за тобой, ведь им и нам по девятнадцать-двадцать...» – в тот день так грезились многим из нас.

Два дня девушкам дали отдохнуть с дороги, за это время лейтенант Касимов поговорил с каждой и проверил умение владеть оружием, провел несколько бесед. Делясь собственным опытом, он сравнивал снайпера с минером, говорил:

– И тут и там – смертельный риск, поэтому снайпер, как и минер, должен действовать наверняка, иначе беда. Выйдя на поединок с противником, вы должны уважать два основных снайперских принципа. Первый: снайпер должен верить в каждый свой выстрел. Второй: бей редко, но метко!

О лейтенанте Касимове ходили легенды, поэтому слушали его внимательно. Часто он говорил известное, но им казалось, что все это они слышат впервые. Было видно, что слова командира воодушевляли девушек, но и заставляли задуматься: сумеют ли они правильно действовать в реальной обстановке?

Самого же Касимов беспокоило, что все девушки могли четко, как хорошо заученные стихи, объяснить, в чем заключается снайперское мастерство – это и выдержка, и меткость стрельбы, и

зоркое наблюдение. «Будет терпение – станет и умение», – твердили они; и в то же время ни разу, ни одна из них не проявила своего отношения к противнику, с которым им придется сражаться. Поэтому последнюю беседу командир закончил так:

– Вы будете стрелять в живого человека, но этот человек – наш враг, мерзавец-фашист! Нельзя допускать к нему никакой жалости! Как только вы начнете боевую службу, главное для вас – как можно быстрее преодолеть психологический барьер. Это сложно. Но вы все время обязаны помнить: не должен фашист привольно разгуливать по земле, даже на своей стороне, прикрытый пушками. Заставим его почувствовать неминуемую свою гибель!

После занятий Касимов доложил генералу Берестову:

– Все снайперы подготовлены. Я проверил знание оружия, умение обращаться с оптическим прицелом, маскировочное понимание. Знакомы они и с тактикой снайперского поединка. Извините, товарищ генерал, уж очень они молоды, не видели противника в лицо – не понимают, что это за зверь. Говорить о профессионализме пока рано, зато патриотизма у девушек достаточно, а значит, появится и умение.

– Именно, лейтенант! Учите их, передавайте свой опыт, заботьтесь о них. Вы отвечаете за жизнь каждого снайпера.

– Обещаю, товарищ генерал.

– Вот и хорошо. Если что-то нужно, обращайтесь. Разрешаю выход снайперов на передний край.

– Слушаюсь! Завтра начинаем. Заставим немцев попрятаться, как таракашек!

На следующий день командир, «Катерина с Зацепы» и еще две девушки вышли на передний край.

Первые потери

Передний край встретил девушек настороженно, все задавались вопросом: справятся ли барышни с фрицами? Немцы между тем чувствовали себя свободно: не знали, что у нас появились снайперы, и, не ожидая неприятностей, вольготно расхаживали по траншеям.

Свою команду из двадцати трех человек Касимов разбил на три группы: по семь человек в каждой. На передний край группа выходила через день. Две девушки, по очереди, оставались дневальными. Службу начинали в четыре часа утра – и до вечерних сумерек. В засады обычно ходили вдвоем, выбирались на нейтральную полосу, поближе к противнику, определяли удобные позиции: основные, запасные, ложные.

Касимов часто находился на переднем крае, наблюдая за действиями снайперов, стараясь оценить их поведение. Два раза в неделю проводил занятия: разбирался каждый выход на дело.

Первые дни прошли спокойно. Последующие еще спокойнее. Сложность возникла на нашей стороне. К девушкам стали часто приставать, кто-то обозвал их «хитрыми шельмами». Уговаривали, иногда оскорбительно:

– Милые боевые подружки, не тем делом занялись, с фрицами мы сами справимся, вы лучше загляните на огонек, обогрейте наши косточки...

Этот новый психологический барьер мужских приставаний преодолеть оказалось непросто. «Тоня со Смоленского бульвара», самая бойкая, нашлась:

– «Первым делом, первым делом самолеты! Ну а мальчишки... а мальчишки потом». – И добавила серьезно: – Мы, ребята, как и вы, приехали воевать, а не шашни разводить. Выпала и вам, и нам общая доля: отложить радости до победы.

Вскоре случилась первая беда. «Наташа с Красной Пресни», по общему мнению, первая красуля, спускаясь с горки в траншею, поскользнулась и полетела вниз. До траншеи оставалось совсем чуть-чуть, когда ее прошила автоматная очередь. Пуля пробила правое плечо и застряла в груди.

Хоронили всем миром. Подруги, не стесняясь, плакали навзрыд. Все, как могли, их успокаивали. Не помню на фронте другого случая, чтобы кто-то кого-то так утешал. Наташу в команде любили, восхищались ее красотой, прочили блестящую карьеру в кино или театре. Девушка же думала совсем о другом, мечтала выйти замуж и непременно родить трех детей.

Еще один серьезный психологический барьер. Сумеют ли преодолеть его девушки?

После похорон очередная смена, «Таня с Земляного Вала» и «Таня с Мещанской» без всяких комплексов вышли стрелять. Под утро два немецких солдата выбрались на нейтральную полосу к артезианскому ручейку. Их тут же настигли две пули. Еще одна досталась их товарищу, выскокшему из блиндажа узнать, что случилось.

Так две Тани открыли счет команды.

– Неплохо! – одобрил комдив. – За одну – троих! – И наградил девушек медалями.

Следующая неделя прошла безрезультатно. Немцы заосторожничали: поняли, что находятся под снайперским прицелом.

Между тем положение девушек на переднем крае сделалось невыносимым – приставали все сильнее, просто не пропускали на стрельбу. Один из офицеров, здоровяк, ухватил тоненькую «Зосю с Самотеки» и попытался уволочь в свой блиндаж. Солдаты, наблюдавшие эту неприятную сцену, не испугавшись последствий, вырвали девушку из лап своего командира и надавали ему приличных тумаков. Обошлось без последствий: одумался лейтенант. Но девушки заявили протест своему командиру и отказались выходить на передний край без его присутствия.

Спустя несколько дней погибла Клава из подмосковной Чухлинки. Милая, скромная девушка. Мастерница, связала всем шерстяные варежки. Мечтала после войны стать учительницей в младших классах, у первоклашек.

Девушки растерялись. Им стало страшно. Как говаривали в окопах: «Страшнее страшного ничего не бывает». И это случилось с командой. Касимов всех подбадривал, старался помочь преодолеть страх. Давалось это его подопечным с трудом. А кто-то даже припомнил, что Клаву убили якобы в «несчастливый день», – об этом накануне говорила она сама...

Неожиданно произошел скандал. Воспользовавшись отъездом Касимова и старшины на Всеармейский слет снайперов, трое офицеров-артиллеристов проделали дыру в заборе, напоили коменданта-«банщика», связали, забросили, как куклу, под нары – и гусарами предстали перед девушками: с гитарой, выпивкой и закуской, якобы выказать уважение к погибшим, устроить поминки. Пили и плакали, плакали и пили...

Очередная смена вышла на дежурство с опозданием. Командир батальона запретил выход. «Вера с Таганки» – самая храбрая, как считали ее подруги, не выполнила приказ. В результате ее ранил в руку снайпер, перебил кость. Пришлось срочно отправить ее в госпиталь. Комбат, рассердившись, назвал поведение снайпера не храбростью, а дешевым удалством. А на воротах дома снайперов появилась надпись: «Теперь здесь живут прикасаемые».

Вернувшийся вскоре командир собрал команду и резко отчитал всех, назвав происшедшее «позором». Комендант, оправдываясь и кляня на все лады нахальных молодчиков, заявил, что его заставили выпить стакан водки:

– Попробуй не выпить за товарища Сталина!..

Касимов не стал слушать, выгнал коменданта. Спросил «Катю с Зацепы»:

– Вы знали, старший сержант, как по-сволочно поступили из-за вас с комендантом?

Она ответила за себя и за всех:

– Нет, мы не видели.

Касимов ей не поверил и отстранил от обязанностей старшего снайпера.

Никодим Иванович все слушал и не проронил ни одного ругательного слова. Его молчание для девчат было горше, чем бурный разнос командира.

Старшина Никодим Иванович

Не могу не рассказать о Никодиме Ивановиче – очередном персонаже в моей армейской коллекции старшин. Одна из девушек сказала о нем: «Не иначе спустился ангел с небес».

Был этот человек в возрасте, отец двух дочерей. С сильным характером. В порыве откровенности он как-то сказал: «Всякое в жизни бывало, и на коне был, и под конем бывал». С первой же встречи с девушками он занял мудрую позицию и уже не отступал от нее: любил их всех одинаково, ни одной не выказывал предпочтения. К просьбам их, пожеланиям относился внимательно, порой потакал и капризам. Во всем, возможном и невозможном, старался сделать быт девушек сносным. Перестроил внутреннюю часть дома, чтобы она не выглядела казармой. Договорился с соседом, богатым поляком, чтобы тот, за тушенку, разрешил девушкам мыться в

своей баньке. Выпросил у начальства в постоянное пользование крепкую армейскую повозку с ездовым и двумя лошадьми. Когда дивизия тронулась вперед, снайперы погрузили на нее все свое имущество, винтовки и так дошли до германской границы. Ежедневно Никодим Иванович проверял оружие и записывал в бумагу замечания по каждой винтовке, точно зная ее владельца.

Касимова уважали, ценили как опытного командира и снайпера, подчинялись. Никодим Иванович – дело другое, его любили, как отца, друга. Слово старшины для девчат было дороже золота. Никодиму Ивановичу доверяли самое сокровенное, обращались за советом, подмогой. Главным украшением этого человека, я считаю, были не утраченные на войне чистая совесть и доброта.

Как видно, в отряде разглядели эти его качества и высоко ценили.

Со своей стороны, Никодим Иванович привязался к девушкам всем своим существом, в каждой из них видел свою дочь и испытывал огромную радость, когда удавалось сделать для них что-то доброе.

Смерть каждой девушки он переживал как потерю родного человека и горько сокрушался. По его просьбе в деревне плели венки из искусственных цветов. А сам Никодим Иванович, успокаивая плачущих, все приговаривал: «Будем жить не тужить, будем жить...»

Вот и такой старшина оказался в моей фронтовой коллекции.

Многое сделал Никодим Иванович, чтобы изменить отношение переднего края к девушкам-снайперам. И это время пришло: отношение изменилось. Теперь бойцы называли их «святыми», жалели, особенно пожилые, а один, когда девушки уходили на задание, молился за них. При появлении снайперов в траншеях стали их приветствовать, выказывая поддержку:

– Так держать, снайперки!

– Бейте их, гадов, и нам станет легче!

Сложнее складывались отношения с офицерами. Шаг за ворота – и на девушек устремлялись жадные мужские глаза. Хуже всех «напроказничал» командир полка, в расположении которого находился дом снайперов.

Свою пассивность он заметил еще в первую встречу. Не удержалась и «Тамара с Цветного бульвара». Получив записку от подполковника – статного, красивого, сравнительно молодого – с приглашением посетить полк, девушка согласилась, не спросив на то разрешения командира. Вечером за ней пришел адъютант командира и тайно увел.

Доложили генералу:

– Сбежала снайпер!

Прихватив меня, он помчался на машине в полк.

– Ты что насильничаешь?! У тебя в полку своих баб мало?! – налетел Берестов на комполка.

– Нет, нет! – воскликнула Тамара. – Я люблю Сашу...

Генерал удивился и не стал журить офицера.

Забавно, что разъяренный подполковник приказал открыть огонь по доносчику, если он появится в расположении полка. «Доносчиком» тем был я.

«Держись, немец!»

Мне неоднократно приходилось наблюдать, насколько сложна и непредсказуема снайперская служба. Во-первых, противник не дурак и не спешит попасться на мушку. Для самого же снайпера любая, часто нелепая, оплошность, малейшая ошибка, случалось, заканчивалась смертью. Во-вторых, без выдержки, уверенности в себе, даже «охотничьего азарта» – снайпер еще не снайпер. В-третьих, в немецкой армии было немало снайперов-асов, да и оптика во много раз лучше. Вступая в войну с Россией, немцы уже имели в своих частях достаточно много хорошо подготовленных стрелков, тогда как в Красной Армии снайперское движение развернулось, насколько помню, лишь с 1942 года.

Мы не представляли, как поведут себя женщины в роли снайперов, – казалось, в критических ситуациях они могут растеряться, к тому же женщины не склонны к риску, им не хватает выдержки. Но «снайперихи» опровергли многие из наших первоначальных суждений. Шло время, на прикладах снайперских винтовок появлялись все новые зарубки, заскулили немцы, и пренебрежительный стиль поведения окончательно скис. «Попробуй разберись, кто сильнее – кит или слон?» – шутили

офицеры политотдела. В дивизии юных снайперов зауважали и полюбили. Они внесли в нашу жизнь особенную атмосферу, заставили многих очнуться и поверить, что фронт – еще далеко не конец жизни. Да и сами девушки, я заметил, переменились, стали серьезнее.

Вскоре на лицевых счетах наших девушек насчитывалось уже семь фрицев. Может, и больше, не всегда можно точно определить результат выстрела. Возвращаясь с задания, снайперы докладывали: «То ли попала, то ли нет? Но немчура свалился».

Самым трудным случаем оказался многочасовой поединок «Любы со Сретенки» с немецким снайпером.

Попробуй оказаться один на один с противником, превратиться в невидимку, стать неподвижным существом. Глаза быстро устают, мышцы рук и ног немеют, тело пробирают то холод, то жар; иногда появляется страх. Как видно, Люба в чем-то допустила промашку, и немец засек ее и теперь выжидал, рассчитывая на очередную ошибку. Люба замерла – ни малейшего шевеления. Так она пролежала до позднего вечера, нередко плача про себя, чувствуя, как все больше прирастает к земле, а оторваться от нее – не может.

В темноте Касимов, приблизившись к девушке, вытащил ее с помощью веревки. Почти бездыханную, на руках занес в блиндаж, растер тело водкой и дал выпить пару глотков из фляжки, затем под руки отвел домой.

Но случались ситуации, когда ни Касимов, ни кто другой не в силах были помочь. Немецкий снайпер-ас с ходу пробил голову «Дины из Оружейного переулка». Беду переживали особенно остро. Команда любила голубоглазую девушку с милым, веселым нравом, певунью; она мечтала стать детским врачом, вылечить всех детей мира от всех подстерегающих их болезней.

Касимов первый почувствовал, как после гибели Дины что-то очень важное произошло в команде, и понял: наконец родилась ненависть, желание отомстить.

– Держись, немец! – сказал Касимов. – Вот теперь-то пойдет настоящая охота!

Как-то «Галя с Елоховской» рассказала мне о своем первом выстреле:

– Я тогда долго-долго высматривала и вдруг увидела его, немца, молодого, он сидел на пеньке, глаза добрые... Как поступить? Но ведь тянуть нельзя. Я выстрелила. И сразу пожалела, заплакала.

Теперь и я, и Касимов точно знали, что вопроса: «Как поступить?» – у снайперов не возникнет.

Новый, 1945 год

По приказу из армии на недолгий срок половину команды снайперов отправили к соседям. За это время у меня родилась идея. Все мы понимали, что девушкам нужен роздых, что в их годы девичье сердце распахнуто настежь молодости, любви, а этим девушкам приходится убивать и убивать, что, поверьте, далеко не просто. Вот я и решил устроить им сюрприз – организовать танцевальные вечера.

Обходить командира нельзя. Пошел поговорить с Касимовым. Старшина Никодим Иванович, услышав о моих планах, заулыбался, похвалил меня. Касимов повел себя иначе, нахмурился:

– Я категорически против! Отвлекут их танцульки от дела, и мужики на такой цветник, как ни смотри, позарятся. Как бы не потерять команду.

Я старался уговорить, сослался на генерала – только бы добиться его согласия. Лейтенант стоял на своем. Тогда я предложил компромиссный вариант:

– Начнем! А если пойдем, что ошиблись, прекратим.

И командир наконец согласился.

Когда вновь собралась вся команда, я провел комсомольское собрание. Подвели итоги: на счету снайперов было уже пятнадцать фашистов.

– Выходит, даром нас кормят! – выкрикнула одна из девушек.

– Согласен, – подтвердил я, – и предлагаю отправить рапорт о ваших боевых делах в школу снайперов, которую вы закончили.

Свой сюрприз я приберегу на конец собрания:

– Со следующей субботы начнем проводить танцевальные вечера. В гости к вам придут офицеры, кавалеров хватит на всех. Будет музыка. Если пригласите меня, я тоже приду.

Мое сообщение приняли с ликованием.

Пригласили меня три девушки. Я выбрал Риту, единственную немосквичку в команде.

Невысокая, стройная, она привлекла меня своим мягким сочным говорком и какой-то проникновенной улыбкой. Меня будто обожгло.

По-настоящему мы познакомились на первом танцевальном вечере. Рита была из Одессы, приехала к тетке в Москву на каникулы, а тут война. В школу снайперов ее приняли сначала условно, но по результатам стрельбы она вышла в лучшие, и из «условных» ее перевели в «безусловные».

Встречались мы редко, но с каждой встречей Рита все больше мне нравилась. В общем, у нас вышел обычный фронтовой роман. Вместе мы встретили Новый, 1945 год. Всегда этот праздник рождает надежды! Казалось, вот-вот кончится война, мы молоды, нас ждет счастливое будущее... Рита погибла в Германии. Я еще расскажу об этом.

В начале января дивизия двинулась вперед. Снайперы шли во втором эшелоне. Теперь их насчитывалось семнадцать. Три девушки погибли, одна была в госпитале, двоих – в положении – отправили домой.

Глава двадцать первая В Польше Январь 1945 года

Встреча с журналистами

Судьба Германии была предрешена, вопрос был в сроке. Понимали это и наше руководство, и союзники, и немцы. Но последние продолжали фанатично сопротивляться. Немецкое командование, не считаясь с потерями, приказывало командирам защищать каждый рубеж на пути к границам Германии. Советское командование, в свою очередь не считаясь с потерями, требовало от командиров – наступать!

В первые январские дни на расположения дивизии внезапно обрушилась артиллерия, а затем в стык двух полков быстро двинулись самоходки и автоматчики. Туманная погода не позволяла вызвать авиацию, – очевидно, это учел противник. Один полк немцы смяли почти сразу, второй оказал серьезное сопротивление, подключив к контратакам противотанковый дивизион. Завязался бой. Продолжался он до позднего вечера. К этому времени стало известно, что атаки одновременно произведены на нескольких участках армии – то ли это была разведка боем, то ли стремление оттянуть срок нашего наступления.

В дивизионной газете напечатали статью о подвиге двух батарейцев, Ивана Скуднова и Сергея Пантюхова: своей 76-мм пушкой они остановили автоматчиков, но немцы смогли захватить раненных бойцов, вырезали на их телах пятиконечные звезды и добили ножами. Во всех батальонах провели «митинги мщения»: выступали солдаты и офицеры, клялись отомстить. Меня вызвал начальник политотдела дивизии полковник Шилович:

– Отвезете тела погибших героев-комсомольцев в Сувалки. Похоронить надо с почестями.

Я взял с собой младшего лейтенанта и трех солдат, погрузили в машину два гроба и тронулись в путь.

Сувалки – небольшой красивый польский город, расположенный в восьмидесяти километрах от Кракова. В местном госпитале оставил гробы и при них на ночь офицера с солдатами, а сам встретился с нашим комендантом, заручился его обещанием помочь с похоронами.

Время позволяло, и я решил познакомиться с майором Лебедевым, редактором армейской газеты «На врага!».

Лебедев встретил меня тепло, а узнав о цели моего приезда в город, сразу попросил написать в газету о погибших артиллеристах. Беседа с ним произвела на меня сильное впечатление – это был умный образованный человек, по специальности историк, окончил Московский педагогический институт, а в начале войны – специальные курсы военных журналистов. Его интересовало, читают ли газету, как к ней относятся офицеры и солдаты, я постарался ответить на все вопросы. После небольшого чаепития Лебедев пригласил меня на встречу с коллективом редакции: он недавно вернулся с армейского совещания политработников и намеревался сообщить новости своим журналистам.

– Для затравки расскажу любопытную историю, услышанную на совещании, – так начал майор

свое выступление перед сотрудниками. – Вы знаете, что по инициативе Верховного Главнокомандующего после перехода немецкой границы будет разрешено отправлять домой посылки – одну в месяц, офицерам – до десяти килограммов, солдатам – до пяти. В связи с этим член Военного Совета фронта Лев Мехлис рассказал, что товарищ Сталин поинтересовался: как солдаты смогут собирать барахло, не имея транспорта? Мехлис довел до сведения товарища Сталина свой разговор на эту тему с солдатами. Вот как рассуждает солдат: «Вещмешок за спиной – мой транспорт. Два килограмма будут всегда находиться там. А еще три я добуду в следующем завоеванном городе». «Верховный Главнокомандующий, – сказал товарищ Мехлис, – остался доволен солдатским ответом».

А теперь по существу, – продолжил Лебедев. – Скоро мы вступим в Восточную Пруссию. Командование волнует вопрос, как поведут себя наши солдаты с гражданским населением. Армия – это живые люди, у каждого из них свой личный счет к немцам. На протяжении четырех лет войны мы воспитывали армию под лозунгом «Смерть немецким оккупантам!». Но немецкий народ и военные преступники – не одно и то же. Доктор Фрейд говорил: «Ограничение своей агрессии, возможно, самая серьезная жертва, которую общество требует от человека». На войне, все мы знаем, укротить человеческую агрессию особенно сложно.

Тревожных сигналов хватает уже сегодня, в Польше: грабежи, изнасилования, надругательства над религиозными святынями. Крадут даже свое. В Плису немцы свезли десятки тысяч книг, награбленных в нашей стране, среди них много редких изданий, хранились они в бывших казармах, превращенных в склады. И вот, узнав об этом, расположенные в городе части две недели бесчинствовали на складах, украдено много ценных книг. На требование прекратить безобразие мародеры отвечали: «Мы победители, нам дозволено». Военный Совет фронта потребовал немедленно покончить с хищениями. Здесь это вроде бы удалось. Но что может случиться завтра, когда мы придем в Германию? Послушаются ли солдаты офицеров? Из сказанного ясно, что от нас требуется, – заключил Лебедев. – Нужно срочно заняться корректированием пропаганды.

Выступившие журналисты принялись сетовать:

– Поздно спохватились!

– Вряд ли удастся что-то изменить на ходу...

Редактор повернулся ко мне:

– Послушаем помощника начальника политотдела по комсомолу 331-й дивизии. Он приехал в Сувалки хоронить двух героев, погибших в последнем бою. Кстати, прошу всех, свободных от дел, завтра в десять утра быть в парке на похоронах.

Я сказал примерно следующее:

– Говорят, что в Сталинграде, когда капитулировавшие немцы выползали из нор и строились в колонны, один из наших офицеров, показав на окружающие руины, сказал им громко на немецком языке, чтобы все они слышали: «Запомните! Когда мы придем к вам, на вашу землю, в ваши города, мы превратим их в такие же руины!» Солдат ждет не дожидается часа возмездия: дойти до Германии и рассчитаться за все – вопреки благим призывам и даже приказам. Так что работа всем нам предстоит большая и нелегкая.

В день освобождения Варшавы

Переночевав у Лебедева, рано утром я отправился в госпиталь. Служитель проводил меня в рекреационный зал. На столе, покрытом черным бархатом, возвышались два гроба, у изголовья каждого стоял высокий серебряный подсвечник, ярко горели свечи. Ксендз позади стола тихо читал молитву. Я вежливо поздоровался и вызвал младшего лейтенанта. Мы вышли в коридор. Объяснив лейтенанту порядок похоронного обряда, я поинтересовался, как прошло дежурство. Несколько смущенный, он рассказал:

– После полуночи приходил главный врач госпиталя, попросил дежурившего солдата открыть гроб. Свою просьбу он объяснил тем, что хочет собственными глазами увидеть зверство фашистов.

– И вы разрешили? – перебил я младшего лейтенанта.

– Да, – ответил он. – На охране стоял Григорьев, толковый парень, просьба врача была естественна. Вскоре я направился проверить часового и в дверях столкнулся с неизвестным человеком. То, что он сказал, в это невозможно поверить.

– И что же он сказал?

– Сказал, что никакой вырезанной звезды на погибшем он не обнаружил. И почему-то заулыбался.

– Зачем вы открывали гроб без разрешения младшего лейтенанта? – спросил я Григорьева.

– Я ничего дурного не приметил, это же главный врач. Простите.

С младшим лейтенантом мы ворвались в кабинет главврача госпиталя. Увидев его, офицер растерялся:

– Ночью приходил другой человек.

Я не стал распространяться, к тому же врач торопился.

– Вот-вот начнется торжественная манифестация, – возбужденно пояснил он. – Сегодня Красная Армия освободила Варшаву! Шесть лет оккупации, страданий! Наша Варшава – опять свободна! Спасибо! – Радостный, он крепко пожал нам руки.

Как все перемешалось: праздник освобождения, ночной визитер. Кто же приходил ночью и зачем, неужели правда им сказанное?.. Но сейчас нужно было торопиться на похороны.

К нашему приезду все было готово. Вырыта общая могила, принесены венки и цветы, выстроены жолнеры (польские солдаты) с винтовками, собрались горожане. Пришел и фоторепортер из армейской газеты.

Речей было немного. Глава городской управы пообещал, что польский народ никогда не забудет освободителей Варшавы и двух молодых героев. Ксендз прочитал молитву. Прозвучал прощальный салют.

Поблагодарив местные власти, собравшихся горожан, я вбил в землю над могилой столбик с фанерной дощечкой. На ней значились имена: «Иван Скуднов. Сергей Пантюхов».

Что нынче с той могилой и тем столбиком с именами погибших?..

Выйдя из парка, я обратил внимание на расклеенные повсюду – на фонарных столбах, стенах домов, заборах – плакаты на польском языке, написанные жирными буквами от руки: «За вильность и неподлежность!» Кто это сделал, что означают эти слова?.. Пока я недоуменно оглядывался, на главной улице появилась процессия горожан и крестьян, видимо, приехавших из ближайших деревень. Люди несли национальные флаги, иконы, букеты цветов. Впереди шел уже знакомый мне ксендз. Он поманил меня, приглашая присоединиться к торжественному шествию. Я посчитал неприличным не откликнуться на просьбу в столь великий радостный день для польского народа. Костел встретил процессию звоном колоколов. Я простоял вблизи ксендза всю службу и прослушал, ничего не понимая, его проповедь.

Перед отъездом я решил повидать коменданта города, поблагодарить за помощь. Он встретил меня новостью:

– Вы, наверное, еще не знаете! Сегодня, в день освобождения Варшавы, видимо по указанию свыше, из подполья выползли отряды Армии крайовой. Вы заметили на улицах лозунг «Свобода и независимость!»? Это их рук дело. Часть плакатов мы уже убрали, к вечеру освободим город от этой мерзости. Но эти выродки ранили ксендза! Мне только что звонили, он в госпитале; слава богу, его жизнь вне опасности.

– Сами поляки своего же ксендза?! – не мог я поверить.

– Прежний ксендз сбежал, а нового привезла с собой армия, он ленинградец. Как ни удивительно, прихожане его приняли, верят ему. Официально мне помогает хорунжий, он тоже из бывших наших, выделил комендатуре два отделения жолнеров. Мы перекрыли все выезды и въезды в город. Будьте осторожны, старший лейтенант, Армия крайова – серьезный и коварный противник, с ними будет еще немало хлопот.

– Спасибо, майор, за все и за советы!

Мы распрощались.

Гибель Юры Давыдова

В дивизии, когда я вернулся, все офицеры говорили об одном, пришло ужасное известие из соседней армии. Крупный отряд отступавших эсэсовцев ночью напал на полковую школу и вырезал семьдесят девять курсантов. Случайно спасся один связист, его отправили в тыл за деталями для рации, он и сообщил о происшедшей трагедии. Погиб и помощник начштаба полка майор Давыдов...

Сообщение меня ошеломило. Не может быть! Майор Давыдов! Это же мой Юрка – Юрка Давыдов!! «Мы из одной, казармы» – больше никогда мы не скажем друг другу этих слов. Какая карьера! И какая нелепая, жуткая судьба. Говорили, он приехал накануне проинспектировать обучение курсантов и остался заночевать...

Тяжелый разговор

Доложил Шиловичу о выполнении задания. О ночном происшествии в госпитале не рассказал, решил поговорить сначала с редактором дивизионки.

Редактора дивизионной газеты капитана Егора Тишина я хорошо знал и уважал – опытный журналист, человек смелых суждений и поступков. С первых дней моего прихода в дивизию мы подружились, во всем доверяли друг другу, поэтому я спросил напрямую:

– Зачем ты устроил декорацию?

Он моментально понял, резко ответил:

– Так надо!

Как часто я слышал эту фразу!

– Меня не удовлетворяет такой ответ! Неужели ты не понимаешь, что сделают немцы, узнав о твоей фальшивке? Они скопируют газетный номер и покажут своим солдатам: «Смотрите, что делает пропаганда русских!» Зачем ты так поступил?

– Ты должен понять меня! Наступил острый момент, мы подошли к логову зверя – сейчас все методы хороши, чтобы добить его окончательно!

– Но мы-то с тобой знаем, что пропаганда – оружие обоюдоострое!

– Согласен и понимаю твой гнев. Но разве ты не встречал подобных фактов со стороны противника?

– Встречал, и не раз.

– Погоди, я тебе прочту, как работает их пропаганда. Это сорок первый, когда мы оставляли Латвию, и пишется это от имени немецкого солдата – якобы солдата! Он рассказывает, что увидел, когда они вошли в Латвию: «Большевики угнали всех латышей, кого поймали на улицах перед нашим приходом. Они отобрали у них ценности, обливали дома бензином и поджигали. Тем латышам, которые не хотели идти с большевиками, отрезали руки и ноги, вырывали языки и так бросали на улице. Они приколачивали гвоздями людей к стенам, даже детей. Это мы видели собственными глазами. Если бы эти бандиты дошли до нашей страны, они бы рвали нас на куски». Что ты скажешь на это?!

– Но если мы будем разжигать ненависть, ты представляешь, что может ждать население, когда мы войдем в Пруссию?

– Не вижу для твоих опасений серьезных оснований. Ну повольничает армия, ну попробуют наши солдаты нескольких немцев, наберут барахла и пошлют своим бабам в разоренные деревни. Справедливо! Это же так понятно и естественно, всегда сопутствовало войнам. Придет время, наведем порядок. Кстати, знай, я сделал это по указанию твоего начальника.

Я осекся на полуслове. Последняя фраза меня сразила. Шилович! Дивизионный комиссар! Полковник! Чего же ждать тогда от простых офицеров, солдат?!

И этот разговор, и моя наивная вера в правдивость дивизионки, и случившееся в Сувалках вспоминались мне еще долго и тошно.

Шилович – дивизионный комиссар

Вся моя жизнь в дивизии проходила под знаком политотдела. В подчинении Шиловича я находился до расформирования 331-й дивизии в июне 1945 года, что произошло в Германии, в городе Фридеберге. За время совместной службы я присмотрелся к своему начальнику и, пожалуй, смогу нарисовать его портрет.

Шилович любил старый афоризм: «Какие бы ни случились события, их оценка зависит от того, как мы их воспринимаем». Сам же полковник воспринимал любые события оптимистически, чему учил и нас, своих подчиненных. Пожалуй, этот афоризм объясняет многое в характере моего начальника.

Иногда он казался мне просто рассеянным человеком, ищущим шляпу, которая у него на голове. Он легко забывал важные решения, даже свои собственные указания, из-за чего часто выглядел смешным, скорее пародией на военно-политического начальника. Окончив двухгодичный Педагогический институт, он, как и Груздев, до войны был скромным сельским учителем, преподавал математику и физику. Трудно было понять, как человек, в котором так мало военного, столь сильно возвысился.

Меня всегда удивляли его отношения с комдивом. Внешне все вроде выглядело прилично: друг друга уважают, не вступают в конфликты ни в большом, ни в малом. Но Берестов, как мне кажется, ценил в нем не личность, а должность: держал комиссара рядом, как это положено, выслушивал его советы, хотя чаще поступал по-своему, впрочем, не вызывая тем обиды у Шиловича.

Политотделы относились к Шиловичу критически, осуждали негативные черты его характера: барство, постоянную сосредоточенность на себе, известную напыщенность. Сам я ловил себя на том, что не всегда искренен с Алексеем Адамовичем, и задавался неприятным вопросом: что это – благоразумие или лицемерие?

Поражало его безучастное отношение к потерям. Чужое горе, особенно на войне, не каждый способен остро воспринимать, – это понятно, для этого нужно иметь сердце, обладать чувством сострадания, хотя бы простым сочувствием. Шилович вел себя странно. Когда ему докладывали о погибших, он всякий раз вздыхал и отвечал одинаково: «На то она и война. Война, известно, без жертв не бывает». Как он стал таким барином, эгоцентриком, безразличным к человеческому горю? По-моему, это даже не было проявлением высокомерия, скорее – элементарной холодностью и равнодушием.

Сам Алексей Адамович любил вкусно поесть, получше устроиться с жильем, заботился о своей одежде, часто ездил в медсанбат проверять свое здоровье. При этом по случаю и без случая старался уверить нас, своих подчиненных, что он – человек необычный, с большими заслугами. А меня удивляли два ордена Красного Знамени, украшавшие его мундир. Чем, за что он их мог заслужить?

Мечтал ли школьный учитель из Полесья, что он станет полковником, крупным политическим начальником, встретится с товарищем Сталиным, совершит поступки, отмеченные высшими правительственными наградами?..

Говорят, боги улыбаются редко. Божьей милостью судьба долго улыбалась Шиловичу. Колесо его фортуны закрутилось в неизвестном тридцать седьмом, когда одних ежедневно выводили из камер на расстрел, а другие, в основном скроенные из серого материала, совершали головокружительную карьеру. Алексей Адамович вовремя понял: членство в ВКП(б) – неременное условие жизненного успеха. И вот его, учителя, единственного коммуниста в районе, вдруг вызвали в Минск и представили первому секретарю ЦК партии Белоруссии Пантелеймону Кондратьевичу Пономаренко. Вскоре по личной просьбе товарища Пономаренко его зачислили в слушатели Военно-политической академии имени В. И. Ленина. В то время, после учиненного Сталиным разгрома генеральско-офицерского корпуса Красной Армии, в военные академии и военные училища принимали как попало, нарушая правила приема и многолетние традиции. Шиловича приняли как «национальный кадр» и представителя нового, ничем не запятнанного поколения.

Он успел закончить три курса академии. В сорок первом его курс досрочно выпустили в звании батальонных комиссаров (две шпалы в петлицах). Все тридцать выпускников по личной просьбе первого секретаря Московского горкома партии товарища Щербакова были направлены в распоряжение горкома. Всех принял лично товарищ Щербаков и после пламенного партийного напутствия откомандировал на формирование дивизий народного ополчения.

Через два месяца дивизия, в которой служил Шилович, как и многие другие, была разбита под Вязьмой. Мало кто уцелел в те трагические дни, раненый батальонный комиссар случайно попал в московский госпиталь. Когда его выписали, судьба вновь ему улыбнулась. Шиловича забрал к себе Пономаренко, который в то время приступил к формированию Центрального штаба партизанского движения.

Целый месяц батальонного комиссара тренировали в особой команде: учили прыгать с парашютом, метко стрелять, голодать и обходиться без воды, разжигать костер без спичек, ориентироваться в лесу ночью, бегать быстрее зверя. После специальной подготовки, которую не все выдержали, Шиловича с документами на имя Прасько Шумковича забросили вместе с группой чекистов в украинские леса на Волыни. Батальонный комиссар должен был активизировать

партизанское движение на Украине, которое отставало от Белоруссии. Полгода провел Прасько Шумкович в украинских лесах, встретился с легендарными партизанскими командирами Ковпаком и Рудневым, помог организовать несколько партизанских отрядов.

В сорок втором он вернулся в Москву. Доложил Пантелеймону Кондратьевичу о состоянии партизанского движения на Украине, его перспективах; главное же, выдвинул идею – разумеется, от своего имени – о необходимости рейда Ковпака по 18 областям Белоруссии и Украины, что позволит вовлечь в партизанское движение массы людей; и Ковпак уже дал согласие на первый, пока небольшой, рейд, и люди у партизан есть, только вот оружия не хватает. Начальник Центрального штаба пришел в восторг от идеи батальонного комиссара.

После тщательного обсуждения была составлена короткая записка на имя товарища Сталина. Через три дня в Кремль вызвали Пономаренко и Шиловича – уже в чине полкового комиссара (три шпалы). Беседа продолжалась двенадцать минут. Полковой комиссар Шилович за пять минут доложил о партизанских делах на Украине. Сталин похвалил его, поручил Пономаренко представить инициативного комиссара к ордену Красного Знамени и дал добро на организацию глубокого рейда: поручил срочно, самолетами, доставить партизанам Ковпака оружие, боеприпасы, взрывчатку, керосин, продукты, медицинские материалы.

Год проработал Шилович в Штабе партизанского движения. Несколько раз летал в Белоруссию. Нелегально побывал в Минске, где с помощью подпольщиков узнал подробности гибели своей семьи.

В сорок третьем его наградили вторым орденом Красного Знамени, присвоили звание полковника и, по его просьбе, направили в распоряжение Главпура, откуда судьба забросила его в 331-ю дивизию.

Все эти факты биографии Алексея Адамовича я узнал от инструктора политотдела по информации Коли Шевчука. Что из них правда, что выдумка, – не знаю.

Говорят, сила человека в том, насколько он умеет скрыть свои слабости. Шилович их не скрывал, уверенный: он заслужил, чтобы ему прощали!

Глава двадцать вторая В Восточной Пруссии Январь – февраль 1945 года

Первый немецкий город

В бинокль хорошо просматривались высоченная остроконечная кирха, ровные чистенькие улицы, аккуратные двухэтажные дома под красной черепицей, окруженные садами, в центре – небольшая квадратная площадь с фонтаном и много зелени. Перед нами был Грейбург. Дивизия готовилась захватить первый немецкий город.

И вот приказ отдан. Четыре дня продолжались напряженные бои за Грейбург, несколько раз город переходил из рук в руки, и наконец немецкие части выдохлись и отошли. Мы не могли понять, почему противник так упорно защищает Грейбург, не имеющий никакого стратегического значения, и платит за свое безрассудство столь высокую цену – несколько сот убитых и раненых, множество сожженных танков, разрушенный город. Думали – может, потому, что неподалеку, в Роминтенских лесах, находятся охотничьи угодья и замок Геринга?..

Разгадка пришла скоро. Оказалось, они «готовились» к сдаче города. Когда сразу после сражения мы проходили по городским улицам, почти на всех перекрестках стояли вкопанные в землю столбы с плакатами: «Внимательно посмотри, что сделали большевики с первым захваченным ими городом в Восточной Пруссии. Так они поступят со всеми немецкими городами и селами любимой тобой Родины и со всеми нами – немцами. Защищай свой Великий Рейх от красных варваров!»

На самом деле, мы узнали об этом позднее из показаний пленных, в один из первых дней боев (мы тогда находились еще на подступах к городу) немцы сами, по приказу Геббельса насильно изгнав горожан, взорвали и сожгли лучшие здания города: кирху, водопровод, кинотеатр и банк, спортивные сооружения и главную улицу, где находилась гимназия и размещались магазины. Затем в город на несколько часов свезли население из ближайших районов, доставили кинооператоров и

журналистов – чтобы на пленке и в агитках запечатлеть городские развалины, страх и горе якобы горожан. Был уничтожен даже парк с озером и красивыми лебедями, почти все деревья сожгли, лебедей перестреляли и объявили: их убили и сожрали «азиатские орды».

Город был пуст. Ни единой души. Надрывно мычали коровы, слышался лай собак. Неожиданно из полуразбитого дома выскочил высокий крепкий старик, он держал в вытянутой вперед руке какую-то книжицу и с радостными возгласами бросился навстречу идущим. Один из красноармейцев, не разобрав немецких слов, а может, он к этому и не стремился, вышел из строя и изо всех сил ударил немца ружейным прикладом по голове. Обливаясь кровью, старик упал на брусчатку. Шедшие следом старались добить лежащего, как можно больше унижить – били сапогами, кололи штыками, плевали на труп. Около мертвого остановился политрук. Поднял облитый кровью билет члена Коммунистической партии Германии, обтер обложку и спрятал в планшетку. Ничего не сказав, пошел за колонной.

Я видел эту сцену. Это была первая смерть гражданского немца, увиденная мной в Германии. Догнав ударившего, спросил:

– Зачем ты убил его? Он же не солдат, он и дойти-то до нас не смог бы. Старый человек, коммунист, возможно сидел в лагере. Подумай, он много лет, с риском для жизни хранил свой партийный билет.

Боец грубо ответил:

– По мне, товарищ старший лейтенант, все они – один хрен. Пока не убью сотню, не до покоя мне, вы лучше скажите: как мне-то в пустую хату?..

Нетрудно было понять и его ненависть, и тех, кто плевал на немца. Но сколько же еще их должно быть убито, унижено, растерзано, чтобы унялось горе, стихло исступление мести и ненависти, успокоилась и оттаяла душа?!..

А пока – наступил час возмездия!

Солдаты, точно бешеные, врывались в полуразрушенные дома и крушили все подряд. Жители настолько торопились, покидая город, что оставили все нетронутым, не успели даже застлать кровати, и теперь зеркала, посуда, сервизы, редчайший фарфор, бокалы, граненые кувшины – все летело на пол. Здесь жили немцы! Рубили топорами кресла, диваны, столы, стулья, даже детские коляски. Так выплескивалась наружу первая волна народной ненависти. Никто – ни один командир, политработник – не остановил руку солдата, понимая, что это бессмысленно, стихия – неуправляема.

На отдых – всего сутки. Кто-то подоил коров и угостил товарищей парным молоком. Впервые за всю войну вкусно и сытно поели – заграничными продуктами, для чего прилично очистили домашние подвалы; заодно набили вещмешки баночками с курятиной, поросятиной, с вареньем и джемом; солдаты шутили: успеть бы съесть припасенное до конца войны. Я увидел щенка немецкой овчарки, покормил и забрал с собой.

Утром, только получили приказ на выступление, как с ближайших высот, где укрепились немцы, загрохотали пушки, в небе появилось несколько «юнкерсов», а из лесного массива возле города с трех сторон выдвинулись танки, за ними двигались солдатские цепи. Наша артиллерия ответила. И опять началось! Жуткий грохот разрывов, схватки за каждую улицу, дом, квартал. Понесся потери, мы все-таки окончательно закрепились в городе.

Уроки комиссара

Через несколько дней произошел эпизод, невольным участником которого стал я сам. Он поразил меня, поразил настолько, что на какое-то время я потерял самого себя.

В морозный солнечный день меня вызвал Шилович, усадил в сани рядом с собой, и мы медленно поехали по пустынным улицам взятого города. Остановились у отеля под названием «Эдельвейс». Ездовой остался на улице, а мы поднялись по красивой широкой лестнице, устланной ковром, на второй этаж, здесь по сторонам коридора располагались номера. Зачем мы сюда приехали, почему полковник взял меня с собой?..

Дальше произошло то, что забыть мне не суждено. Шилович подошел к огромным окнам, заливавшим солнцем всю комнату, и вдруг принялся срывать бархатные шторы. Подхватив припасенную сумку, сгреб в нее туалетные принадлежности вплоть до туалетной бумаги – я тогда впервые ее увидел, всю жизнь мы обходились газетами. А Алексей Адамович уже вытащил из сумки

нож и принялся за кожаный диван и два больших кожаных кресла, – такую красоту в частном доме я видел впервые. Через несколько минут диван и кресла оказались ободраны, и наступила очередь картин. Действуя проворно и ловко, он вырезал холсты, вынимал рисунки из обрамлений, оставляя на стене полупустые рамы. Делалось все деловито и, пожалуй, с азартом; он, явно испытывая внутреннюю радость, аккуратно складывал и сворачивал все в трубки, перевязывая заранее приготовленными веревочками.

Я молча наблюдал за действиями начальника, не понимая, как вести себя. А он вдруг набросился на меня:

– Чего стоишь, как кукла?! Через день доберутся солдаты – от этой роскоши останутся рожки да ножки. Думаешь, чего тебя взял с собой? Чтобы и ты что-нибудь прихватил! Мамке пошлешь!

Я вдруг догадался, что это у него не впервой и, видно, «разведка» налажена – откуда он знал, куда ехать? И, все еще находясь в каком-то оцепенении, я тоже кое-что «прихватил»: разноцветный, из дерева, детский чернильный прибор, два халата, мужской и женский, портативную пишущую машинку и две пачки туалетной бумаги.

Мы обошли десять номеров, и каждый полковник варварски опустошал, я помогал складывать НАГРАБЛЕННОЕ у дверей в коридоре. Поднявшийся наверх ездовой перетащил все вниз, плотно упаковал в мешки и сложил в сани.

Ночью я плохо спал: пусть я взял малость, но фактически я ничем не отличался от полковника, как легко – в одночасье! – рухнули мои высокие принципы. И я дал себе слово: больше такого со мной не случится.

Через несколько дней Шилович, оставив вместо себя заместителя, на личном «виллисе» с шофером укатил на три дня в Польшу. Такие отлучки, а они происходили часто, обычно оформлялись как поездки для консультации со специалистом-урологом. На самом деле во втором эшелоне находилась его пассия, капитан медицинской службы. Политотдельцы знали обо всем, и все помалкивали.

На идеологическом фронте

С первых дней вступления нашей армии в Германию разгорелась антирусская истерия. Точно колоссальный смерч, пронеслась она над восточными районами Германии, пропитав страхом души миллионов немцев. Повсеместно распространялась листовка под названием «Rotmord» («Красное убийство»), она призывала солдата проявлять безжалостность к русским: «Это не люди, а чудовища, скоты, азиатские орды».

В ответ прогремела знаменитая листовка Эренбурга «Убей немца!» – обращенная к советскому солдату; «Убей немца! – к этому взывает мать; убей немца! – умоляет дитя... Ничто не принесет тебе такой радости, как труп немца».

Фронт все больше втягивался в жизненное пространство Восточной Пруссии. В непрерывных боях мы продвигались вперед, шагая мимо охотничьих угодий аристократов, богатых хуторов и фольварков, старинных прусских замков, с боями преодолевали водные преграды. Немцы, вынужденно сдавая города, поселки, деревни, пятились к морю.

Командующий группы войск «Центр» генерал-полковник Ханс Георг, предвидя трагедию населения, вовремя попросил Гитлера вывезти беженцев в безопасное место. Гитлер отказал.

Морозная зима и холодная весна с резкими колючими ветрами, постоянные сильные бои – жителям некуда было от них деться, рухнувшая легенда о неприступности «Восточного вала», стремительное продвижение советских войск, полная неподготовленность гражданского населения к войне на собственной территории, дикие, порой фантастические слухи, обгонявшие самые мрачные события, – все это привело к повсеместному паническому массовому бегству гражданского населения. Тысячи женщин, стариков, детей, покинув родные места, устремились на запад, как мигрирующие стада. Не успевшие эвакуироваться уходили в леса и болота, скрываясь где только можно от неминуемой кары. Все это привело к гибели многих тысяч беженцев, в первую очередь – стариков и детей.

В бешеном угаре гитлеровской пропаганды в Восточной Пруссии на первых порах происходили жуткие эксцессы – серии массовых самоубийств. В районе Данцига бойцы 23-й арtdивизии обнаружили в сарае одиннадцать детей в возрасте от двух до 15 лет и четырех женщин

39–40 лет – у одних было перерезано горло, у других вскрыты вены. Те, в ком еще теплилась жизнь, от медицинской помощи отказались: лучше умереть, чем оказаться у русских. Единственный мужчина – как оказалось, инициатор этой акции – Эрвин Шварц показал, что руководствовался указаниями фашистской партии: «Борись, чем можешь и как можешь, против русских войск». Кроме того, он был уверен, что о его участии никто не узнает, так как сразу распространится слух, что все это совершили русские солдаты, те самые «орды с жаждой крови и мести».

19 января 1945 года нарком обороны СССР издал приказ, требующий не допускать грубого обращения с немецким населением, покончить с бесчинствами, пресекать их жесточайшим образом. Этот сталинский приказ свидетельствует, что бесчинства происходили уже в первые дни боев на немецкой земле. Военачальники, следуя сталинским указаниям, издавали собственные приказы, учитывая реальную действительность.

Советская Армия вошла в Восточную Пруссию со святым чувством праведного возмездия. Но зачастую оно превращалось в ненависть, и остановить этот массовый порыв оказалось почти невозможно. Во всяком случае – в первый период. Тем более что многие командиры и политработники были уверены: после злодеяний гитлеровцев в России, теперь, в побежденной Германии, советский солдат может вести себя так, как он пожелает.

Всю войну, изо дня в день мы слышали прямой и четкий лозунг: «Убей немца!» К этому призывала сама действительность – нечеловеческая жестокость врага. К этому призывала пропаганда, воспитывая у нашего солдата чувство мщения. К этому призывали нас творения лучших поэтов, писателей, журналистов: «Наука ненависти» Шолохова, знаменитое стихотворение Константина Симонова «Убей его!» – его хорошо знали и высоко ценили фронтовики²⁴, стихи Алексея Суркова «Ненавижу», бронебойные очерки Ильи Эренбурга. «Убей немца, убил одного – убей другого», – писал Эренбург. Какой огромный заряд мщения врагу заложен в его статье «О ненависти»!

Стихия ненависти и мести к концу января 1945 года походила на бурную реку, вышедшую из берегов. Будем честными, было всякое: скотство, садизм, циничные поступки на низменном уровне, сексуальная разнузданность, а порой и убийства. И в этой бушующей стихии основными застрельщиками стали командиры и политработники, интендантство, смершевцы, а также военные коменданты. Незначительная часть офицерства стремилась не участвовать в общем безумии насилия над людьми. Например, в Познани и Хайлигенбале мой товарищ спасал женщин от изнасилования. Отдельные командиры и политработники, открыто протестовавшие против бесчинств над населением, пострадали, среди них оказался и известный впоследствии диссидент Лев Копелев.

Глава двадцать третья

К берегам Балтики

Март – апрель 1945 года

Бои за Ландсберг

Восточная Пруссия, Ландсберг. В истории нашей дивизии этот город сыграл драматическую роль.

Стремительным маневром к берегам Балтики войска маршала Рокоссовского заканчивали отсечение Восточной Пруссии от остальной части Германии. За четырнадцать дней 2-й Белорусский фронт рассек немецкие войска в Восточной Пруссии и к 26 января 1945 года вышел к береговой полосе Балтийского моря. Эта блестящая операция стала звездным часом в жизни Константина Константиновича Рокоссовского – его утверждением как человека твердой воли, сильного ума и пиком его восхождения как выдающегося военачальника, виртуоза военного искусства.

Офицеры нашей дивизии, взволнованные мастерским маневром маршала, непрестанно

²⁴ После войны оно вошло во все собрания сочинений поэта под другим названием «Если дорог тебе твой дом!». Когда Симонова спрашивали, почему он изменил название, поэт отвечал: «Тогда, в войну, кто бы ни прочитал заголовок, сразу понимал, что надо убивать гитлеровцев. А ныне такое название вызвало бы у читателя недоумение: кого, мол, надо убивать?» Кстати, Симонов считал, что «ненависть долго продолжить невозможно» («Заметки о войне»). Писатель ошибался. Пример, опровергающий его утверждение, – антисемитизм.

обсуждали подробности его действий, некоторые оценивали эту операцию как первейшую за все годы войны. Больше всех восхищался маршалом комдив Берестов и со смешком рассказывал о своих беседах с пленными офицерами:

– Выпытывали у меня, сколько лет Рокоссовскому да какую академию он окончил, а когда я говорил, что маршалу сорок девять и образование у него четырехклассное, что он сын машиниста, а начинал как рабочий-каменотес, они падали в обморок.

Завершая операцию рассечения, дивизия приближалась к Ландсбергу. Через Ландсберг проходила железная дорога, имевшая колоссальное значение для противника, – это была единственная возможность вырваться из грозящего захлопнуться Кенигсбергского котла; оставались считанные дни, а возможно, часы, чтобы переправить войска в ближайший, еще не занятый Красной Армией город.

Не считаясь ни с какими потерями, вводя в бой элитные подразделения, немцам удалось прорваться и захватить железнодорожный узел на окраине Ландсберга, но дальше продвинуться они не смогли. Эшелоны с пехотой и бронетехникой все больше забивали станционные пути. Приходилось вновь стаскивать с открытых платформ самоходки, танки, орудия и пускать их в ход, следом устремлялись цепи автоматчиков.

Но наступили иные времена – шел 1945 год, – и техника, люди, эшелоны противника становились легкой добычей нашей авиации. Авиация в погожие дни почти висела над немецкими позициями – более 1500 самолетов. «Катюши» сжигали немецкие танки и самоходки, гнали и уничтожали пехоту. Внезапно на всем протяжении фронта поднялись высокие столбы огня и дыма. Вспышки, меняя места, перебегали по горизонту, и вскоре пылало уже все вокруг. Эхом отдавался грохот колоссальных взрывов, железнодорожный узел превратился в сплошной костер, клубы дыма взвивались, казалось, доставая до неба. Мощные бомбовые удары и артобстрел сметали все, превращая город в сплошные развалины. В результате все рельсовые пути из города были выведены из строя, поля вокруг завалены трупами солдат, а сконцентрированные обстоятельствами, плотно сбитая масса войск противника, оставив узел, покатила напрямую к городу.

В это время наша вырвавшаяся вперед дивизия, двигаясь с противоположной стороны, с ходу захватила город и, не останавливаясь, продолжила наступление, не подозревая, что встала костью в горле на пути отступающей армии противника. А немцы были уже на подходе. И два кулака столкнулись! На некоторых участках немцам сразу удалось потеснить наши части, и бои переместились на городские окраины, перерастая в масштабное сражение.

Выдержать непрерывный яростный напор наступающих, фактически боровшихся за свою жизнь, делалось все тяжелее. Артиллерийский полк, приданный дивизии, не жалея снарядов, старался спасти положение. В бой была брошена танковая бригада. Но остановить продвижение немцев не удавалось. Наступила ночь. Сражение продолжалось. Не выдерживая натиска, наши части начали пятиться, уступая свои позиции. Положение делалось критическим, генерал Берестов понимал: еще немного, и вражеские самоходки ворвутся в город, катком прокатятся по частям и просто своей массой уничтожат всю дивизию. И тогда генерал приказал стрелять по отступающим. В считанные минуты был создан заградительный отряд пулеметчиков. Прорваться в город немцам не удалось.

Не достигнув цели, потеряв много людей, немецкое командование направило две бронеколонны эсэсовских частей в обход, и вскоре кольцо вокруг дивизии замкнулось. Два дня мы находились в окружении. За это время все дороги на Ландсберг забили войска и танки, идущие нам на помощь. В небе появились штурмовики, превращая колонны отступающих немцев в сплошные кладбища людей и искореженного металла.

Помощь успела вовремя, окружение не стало бедой. Беда-бедовна обрушилась на дивизионные тылы, случайно оказавшиеся на пути бронеколонны эсэсовцев.

Трагедия в тылу дивизии

В тылу дивизии царил полная беспечность. Из штаба дивизии никаких сигналов не поступало, люди не ожидали такого оборота событий, тем более все произошло в ночное время.

Самоходки эсэсовцев появились внезапно. Окружили деревню. В небо взвились осветительные ракеты, и на расположения тылов дивизии обрушился шквал артиллерийского, пулеметного,

автоматного огня, в окна домов полетели гранаты. Оглушенные, растерянные люди выскакивали из домов в одном белье, прыгали из окон верхних этажей – все устремлялись к лесу, но и там их встречали автоматчики. В остервенении – в упор – эсэсовцы расстреливали всех подряд – мужчин, женщин, раненых и все живое, что попадалось на глаза, даже лошадей и коров, которыми мы обзавелись. Медсанбат, оружейные мастерские, штабные машины, хлебозавод, прачечная за несколько минут превратились в груды обломков. Огнеметами сжигали складские помещения, палатки, повозки, загруженные продуктами для отправки на передовую.

Сразу почти полностью погибла саперная рота, только накануне отведенная на отдых.

Небольшая группа бойцов и офицеров, засев в крайнем доме, оказала сопротивление. Больше часа, защищаясь пулеметным огнем, они отгоняли гитлеровцев. Но самоходка до основания разнесла их убежище.

Команда снайперов, «неприкасаемые», 1945 г. Верхний ряд – пятый справа генерал-майор Берестов, в том же ряду крайний справа Борис Горбачевский

Врачи, медсестры, часть раненых и солдат, несколько офицеров успели укрыться в домах, расположенных дальше от леса, засев в крепких глубоких бункерах под домами. Им предложили сдаться, на раздумья дали пятнадцать минут. Все отказались. На попытку проникнуть внутрь ответили автоматным огнем. Тогда немцы расправились с ними, превратив бункеры в газовые камеры: подводили к домам самоходки; выбив оконца, вставляли в них выхлопные трубы и включали на полную мощность моторы. Добровольные узники в муках, задыхаясь, погибали от удушья.

В одном из бункеров укрылись семь девушек-снайперов. Их забросали гранатами и, полуживых, сожгли огнеметами. Погиб и Никодим Иванович. Его нашли мертвым, крепко прижимавшим к себе одну из девушек, – вероятно, в последние минуты жизни, ища защиты, она бросилась к старшине.

Немногим удалось спастись в этом кровавом побоище. Как видно, даже в самых трудных обстоятельствах, если человек не теряет хладнокровия, он пытается и может найти способ остаться в живых. Капитану, приставленному к автомобилю политотдела, удалось спрятаться в бункере, среди погибших. Почти двое суток он пролежал среди трупов, притворяясь мертвым. Несколько раз на лестнице появлялись фашисты, светили фонариками, давали одну-две очереди на всякий случай, справляли нужду и уходили. Капитану повезло, пули его не тронули, он остался невредим.

Сколько в ту ночь произошло трагедий! В медсанбате был убит врач, жена его, тоже врач, находилась в городе на полевом медпункте и осталась жива.

Дикий, иступленный разбой продолжался долго. Приблизившись, мы увидели огромные лужи

крови, мертвых животных – убили и моего щенка, битое стекло, высаженные, разбитые оконные рамы и трупы, трупы, многие с ножевыми ранами – раненых добивали ножами. Глядя на погибших – задушенных газом, растерзанных минометным и автоматным огнем, гранатами, полусгоревших от тугих струй огнеметов, я онемел, почти лишился рассудка, руки дрожали от бессильной ярости, ненависти к убийцам. Прав мой редактор: «Если весь мир взбесится, его не посадишь на цепь, но сумасшедших – фанатиков-убийц, надо убивать, давить, уничтожать!»

Увиденный кошмар навсегда врезался в память и в душу. Даже сегодня, вспоминая, я делаю это с усилиями, постоянно отрываясь от бумаги. Сколько раз я видел на фронте погибших, часто умерших после невероятных мук, но такого жуткого массового кровавого зрелища, исполненного одновременно высокой трагедии и скорби, – ни до, ни после видеть мне не пришлось.

Потом были похороны. В братскую могилу положили больше трехсот тел убитых. Особенно трудно было смириться с гибелью девушек. Не стало и Риты. Все плакали, могила была залита людскими слезами, мы чувствовали себя враз осиротевшими, мы потеряли не только любимых, но и друзей, помощников, приходивших на выручку, с которыми столько связано, вместе пройдено и пережито. Всего два месяца не дожили они до Победы.

Приехал генерал Берестов. Снял фуражку. Окинул взглядом происходящее. Низко поклонился мертвым, безмолвно постоял. Обошел плачущих, стараясь утешить...

Генерал Берестов

Несколько слов о генерале, с которым я сдружился и продолжал служить под его началом вплоть до ухода из армии. Человек он был необычный. Подобных я редко встречал на фронте.

Во время наступлений, например, генерал любил промчаться вперед к новому компункту на своем «виллисе» и оттуда по рации подгонять командиров: «Почему застряли?! Марш вперед!...» – Мата не было, но произносилось все жестким голосом, не терпящим никаких возражений. Об этих его «играх» знали все командиры полков, батальонов, батарей – и старались соответствовать!

Вместе с тем нужно отдать должное, когда начальство требовало результата «любой ценой», генерал мучился и страдал. В таких случаях он уединялся с Раппопортом, расстилали карту и пытливно искали, как решить задачу с минимальными потерями.

Удивительно! Даже если весь день комдив руководил боем, ночью Павел Федорович неизменно приглашал в гости очередную наложницу из своего «гарема». Сколько их числилось при штабе дивизии! – связистки, писари, машинистки... Спрашивается, когда он спал?!

При этом он не прощал слабостей другим. Фронтовики знают: случаются дни, когда хочется забыться, остаться наедине с собой, даже поплакать. С такими «нюансами», увы, Павел Федорович не считался. Но кто из нас, командиров, в те суровые годы мог позволить себе и другим простые человеческие чувства? Вероятно, немногие.

В дивизии генерала любили, уважали и... побаивались. А зря! Он многое мог простить солдату, офицеру, кроме одного – трусости. Быть храбрым, известно, удастся не всегда и не всем. Генеральский гнев, случалось, бывал несправедлив.

Немецкий госпиталь

В Ландсберге продолжались бои. Подошедшие гвардейские части с реактивными установками вскоре вынудили противника отступить. Когда под утро полки ворвались в город, на улицах еще горели фонари, стрелки огромных часов в центре города показывали время, но для жителей неожиданное появление русских обернулось массовым паническим бегством... Вслед за отступающими немецкими войсками бежали, оставляя свои дома, даже не успев погасить свет в комнатах и подъездах, тысячи перепуганных горожан. Отступавшие немцы бросили и крупный тыловой госпиталь. Когда мы заскочили в здание, оказалось, что оно битком набито тяжелоранеными, в основном лежащими, мы смотрели на них – жалких, беззащитных, и ни у одного офицера, солдата не поднялась рука для отмщения. Комдив дал указания начальнику медсанбата взять госпиталь под контроль и попытаться запасть там лекарствами и перевязочными материалами. Но врачи опередили офицеры Смерша, что впоследствии привело генерала к роковому решению.

После уничтожения дивизионного медсанбата было принято решение срочно воссоздать его заново. Запросили помощи. С медперсоналом подсобила армия, силами дивизии, с привлечением немецких врачей и сестер, наладили прием раненых в городе. Все полки выделили фельдшеров, санитаров, автомобильный транспорт.

Мне и майору – начальнику медсанбата Шилович поручил посетить немецкий госпиталь и ознакомиться с обстановкой, – возможно, они смогут выкроить для нас какие-то медсредства.

Уже на пороге госпиталя на нас дохнуло смрадом гниения и дезинфекции. По стенам коридора стояли ведра с гноящимися кровавыми бинтами и ватой, полные червей. Санитаров почти не было видно, да и сестер осталось немного, почти все сбежали. Чтобы осмотреться, пришлось пройти по палатам. Когда мы появлялись в дверях, возникала напряженная тишина. На кроватях сидели, лежали десятки людей, укрывшись поверх одеял шинелями. Почти у всех рядом с кроватями были прислонены костыли, палки или стояли коляски. И над всем господствовала невыносимая вонь; тяжелый, спертый воздух вызывал тошноту. Немытые человеческие тела; вероятно, полно паразитов. Лица мрачные – в одних тоска и безучастность, – эти даже не глядели в нашу сторону; другие, и нередко, смотрели злыми глазами; некоторые были настолько возбуждены, что находились на грани нервного срыва. Но все без исключения отчетливо понимали свое тяжелое положение – их бросили, оставили на растерзание русским, ими владели отчаяние и безысходность. И, все без исключения, они не ждали от нас ничего хорошего. Когда я попытался заговорить с одним, другим, все, как заведенные, отвечали одно и то же:

– Я присягал фюреру, выполнял приказ.

В одной из палат я заметил человека в сутане. Нам объяснили, что это местный пастор. Единственный из жителей Ландсберга, он не сбежал, остался в городе, чтобы помочь божьим словом раненым, для которых религия стала последним прибежищем – утешением и спасением. Мы познакомились. Пастор вежливо поблагодарил нас за помощь раненым и сказал, что генерал выделил ему охрану, солдата, для передвижения по городу.

Поговорили с врачами. Их осталось всего трое на весь госпиталь. Мой спутник договорился со старшим врачом, что в обмен на медсредства мы будем кормить раненых и поможем с лечением. Также майор поведал немецким врачам о ночном разгроме эсэсовцами нашего медсанбата и расправе над ранеными, попросив рассказать о происшедшем своим пациентам.

Для себя же, после осмотра госпиталя, расположенного в помещении бывшей гимназии, решили, что медсанбат следует разместить в таком же крупном пустом здании и где-нибудь на окраине города, подальше от боевых действий.

Выходя из госпиталя, мы наткнулись на труп растерзанной, без верхней одежды немки. Позже стало известно, что это была старшая медсестра госпиталя. Думаю, ее труп специально положили на нашем пути: дескать, смотрите, господа советские офицеры, что творит ваша армия.

Постарались прояснить происшедшее. И тут же выяснилось, что бойцы рядом стоящей части, узнав от своего товарища-санитара, работавшего в госпитале, что старшая сестра резко протестовала против передачи русским лекарств и перевязочных материалов, разъярились. Это был как раз тот случай, когда требуется лишь искра, чтобы вспыхнул пожар. За свой протест сестра поплатилась страшно. Женщину затащили в соседний дом, избили и, разорвав одежду, «поимели» всем взводом. Затем, еще полуживой, раздвинули ноги и засадили в промежность бутылку. Вид старшей сестры был ужасен. Попросили срочно убрать ее труп, извинились перед немецкими врачами.

Доложили генералу. Он приказал поставить часовых у госпиталя и без его разрешения никого туда не впускать.

Снаряды дальнобойной немецкой артиллерии ложились точно по городским кварталам, нанося большой урон нашим частям. Потери множились. Смершевцы доложили комдиву, что в госпитале тайно работает передатчик. Разведчики дважды обыскали все помещения и ничего не обнаружили. В штабе не поверили в мифический передатчик. Между тем прицельный обстрел города продолжался, и смершевцы продолжали категорически настаивать на своем. И генерал приказал: «Убрать госпиталь!» Подобного от Берестова не ожидал никто. Поддержал его решение только мой начальник, полковник Шилович.

Еще накануне вечером госпиталь жил своей обычной жизнью, слышались заунывные немецкие песни... Наутро здание было пусто. Все его обитатели исчезли. Мой товарищ, побывавший тем утром в госпитале, увидел только пустые койки, мокрые, заделанные до предела матрацы и

валявшиеся повсюду протезы, лечебные лубки, костыли. Куда делись все раненые, врачи, сестры, – знает один бог.

Никто из офицеров не задал никаких вопросов, никого не спрашивали, куда делись люди. Пастор и его охранник тоже исчезли. А меня тогда посетили тяжелые мысли: быть может, случившееся есть лишь справедливая кара за мученическую гибель наших раненых и убийство девушек-снайперов?..

Специальное задание

Меня вызвал на компункт Берестов:

– Нужно очистить город от мародеров. Даю тебе пять автоматчиков – твоих комсомольцев. Вот твое оружие, – он протянул мне короткую сучковатую палку. – Бей дубиной по паршивым задницам – независимо от чинов!

– Слушаюсь!

Слушаюсь-то слушаюсь, но что я должен делать?! Столь невероятных приказов я еще не получал. Стрелять я, конечно, не стану, как и бить палкой. Но я презираю мародеров! Вот и случай наказать мерзавцев!

Пройдя несколько кварталов, наткнулись на бойцов, грабивших склад. Четверо стояли передо мной с тюками за спинами. Я выстроил напротив свою пятерку и приказал:

– Немедленно бросить барахло на землю! Вернуться на склад за винтовками и вперед – на передний край!

И в этот момент произошла сцена, достойная пера Гоголя или Чехова. Из-за поворота улицы медленно выползла черная «эмка», набитая «товаром». На крыше, крепко привязанные, спокойненько устроились аккордеоны и рулоны картин, сзади – три или четыре велосипеда, пристроенные к запасному колесу.

Я приказал остановиться, подумал: «Вот сейчас вы у меня попляшете, душу вытрясу из барахольщиков! Кем бы ни были! Кто может находиться в „эмке“, конечно же чин!» Машина остановилась. Из нее выполз незнакомый генерал и принялся меня распекать, не стеснясь в выражениях, не обращая внимания на солдат, которые откровенно, не скрываясь, хохотали. Я растерялся, потом разозлился, подумал: «А ну их всех к черту!»

После случившегося было глупо и смешно ругать бойцов, отпустил их, забрал своих автоматчиков, и двинулись дальше. Больше происшествий не было.

Добравшись до переднего края, рассказал комполка о приказе комдива и неприятной истории возле склада. Он рассмеялся и успокоил меня:

– Это мои ребята! Ладно, что их не тронул.

Конечно, рядовые промышляли по-мелкому. Не то что генералитет. Эти мародерствовали масштабно, отправляли трофеи вагонами, а то и самолетами. Естественно, барахло им доставали денщики. Я знал одного комдива, который во время передислокации из Германии ухитрился отхватить для себя одного целый вагон и загрузил в него пять спальных и шесть столовых гарнитуров, а когда его спросили, для каких целей он везет столько мебели, он спокойно ответил: «Для офицерского клуба».

У походного костра

Я любил в годы войны походные костры, вокруг которых обычно, если выпадала возможность, собирались солдаты – обогреться, переобуться, просушить промокшую обувь, погреть косточки, измученные и уставшие, попить горячего чайку, а главное, поговорить за жизнь, обсудить последний бой, помянуть товарищей, с шуткой пройти по командирам, поделиться весточками от родных.

Тот костер, о котором я хочу рассказать, разложенный во дворе фольварка, показался мне необычным по многим обстоятельствам. В огонь летели этажерки, картины, семейные альбомы, рояльные клавиши, деревянные безделушки, разбитые стулья, книги. Все это пышно и ярко горело, освещая сидевших у костра. Я остановился поодаль. У костра сидели пятеро рядовых: Кондрат, Пасько, Павел, Иван и Нил – так они представились, когда позже я присоединился к ним.

Солдаты наливали из закопченного чайника чай, закусывая хлебом, намазанным вареньем, и,

хочоха, делились крепкими мужскими впечатлениями о фрау. Каждый рассказывал, будто рапортовал, о достигнутых победах на женском фронте. Кондрат имел дело с шестью. Пасько «употребил» четырех. Павлу досталась «старая стерва», а другая – уж «больно молода». Иван пожаловался на невезение: «одно вонючее старье-бабье». Нил, как он заявил, «осчастливил целый десяток». Сравнивая немок и полек, все пришли к общему выводу: польки в бабьем деле ловчее, веселее и горячее.

– Немки – уж больно холодные, суки. Лежат, и никакого под тобой шевеления, одни охи да вздохи – молчат, словно лишил их бог речи. Доброго слова от них не дождешься. Стараешься, как в бой идешь. Мы же кое-что ферштейн. Накормишь, дашь выпить, – она одно словечко: «Гут». Завалишь ее апосля, опять «гут».

– Думаю, – сказал Кондрат, – наши бабы и слов полюбовных знают побольше, и в постельном деле понимают толк лучше и немок, и полек.

– Про немок я согласен, Кондрат, – вступил в разговор Нил, – а вот о польках... Такого цирка не видал в жизни – что ни баба, то акробатка или наездница!

– Повезло тебе, – тяжело вздохнул Иван. – Я всю Польшу протопал, а так и остался девственником.

Все захохотали. В этот момент к костру подошел я и, поздоровавшись, попросил принять в компанию. Солдаты охотно подвинулись, а когда я поделился известием о присвоении мне звания капитана, тут уж столько доброго было сказано. Кто-то со вздохом произнес:

– Чем богаты, тем и рады, угостим капитана.

– Ты чего, – обиделся Иван. – «Ври Емеля, да знай меру». Это прежде о добыче шушукались, а с границы дозволено. Шумим, братцы, стали богатеями! Не побрезгуйте шнапсом и курятинкой.

Налили немного, всем поровну: завтра идти дальше. Только если обстановка позволяла, дрозда зашибали. Закусили прилично, попили чайку, угостились хлебом с вареньем.

– Вот скажи, капитан, – сказал Павел, – зачем немец вонючий полез на Россию войной, ежели у него свинья лучше живет, чем наш мужик? Злость берет, как глядишь на их богатейшую жизнь!

– Народ не виноват, – возразил я, – это Гитлер обхитрил и одурачил народ, заставил воевать и убивать.

– Э-э нет, товарищ капитан, видели: немцы охотно воевали, – вступил в разговор Кондрат. – Задело и без дела грабили, насиловали, всю Россию покрыли виселицами.

– Подожди, друг, подожди! – заволновался Павел. – Гитлер Польшу объегорил за семнадцать дней, Францию облапошил за шесть недель. Половину Европы захватил, сучий сын. Вот и польстились фрицы да фрицухи, что и нас их фюрер скрутит в два оборота, получают они в достатке наш хлебушек, курятинку да гусятинку.

– Верно говоришь, – подхватил Нил, – ранехонько похоронили Россию!

Иван развязал вещмешок, достал оттуда нечто похожее на сигару – цвет в цвет! Я удивился, а он этак вальяжно:

– Закурим, товарищ капитан? Приказали долго жить чинарики! Набрал сигар – пять коробов раскрашенных! Отправлю Маньке посылку. А приеду – сяду на скамейку перед домом и затянусь, как ихний генерал. Мужики слюной подавятся: не видали такого кина.

– Какие у тебя сигары, Иван? Гаванские, американские, голландские, может, немецкие? – поинтересовался я. – Посмотри, на коробке напечатано.

– Вроде бы немецкие, не очень я в немецком.

– Не откажи, подари одну, – попросил я.

– Это можно, – согласился Иван.

Я покрутил подарок и улыбнулся:

– Обманулся ты, друг.

Иван наморщил лоб, не понимая, о чем я, но все же встревожился:

– Шутишь, товарищ капитан? На коробке вроде дымок нарисован. Правда, табачок что-то слабо в них чую.

– Не шучу. Штучки эти, не знаю, как их по-немецки назвать, на елку к рождеству вешают. Так что лучше брось свои «сигары» в костер. А Мане готовь другую посылку.

Иван смутился под общий хохот.

Заговорили о посылках. Каждый из пяти уже отправил по три посылки. В первую упаковали

немецкие сапоги; бойцы их ценили: хоть голенище и покорооче, чем у наших, но изготовлены из яловой кожи, не из кирзы. Положили в ту же посылку три простынки, в деревнях их днем с огнем не сыщешь; часики, кто смог добыть, залегли на посылочном дне.

Вторая посылка – вся по женской части. Третья – ребятам: красивые автомобильчики – кто видел-то такие в России?! Ну и рубашонки, маечки, ботиночки, штанишки. В каждый фронтовой подарок обязательно клали нитки, иголки, пуговицы, шпагат и опять же часики – самый ценный трофей.

Четвертую и пятую посылки замыслили заполнить рабочим инструментом: отличными рубанками и стамесками, коробками с гвоздями и шурупами, сверлами; и пилки, обушки для топоров пригодятся, и опять простынки, часики, клеенки в ярких цветочках; а дальше – бате и мамане: платье там, платок, приличный костюм по росту, сапоги...

– Говорят, товарищ Сталин дал указание создать для нас посылочный фонд из брошенных немцами вещей. Дело пойдет...

– Эх, дала бы нам власть волю, избавила от колхозной муки, придумали бы такое... вроде нэпа! Рванули бы да так это ловко – в пяток годков накормили бы, обустроили всю Россию...

Так рассуждали промеж собой мужики. Как все, они страстно желали поскорее вернуться на родную землю, получше обустроиться – наладить хозяйство, дом и двор, пчел привадить, сад насадить, обязательно с яблонями. Конечно, до немца нашему крестьянину не добраться и к старости... если только, как обещает вождь: вот построим коммунизм... Пока же брали в ум кое-какой иноземный опыт.

Не сбылось. Не сбылись и после войны надежды Ивана, Кондрата, Пасько, Павла, Нила... Но тот вечер, проведенный у солдатского костра в Восточной Пруссии, запомнился мне надолго. Оказался он последней моей встречей на фронте с «делегатами», как я называл про себя крестьян в солдатских шинелях, собранных войной со всей России.

Ранним утром загремела артиллерия. Армия двинулась к берегам Балтики.

Глава двадцать четвертая Последние шаги к Победе Апрель 1945 года

Кенигсберг

12 марта 1945 года. До берегов Балтики – всего 18 километров. Немецкая группировка «Висла» под командованием Гимmlера, рассеченная на части, прижатая к морской полосе, доживала последние дни. Несмотря на обреченность, враг упорно защищался. Как и под Сталинградом, Гитлер личным приказом и обращением к войскам запретил оставлять позиции и сдаваться. Немецкое командование стремилось возможно дольше продержаться крупные силы Красной Армии в районе Кенигсберга, не допустить их переброски на Берлинское направление. В блокированный с суши Кенигсберг морем доставлялись боеприпасы и подкрепления из центральных районов Германии. Тем же путем, на кораблях, эвакуировали раненых, население и тыловые армейские части.

Три армии 3-го Белорусского фронта нацелились на бастионы Кенигсберга, решая поставленную Ставкой задачу: взять город и ликвидировать остатки группировки «Висла» на Земландском полуострове²⁵.

6 апреля, 12.00. После мощной артиллерийской подготовки начинается штурм крепостных укреплений. Враг оказывает упорное сопротивление, яростные контратаки следуют одна за другой. К исходу дня совместными действиями трех армий удастся прорвать укрепления внешнего обвода обороны крепости, выйти на окраины и очистить от врага 102 квартала города.

Западнее Кенигсберга перерезан железнодорожный путь на Пиллау – базу военных кораблей и транспортов врага. Над кенигсбергским гарнизоном нависает угроза изоляции. В ответ немецкое командование выдвигает в западном направлении танковую дивизию, пехотные и противотанковые

²⁵ Использованы материалы (в сокращении) из серии «Битвы Великой Отечественной войны». Электронный адрес: http://www.rambler.ru/pobeda/wayto/battles/1945/east_prussia/konigsberg/01.shtml.

части. Погода исключала возможность участия в боевых действиях авиации, и мы не смогли помешать введению в бой резервов противника.

Утро 7 апреля. С рассветом, воспользовавшись прояснением погоды, наша авиация наносит три массированных удара по крепости: 516 дальних бомбардировщиков под прикрытием 232 истребителей обрушились на город, уничтожая войска противника, кромсая крепостные сооружения, позиции артиллерии. Неоднократным массированным налетам авиации и флотской артиллерии подвергается и база в Пиллау.

Тем временем пехота, усиленная танками и противотанковыми средствами, выводит на прямую наводку орудия под прикрытием артиллерии и авиации пробивается к центру города, впереди – штурмовые отряды. В ходе наступления захвачены еще 130 кварталов, три форта, сортировочная станция, промышленные предприятия. Ожесточенность боевых действий не ослабевает и с наступлением темноты.

Утро 8 апреля. Продолжается штурм города всеми родами войск при поддержке авиации и артиллерии. Гарнизон Кенигсберга окружен и расчленен на части. В северо-западной и южной частях крепости сопротивление врага сломлено. Только в этот день взято в плен 15 тысяч солдат и офицеров. Попытки гитлеровского командования организовать прорыв окружения ударами изнутри и извне терпят неудачу.

9–11 апреля. Бои разворачиваются с новой силой. В обстановке постоянных артобстрелов и бомбовых ударов противник полностью теряет единое управление войсками. Гарнизон обречен.

12 апреля 1945 года. Преодолев давление офицеров-нацистов, не желая дальнейших потерь в армии и среди гражданского населения, командующий генерал Отто Лаш отдает приказ о капитуляции.

Так закончила свое существование еще одна группировка противника в Восточной Пруссии. Было взято в плен более 30 тысяч немецких солдат и офицеров. Противник потерял убитыми свыше 40 тысяч человек. Мы же своих потерь и до сих пор – спустя 60 лет! – не знаем.

Отто Лаш, решившийся на капитуляцию, был заочно приговорен Гитлером к смертной казни. Его семья подверглась репрессиям: жена и старшая дочь заключены в тюрьму в Дании, свояк арестован в Берлине и помещен в застенки гестапо, младшая дочь брошена в тюрьму в Потсдаме. Сам Лаш пережил одиннадцать лет советского плена.

Кенигсберг был мертв. Улицы и здания превратились в руины, пострадало более девяноста процентов строений²⁶. Среди развалин, копоты и грязи, словно призраки, блуждали в поисках пищи немногие уцелевшие. В центре города осталось нетронутым лишь одно место – старая кирха, в которой покоился прах великого немца, ученого и философа Иммануила Канта. В нее не попала ни одна бомба, ни один снаряд. Что это – случайность, судьба? Ходили разговоры, мол, это Сталин приказал сохранить могилу Канта, так как где-то у Карла Маркса вождь вычитал, что тот высоко ценил философа.

Гибель комбата Окунева

В летописи Великой Отечественной взятие Кенигсберга считается одной из самых блистательных операций. Но так ли это? Позволю себе предположить: не капитулируй генерал Отто Лаш, бои за крепость затянулись бы надолго, как, например, в Бреслау, и тогда вряд ли историки упивались «великой победой». Заметим, что ни один город в Восточной Пруссии, кроме Кенигсберга, несмотря на призывы наших командиров, не капитулировал – ни Хайлигенбаль, ни Данциг, ни Гдыня.

Во время штурма крепости погиб наш «бравый солдат Швейк» – Димка Окунев. Бывший курсант, любимец взвода, в сорок пятом – комбат. Он отказался вести солдат на верную смерть – штурм под огнем, извергаемым бастионами, одетыми в бронированные колпаки. Когда его с угрозой спросили:

– Знаешь, капитан, что ждет тебя за невыполнение приказа?

Димка-комбат ответил:

²⁶ Впервые Кенигсберг был разрушен в 1944 году английской авиацией.

– Знаю, разве мы еще учимся в подготовительном классе под Ржевом?! А теперь вы мне ответьте! Зачем штурмовать крепость?! Зачем дать себя убивать, положить последних моих бойцов, если еще несколько дней – и бомбы, снаряды сделают свое дело, заставят противника сдаться?!

Никто, даже «бравый солдат Швейк», не имеет права не выполнить приказ. А если он исходит от Верховного!..²⁷

Комбат Дмитрий Окунев не изменил своего решения.

Что ему оставалось? Он осушил кружку водки и застрелился.

Так ушел из жизни один из последних могижан нашего училищного сообщества – «мы из одной казармы».

Москва радостно салютовала победителям, штурмовавшим старинную крепость, которую немцы считали неприступной. Но никто – ни генералы в своих мемуарах, ни официальные историки – не помянули ни капитана Окунева, ни других павших. Сколько их, кто они?..

В 2005 году в Калининграде вышла книга Сергея Гольчикова «Поле боя – Пруссия». Тираж книги всего 350 экземпляров. По мнению Гольчикова, после ликвидации основной немецкой группировки в Восточной Пруссии в штурме крепости не было никакой военной необходимости. Достаточно было держать город в блокаде и тем сберечь жизни тысяч солдат в уличных боях. Автор убежден: решение о штурме диктовалось идеологическими соображениями.

Новая директива

Еще шли бои за Кенигсберг, а в газете «Красная звезда» от 11 апреля появилась антифашистская и одновременно антинемецкая статья Ильи Эренбурга под названием «Хватит!» – в которой неистовый публицист осудил всех немцев без исключения как единую преступную банду. Больше того, он высказал негативное отношение к союзникам, обвинил их в симпатиях к вермахту: мол, немецкая армия в последний период войны воевала только на Восточном фронте, а на Западном – «сдавала союзным армиям города по телефону...»

Через три дня, 14 апреля, газета «Правда» выступила со статьей под названием «Товарищ Эренбург упрощает», в которой Эренбург был подвергнут серьезной критике: «Смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом!» Главного редактора газеты «Красное знамя» Давида Ортенберга сняли, отправили на фронт начальником политуправления армии.

Нам, политработникам в войсках, объявили, что внешняя политика изменилась: нужно привлечь на свою сторону немецкий народ. Был мобилизован весь политсостав для разъяснения офицерам и солдатам принципиально нового подхода Советского Правительства. Солдаты встретили новшество неоднозначно, не скрывали и негативного отношения к доводам политработников. Нередко мне задавали вопрос: «Как же так, сколько лет нас призывали убить немца, а теперь начальство запела иначе». Некоторые, посмелее, заявляли и похлеще: «Илюше мы доверяем больше!»

Мы, офицеры, мало знали о том, что происходило в верхах, за пределами фронта, полагались в основном на газетные сообщения, строили догадки, слушали приезжавших в армию главпуровцев. Но положение с бесчинствами в Восточной Пруссии фактически не менялось.

Лишь 20 апреля 1945 года Ставка – точнее, Сталин – обратилась к командующим фронтами с директивой 11072: «Потребуйте изменить отношение к немцам, как к военнопленным, так и к гражданским. Жесткое обращение к немцам заставляет их упорно сопротивляться, не сдаваться в плен. Гражданское население, опасаясь мести, организуется в банды (выдумка Смерша. – Б. Г.). Такое положение нам невыгодно. Более гуманное отношение к немцам облегчит нам ведение боевых действий на их территории. И, несомненно, снизит упорство немцев в обороне».

Только после появления этой директивы произошли – существенные изменения. Произвол над населением начал резко сокращаться. Выполнением директивы Ставки занимались командующие фронтами, военные советы, политуправления армий, политотделы дивизий.

²⁷ В своих воспоминаниях Баграмян рассказал о неоднократных требованиях Сталина штурмовать крепость.

«Гитлер капут!»

Во все время боев в Восточной Пруссии дивизия не получала пополнений, приходилось постоянно уплотнять полки и батальоны. Перед решающим наступлением к берегам Балтики командование сформировало из бывших полков и батальонов штурмовые отряды, их сопровождала полковая артиллерия – 76-мм и 45-мм орудия.

Отряд, с которым я шел, состоял из ста стрелков и был разбит на четыре группы, каждая группа имела два пулемета. Впереди двигалась по шоссе танковая бригада. За отрядом следовали минометчики с 82-мм и 120-мм минометами. С воздуха отряд прикрывали штурмовики. Куда делись немецкие асы, которые еще пару лет назад чувствовали себя в небе хозяевами? Их не было видно.

Несмотря на мощную технику, сопровождавшую штурмовые отряды, противник отчаянно сопротивлялся, цеплялся за каждое естественное укрытие, прятался в каменных домах и оттуда из окон, пробитых в стенах амбразур вел огонь и выстреливал фаустпатроны. Казалось, мы гоним их уже целую вечность, а конца этому все не было видно.

Пленные офицеры подтверждали трудные разговоры в стане противника: кто в состоянии противостоять колоссальной мощи русских, наладить элементарное управление войсками? Как сплотить солдатские ряды, если все офицеры и солдаты понимают, что война проиграна?.. Но преданность Гитлеру и присяге сохранялась в немецкой армии до конца. Никто не хотел сдаваться, идти в русский плен, да и не верили обещаниям нашего командования, что им сохранят жизнь. Их давили танки, уничтожали «катюши», но они вновь и вновь возникали на нашем пути. Повсюду – на стенах домов, на плакатах, на рукоятках ножей – мы видели один и тот же призыв: «Верность и стойкость».

Какая там «стойкость» – это был вопль отчаяния!

Чтобы приостановить стремительное продвижение Красной Армии, особым приказом Гитлера были призваны в армию подростки и старые люди, из них сформировали так называемый «фольксштурм». За пулеметами и с фаустпатронами – их называли «фаусты» – теперь часто сидели безусые подростки. Им не исполнилось и шестнадцати, но оружие в их руках всюду огрызалось огнем.

Эти «баловники», как называли их простофили, своими «фаусти» уже сожгли много танков. Наши артиллеристы выкатывали на прямую наводку 76-мм пушки и разбивали амбразуры, из которых велся огонь, но «фаустники» перебирались в подвалы и оттуда продолжали посылать свои огнедышащие патроны. Их доставали и там – сначала артиллерия и за снарядами летели гранаты. Только тогда они начинали сдаваться: постепенно, боязливо выбирались из подвалов с поднятыми руками. Глядели испуганно, настороженно, а подростки-фольксштурмисты, все как один, заученно выкрикивали на русском языке: «Гитлер капут!» Мы уже привыкли к подобным сценам и смеялись.

Я подошел к сдавшемуся парню лет пятнадцати. Красные глаза солдата слезились от недосыпания, из носа текло, по вороту шинели ползало живое микроскопическое существо, какой-то паучок, но мальчишка ничего не замечал, его трясло, он страшился без разрешения опустить руки. Я обыскал его, отобрал нож, из кармана шинели вытащил листок бумаги – это была «Клятва». Ее тут же перевели, и я прочел бойцам:

– «Клянусь богом исполнить эту святую клятву! Я буду беспрекословно повиноваться фюреру Германского Рейха и народа Адольфу Гитлеру, Верховному Главнокомандующему вооруженных сил, и готов как храбрый солдат в любой момент отдать свою жизнь за присягу».

Как поступить с гаденышем? Подошел командир отряда, схватил фольксштурмиста, резко повернул и дал сапогом под зад хороший пинок. Тот, не оглядываясь, как испуганный заяц, стремглав помчался к лесу.

Лишь чайки кричали над морем...

...Впереди – Балтийское море. Еще нажим, и немцы упрутся спиной в море, дальше им уже некуда, последняя остановка. И ТОГДА!.. – всем уже виделась Победа, конец войны! Заряженный необычайной энергией, глядя в лицо смерти, наш штурмовой отряд гнал врага, захватывал позицию за позицией – только вперед! С яростью посылал солдат очередь за очередью, снаряд за снарядом – из пулемета, автомата, орудия. И в душе каждого стучало: что же так медленно, всего-то несколько

километров за день! И начальство рассержено: «Быстрее! Вперед, вперед!» А пули, снаряды пощады не знают, и земля вокруг напигована минами – малейший шаг влево, вправо – и взлетишь на воздух. Лишь к вечеру ненадолго замрет грохот боя: обе стороны выдохлись, нужна передышка. Солдаты, где бы ни застала их тьма, валились на землю как подкошенные. А с рассветом все начинается снова. Опять противно визжат мины, хрипло шипят «фаусты», заливаются встречными очередями пулеметы и автоматы. Но людей не остановить! Нас ведет надежда! Еще несколько тяжелых дней! Энергичных рывков! Несколько отчаянных усилий – И МЫ ДО НИХ ДОБЕРЕМСЯ! ПРИЖМЕМ ОКАЯННЫХ К МОРЮ! И ТОГДА...

Но скольким суждено дойти до него? Четыре группы уже свели в две.

Те где-то впереди, смогли оторваться от нас, улепetyвают... Воздух тяжел. Ветра нет, трудно дышать. Пересохло горло, потрескались губы. Сон уже не берет, есть тоже не хочется. Подташнивает, бросает в стороны. Немытые, небритые, в изорванных шинелях... Но впереди – море! Скоро – вот-вот!.. Его еще не видно, но, как влагой в пустыне, им грезит каждый и каждую минуту, все думают о нем, мечтают о встрече с ним... Начинаешь верить, что есть бог, страстно просишь: «Господи, помоги! Помоги, господи...»

Когда мы выбрались из густого тумана и крепкий морской ветер вмиг, как ножом, разорвал над землей завесу, перед нами развернулась мистическая картина. Вода морского залива блистала на солнце как бескрайний золотой рай, и по всему периметру, на многие километры вдоль узкой полосы побережья стояли с поднятыми руками тысячи немецких солдат, без оружия – оно было аккуратно сложено перед ними. Вокруг бесчисленно, по всему берегу, валялись трупы, разбитая и брошенная техника – танки, орудия, походные кухни, фуры. А в просветах строя глазам предстало еще более сумасшедшее зрелище: на поверхности моря болтались трупы людей, лошадей, остовы разбитых лодок и катеров, остатки военных повозок, изуродованные деревья, обрывки газет, дохлая рыба... – и все это жуткое кладбище колыхалось, раскачивалось на воде, напоминая какой-то апокалипсис.

Немцев – тысячи. Нас – десятки. В глазах немцев – панический ужас, полная растерянность. В наших глазах – радость и чувство великой гордости!

Как долго, жертвенно, а потом нетерпеливо и страстно ждали мы этого часа! И вот он наступил! Каждый из нас, дошедших до моря, мечтал и хотел сказать вслух что-то особенное, величавое! Достойное исторического события! А мы чувствовали себя мертвыми. Молчали танкисты. Молчали артиллеристы. Молчала пехота. Лишь чайки кричали над морем, их крики радовали – и терзали душу...

Не сговариваясь, все направились к берегу. Кто-то из офицеров громко крикнул немцам, ждавшим приказа:

– Пошли вон!

Они тут же начали строиться в колонны – казалось, нет им ни конца ни края – и медленно двинулись в тыл. Никто их не охранял, никто о них больше не вспоминал.

Мы подошли к морю, опустились у кромки кто на колени, кто на корточки, кто просто склонился – и каждый с трепетом тронул пенную седую волну, погрузил ладони и омыл лицо, руки, голову жгучей морской водой.

Потом мы узнали, что в Прибалтике, вырвавшись на побережье, солдаты наполнили морской водой целую бочку – для Великого Сталина. Еще три бутылки отправили командующему фронтом. Эти волнующие минуты снимали кинооператоры. Солдаты Рокоссовского тоже отрядили курьера к своему командарму, он вез драгоценный груз: три бутылки балтийской воды. В своих мемуарах маршал рассказывает, что попробовал, отпил немного соленой влаги.

Нас никто не снимал на пленку, у нас не брали интервью, но мы и не ждали благодарности. «Мы честно выполнили свой долг», – так думал каждый из нас, а губы ощущали пьянящую горько-соленую смесь слез, пота и долгожданной влаги прибоя.

Дышало море в закатных лучах, пенилось бурунами, захлестывая берег. Потом солнце плавно погрузилось, ушло, и небо тотчас поблекло. Но эта бледность никак не отразилась на нас, что-то медленно поднималось в нас, заполняло, захлестывало, переполняя счастьем... К берегу подъехал комдив Берестов. Вышел из машины, прошелся по кромке берега. Постоял у воды и направился к нам. По привычке хотели построиться, ждали команды, капитан Сирота решил было козырнуть и представить отряд, из которого не собрать и взвода. Генерал улыбнулся, махнул рукой:

– Да что вы, ребята...

Ни Павел Федорович, ни солдаты не стыдились слез, не прятали их, и долго еще мы стояли так, все вместе, вглядываясь в даль, где в таинстве горизонта сливались стихии неба и волн... То было одно из самых удивительных, неповторимых, незабываемых мгновений в моей жизни! Наверное, тоже чувствовали все, кому довелось дойти, кто стоял тогда на берегу – ощущение Победы витало вокруг нас и в нас самих...

Молчание прервал солдат-украинец.

– Хлопцы! – громко обратился он ко всем. – Вже побачте небо, як пид вѣчер лѣтять пташки...

Все подняли головы. Величественное зрелище! Пружина против ветра, над морем парили чайки. Их было множество, без счета...

– Хлопцы! Мы ж як ци птахи!..

Мы стояли на берегу и плакали – от несказанной красоты увиденного, от радости, что мы дошли, плакали о недождавшихся, о пережитом... Кто знает, о чем думал каждый из этих сотен людей, безмолвно застывших на берегу?.. Я тогда вспоминал о матери... Эх, если бы она оказалась сейчас здесь, со мной! Как радовалась она, когда в десять месяцев от роду я впервые побежал по комнате, как переживала, когда я поздно приходил домой, как плакала, провожая меня на фронт... Святое слово – мама!

Через две недели дивизию спешно погрузили в эшелоны и отправили в Чешские Судеты добивать войска генерала Шернера...

Об авторе

Борис Семенович Горбачевский родился в 1922 году в городе Новоград-Волынский на Украине. Прошел боевой путь от рядового до капитана. Начал воевать под Ржевом. Участвовал в освобождении 16 городов. Закончил войну в Чехословакии. Был дважды ранен.

Награжден четырьмя орденами: Отечественной войны 1-й степени (дважды), 2-й степени и Красной Звезды, медалью «За отвагу» и многими другими медалями.

В 1950 году закончил Московский полиграфический институт, в котором проработал затем около 40 лет. Кандидат экономических наук. Педагог, научный работник, журналист, редактор. Выпустил 20 книг, шесть из них – для детей. Общий тираж изданных книг – около миллиона экземпляров. Основная тема печатных трудов – «Человек и книга»: прошлое книги, ее настоящее и будущее. Занимался научными разработками прогнозов развития средств массовой информации и издательской техники. В течение двух десятилетий во Всесоюзном институте научной и технической информации АН СССР редактировал ежемесячный реферативный журнал «Издательское дело и полиграфия». Подготовил и выпустил 10 научных сборников «Итоги науки и техники в области издательского дела».

В 1994 году переехал в США, штат Род-Айленд, город Провиденс, где в течение шести лет издавал общественно-политический и литературный ежемесячник «Вестник Род-Айленда» – единственное издание в этом штате на русском языке.